

ISSN 0869-6063

Номер 3

Июль-Август-Сентябрь
2018

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<https://ras.jes.su>

Российская Академия Наук

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2018

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

чл.-корр. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуть (Франция), чл.-корр. НАН Украины Г.Ю. Ивакин, проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон (499)124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2018

К 90-летию Р.М. Мунчаева <i>Амиров Ш.Н.</i>	5
<i>Ното dominus</i> . О знаках собственности в Северной Месопотамии эпохи поздней первобытности (Часть 1) <i>Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н.</i>	9
Погребение аланской культуры III в. н.э. с керамическим столиком <i>Албегова З.Х.-М., Малашев В.Ю.</i>	23
Возможности нейтронной томографии в археологии на примере исследования древнерусских украшений из Тверского клада 2014 г. <i>Сапрыкина И.А., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Лукин Е.В.</i>	36
Технологический анализ средневековых тиглей из Переяславля Рязанского <i>Завьялов В.И., Лопатина О.А., Судаков В.В.</i>	43
Двухсторонняя иконка-медальон, найденная на Московско-Сибирском тракте <i>Молодин В.И.</i>	52
Мезолитическая традиция черешковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии <i>Слободин С.Б.</i>	58
Архитектурно-планировочные решения синташтинско-петровских поселений и проблема военного дела эпохи бронзы <i>Чечушков И.В., Дакович Г., Якимов А.С.</i>	75

От Византии к Московской Руси: новые материалы (к 70-летию Л.А. Беляева)

К 70-летию Л.А. Беляева <i>Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Энговатова А.В.</i>	93
О времени функционирования гончарной мастерской в Иерихоне (по материалам раскопок 2017 г.) <i>Голофаст Л.А., Ворошилов А.Н.</i>	97
“Реликварий” <i>cum grano salis</i> <i>Петрухин В.Я.</i>	111
Роковая женщина X в. глазами средневековых миниатюристов <i>Чернецов А.В.</i>	118
Новые исследования урочища Смядынь в Смоленске <i>Кренке Н.А., Ершов И.Н.</i>	123
О конструкции в жертвеннике церкви Бориса и Глеба в Кидекше <i>Седов Вл.В.</i>	134
Металлическое зеркало китайского типа из Великого Новгорода <i>Олейников О.М., Руденко К.А.</i>	141
“Арабский цветок”: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV – XV вв. <i>Баталов А.Л.</i>	153
Печать изразечника XVII в. из Ново-Иерусалимского монастыря <i>Глазунова О.Н.</i>	164

Описи И.Ф. Мичурина как источник изучения материальной культуры XVI –XVII вв.: деревянный дворец и церкви села Коломенское <i>Баранова С.И.</i>	168
---	-----

Критика и библиография

Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: экономические системы Евразии в раннее средневековье. М., 2017 <i>Акопян А.В.</i>	177
Столярова Е.К. Стекло средневековой Москвы: XII–XIV века. М., 2016 <i>Лихтер Ю.А.</i>	183

Хроника

V (XXI) Всероссийский археологический съезд (Барнаул – Белокуриха, 2017) <i>Деревянко А.П., Шуньков М.В., Макаров Н.А., <u>Дэвлет Е.Г.</u>, Тишкин А.А.</i>	186
К юбилею П.П. Толочко <i><u>Ивакин Г.Ю.</u>, Макаров Н.А., Мунчаев, Р.М., Гайдуков П.Г., Беляев Л.А.</i>	191
К 70-летию Андрея Евгеньевича Леонтьева <i>Кашкин А.В.</i>	193
Памяти Александра Михайловича Лескова <i>Эрлих В.Р., Носкова Л.М., Днепровский К.А., Ксенофонтова И.В.</i>	194

CONTENTS

No. 3, 2018

To the 90th anniversary of R.M. Munchaev <i>Amirov Sh.N.</i>	5
<i>Homo dominus</i> . Marks of property in Northern Mesopotamia of the late primitive period <i>Munchaev R.M., Amirov Sh.N.</i>	9
Alanian burial of the 3 rd century AD with a ceramic table <i>Albegova Z.Kh.-M., Malashev V.Yu.</i>	23
The capabilities of neutron tomography in archaeology on an example of the study of Old Russian jewelry from the Tver hoard of 2014 <i>Saprykina I.A., Kichanov S.E., Kozlenko D.P., Lukin E.V.</i>	36
Technological analysis of medieval crucibles from Pereyasavl Ryazanskiy <i>Zavyalov V.I., Lopatina O.A., Sudakov V.V.</i>	43
Double-sided medallion-icon found on the Moscow-Siberian road <i>Molodin V.I.</i>	52
Mesolithic blade stemmed point tradition of Northeast Asia <i>Slobodin S.B.</i>	58
Architectural and planning design of Sintashta-Petrovka settlements and the issue of the Bronze Age warfare <i>Chechushkov I. V., Dakovic G., Yakimov A.S.</i>	75

From Byzantium to Muscovy: new materials (to the 70th anniversary of L.A. Belyaev)

To the 70th anniversary of L.A. Belyaev <i>Makarov N.A., Gaydukov P.G., Engovatova A.V.</i>	93
On the period of functioning of a pottery workshop in Jericho (based on the materials from 2017 excavations) <i>Golofast L.A., Voroshilov A.N.</i>	97
A “reliquary” <i>cum grano salis</i> <i>Petrukhin V.Ya.</i>	111
Fatal woman of the 10 th century through the eyes of medieval miniature painters <i>Chernetsov A.V.</i>	117
New investigations of the Smyadyn area in Smolensk <i>Krenke N.A., Ershov I.N.</i>	123
On the structure in the prothesis of Sts Boris and Gleb Church in Kideksha <i>Sedov V.I.V.</i>	141
Metal mirror of Chinese type from Veliky Novgorod <i>Oleynikov O.M., Rudenko K.A.</i>	153
On iconographic sources of the carving of early Moscow churches <i>Batalov A.L.</i>	164
The seal of a seventeenth century tile’s craftsman from the New Jerusalem monastery <i>Glazunova O.N.</i>	168
Inventories by I.F. Michurin as a source for studying the material culture of the 16 th –17 th centuries: the wooden palace and churches of Kolomenskoye <i>Baranova S.I.</i>	177

Review of Books

Earliest States of Eastern Europe. 2015: Economic systems of Eurasia in the Early Middle Ages <i>Akopyan A.R.</i>	177
Stolyarova E.K. The Glass of Medieval Moscow: The 12 th – 14 th centuries <i>Likhter Yu.A.</i>	183

Chronicle

V (XXI) All-Russian Archaeological Congress (Barnaul – Belokurikha, 2017) <i>Derevyanko A.P., Shunkov M.V., Makarov N.A., Devlet E.G., Tishkin A.A.</i>	186
To the anniversary of P.P. Tolochko <i>Ivakin G.Yu., Makarov N.A., Munchaev R.M., Gaydukov P.G., Belyaev L.A.</i>	191
To the 70th anniversary of Andrey Evgenyevich Leontyev <i>Kashkin A.V.</i>	193
In memory of Aleksandr Mikhaylovich Leskov <i>Erlik V.R., Noskova L.M., Dneprovskiy K.A., Ksenofontova I.V.</i>	194

К 90-ЛЕТИЮ РАУФА МАГОМЕДОВИЧА МУНЧАЕВА

Рауф Магомедович Мунчаев — один из наиболее известных в мире отечественных археологов, ведущий российский специалист по археологии эпохи поздней первобытности и времени зарождения цивилизации в обширном регионе от Кавказа до Верхней Месопотамии.

Р.М. Мунчаев родился в городе Закаталы (Республика Азербайджан) 23 сентября 1928 г. В годы учебы в Дагестанском государственном пединституте проявился его интерес к археологии Дагестана. Окончательно круг научных интересов Рауфа Магомедовича, охватывающий археологию эпохи поздней первобытности Дагестана и Кавказа в целом, определился в годы учебы в аспирантуре Института археологии АН СССР, в которую он был принят в 1949 г., где и проходил подготовку под руководством выдающегося советского археолога-кавказоведа Е.И. Крупнова.

Поскольку к середине XX в. сколько-нибудь целостная картина времени халколита и бронзового века Северного Кавказа еще не была создана, эта тема и стала предметом исследований молодого ученого. В 1953 г. он завершил диссертационное исследование “Эпоха меди и бронзы

в истории Дагестана (III—II тысячелетия до н.э.)”. Результатом этой работы стало представление материалов и определение содержания понятий халколита и бронзового века Дагестана; предложенные Р.М. Мунчаевым опыты периодизации и хронологии этих периодов Северо-Восточного Кавказа стали точкой отсчета для соответствующих разработок данной темы в дальнейшем как для автора, так и для других исследователей.

Проведенные непосредственно после защиты диссертации полевые изыскания Р.М. Мунчаева на равнине и в нагорном Дагестане привели к открытию и введению в научный оборот группы памятников III—II тыс. до н.э. и более раннего времени. Среди важнейших выявленных им памятников оказались ныне широко известные бытовые и погребальные памятники у с. Великент и Чохское поселение, впоследствии исследованное Х.А. Амирхановым; на последнем был документирован древнейший этап становления земледелия и животноводства на территории нашей страны.

Дальнейшие многолетние исследования Рауфа Магомедовича были тесно связаны с территорией Ингушетии и особенно Чечни, остававшейся одной из наименее изученных в археологическом отношении областей Северного Кавказа. Работы в Чечено-Ингушской республике были организованы Е.И. Крупновым, и к ним были привлечены его ученики, включая Р.М. Мунчаева. Эти исследования охватили всю территорию Чеченской республики и привели к открытию значительной серии памятников различных периодов. Особое место среди них принадлежит Сержень-Юртоским I и II поселениям и могильнику, имеющим большое значение не только для исследования кобанской культуры (I тыс. до н.э.), но и комплекса раннего бронзового века (III тыс. до н.э.), подстилавшего слои кобанского времени. Отметим здесь же, что более ранние (1952–1956 гг.) раскопки в Ингушетии Лугового поселения, широко исследованного в течение трех полевых сезонов, позволили Рауфу Магомедовичу впервые поставить вопрос о сочетании в одном слое элементов куро-араксской и майкопской куль-

тур, а следовательно, и о взаимодействии между ними. В 60-ые годы в Чечне Р.М. Мунчаев провел раскопки Бамутского курганного могильника, заметно расширившего наши представления о майкопской культуре.

В 1961 г. Рауф Магомедович опубликовал монографию “Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа” (МИА № 100), где были систематизированы материалы древнейших известных в то время памятников Северного Кавказа и Закавказья III тыс. до н.э. В монографии были уточнены общие представления о кавказском халколите, о принадлежности к нему ряда поселений и поставлен вопрос о месте памятников кавказского халколита в соотношении с памятниками Ближнего Востока.

В 1970 г. исследование “Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы” было защищено Р.М. Мунчаевым в качестве докторской диссертации. В 1975 г. оно было опубликовано под названием “Кавказ на заре бронзового века”, и с тех пор эта книга остается единственным изданием, обобщающим материалы эпох халколита—ранней бронзы на обширной территории всего Северного Кавказа и Закавказья.

Начиная с 1969 г. исследовательская деятельность Рауфа Магомедовича была расширена еще раз, охватив земли так называемого Плодородного полумесяца Передней Азии. Эта зона играла ведущую роль в истории человечества от неолитической революции до становления древнейшей цивилизации. Р.М. Мунчаев становится организатором и руководителем первой отечественной археологической экспедиции в Месопотамии. Экспедиция провела обширные по масштабу исследования первоначально в Ираке (1969—1984 гг.), а в дальнейшем в течение свыше 20 сезонов (1988—2010 гг.) — в Сирии.

В качестве основных целей исследования Месопотамской экспедиции Рауфом Магомедовичем были поставлены ключевые проблемы эпохи поздней первобытности, а именно переход от присваивающей к производящей экономике, зарождение земледелия и скотоводства, появление керамики и металлических предметов, с одной стороны, и становление цивилизации и связанных с ним социальных изменений общества, с другой. Надо сказать, что уже к середине XX в. месопотамская археология, силами прежде всего европейских археологов, уже представляла собой более чем столетнюю традицию исследований с самостоятельной методикой,

понятийным аппаратом и т.д. Уже первые шаги отечественной археологии в Месопотамии продемонстрировали не только объем поставленных задач, но и успешность их реализации. Достаточно сказать, что по совокупности всех работ на разных памятниках Ирака и Сирии работы месопотамской экспедиции ИА РАН под руководством Р.М. Мунчаева охватили практически непрерывный временной интервал от докерамического неолита VII тыс. до н.э. до периода, непосредственно предшествующего сложению цивилизации на севере Месопотамии в середине III тыс. до н.э. В ряде случаев (например, исследования хассунского поселения Ярым-Тепе 1 и халафского поселения Ярым-Тепе 2) результаты этих работ остаются основным источником данных о соответствующих археологических культурах вплоть до настоящего времени. Итоги четырнадцати полевых сезонов, проведенных в Синджарской долине Северо-западного Ирака, получили заслуженно высокую оценку зарубежных коллег. Достаточно здесь привести слова видного английского специалиста по археологии древнейшей Месопотамии Джоан Отс: “Британская археология играла лидирующую роль в исследовании Северной Месопотамии, но она перешла к советской экспедиции, исследования которой существенно изменили представления о неолите Месопотамии”.

С этим этапом научной биографии Рауфа Магомедовича связана публикация в соавторстве с Н.Я. Мерпертом монографий в СССР (“Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии”. М.: Наука, 1981) и США (“Early stages in the evolution of Mesopotamian Civilization”. Tucson and London, 1993).

В силу усложнившейся политической ситуации в начале 80-х годов XX в. советская археологическая экспедиция прекратила свои работы в Ираке и в 1988 г. перенесла полевые исследования на территорию Сирии, пограничную с Синджарским районом Ирака. Для раскопок был выбран тель, известный ныне как Тель Хазна 1. Он представлял собой холм площадью около 2 га и высотой около 16 м над окружающей равниной. Собранные на поверхности у основания телья расписная керамика давала надежду на то, что на поселении имеются слои VI—V тыс. до н.э. Однако вскрытие слоя Тель Хазны 1 показало, что если керамика, подобная убейдской, sporadически встречается в культурных отложениях памятника, то следы хассунской и халафской

культур здесь полностью отсутствуют, а культурные отложения памятника сложены, главным образом, в течение периодов позднего халколита и ранней бронзы.

Таким образом, культурный слой Телля Хазна I определил разработку экспедицией второй из поставленных задач — проблемы сложения древнейшей в мире месопотамской цивилизации.

За 22 полевых сезона, проведенных на Телль Хазне I общая вскрытая площадь поселения превысила 5000 м², культурный слой в ряде мест был исследован до материка и было выяснено, что мощность его приближалась к 17 м. В ходе раскопок стало ясно, что центральную часть поселения Телль Хазна I составляет комплекс массивных плотно примыкающих друг к другу сооружений, которые образуют в плане овал. По длинной оси (З—В) овал достигает примерно 80 м. Внутри внешнего кольца сооружений имеется внутренний овал меньшего размера, образованный массивными сооружениями менее регулярной застройки. С восточной стороны массивные конструкции были защищены на протяжении примерно 100 м обводной стеной, также сложенной из сырцового кирпича. Внешний фас этой стены представлял собой наклонную на 45° поверхность — “гласис”. Стены сооружений внешнего кольца вместе с фундаментом сохранились на высоту до 8 м. В ряде помещений сохранились консоли, поддерживавшие перекрытия крыши (почти все сооружения сохранились на первоначальную высоту).

Характер планировки и монументальность комплекса Телль Хазны I заставили предположить сакрально-административное назначение памятника. Жилые и хозяйственные сооружения на поселении занимали ограниченный участок, количество их возрастает лишь в верхних горизонтах, после прекращения существования храмового комплекса. В ходе исследований было определено функциональное назначение ряда помещений. Одно из самых массивных сооружений комплекса — это башнеобразная конструкция, интерпретированная как моленная башня — зиккурат. Еще одно башнеобразное сооружение было интерпретировано как зернохранилище, которое было составной частью комплекса, отделенного от бытовой жизни общины.

В целом, храмовый комплекс Телль Хазны I функционировал около 200—250 лет в конце IV — начале III тыс. до н.э. Нижние слои поселения,

предшествующие созданию храмового комплекса, могут быть датированы убейдско-раннеурукским временем (период Поздний Халколит 2—3).

Исследования Телль Хазны I позволили проследить длительный отрезок истории, непосредственно предшествующий появлению государственности в Северной Месопотамии. Однако, несмотря на отмеченные на поселении очевидные признаки общественной консолидации и выделения административной элиты, процесс государственного строительства не имел здесь своего продолжения из-за наступления длительного цикла иссушения климата, достигшего апогея в XXIII в. до н.э. и известного как так называемый аккадский климатический коллапс. Результатом развития этого аридного цикла было, прежде всего, уменьшение материальных возможностей общин, располагавшихся в южном, наименее увлажненном поясе Плодородного полумесяца. К числу таких общин относилось и население Телля Хазны I. Культурные отложения поселения, демонстрируют процесс разрушения иерархической социальной организации, начиная с XXIX в. до н.э., и полное прекращение жизни поселения в течение XXVII в. до н.э.

Результаты изучения Телля Хазны I были синтезированы в нескольких десятках трудов, изданных в различных странах, а также в двух монографических исследованиях (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV—III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004. 486 с.; Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV—III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус, 2016. 604 с.).

Отметим, что в целом перу Р.М. Мунчаева принадлежит более 400 научных трудов, включая более десяти монографических исследований. Они широко известны международной научной общественности и были опубликованы в Англии, Германии, Ираке, Италии, Сирии, США, Франции, Японии, и других странах.

Закономерным результатом творческой деятельности Рауфа Магомедовича явилось его избрание в 2000 г. членом-корреспондентом Российской академии наук. Он избран также почетным академиком Чеченской академии наук, членом-корреспондентом Германского археологического института и Итальянского института Африки и Востока. Он также является заслуженным деятелем науки Российской Федерации,

Сессия ИА АН СССР. Конец 50-х — начало 60-х годов. Нижний ряд (слева направо): Д.М. Атаев, Е.П. Алексеева, Е.И. Крупнов, А.А. Иессен, *Р.М. Мунчаев*; средний ряд: Т.Б. Попова, Н.В. Анфимов, В.Г. Котович; верхний ряд: В.М. Котович, В.А. Кузнецов, В.И. Марковин, В.И. Канивец, В.В. Бобин.

заслуженным деятелем науки Дагестана, заслуженным деятелем науки Ингушетии. В течение десяти лет Р.М. Мунчаев представлял нашу страну в Постоянном совете Международного Союза доисторических и протоисторических наук.

Особо следует отметить, что Рауф Магомедович подготовил большую группу аспирантов — высококвалифицированных специалистов в области археологии Кавказа и Ближнего Востока, и среди них — целую группу ученых из Сирии.

В заключение нельзя не сказать коротко о той большой научно-организационной деятельности, которую Р.М. Мунчаеву пришлось вести в Институте археологии РАН. Достаточно при этом напомнить его работу в течение более 20 лет (1969—1991 гг.) в качестве заместителя директора ИА АН СССР/РАН и свыше 12 лет (1991—2003 гг.) — директора ИА РАН. Последняя совпала с одним из труднейших периодов истории нашей страны. Рауф Магомедович сохранил в 90-е годы не только весь коллектив, но и все

основные научные направления Института археологии — эту заслугу невозможно переоценить. Большую и важную работу Р.М. Мунчаев вел и за пределами Института. В частности, около 15 лет он являлся членом Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК) и руководил экспертным Советом по истории, археологии и этнографии Российской Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ).

За активную научную и научно-организационную деятельность Р.М. Мунчаев удостоен звания лауреата Государственной премии (1999 г.) и награжден орденами Дружбы (1998) и Почета (2008) и медалями.

В настоящее время Рауф Магомедович является Советником Российской академии наук и продолжает работать в Институте археологии РАН. Он руководит Группой по изучению археологии Кавказа, возглавляет Совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук и является председателем Редакционного совета журнала «Российская археология».

Институт археологии РАН,
Москва

Ш.Н. Амиров

НОМО DOMINUS¹. О ЗНАКАХ СОБСТВЕННОСТИ В СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ ПЕРВОБЫТНОСТИ (Часть 1)

© 2018 г. Р.М. Мунчаев*, Ш.Н. Амиров**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

* E-mail: raufmunchaev@mail.ru

** E-mail: shahmardan@mail.ru

Поступила в редакцию 08.02.2018 г.

Статья посвящена диахронному анализу знаков собственности (печатей), обнаруженных в ходе исследований российской археологической экспедицией разновременных памятников Северной Месопотамии, от хассунской культуры до культуры периода Ниневия 5, датируемых в интервале от второй половины VII до начала III тыс. до н.э.

Ключевые слова: печати-штампы, цилиндрические печати, хассунская культура, халафская культура, убейдская культура, поздний халколит Северной Месопотамии, культура Ниневия 5.

DOI: 10.31857/S086960630001601-0

Исследования экспедиции Института археологии РАН, проведенные в Ираке и Сирии в 1969–2010 гг., были посвящены изучению памятников поздней первобытности, от времени возникновения производящей экономики до эпохи становления государственности и цивилизации. Проведенные раскопки охватывают период культурного развития в Северной Месопотамии от второй половины VIII до конца первой трети III тыс. до н.э.² (Бадер, 1989; Мунчаев, Мерперт, 1981; Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004; Мунчаев, Амиров, 2016). Изученные экспедицией памятники принадлежат следующим археологическим культурам и культурным периодам: докерамический неолит, или PPNB (поселение Телль Магзалийя); Протохассуна – Хассуна (поселения Телль Сотто, Кюль-Тепе, Ярым-Тепе 1, Телль Хазна 2); Халаф (поселения Ярым-Тепе 2, Ярым-Тепе 3, Телль Хазна 2); Северный Убейд (поселение Ярым-Тепе 3); Ранний халколит (поселение Шейх-Хомси); Поздний халколит – Ранняя бронза (поселение Телль Хазна 1).

Одной из категорий находок, достаточно часто встречающихся при раскопках разновремен-

ных археологических памятников Переднего Востока и сопредельных территорий, являются знаки собственности – печати, которые представлены в виде штампов и цилиндров³. Они, в частности, были обнаружены на нескольких исследованных экспедицией поселениях.

Печати-штампы, судя по всему, впервые появляются в Левантийской части “Плодородного полумесяца” во второй половине VIII тыс. до н.э. (Wickede, 1990. Р. 41–50. Tab. 1–14; Denham, 2013. Р. 315, 316), а печати-цилиндры – во второй половине IV тыс. до н.э. в Шумере и Шушане (Сузиане), а также на сопредельных территориях (Amiet, 1980; Collon, 1987. Р. 13–19; Pittman, 1994; Rova, 1994). Идея использования печатей достаточно быстро распространяется на значительные территории. Печати-штампы эпохи керамического неолита VII–VI тыс. до н.э. известны далеко за пределами Месопотамии, в Анатолии и Южной Европе, в Балкано-Карпатском ре-

³ Если цилиндры имеют только одно функциональное назначение и практически все являются знаками собственности, то с штампами ситуация более сложная. Штампы с рельефно нанесенным изображением могут иметь несколько функций. Помимо знаков собственности (печатей), они могут представлять собой штампы (пинтадеры), которые могли использоваться для декорирования текстиля, хлеба, кожи людей и животных (Wickede, 1990. Р. 55–67; Duistermaat, 2013. Р. 317), а также выполнять функцию украшения, которое надевали на шею.

¹ Человек, владеющий собственностью (*лат*).

² Отрезки времени внутри обозначенного хронологического интервала, когда население в данном регионе практически отсутствовало, были значительно короче, чем периоды, документированные культурными отложениями.

гионе и даже на Апеннинском п-ове и о. Кипр. (Mellaart, 1975. P. 105; Wickede, 1990. P. 60–70; Sagona, Zimansky, 2009. P. 119, 120; Makkey, 1984. P. 72–99; Skeates, 2007). В эпоху халколита цилиндрические печати также быстро распространяются на значительные территории, достигая к концу IV тыс. до н.э. побережья Персидского залива (Pittman, Potts, 2009) и Северной Месопотамии (Oates J., Oates D., 1997. P. 294. Fig. 14), а к началу III тыс. до н.э. — Закавказья, Северного Кавказа и Балкано-Карпатского региона (Нехаев, 1986; Пилипосян, 1988; Бочковой, Марченко, Лимберис, Резепкин, 2012. С. 99. Рис. 3; Личели, Самсония, 2010; Makkey, 1984. P. 151, 152. Fig. XXV–XXVI).

Для времени до возникновения письменности печати и их оттиски являются единственными свидетельствами, указывающими на обладание собственностью как отдельными лицами, так и коллективами (родственными либо профессиональными). Использование печатей документирует права собственности на временно отчужденные от владельца материальные объекты, ими чаще всего опечатывали емкости и контейнеры; печати являются свидетельствами торгово-обменных операций⁴. Следует отметить, что межрегиональные обменные контакты на Переднем Востоке отмечены начиная с эпохи эппалеолита (Mellaart, 1975. P. 28). Однако, самые ранние печати-штампы, судя по всему, известны с рубежа докерамического и керамического неолита. Они датируются второй половиной VIII — началом VII тыс. до н.э. на поселениях Телль Рамад, Айн эль Керх, Рас Шамра Vc, Букрас, Телль эль-Коум 2, Телль Шир. (Wickede, 1990. P. 41–49; Duistermaat, 2013. P. 317; Denham, 2013. P. 315, 316). Судя по всему, появление печатей свидетельствует о том, что в это время для отдельных членов общин торгово-обменные операции становятся систематическими, регулярно повторяющимися акциями.

Несмотря на то что импортные находки могут указывать на достаточно удаленные расстояния, достигающие сотен километров, реально северомесопотамские печати эпохи первобытности документируют торговые контакты общины, которые вряд ли превышали несколько десятков километров. Перемещение сырья на значительные расстояния было результатом многократных актов посреднических обменов. Таким образом,

факт наличия печатей на поселениях эпохи неолита, скорее всего говорит о наличии торговых контактов общины с достаточно близкой округой, в пределах одного-двух дней пешего пути от места обитания.

В ходе полевых работ Месопотамской экспедиции ИА РАН печати и их оттиски были обнаружены на широко исследованных поселениях Ярым-Тепе 1, Ярым-Тепе 2, Ярым-Тепе 3 и Телль Хазна 1. Печати не были зафиксированы в ходе раскопок Телля Магзалийя, Телля Сотто и Кюль-Тепе. Также не было обнаружено печатей на поселениях Шейх-Хомси и Телль Хазна 2. Отсутствие печатей на одновременных поселениях, исследованных экспедицией, объясняется различными причинами. Если на поселении докерамического неолита Магзалийя⁵, где есть очевидные свидетельства импортов (Бадер, 1989. С. 57, 58), это может объясняться отсутствием практики использования печатей в восточной Джелире в это время, то на поселениях более позднего периода (Телль Хазна 2 и Шейх Хомси) для отсутствия такой достаточно редкой категории находок, как печати, могут быть иные причины.

Поселение Телль Хазна 2 было исследовано на ограниченной площади (порядка 100 м²). В халафское время оно представляло собой маленький сезонный лагерь, куда со скотом могла перемещаться не вся община, а только ее ограниченная часть, что должно отражаться на характере находок (Мунчаев, Мерперт, Бадер, Амиров, 1993). Поселение Шейх Хомси было исследовано экспедицией в течение одного полевого сезона (1980 г.) в рамках охранных работ проекта Эски-Мосул. Оно представляет собой, достаточно большой телль, расположенный непосредственно у русла р. Тигр, который всегда (по меньшей мере с начала VI тыс. до н.э.) был магистральным путем контактов южной и северной Месопотамии. Материальная культура этого поселения отражает финальный период убейдской культуры эпохи раннего халколита Северной Месопотамии второй половиной V — начала IV тыс. до н.э. То есть это время, предшествующее появлению цилиндрических печатей, однако это период широкого использования в Северной Месопотамии печатей-штампов (Stein, 2012. P. 136; Reichel, 2002. P. 35, 56; Reichel, 2006. P. 72. Fig. 14; McMahon, 2009. P. 117. Fig. 1). Так что

⁴ Вход в здание также мог опечатываться, в случае если оно сезонно покидалось обитателями. (Wickede, 1990. P. 33, 34).

⁵ Круглый диск из серого камня с гравированным изображением, отмеченный как “подвеска, которая могла быть использована как печать” (Бадер, 1989. С. 64. Табл. 39, 2), вероятнее всего, имел декоративное назначение.

факт необнаружения печатей-штампов в данном месте может объясняться, в указанном культурном контексте, только недостаточной исследованностью площади поселения.

Группа теллей Ярм-Тепе находится в провинции Найнава в северо-западном Ираке. В группу Ярм-Тепе входят поселение хассунской культуры Ярм-Тепе 1 и два памятника, Ярм-Тепе 2 и Ярм-Тепе 3, которые содержат слои халафских поселений. Группа находится примерно в 40 км восточнее русла Тигра в подгорной равнине, в 17 км к ЮВ от Синджарского хребта, в непосредственной близости от русла р. Абра.

Поселение хассунской культуры Ярм-Тепе 1 имеет площадь 2 га, мощность культурного слоя ок. 6.5 м, вскрытая площадь — более 1700 м². Выявлено 12 строительных горизонтов (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 18–28). Поселения Ярм-Тепе 2 и Ярм-Тепе 3 — это два близко расположенных, смыкающихся в основании телля, которые сформированы отложениями одновременно существовавших халафских поселений. Такое расположение может говорить о сложной системной организации двух близких и, вероятно, родственных общин. Ярм-Тепе 2 имел исходную площадь ок. 1.5 га, мощность культурного слоя ок. 7 м. Вскрытая площадь на материке составила 500 м². Выделено 9 строительных периодов (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 163, 164). Поселение Ярм-Тепе 3 имеет диаметр 250 м, мощность культурного слоя 11–12 м, вскрытая площадь — 525 м². Поселение Ярм-Тепе 3 существовало дольше, чем Ярм-Тепе 2. Помимо отложений халафского времени (мощностью порядка 7 м), верхняя часть культурного слоя представляет материальную культуру Северного Убеида (ок. 4 м культурных отложений). В основном раскопе материк не был достигнут, до его уровня удалось спуститься в траншее, разбитой вдоль склона телля.

С точки зрения современного распределения осадков район расположения группы Ярм-Тепе — это маргинальная зона устойчивого дождения, где выпадает менее 300 мм годовых осадков. О степени увлажненности микрорегиона Ярм-Тепе в протохассунское–убейдское время свидетельствует различная плотность заселенности, выявленная разведками, которые провел Н.О. Бадер на площади 10×10 км в районе расположения этих поселений (Бадер, 2008)⁶. В те-

чение гумидного цикла хассунского времени (первая половина VI тыс. до н.э.) это была зона гарантированной урожайности, и здесь выпадало порядка 350 мм годовых осадков⁷. В халафское время (вторая половина VI — начало V тыс. до н.э.), климатическая ситуация была близка к современной, и соответственно, памятники микрорегиона Ярм-Тепе находились в южной полосе “Плодородного полумесяца”, пограничной с точки зрения получения гарантированного урожая. В убейдское время (V тыс. до н.э.) ситуация была несколько более аридной, чем в халафское время (Амиров, 2010. С. 56–58; Амиров, 2014. С. 4).

Халафские поселения, судя по всему, появились в степном поясе к югу от Синджарского хребта после определенного интервала времени, прошедшего после прекращения здесь жизни хассунских поселений. Хотя возможно, что в более северной, и, соответственно, более увлажненной части “Плодородного полумесяца” пережиточные хассунские поселения могли существовать одновременно с заселяющими степной пояс халафскими общинами. Возможно, что пример такого сосуществования был прослежен на поселении Телль Гарсур (Campbell, 1992. Р. 183).

Североубейдских поселений в южном поясе земель “Плодородного полумесяца”, как, впрочем, и на всей площади Джезиры, значительно меньше, чем халафских поселений. Тем не менее североубейдская культура сменила халафскую на фоне поступательной аридизации климата в Северной Месопотамии в результате аккумуляции признаков, определяющих облик халафской культуры, был прослежен на поселении Ярм-Тепе 2 (Амиров, 1994. С. 11–15; Амиров, Deoreak, 1997). Было отмечено, что этот процесс происходил синхронно с внедрением поворотного механизма в изготовлении халафской посуды, а также появлением новых морфологических разновидностей керамики и мотивов росписи, которые были принесены в Северную Месопотамию мигрантами, носителями южномесопотамской убейдской культуры. Таким образом, растворение халафской материальной культуры в северо-

⁶ Следует отметить, что аналогичные климатические флуктуации были типичны и для всего пояса “Плодородного полумесяца” (Амиров, 2010. С. 29–31; 36–59).

⁷ Подобный период максимальной гумидности климата в Северной Месопотамии повторился в IV и II тыс. до н.э. В течение одного из этих периодов увлажнения разливами р. Абра, на берегу которой находятся телли Ярм-Тепе 2 и 3, была разрушена западная пола телля Ярм-Тепе 2. Ярм-Тепе по тюркски означает “половина холма”, что и дало название этой группе теллей.

убейдской, судя по всему, было в значительной степени связано с технологическими инновациями (Мунчаев, Амиров, 2016. С. 397). Если говорить непосредственно о группе Ярым-Тепе, то на поселении Ярым-Тепе 2 жизнь прекратилась на этапе переходного халафско-убейдского периода, а на соседнем поселении Ярым-Тепе 3 продолжил существование поселок североубейдской культуры.

Поселение Телль Хазна 1 административно относится к провинции аль-Хасеке в северо-восточной Сирии. Оно расположено в южной части Хабурской степи, около русла вади Ханзир, в зоне неустойчивого неполивного земледелия, где в настоящее время выпадает несколько менее 300 мм годовых осадков (Амиров, 2010. С. 21–34). Поселение Телль Хазна 1 находится примерно в 115 км северо-западнее группы теллей Ярым-Тепе.

Телль Хазна 1 имеет площадь ок. 2 га и мощность культурного слоя ок. 17 м. Вскрытая площадь составляет более 5000 м². В некоторых местах раскопки поселения были доведены до материка. Поселение возникло до середины IV тыс. до н.э., в течение периода Поздний халколит 2–3. Особенностью поселения является его храмовый характер. Монументальные конструкции храмового комплекса были возведены в конце IV тыс. до н.э. Храмово-административный комплекс существовал порядка двух веков, в интервале XXXI–XXX вв. до н.э. После короткого перерыва жизнь на поселении возродилась и продолжилась в материальном оформлении северомесопотамской культуры Ниневия 5. Поселение существовало еще два века, до рубежа XXVIII–XXVII в. до н.э. Заключительный период

жизни на поселении отмечен ухудшением качества жизни и высокой детской смертностью, что было связано с очередным циклом аридизации климата в III тыс. до н.э. (Амиров, 2014).

Печати из Ярым-Тепе 1 (табл. 1, рис. 1). При раскопках поселения Ярым-Тепе 1 обнаружено десять печатей, в том числе одна — из подъемного материала. Печати изготовлены преимущественно (6 экз.) из камня, 4 экз. сделаны из глины. Они разделяются на два типа — печати прямоугольной (рис. 1, 1–5) и округлой формы (рис. 1, 6–10).

Все печати, кроме одной (рис. 1, 9), имеют ушко с отверстием для подвешивания на тыльной стороне. Указанная “печать” — одна из наименьших по размерам (ее диаметр 1.5 см), и она была зафиксирована как случайная находка. В связи с этим остается неясным, можно ли интерпретировать эту находку как печать-штамп, или это предмет иного функционального назначения.

Прямоугольные печати довольно однообразны. Четыре из них (рис. 1, 1–4) изготовлены из серого камня (кварцит?), а одна (рис. 1, 5) из алебаstra. Все прямоугольные печати имеют гравированные изображения в виде прямой и косой перекрестной штриховки. Круглая каменная печать имеет диаметр 2.8 см и содержит гравированное изображение прямоугольного креста, образованного полосами из двух и четырех линий, с заполнением открытых сегментов косой штриховкой (рис. 1, 10).

Глиняные экземпляры отличаются от остальных штампов как стилистически, так и более крупными размерами, достигая в диаметре до 3.7 см (рис. 1, 6–9). В отличие от каменных пе-

Таблица 1. Печати с поселения Ярым-Тепе 1
Table 1. Seals from the settlement of Yarim-Tepe I

Номер позиции на рис. 1	Размеры (см)	Материал	Квадрат	Глубина (м)
1	2.0×1.7×0.8	Камень	37	–2.43
2	3.5×2.5×1.0	—	57-a	–4.05
3	3.5(3.8)×3.8×1.3	—	37-d	–5.26
4	4.6×3.4×1.5	—	27-d	–4.30
5	2.8×1.5(2.0)×1.3	Алебастр	67-b	–3.20
6	3–3.5×2.4	Глина	27	–2.18
7	3.5×2.3	—	27	–2.00
8	≈3.1×1.8	—	38-b	–3.75
9	1.5×1.0	—	—	—
10	2.8×≈1.8	Камень	18-c	—

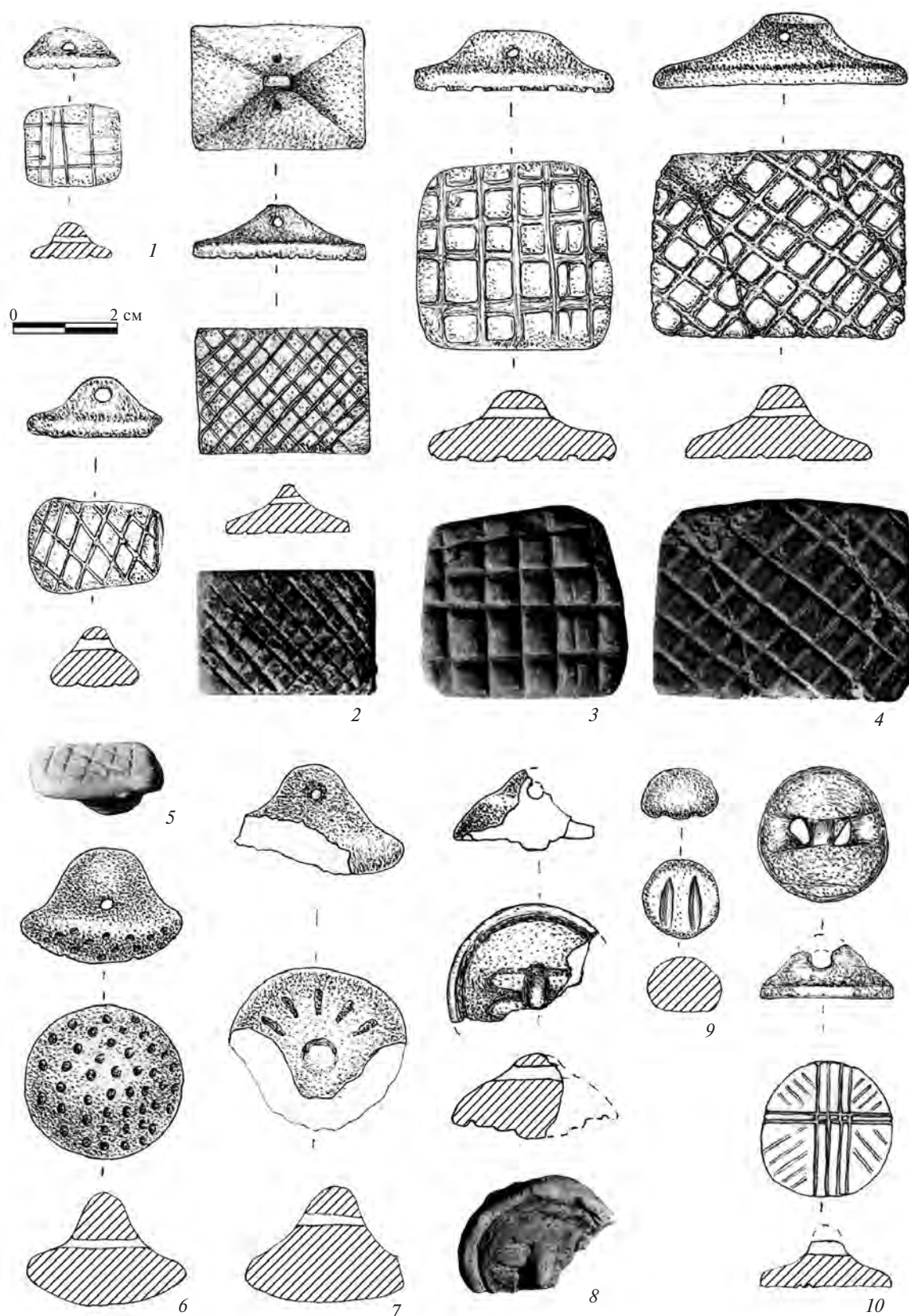

Рис. 1. Ярым-Тепе 1. Печати.

Fig. 1. Yarim Tepe 1. Seals

чатей (как прямоугольных, так и круглой), декорированных линейными геометрическими фигурами, изображения на глиняных штампах являются уникальными и не повторяются. Одна из этих печатей (рис. 1, 6) имеет многочисленные точечные вдавления. Другая печать (рис. 1, 7) содержит подобие солярного изображения. Оба эти штампа были обнаружены на одном участке в кв. 27 в соседних помещениях № 42 и 39, на очень близких глубинах –2.0 и –2.18 м, и использовались практически одновременно⁸. Однако наиболее интересной представляется глиняная печать, найденная в кв. 38, между помещениями № 357 и 375, на глубине –3.75 м (рис. 1, 8). К сожалению, она сохранилась не полностью. Эта печать содержит изображение личины с обозначенными глазами и носом. Аналогии этому предмету для близкого времени не известны.

Особый, сильно отличающийся от остальных печатей, характер глиняных штампов и их размеры заставляют задуматься о функциональной идентичности этих предметов. Возможно, глиняные штампы из Ярым-Тепе 1, в отличие от каменных печатей, предназначались для какой-либо иной хозяйственной цели, нежели удостоверения собственности. Например, они могли использоваться как штампы-пинтадеры.

Все печати тяготеют к средней и верхней части культурного слоя Ярым-Тепе 1. Самая ранняя печать обнаружена на глубине –5,25 м. В нижней части слоя (это еще около 1.3 м культурных отложений), несмотря на значительную вскрытую площадь, печати не были обнаружены. Создается впечатление, что на Ярым-Тепе 1 зафиксированы первые опыты использования печатей носителями хассунской культуры. Тем более, что на памятниках более раннего времени в этой части Джезиры печати не были отмечены, как, впрочем, они не известны или крайне редки на других хассунских поселениях. Например, печати не были обнаружены ни в Телле Шимшара, ни в Умм Дабагийя, а в Телле Хассуна и Телле Матарра было найдено по одной печати (Wickede. 1990. P. 78–85. Taf. 43, 46).

Небольшое количество обнаруженных печатей не позволяет делать точные выводы о распределении в слое печатей различных форм. Однако, очевидно, что прямоугольные печати-штампы появляются в слое Ярым-Тепе 1 раньше, чем круглые, и используются до позднего

периода жизни поселения. Они отмечены в слое на глубине от –2.43 до –5.25 м. Круглые печати (если отмеченные глиняные штампы из Ярым-Тепе 1 интерпретировать как печати), появляются позднее и продолжают использоваться после того, как прямоугольные печати выходят из употребления. Наиболее поздняя находка круглого глиняного штампа (рис. 1, 7) была обнаружена на глубине –2.0 м.

Поскольку печати-штампы на раннем этапе использования являются отражением торговых контактов, то встает вопрос, что могло быть предметами экспорта из Ярым-Тепе 1? Вероятно, это зерно, ткани, шерсть, керамические сосуды. В качестве импорта следует, прежде всего, отметить сырье для изготовления орудий труда (обсидиан и качественный кремний), изделия из камня и металлов и, возможно, сырье для их изготовления, битум. В течение периода “стандартная Хассуна” к этому набору добавляются многочисленные импорты сосудов самаррской культуры.

Печати из Ярым-Тепе 2 (табл. 2, рис. 2). Следует отметить, что халафскую археологическую культуру отличает исключительная активность торговых контактов в сравнении с первобытными культурами Северной Месопотамии как предшествующего, так и последующего времени. Свидетельством этому являются многочисленные находки печатей-штампов на различных поселениях халафской ойкумены. Непосредственно в ходе раскопок поселения Ярым-Тепе 2 было зафиксировано 20 печатей. Это наибольшее количество находок такого рода среди всех памятников, исследованных российской экспедицией в Синджарской степи. Учитывая, что культурный слой поселения Ярым-Тепе 2 был в значительной степени разрушен водными потоками, мы вправе предполагать, что здесь исходно имелось существенно большее количество таких предметов. Можно констатировать как факт вовлечения в торгово-обменные отношения значительной части членов общины Ярым-Тепе 2, так и высокую степень интенсивности таких контактов.

Как свидетельствуют находки, объектами импорта для носителей халафской культуры было минеральное сырье, отсутствующее в степной зоне Северной Месопотамии. Прежде всего это обсидиан, битум, декоративные камни, иногда металлы, которые использовались для изготовления орудий труда, поделок, включая печати

⁸ Здесь и далее все глубины указываются от репера – условного 0.

Таблица 2. Печати с поселения Ярым-Тепе 2

Table 2. Seals from the settlement of Yarim-Tepe 2

Номер позиции на рис. 2	Размеры (см)	Материал	Квадрат	Глубина (м)
1	1.5×2.3	Камень	28-с, север	–2.05
2	1×1.3	—	18-b	–3.80
3	1.7×2.8	—	29-север	–3.70
4	1.5×1.8	—	29-север	–4.35
5	1.3×1.8	Горный хрусталь	29-b, север	–4.35
6	1.1×1.7	Камень	29-d	–4.40
7	2.2×2.6	—	24-d, север	–3.50–4.00
8	1.1×2.4	—	23-a, север	–4.25–4.30
9	1.6×2	—	28, север	–4.65–4.90
10	1.5×2.1	—	18-a	–4.45
11	1.2×1,8	—	29-a	–4.00
12	1.7×2.4	—	18-с	–5.35
13	1.6×1.8	—	23-с, запад	–5.50
14	1.4×2.4	—	—	—
15	2.3×3	Горный хрусталь	29-a, юг	–4.90
16	1.4×2.5	Камень	24-a, восток	–5.60
17	1.1×0.8	—	28-d	–5.45
18	1.2×1.4	—	23-d, северо-запад	–6.25
19	1.1×1.6	Медь	28-b	–6.4
20	2×2.4	Камень	19-a, юго-восток	–5.50–5.65

и украшения. Эти же находки свидетельствуют, что сеть опосредованной торговли в халафское время распространялась на значительное расстояние и была ориентирована в большей мере на северное и восточное направления. Нельзя, правда, отрицать и другие направления контактов. Так, например, влияния на Синджарскую степь с юга Месопотамии происходили как за счет торговых операций, так и, в значительной степени, начиная с среднего халафского этапа, за счет физической миграции вдоль русла Тигра носителей убейдской культуры.

В качестве предметов экспорта общины Ярым-Тепе 2 можно предположить продукты земледелия (прежде всего зерно), возможно, шерсть и ткани, а также высококачественную расписную керамическую посуду, которая в массовом количестве изготавливалась на многих халафских поселениях, и в частности, непосредственно на Ярым-Тепе 2, о чем свидетельствуют находки конструктивно сложных гончарных горнов. Здесь надо сказать, что торговля керамическими сосудами была характерной чертой торговых операций в халафское время. Например, изотопный анализ халафских сосудов по-

зволил проследить систему торговых контактов на основе циркуляции халафской расписной керамики за пределами центров их производств, которые осуществляла халафская община Арпачии и других поселений (Davidson and McKerrell, 1976; Davidson and McKerrell, 1980). В результате посреднической торговли керамические изделия из отдельных центров производства могли распространяться на достаточно удаленные расстояния. Видимо, именно эта модель послужила основной причиной широкого и быстрого распространения халафской эксклюзивной керамики, а следовательно, и основных технологических и морфологических новаций и изобразительных мотивов вдоль всей полосы “Плодородного полумесяца” и за его пределами. Халафская керамика и подражания ей известны от северной части Южной Месопотамии, где халафские влияния были отмечены на поселениях Ра’с аль-Амийа (Stronah, 1961), Телль Сонгор (Kamada, Ohtsu, 1993), Телль Абада (Jasim, 1981; 1983), до поселений Закавказья, расположенных на Араксе, в частности, на Кюль Тепе (Абибуллаев, 1963; Мунчаев, 1975. С. 97–104), и от Левантийского региона, где халафские имитации отмечены в культуре Вади Раббах, (Kaplan, 1958),

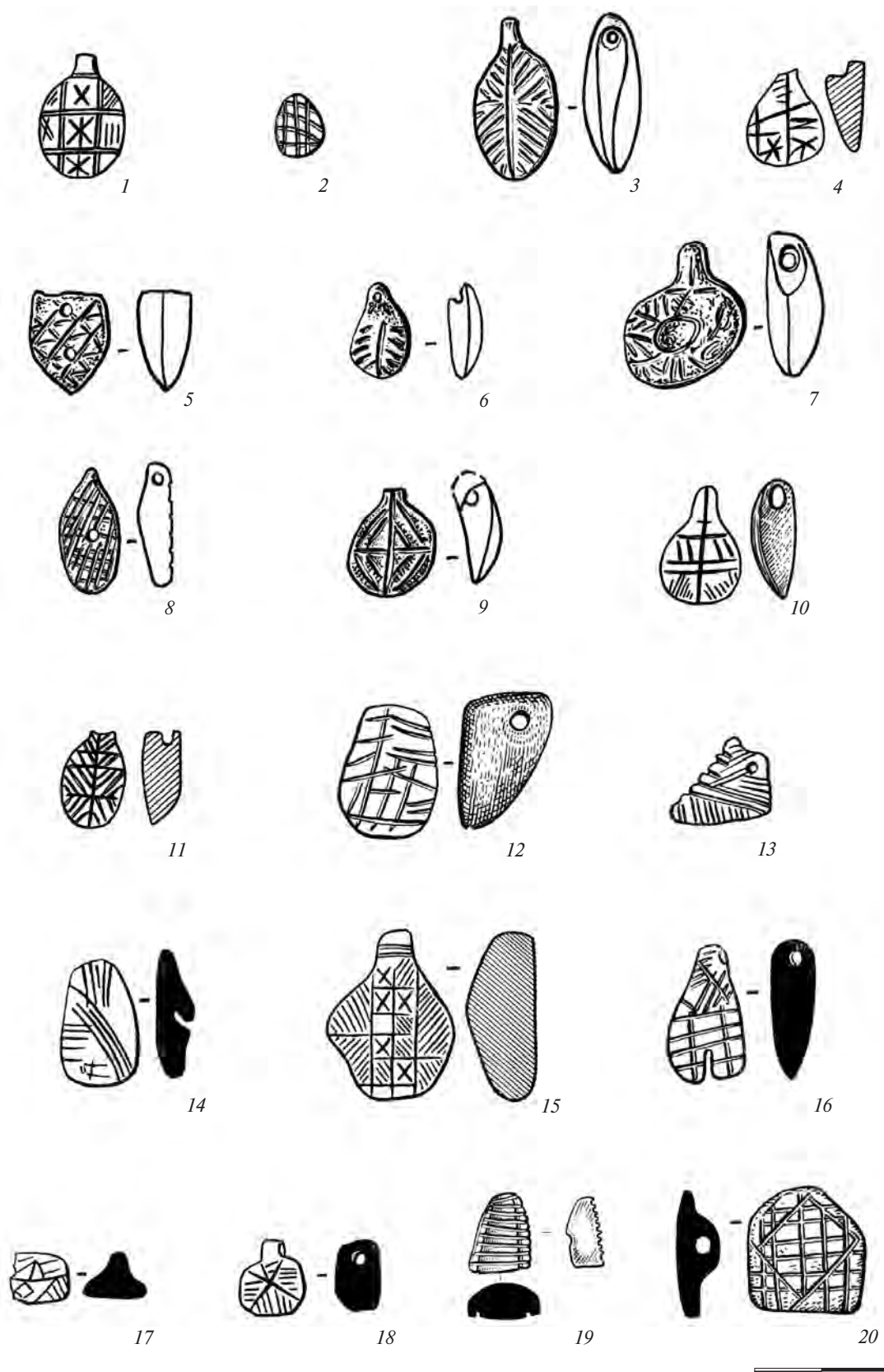

Рис. 2. Ярым-Тепе 2. Печати.

Fig. 2. Yarim Tepe 2. Seals

в Мерсине (Garstang, 1953) и других местонахождениях, до Западноиранского нагорья (Levine, McDonald., 1977).

Необходимо сказать, что территория халафской ойкумены значительно меньше территории распространения ее расписной керамики, тем не менее, она значительно превышала площадь распространения хассунской культуры предшествующего времени. Халафская керамика и халафские поселения (типа Домуз Тепе; Сакче-Гезу; Джудейде и др.) известны за Евфратом в Левантийском регионе, на территории бытования культуры темнолощенной керамики культуры DFBW. Причем, надо отметить также, что в предшествующее хассунское время темнолощенная керамика была широко распространена в западной части Джебзире, по меньшей мере до Балиха включительно.

Девятнадцать печатей, обнаруженных в Ярым-Тепе 2, изготовлены из различных пород камня⁹; еще одна печать сделана из меди. (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 225–227. Рис. 71). Последний предмет уникален, он представляет собой древнейшую из известных металлическую печать. Печати, сделанные из глины, в Ярым-Тепе 2 не обнаружены. Поскольку поделочный камень, равно как и самородная медь в Синджарской степи отсутствуют, то весь набор печатей изготовлен из материалов, которые поступили на поселение в результате обмена. Этот факт говорит как об относительном благополучии общины, так и о возможности осуществления торговых контактов с районами происхождения этих природных материалов, а также о направлении этих контактов. Вероятнее всего, поделочный камень в степную зону Джебзире поступал из горных районов Северного Загроса и Тавра. Мы не можем утверждать, что халафские общины Синджарской степи, и, в частности, Ярым-Тепе 2 и Ярым-Тепе 3 непосредственно приобретали сырье и сами занимались изготовлением печатей-штампов. Вероятнее всего, эти изделия на халафские поселения, расположенные западнее течения Тигра, попадали в результате посреднической торговли. Вполне вероятно, что и сами печати-штампы, обнаруженные на поселениях внутренних районов Джебзире, могли быть изготовлены как на месте, так и на одном из ха-

лафских поселений типа Арпачии или Айлюна. Подобные поселения, расположенные в степной Джебзире, но в непосредственной близости от гор, благодаря своему географическому положению имели наиболее интенсивные обменные контакты с общинами, контролировавшими месторождения сырья.

Большинство печатей из Ярым-Тепе 2 имеет геометрически неправильные “каплевидные” очертания, округлой или овальной формы. Одна из них (рис. 2, 16) имеет раздвоенное основание, как будто имитирует копыто парнокопытного животного, еще одна печать имеет штамп подтреугольной формы (рис. 2, 13). Двенадцать печатей-штампов выглядят как подвески и имеют выраженное ушко (петлю) с отверстием для подвешивания в верхней части. Вероятнее всего, такие печати их владелец носил на шнурке, надетом на шею. Пять печатей имели ушко на тыльной стороне, подобно печатям хассунской культуры из Ярым-Тепе 1. По меньшей мере две печати, изготовленные из камней подтреугольной формы (рис. 2, 12, 13) имеют отверстие без моделированного ушка.

Все изображения на халафских печатях-штампах абстрактные и выполнены гравировкой. Выделяются бессистемные (рис. 2, 4, 7, 12–14, 17) и геометрически правильные изображения (рис. 2, 1–3, 5, 6, 8–11, 15, 18–20). Самыми распространенными мотивами среди геометрически правильных изображений являются разновидности решетчатых, перекрещенных линий, вроде прямой и косой решетки и их сочетаний. Могут быть отмечены несколько разновидностей этих мотивов. Прямая решетка (рис. 2, 1, 15, 19) часто представлена в виде варианта “шахматная доска”, когда клетки заполнены крестиками и штриховкой (рис. 2, 1, 15). Печати с мотивом “косая штриховка” (рис. 2, 2, 5, 8) иногда имеют кроме изображения решетки еще и отдельные гравированные точки. Печать № 20 имеет в качестве основного мотива прямую решетку, которую пересекают диагональные линии, образующие квадрат. Композиция на печати № 16 объединяет прямую решетку и бессистемно перекрещенные линии. Кроме того, геометрические изображения имеют центрально организованные композиции (рис. 2, 3, 7, 9–11, 18), которые делятся на имеющие в качестве центра перекрещенные линии (рис. 2, 3, 9–11) и точку или радиально расходящиеся из центральной точки линии (рис. 2, 7, 18).

⁹ Было отмечено, что печати изготовлены главным образом из стеатита и серпентина, но имеются также мраморные, песчаниковые и диоритовые различных цветов (черного (5 экз.) и по 1 экз. зеленого, серого, желтого, красного, розового и фиолетового); 2 печати сделаны из горного хрусталя.

Семь печатей повреждены, как правило, они имеют поломанное ушко, вероятнее всего, в результате использования (рис. 2, 4–6, 9, 11, 14, 19). Остальные, судя по всему, целые, из них два предмета представлены заготовками (рис. 2, 15, 17): у них отсутствует отверстие в ушке. Этот факт может указывать на их изготовление непосредственно на поселении Ярым-Тепе 2.

В древнейшем IX слое Ярым-Тепе 2 была найдена поврежденная медная печать (рис. 2, 19) (Merpert, Munchaev, 1993. Р. 142. Fig. 8, 10). Она была обнаружена в закладе, под полами большого толоса № 67 (кв. 28-b), на глубине ок. –6.45 м, вместе с костями животных, фрагментами расписного сосуда, семью пряслицами, каменной подвеской овальной формы и обломком нижней части глиняной женской статуэтки. Еще одна печать найдена в кв. 18-с на глубине –5.35 м, на полу толоса № 48 (рис. 2, 12). Несколько печатей было обнаружено в прямоугольных постройках. Например, в кв. 29-b, в нижней половине заполнения постройки № 211, на глубине –4.35 м находились две печати (рис. 2, 4, 5), по одной – в кв. 29-d, в помещении № 205, на глубине –4.40 м (рис. 2, 6) и в кв. 24-a, в постройке № 288, на глубине –5.60 (рис. 2, 16); на полах прямоугольных конструкций в кв. 29-с, на глубине –3.70 (рис. 2, 3), в кв. 18-a, на глубине –4.45 (рис. 2, 10). Две печати найдены в ямах: в кв. 23-a, в яме № 23, на глубине –4.30 м (рис. 2, 8), и в кв. 23-d, в яме № 40, на глубине –6.25 м (рис. 2, 18). Одна печать была обнаружена в кв. 28-с, в заполнении очага № 238 со следами кремации, на глубине –4.65–4.90 (рис. 2, 9). Остальные 9 печатей (рис. 2, 1, 2, 7, 11, 13–15, 17, 20) были обнаружены в слое поселения вне комплексов или как случайные находки.

Таким образом, из 11 печатей, найденных в комплексах, только 2 (поврежденная медная печать в ритуальном закладе, целая печать на полу) находились в круглоплановых сооружениях, интерпретируемых, как жилые конструкции. Пять печатей (как поврежденных, так и целых) были обнаружены в прямоугольных конструкциях, которые принято считать хозяйственными постройками, и еще две печати (обе неповрежденные) были найдены в заполнении хозяйственных ям.

Большинство печатей (17 экз.) из Ярым-Тепе 2 находились в нижней половине культурного слоя телля, в интервале глубин от –6.40 до –4.00 м. В верхней части слоя количество печатей резко уменьшается. Выше отметки –4.00 м обнаружено всего три печати. Последняя печать

была найдена на глубине –2.05 м. Если посмотреть на послойное распределение количества печатей в культурном слое Ярым-Тепе 2, то картина будет следующей:

IX строительный горизонт (условные слои 31–34¹⁰, глубина –6.80 ... –6.00 м) – 2 экз. (рис. 2, 18; 19);

VIII–VII строительные горизонты (условные слои 25–30, глубина –6.00 ... –4.80 м) – 6 экз. (рис. 2, 20, 17, 16, 15, 13, 12);

VI–IV строительные горизонты (условные слои 24–12, глубина –4.80 ... –2.0 м) – 10 экз. (рис. 2, 11, 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2).

III–I строительные горизонты (условные слои 11–6, глубина –2.20 ... –1.00 м) – 1 экз. (рис. 2, 1).

В соответствии с предложенной периодизацией культурного слоя Ярым-Тепе 2 строительный горизонт IX соответствует второй половине раннего халафского периода; VIII–VII – среднему периоду халафской культуры; VI–IV – позднему периоду халафской эволюции. III–I (выше отметки –2.20 м) – переходному халафско-убейдскому периоду.

Обращает на себя внимание, что печати с ушком на тыльной стороне тяготеют к нижней части культурного слоя Ярым-Тепе 2 (между отметками –6.60 и –5.45 м), а печати каплевидной формы с ушком для подвешивания – к верхней части верхней части культурного слоя поселения (между отметками –5.60 и –2.05 м).

С точки зрения диахронного анализа мотивов и композиций, изображенных на печатях, жестких закономерностей проследить не удастся. Геометрически правильные композиции на печатях были известны на протяжении всей жизни поселения. Печати, содержащие композиции из бессистемных линий, были зафиксированы примерно между отметками –5.60 и –4.35 м, но следует учитывать, что подобные композиции использовались значительно реже.

Таким образом, можно утверждать, что печати применялись на поселении Ярым-Тепе 2 практически с самого начала существования поселения, но наиболее активно они использовались в течение первой половины жизни поселения, в интервале от второй половины раннего до

¹⁰ Условные слои были предложены для максимально подробного анализа количественного распределения в слое Ярым-Тепе 2 массовой расписной керамики (Амиров, 1994; Amirov, Deorpeak, 1997).

первой половины позднего периода халафской эволюции. Со второй половины позднего халафского периода количество печатей сокращается, достигая минимума в слоях переходного халафско-убейдского периода. Правда, здесь следует помнить, что верхняя часть слоя Ярым-Тепе 2 значительно больше пострадала от разливов реки, и этот факт мог повлиять на распределение количества печатей в слое. Однако уменьшение количества находок печатей могло быть также связано как с природно-климатическими, так и с социальными причинами.

Чтобы оценивать хронологические закономерности в количественном распределении печатей в слое Ярым-Тепе 2, надо отметить, что облик классической халафской культуры определяет одновременное присутствие трех важных признаков, а именно, наличие круглоплановых архитектурных конструкций (так называемых толосов), расписной керамики и характерных женских статуэток. Последний слой Ярым-Тепе 2, где эти признаки халафской культуры представлены вместе в органическом единстве, это строительные горизонты V–IV (условные слои 18–13), которые соответствуют второй половине позднехалафского периода. В верхних строительных горизонтах III–I, с одной стороны, отмечено интенсивное изменение морфологии и декора халафской расписной керамики (включая появление отдельных элементов убейдской росписи) (Merpert, Munchaev, 1993. P. 129–138; Амиров, 1994. С. 14–15), а с другой стороны, происходит постепенное разрушение архитектурного облика типичного халафского поселения, которое характеризуется сочетанием круглоплановых жилищ и прямоугольных хозяйственных сооружений. В верхних слоях (правда, частично разрушенных) количество круглоплановых конструкций сильно сокращается. Такие же наблюдения связаны с распределением в слое женских статуэток. Последняя женская статуэтка в слое Ярым-Тепе 2 была обнаружена в прямоугольной конструкции № 14, относящейся к III строительному горизонту. Таким образом очевидно, что в течение переходного халафско-убейдского периода на поселении Ярым-Тепе 2 происходит изменение облика халафской культуры, и разрушается ее органическая целостность. В течение этого же периода фиксируется минимальное количество печатей (один предмет), а это означает, что торговые контакты общины также были минимальны¹¹.

¹¹ Продолжение статьи см. в следующем номере РА.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абибуллаев О.А. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане // СА. 1963. № 3. С. 157–168.
- Амиров Ш.Н. Морфология керамики халафской культуры Северной Месопотамии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1994. 18 с.
- Амиров Ш.Н. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV–III тыс. до н.э. М.: Таус, 2010. 412 с.
- Амиров Ш.Н. Месопотамско-кавказские связи в IV–III тысячелетиях до н.э. в свете климатических флуктуаций // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 3–17.
- Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. 365 с.
- Бадер Н.О. Разведки Российской археологической экспедиции в Северной Месопотамии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: Таус, 2008. С. 309–319.
- Бочковой В.В., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Резепкин А.Д. Материалы поселения Чекон и классификация керамики майкопской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2 / Ред. В.А. Алексин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 95–100.
- Личели В., Самсония Н. Месопотамские печати из поселения Граклиани // Международная научная конференция “Археология, этнология, фольклористика Кавказа”. Тбилиси, 2010. С. 182–184 (на груз. яз.).
- Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 476 с.
- Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус, 2016. 604 с.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981. 320 с.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004. 486 с.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. 1993. № 4. С. 25–42.
- Нехаев А.А. Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское // СА. 1986. № 1. С. 244–248.
- Пилипосян А.С. Печати Армянского Нагорья в системе древневосточной глиптики. Ереван, 1988. 248 с. (На арм. яз.; резюме на рус. и англ. яз.).
- Amiet P. La glyptique mesopotamienne archaïque. 2e éd. rev. et corr. avec un supplément. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1980. 522 p.
- Amirov Sh. N. The life and death of Tell Hazna I settlement // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (Warsaw, April 30–May 4, 2012). V. 1 / Ed. by P. Bieliński et al. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. P. 323–334.

- Amirov Sh.N., Deopeak D.V.* Morphology of Halafian painted pottery from Yarim-Tepe 2, Iraq (using computerized shape analysis) // *Baghdader Mitteilungen*. 1997. V. 28. P. 69–85.
- Campbell St.* The Halaf Period in Iraq: Old Sites and New // *The Biblical Archaeologist*. 1992. V. 55, no. 4. P. 182–187.
- Collon D.* First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East. Chicago: University Chicago press; London: British Museum Publications, 1987. 208 p., 968 ill.
- Davidson T.E., McKerrell H.* Pottery Analysis and Halaf Period Trade in the Khabur Headwaters. Region // Iraq. 1976. V. 38. № 1. P. 45–56.
- Davidson T.E., McKerrell H.* The neutron activation analysis of Halaf and 'Ubaid pottery from Tell Arpachiyah and Tepe Gawra // Iraq. 1980. V. 42. № 2. P. 155–167.
- Denham C.* The Meaning of late Neolithic stamp seals in North Mesopotamia: A thesis submitted to the University of Manchester for the degree of PhD in the faculty of Humanities, school of arts, languages and cultures. Manchester, 2013. 363 p.
- Duistermaat K.* Private matters: The Emergence of sealing practices in Neolithic Syria // *Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia* / Ed. O.P. Nieuwenhuys et al. Turnhout: Brepols, 2013. P. 315–322.
- Garstang J.* Prehistoric Mersin, Oxford: Oxford University Press, 1953. 263 p.
- Jasim S.A.* Excavations at Tell Abada, Iraq // *Paleorient*. 1981. V. 7. № 2. P. 101–104.
- Jasim S.A.* Excavations at Tell Abada: A Preliminary Report // Iraq. 1983. V. 45. № 2. P. 145–185.
- Kamada H., Ohtsu T.* Third report on excavations at Songor A // *Al-Rafidan*. 1993. V. XIV. P. 183–200.
- Kaplan J.* Excavations at Wadi Rabah // *Israel Exploration Journal*. 1958. V. 8. P. 149–160.
- Levine L.D., McDonald M.M.A.* The Neolithic and Chalcolithic periods in the Mahidasht // *Iran*. 1977. V. 15. P. 39–50.
- Makkay J.* Early stamp seals in south-east Europe. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984. 157 p.
- McMahon A.* The lion, the king and the cage: Late Chalcolithic iconography and ideology in northern Mesopotamia // Iraq. 2009. V. 71. P. 115–124.
- Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson, 1975. 300 p.
- Merpert N. Ya., Munchaev R.M.* Yarim Tepe II. The Halaf levels // *Early stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq*. Tucson; London: The University of Arizona Press, 1993. P. 129–162.
- Oates J., Oates D.* An Open Gate: Cities of the Fourth Millennium BC (Tell Brak 1997) // *Cambridge Archaeological Journal*. 1997. V. 7. № 2. P. 287–307.
- Pittman H.* Towards an Understanding of the Role of Glyptic Imagery in the Administrative Systems of Proto-literate Greater Mesopotamia // *Archives Before Writing: Proceedings of the International Colloquium, Oriolo Romano (October 23–25, 1991, Roma)* / Ed. P. Ferioli et al. Roma: Ministero per i beni culturali e ambientali, Ufficio centrale per i beni archivistici, 1994. P. 177–203.
- Pittman H., Potts D.T.* The earliest cylinder seal in the Arabian Peninsula // *Arabian archaeology and epigraphy*. 2009. V. 20. № 2. P. 109–121.
- Reichel C.* Administrative complexity in Syria during the 4th millennium BC: The seals and sealings from Tell Hamoukar // *Akkadica*. 2002. V. 123, no. 1. P. 35–56.
- Reichel C.* Hamoukar // *Oriental Institute Annual Report 2005–2006*. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2006. P. 65–77.
- Rova E.* Ricerche sui sigilli a cilindro vicino-orientali del periodo di Uruk/Jemdet Nasr. Roma: Istituto per l'Oriente, 1994 (*Oriens Antiqui Collectio*; V. 20). P. 279–293.
- Sagona A., Zimansky P.* Ancient Turkey. London; New York: Routledge, 2009. 420 p.
- Skeates R.* Neolithic Stamps: Cultural Patterns, Processes and Potencies // *Cambridge Archaeological Journal*. 2007. V. 17. № 2. P. 183–198.
- Stein G.J.* The Development of Indigenous Social Complexity in Late Chalcolithic Upper Mesopotamia in the 5th–4th Millennia BC – an initial Assessment // *Orini*. 2012. V. XXXIV. P. 125–151.
- Stronah D.* Excavations at Ras al'Amiya // Iraq. 1961. V. 23. № 1–2. P. 95–121.
- Wickede A.* Prahistorische Stempelglyptik in Vorderasien. München: Profil Verlag, 1990. 334 S.

HOMO DOMINUS. MARKS OF PROPERTY IN NORTHERN MESOPOTAMIA OF THE LATE PREHISTORIC PERIOD (PART 1)

Rauf M. Munchaev*, Shakhmardan N. Amirov**

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: raufmunchaev@mail.ru

**E-mail: shakhmardan@mail.ru

The article presents a diachronic analysis of the markings of property (seals) found by the Russian archaeological expedition investigation of Northern Mesopotamia sites of different periods, from the Hassuna culture to the culture of the Ninevite 5 period, dated between the second half of the 7th to the early 3rd millennium BC.

Keywords: stamp seal, cylinder seals, the Hassuna culture, the Halaf culture, the Ubaid culture, the Late Chalcolithic of Northern Mesopotamia, the Ninevite 5 culture.

REFERENCES

- Abibullaev O.A., 1963. Some results of investigating Kul' Tepe hill in Azerbaijan. *SA [Soviet Archaeology]*, 3, pp. 157–168. (In Russ.)
- Amiet P., 1980. La glyptique mesopotamienne archaïque. 2e éd. rev. et corr. avec un supplément. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique. 522 p.
- Amirov Sh.N., 1994. Morfologiya keramiki khalafskoy kul'tury Severnoy Mesopotamii: avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk [Morphology of the Halaf Pottery of Northern Mesopotamia: the author's abstract of the Doctoral Thesis in History]. Moscow: IA RAN. 18 p. (In Russ.)
- Amirov Sh.N., 2010. Khaburskaya step' Severnoy Mesopotamii v IV–III tys. do n.e. [Habur steppe of Northern Mesopotamia in the 4th–3rd millennia BC]. Moscow: Taus. 412 p.
- Amirov Sh.N., 2014. The life and death of Tell Hazna I settlement. *Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (2012)*, 1. P. Bieliński, ed. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, pp. 323–334.
- Amirov Sh.N., 2014. Mesopotamian-Caucasian connections in the 4th–3rd millennia BC in the light of climatic fluctuations. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 233, pp. 3–17. (In Russ.)
- Amirov Sh.N., Deopeak D.V., 1997. Morphology of Halafian painted pottery from Yarim-Tepe 2, Iraq (using computerized shape analysis). *Baghdader Mitteilungen*, 28, pp. 69–85.
- Bader N.O., 1989. Drevneyshie zemledel'tsy Severnoy Mesopotamii [The earliest agricultural people of Northern Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 365 p.
- Bader N.O., 2008. Reconnaissance of the Russian Archaeological Expedition in Northern Mesopotamia. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka [Archaeology of the Caucasus and the Middle East]*. Moscow: Taus, pp. 309–319. (In Russ.)
- Bochkovoj V.V., Marchenko I.I., Limberis N. Ju., Rezepkin A.D., 2012. Maikop culture settlement of Chekon. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami [Cultures of the steppe zone of Eurasia and their interaction with ancient civilizations]*, 2. V.A. Alekshin, ed. St. Petersburg: IIMK RAN; Periferiya, pp. 95–100. (In Russ.)
- Campbell St., 1992. The Halaf Period in Iraq: Old Sites and New. *The Biblical Archaeologist*, vol. 55, no. 4, pp. 182–187.
- Collon D., 1987. First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East. Chicago: University Chicago press; London: British Museum Publications. 208 p., 968 ill.
- Davidson T.E., McKerrell H., 1976. Pottery Analysis and Halaf Period Trade in the Khabur Headwaters. Region. *Iraq*, vol. 38, iss. 1, pp. 45–56.
- Davidson T.E., McKerrell H., 1980. The neutron activation analysis of Halaf and 'Ubaid pottery from Tell Arpachiyah and Tepe Gawra. *Iraq*, vol. 42, iss. 2, pp. 155–167.
- Denham C., 2013. The Meaning of late Neolithic stamp seals in North Mesopotamia: A thesis submitted to the University of Manchester for the degree of PhD in the faculty of Humanities, school of arts, languages and cultures. Manchester. 363 p.
- Duistermaat K., 2013. Private matters: The Emergence of sealing practices in Neolithic Syria. *Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia*. O.P. Nieuwenhuyse, ed. Turnhout: Brepols, pp. 315–322.
- Garstang J., 1953. Prehistoric Mersin. Oxford: Oxford University Press. 263 p.
- Jasim S.A., 1981. Excavations at Tell Abada, Iraq. *Paleorient*, vol. 7, iss. 2, pp. 101–104.
- Jasim S.A., 1983. Excavations at Tell Abada: A Preliminary Report. *Iraq*, vol. 45, iss. 2, pp. 145–185.
- Kamada H., Ohtsu T., 1993. Third report on excavations at Songor A. *Al-Rafidan*, XIV, pp. 183–200.
- Kaplan J., 1958. Excavations at Wadi Rabah. *Israel Exploration Journal*, 8, pp. 149–160.
- Levine L.D., McDonald M.M.A., 1977. The Neolithic and Chalcolithic periods in the Mahidasht. *Iran*, 15, pp. 39–50.
- Licheli V., Samsoniya N., 2010. Mesopotamian seals from the settlement of Grakliani. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Arkheologiya, etnologiya, fol'kloristika Kavkaza» [International scientific conference "Archaeology, ethnology, folklore studies of the Caucasus"]*. Tbilisi, pp. 182–184. (In Georgian).
- Makkay J., 1984. Early stamp seals in south-east Europe. Budapest: Akadémiai Kiadó. 157 p.
- McMahon A., 2009. The lion, the king and the cage: Late Chalcolithic iconography and ideology in northern Mesopotamia. *Iraq*, 71, pp. 115–124.
- Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson. 300 p.
- Merpert N. Ya., Munchaev R.M., 1993. Yarim Tepe II. The Halaf levels. *Early stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq*. Tucson; London: The University of Arizona Press, pp. 129–162.
- Munchaev R.M., 1975. Kavkaz na zare bronzovogo veka [The Caucasus at the dawn of the Bronze Age]. Moscow: Nauka. 476 p.
- Munchaev R.M., Amirov Sh.N., 2016. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. A cult and administrative centre of the 4th–3rd millennia BC in North-eastern Syria], 2. Moscow: Taus. 604 p.
- Munchaev R.M., Merpert N. Ya., 1981. Rannezemledel'cheskie poseleniya Severnoy Mesopotamii [Early agricultural settlements of Northern Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 320 p.
- Munchaev R.M., Merpert N. Ya., Amirov Sh.N., 2004. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-Vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. A cult and administrative centre of the 4th–3rd millennia BC in Northeastern Syria]. Moscow: Paleograf. 486 p.

- Munchaev R.M., Merpert N. Ya., Bader N.O., Amirov Sh.N.*, 1993. Tell Hazna II — an early agricultural settlement in Northeastern Syria. *Ross. Arkheol.*, 4, pp. 25–42. (In Russ.)
- Nekhaev A.A.*, 1986. The Maikop culture burial from the mound near Krasnogvardeyskoe. *SA [Soviet Archaeology]*, 1, pp. 244–248. (In Russ.)
- Oates J., Oates D.*, 1997. An Open Gate: Cities of the Fourth Millennium BC (Tell Brak 1997). *Cambridge Archaeological Journal*, vol. 7, iss. 2, pp. 287–307.
- Piliposyan A.S.*, 1988. Pechati Armyanskogo Nagor'ya v sisteme drevnevostochnoy gliptiki. Erevan. 248 p. (In Armenian; resume in Russian and English).
- Pittman H.*, 1994. Towards an Understanding of the Role of Glyptic Imagery in the Administrative Systems of Proto-literate Greater Mesopotamia. *Archives Before Writing: Proceedings of the International Colloquium, Oriolo Romano (1991)*. P. Ferioli, ed. Roma: Ministero per i beni culturali e ambientali, Ufficio centrale per i beni archivistici, pp. 177–203.
- Pittman H., Potts D.T.*, 2009. The earliest cylinder seal in the Arabian Peninsula. *Arabian archaeology and epigraphy*, vol. 20, no. 2, pp. 109–121.
- Reichel C.*, 2002. Administrative complexity in Syria during the 4th millennium BC: The seals and sealings from Tell Hamoukar. *Akkadica*, vol. 123, no. 1, pp. 35–56.
- Reichel C.*, 2006. Hamoukar. *Oriental Institute Annual Report 2005–2006*. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, pp. 65–77.
- Rova E.*, 1994. Ricerche sui sigilli a cilindro vicino-orientali del periodo di Uruk/Jemdet Nasr. *Orientalis Antiqui Collectio*, 20, Istituto per l'Oriente. Roma: "C. Nallino", pp. 279–293.
- Sagona A., Zimansky P.*, 2009. Ancient Turkey. London; New York: Routledge. 420 p.
- Skeates R.*, 2007. Neolithic Stamps: Cultural Patterns, Processes and Potencies. *Cambridge Archaeological Journal*, vol. 17, iss. 2, pp. 183–198.
- Stein G.J.*, 2012. The Development of Indigenous Social Complexity in Late Chalcolithic Upper Mesopotamia in the 5th–4th Millennia BC — an initial Assessment. *Origini*, XXXIV, pp. 125–151.
- Stronah D.*, 1961. Excavations at Ras al'Amiya. *Iraq*, vol. 23, iss. 1–2, pp. 95–121.
- Wickede A.*, 1990. Prahistorische Stempelglyptik in Vorderasien. München: Profil Verlag. 334 p.

ПОГРЕБЕНИЕ АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ III в. н.э. С КЕРАМИЧЕСКИМ СТОЛИКОМ

© 2018 г. З.Х.-М. Албегова*, В.Ю. Малашев**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: albegova_zarina@rambler.ru*

***E-mail: malashev@yandex.ru*

Поступила в редакцию 23.10.2017 г.

В результате охранно-спасательных работ 2011 г. на Бесланском могильнике (Республика Северная Осетия – Алания) было исследовано нарушенное в древности парное погребение 734 (III в. н.э.), совершенное в катакомбе, характерной для аланской культуры Северного Кавказа. Из сохранившегося погребального инвентаря особый интерес представляют уникальный керамический столик на трех ножках и кружка с зооморфной ручкой, изображающей кошачьего хищника.

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланская культура, III в.н.э., столик, фынг.

DOI: 10.31857/S086960630001602-1

Во II–IV вв. н.э. на равнинах центральных и восточных районов Северного Кавказа возникает большое количество городищ со сложной структурой, высокой плотностью расположения и связанных с ними значительных по площади курганных катакомбных могильников. Одним из наиболее крупных памятников является археологический комплекс, включающий Зилгинское городище и его некрополь (Бесланский могильник). Бесланский могильник находится на северо-восточной окраине г. Беслана, располагается к В от Зилгинского городища на древней речной террасе и занимает площадь около 700 га. Большая часть погребений могильника была совершена в подкурганных катакомбах. На сегодняшний день, вследствие регулярной раскопки, визуально прослеживаются лишь наиболее крупные насыпи. В остальных случаях, при раскопках, первоначальное наличие насыпей диагностируют округлые (изредка квадратные) в плане ровики с двумя перемычками в северном и южном секторах (Малашев и др., 2015). Захоронения в бескурганных катакомбах совершались в межкурганном пространстве и сосредоточены на примыкавшей к городищу части могильника, преимущественно на его периферии. Большая часть подкурганных погребений ограблена в древности, бескурганные захоронения, как правило, не нарушены. Представляет интерес бескурганное погребение 734, в состав инвентаря

которого входил керамический столик на трех ножках.

Погребение совершено в катакомбе (рис. 1). В древности катакомба была ограблена. Грабительская яма частично нарушила контур входной ямы в северо-восточной части. Входная яма трапиевидной в плане формы со скругленными углами и расширением в северо-восточной части, размерами на уровне зачистки 1.7×1.1–0.9 м, была ориентирована длинной осью по линии СВ–ЮЗ. У юго-западной стенки входной ямы зафиксированы три ступеньки высотой от 7 до 12 см; верхняя ступенька частично находилась в гумусном слое. На уровне дна входная яма имела трапиевидную в плане форму с расширением в северо-восточной части, размеры 1×0.95–0.8 м. Дно ровное, с незначительным понижением к северо-восточной стенке, к входу в камеру. В заполнении придонной части и на дне входной ямы были обнаружены кости одного из погребенных, а также фрагменты кувшинчика. В северо-восточной стенке входной ямы находился вход в камеру. Входную яму и камеру соединял дромос длиной 25 см. Вход в камеру полуовальной формы высотой около 35 см и шириной 55 см; частично нарушен при ограблении. Камеру от входной ямы отделяла наклонная ступенька высотой 26 см. Камера подпрямоугольной в плане формы с сильно скругленными углами и скругленной юго-восточной стенкой ориентирована длинной осью по

линии СЗ—ЮВ. Длинные оси входной ямы и камеры — взаимоперпендикулярны. Размеры камеры — 1.55×1 м. Высота камеры — 0.7 м.

В камере было совершено парное погребение. Скелеты погребенных в той или иной степени были нарушены при ограблении. Кости скелета 1 находились во входной яме, а также в западном углу камеры (бедренная и большая берцовые кости); *in situ* сохранились кости голени правой ноги, находившиеся в северо-западной части камеры, рядом с костями ног скелета 2. Судя по их положению, погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на ЮВ. У скелета 2 отсутствовали кости туловища, бедренные кости и кости левой руки. Погребенная¹ также была положена в вытянутом положении на спине головой на ЮВ. Череп с высокой кольцевой деформацией без валика. Правая рука была вытянута вдоль тела. Ноги вытянуты и лежали параллельно друг другу.

Сохранившиеся предметы погребального инвентаря, кроме кружки и столика (рис. 1, 2 и 3), находились в перемещенном состоянии.

В восточном углу камеры, вплотную к стенке напротив черепа погребенной, находился керамический столик, на котором стояла кружка (рис. 2, 9). Кружка высотой 10 см с низким сужающимся к основанию горлом, плавно переходящим в плечики, сферическим туловом и узким дном на низком поддоне. Тулово, диаметром 10.1 см, орнаментировано широкими смыкающимися неглубокими каннелюрами. В месте максимального расширения тулова крепилась ручка, оформленная в виде реалистичного изображения кошачьего хищника, с проработкой глаз, ушей и пасти. Верхний и нижний прилепы оформлены в виде лап, с хорошо выраженными когтями. Туловище животного декорировано отпечатками штампа в виде концентрических окружностей. Кружка изготовлена с использованием гончарного круга с добавками в тесто кварцевого песка и ракушки. Наружная поверхность охристо-коричневого цвета, с пятнами серого цвета; покрыта лощением.

Столик керамический диаметром 22.5 см, на трех ножках (рис. 3). Поверхность столика сделана в виде низкой миски со скругленным дном, слабовыпуклыми стенками и низким, прогнутым в средней части бортиком. Дно изнутри украшено двумя концентрическими налипными окруж-

ностями. К основанию крепились три сравнительно массивные короткие ножки. Изготовлен с использованием гончарного круга с добавками в тесто кварцевого и черного песка. Наружная и внутренняя поверхности серого цвета, с пятнами серо-коричневого цвета; тщательно заглажены, со следами лощения.

Кувшинчик высотой 16 см с прогнутым в средней части горлом, плавно переходящим в плечики, грушевидным туловом и широким дном (рис. 2, 8). В месте максимального расширения тулова крепилась петлевидная ручка. Плечики орнаментированы поясом из трех горизонтальных желобков. Изготовлен с использованием гончарного круга с добавками в тесто кварцевого песка. Наружная поверхность темно-серого цвета, покрыта лощением. На дне фиксируются следы досок от гончарного круга и слабо выраженный отпечаток рельефного клейма в виде «круга».

Железная пряжка с округлой рамкой и прогнутым в средней части язычком без уступа у основания, не достигающим в передней части до середины сечения рамки (рис. 2, 1).

Железная пряжка с овальной, незначительно утолщенной в передней части и уплощенной в задней части рамкой и прогнутым язычком без уступа у основания, не достигающим в передней части до середины сечения рамки. Щиток прямоугольный, незначительно изогнут; для фиксации ремня — два штифта в передней и задней части щитка. На краю щитка сохранились остатки ткани (рис. 2, 2).

Бронзовая цилиндрическая пронизь с гофрированной поверхностью (рис. 2, 3). Бронзовый пластинчатый браслет с несомкнутыми концами, один из которых частично обломан в древности (рис. 2, 4). Фрагмент круглого в сечении железного шила с обломанным острием и остатками деревянной рукояти (рис. 2, 5). Фрагмент железной иглы фибулы (рис. 2, 6). Фрагменты железного однолезвийного черенкового ножа с изогнутыми лезвием и спинкой. Лезвие слегка сточено. На черенке фиксируется древесный тлен от рукояти (рис. 2, 7).

Исследованное погребение относится к раннему этапу (II—IV вв. н.э.) аланской культуры Северного Кавказа (Габуев, Малашев, 2009), для которой диагностичны захоронения в катакомбах типа I по К.Ф. Смирнову (1972), М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашеву (1999) (длинные оси входной ямы и камеры взаимоперпендикулярны). Ори-

¹ Антропологические определения выполнены н.с. Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН к.и.н. С.Ю. Фризенным.

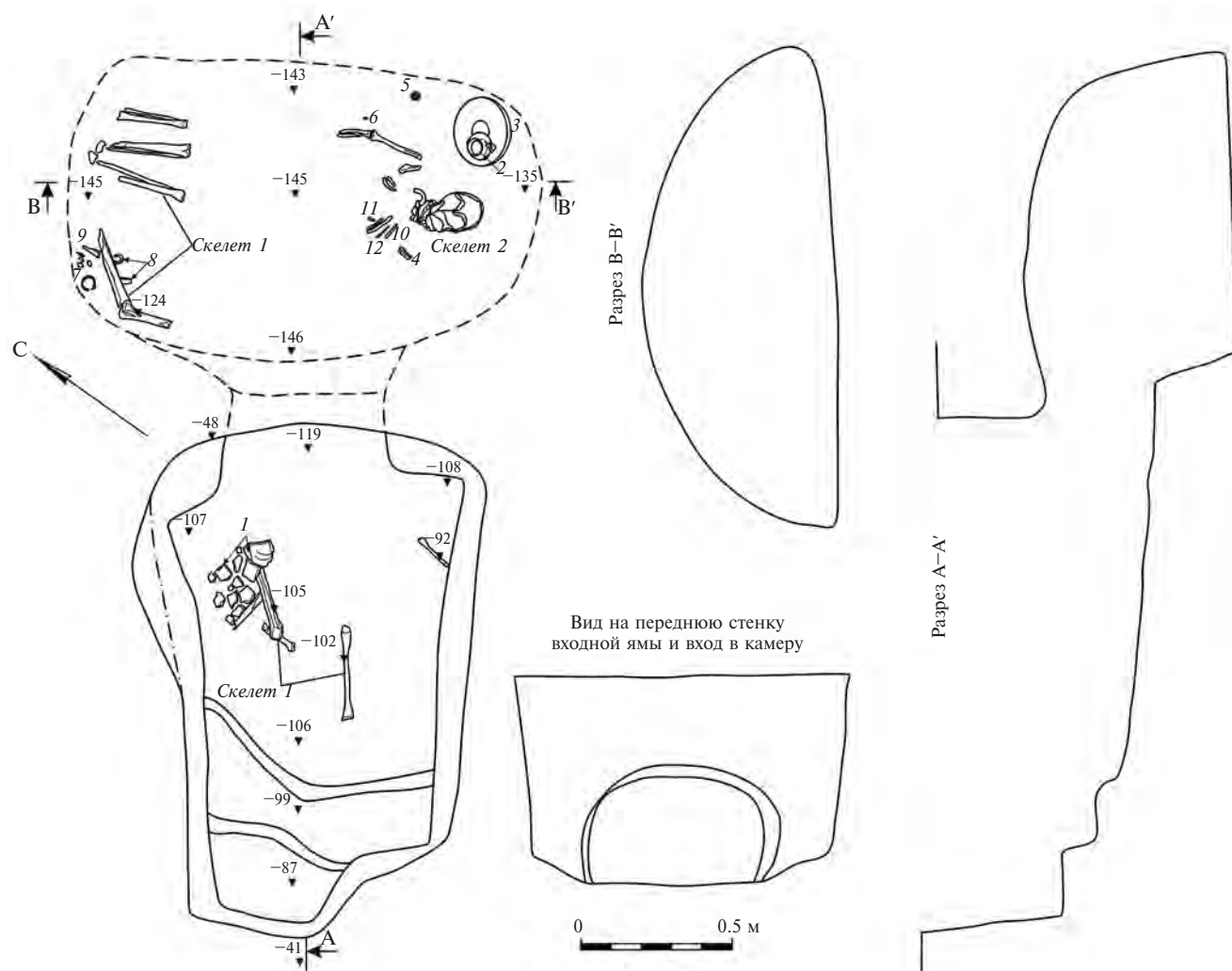

Рис. 1. Бесланский могильник, погребение 734. План и разрезы погребения: 1 – кувшинчик; 2 – кружка; 3 – столик керамический; 4 – фрагмент сосуда; 5 – пряжка железная; 6 – пронизь бронзовая; 7 – браслет бронзовый; 8 – пряжка железная; 9 – фрагменты железного ножа; 10 – фрагмент железного шила; 11 – железный язычок пряжки; 12 – фрагмент железной иглы фибулы.

Fig. 1. The Beslan burial ground, grave 734. Plan and section views

ентировка входной ямы, расположение камеры и наличие ступенек у задней стенки входной ямы находят широкие аналогии в данном культурном контексте. Отметим, что в Бесланском могильнике в целом преобладает ориентировка входных ям в секторе С/СВ–Ю/ЮЗ с расположением камеры у северной стенки с ориентировкой погребенных В–ЮВ (головой направо от входа).

Железная пряжка без щитка с округлой рамкой, железный нож, железное шило и бронзовый браслет мало показательны для установления хронологии комплекса. Более информативна железная пряжка с овальной, незначительно утолщенной в передней части и уплощенной в задней части рамкой, прямоугольным щитком и про-

гнутым язычком без уступа у основания, не достигающим в передней части до середины сечения рамки (рис. 2, 2), соотносимая с ремennыми застежками П1, основной период использования которых приходился на втор. пол. II – перв. пол. III в. н.э. Такие признаки, как утолщение рамки в передней части и уплощенность в задней, характерны уже для первой половины третьего столетия, скорее его ранней части (Малашев, 2000. Рис. 1; 2. С. 209). Этому в целом соответствует хронологическая оценка исследованного участка могильника (Малашев и др., 2015), что и определяет дату погребения.

Кувшинчик (рис. 2, 8) имеет ряд близких форм из погребальных комплексов региона втор. пол.

Рис. 2. Бесланский могильник, погребение 734. Инвентарь: 1, 2 — пряжки железные; 3 — пронизь бронзовая; 4 — браслет бронзовый; 5 — шило железное; 6 — фрагмент железной иглы фибулы; 7 — нож железный; 8 — кувшинчик; 9 — кружка.

Fig. 2. The Beslan burial ground, grave 734. Grave goods

II — перв. пол. III в. н.э. (Абрамова, 1993. Рис. 63, 5, 6; Габуев, Малашев, 2009. Рис. 128, 6. С. 117, 118; Малашев, 2016. Рис. 44, 1).

Представляет интерес кружка с зооморфной ручкой (рис. 2, 9), выделяющаяся на фоне мелких форм столовой посуды аланской культуры выраженным морфологическим своеобразием.

Это нечасто встречающаяся форма тулова, а также наличие низкого поддона и декорирование широкими смыкающимися каннелюрами, видимо, восходящие к образцам металлической посуды. Главное отличие — выбор зооморфного образа для оформления ручки. Несмотря на то что зооморфные ручки широко распространены в контексте керамической традиции аланской

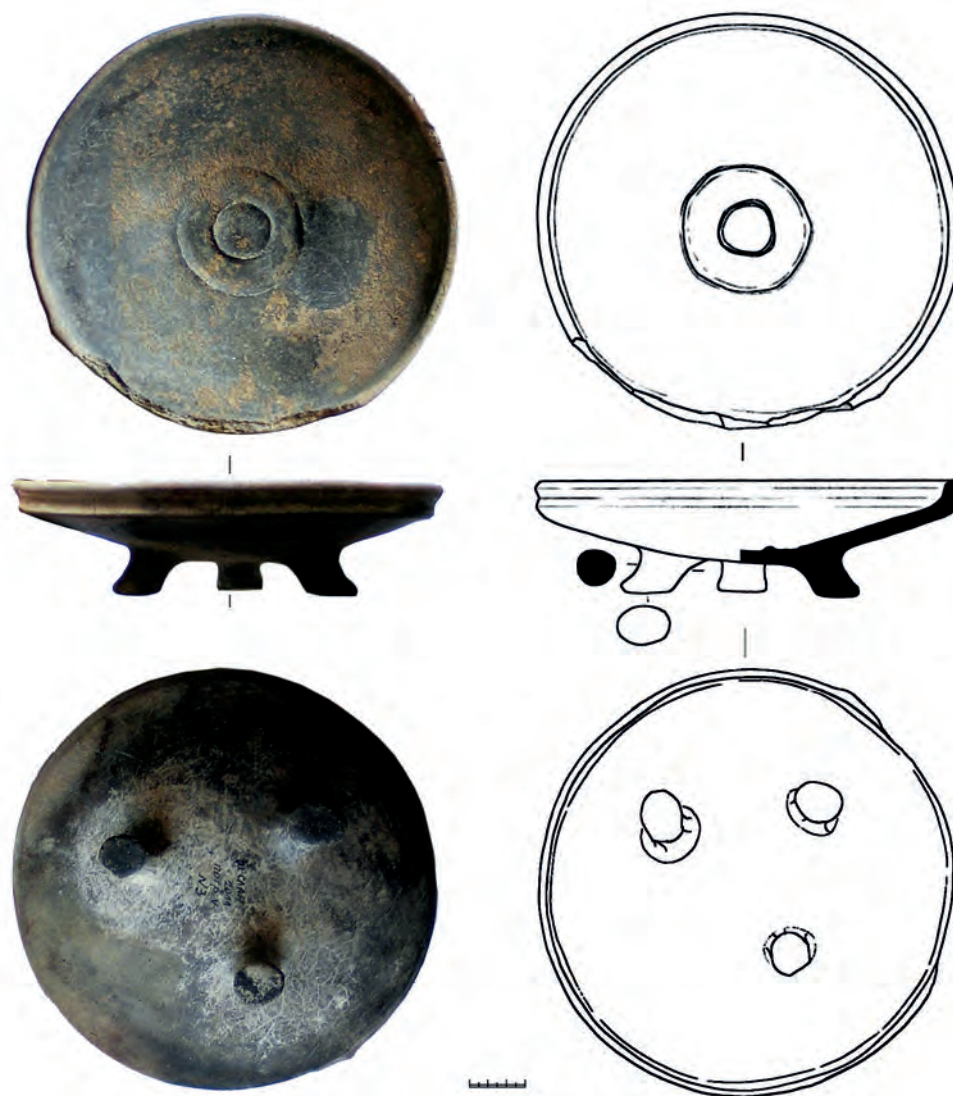

Рис. 3. Бесланский могильник, погребение 734. Керамический столик.

Fig. 3. The Beslan burial ground, grave 734. Ceramic table

культуры II–V вв. н.э., используемый набор образов был достаточно ограничен: схематичное или стилизованное изображение свиньи, значительно реже — баран и в одном случае — птица. Ручка анализируемой бесланской кружки оформлена в виде кошачьего хищника; в пользу данной атрибуции свидетельствуют укороченная морда, небольшие округлые уши и отчетливо фиксирующиеся когти на передних и задних лапах. Декорирование туловища оттисками штампа в виде концентрических окружностей напоминает окрас шкуры кавказского барса (переднеазиатского леопарда) розеткообразными пятнами. Данный образ не имеет аналогий среди зооморфных ручек аланской керамики. Ближайшие аналогии образу кошачьего хищни-

ка на посуде можно найти на ритуальных кубках и лутерии из драгметаллов, происходящих из контекста среднесарматской культуры (Засецкая, 2011. Илл. 82, б, д; 88; 91; 92; 98). Это, скорее всего, неслучайно, если учитывать, что формирование аланской культуры Северного Кавказа происходит при участии носителей среднесарматской культуры (Малашев, 2007. С. 493, 494; Габуев, Малашев, 2009. С. 148, 149), что фиксируется в двух аспектах, отражающих близость идеологических представлений и свидетельствующих об общих культурных корнях (Малашев, 2016. С. 64, 65; Малашев, Дзусев, 2016): 1) наличие тайников, содержащих парадные уздечные наборы в захоронениях знати; 2) сходство большей части мотивов и образов звериного

стиля аланской культуры с образами и мотивами на предметах из среднесарматских погребений. Это обстоятельство уже позволило поставить вопрос об участии носителей среднесарматской культуры в культуро- и, видимо, этногенезе северокавказских алан (Малашев, Дзуцев, 2016. С. 181). Керамическую кружку из погр. 734 можно рассматривать в качестве отдаленной реплики металлических сосудов, которая имитирует, в первую очередь, зооморфную ручку последних. Показательно также, что кружка находилась непосредственно на керамическом столике, что может свидетельствовать о сакральной функции обоих керамических предметов.

Уникальна находка керамической миски на трех ножках. Относительно небольшой ее диаметр и обстоятельства обнаружения (на ней стояла кружка) говорят о том, что предмет выполнял функции вотивного столика.

Имеющиеся на сегодняшний день археологические находки столиков от эпохи бронзы до развитого средневековья показывают их типологическое разнообразие. Типология этих предметов пока не разработана. Наиболее древние находки не дают серий. Но в погребениях эпохи раннего и развитого средневековья, где деревянные предметы уже не столь редки, серии образуются. Попытка первично классифицировать деревянные столики этого времени была предпринята А.А. Туаллаговым. Он разделил все находки этого периода по функциональному назначению на подносы-блюда с четырьмя короткими стационарными ножками и столешницей подпрямоугольной формы и собственно столики с круглой столешницей и съемными ножками, которые имеют прямое сходство с этнографическими столиками, в частности, осетинскими фынгами (Туаллагов, 2015а. С. 102, 103; 2015б. С. 101, 102). Подносы-блюда в отличие от столиков предполагали, что человек сидел на земле или на полу. Собственно столики же предполагали наличие стульев или табуретов. Но эти столики не были столами в нашем понимании — это также были блюда, только на высоких ножках (Урзиати, 1995. С. 108).

М.С. Гаджиев и Ш.О. Давудов в одной из своих работ, посвященной столикам с круглой столешницей с четырьмя и тремя ножками, объединяют столики на высоких ножках под названием “столиков-подносов” и “столиков-блюд”, а экземпляры на низких ножках под названием “блюд на низких ножках” и “подносов на низких ножках”. М.С. Гаджиев и Ш.О. Давудов впервые

привлекли в качестве аналогий и исторической ретроспективы этим столикам керамические миски на ножках (Гаджиев, Давудов, 2010. С. 353).

Ниже мы будем использовать для обозначения описываемых предметов терминологию А.А. Туаллагова, также разделяя все предметы на столики и подносы-блюда, но понятие подносов-блюд будем применять для обозначения круглых блюд на ножках.

Следуя основной цели своего исследования, рассмотрение бесланской находки в контексте истории круглых столиков с тремя ножками на Кавказе, мы сосредоточили свое внимание на истории столиков, подносов-блюд с круглой столешницей и чаш *на трех ножках*. И все же нельзя не сказать хотя бы коротко о самых ранних из известных на Кавказе подносах-блюдах и мисках/чашах, для которых были характерны четыре ножки. Самые ранние находки керамических мисок на ножках происходят из комплексов эпохи средней бронзы (погр. 11 могильника гинчинской культуры Малый Харсеной и подкурганый склеп 6 Ирганайского I могильника: Гаджиев, Давудов, 2010. С. 353, 354. Рис. 2, 1, 3). Отметим, что на территории Ергенинской и Ставропольской возвышенностей в погребениях раннекатакомбного периода получают распространение керамические чаши-курильницы на четырех ножках (Панасюк, 2010). Кроме того, находки деревянных подносов-блюд на четырех ножках происходят из катакомбы 2 кург. 3 Манасской курганной группы и из кургана Триалети середины II тыс. до н.э. (Мунчаев, Смирнов, 1956. С. 182, 198).

Далее в истории деревянных подносов-блюд и мисок на ножках следует многовековая лакуна до эпохи раннего железного века.

Самый ранний трехногий столик на Северном Кавказе был обнаружен в кург. № 9 у с. Нартан (рис. 4, 1). Столик с литыми ножками изготовлен из толстой листовой бронзы. Круглая столешница диаметром около 35 см обрамлялась бортиком высотой 3 см. Высота столика с бортиком — 17–18 см. По свидетельству автора раскопок В.М. Батчаева столик имел следы неоднократного ремонта, то есть использовался до совершения погребения (Батчаев, 1985. С. 29. Рис. 27, 17). В.М. Батчаев разделил курганы на две группы по хронологическому признаку и отнес кург. № 9 к ранней группе², которая датиро-

² В.Г. Петренко относил кург. № 9 ко второму периоду, который датировала VI в. до н.э. (Петренко, 1989. С. 219). С.В. Махортых оценивал датировку данного кургана в рамках

Рис. 4. Столик из Бесланского могильника и аналогии ему в археологических и этнографических материалах юга России: 1 – с. Нартан, курган № 9 (Батчаев, 1985. С. 29. Рис. 27, 17); 2, 3 – городище Таргу (Гаджиев, Давудов 2010. С. 363. Рис. 2, 4, 5); 4 – Бесланский могильник, погребение 734; 5 – могильник Рим-гора, катакомба № 48 (Рунич, 1970. С. 203. Рис. 6, 1); 6 – могильник Хасаут (Рунич, 1971. С. 171. Рис. 4, 7); 7 – могильник Кольцо-гора, катакомба № 8 (Кузнецов, 1993. С. 157. Рис. 1, 2); 8 – античный столик-трапедза (Цветаева, 1984. С. 320. Табл. СХХIX, 32); 9 – склеп Анфестерия (Кузнецов, 1993. С. 157. Рис. 1, 4); 10, 11 – осетинские столики-фынги (Калоев, 2004. С. 186); 12 – аварский столик – тлутги (Дебиров, 1982. С. 187. Рис. 194): 1 – бронза, 2–4 – керамика; 5–8, 10–12 – дерево (8–12 – без масштаба).

Fig. 4. The table from the Beslan burial ground and its analogues from archaeological and ethnographic materials of the south of Russia

валась VI в. до н.э. с возможностью удревнения некоторых комплексов до конца VII или рубежа VII–VI в. до н.э.; время возникновения этой группы курганов синхронно времени возвращения скифов из переднеазиатских походов (С. 51, 52). Автор отмечал неустойчивость и пестроту деталей обряда этой группы, по-видимому, связанную со сложными этническими процессами, протекавшими в указанный период: в обряде и инвентаре элементы кобанской культуры переплетались с переднеазиатскими. Вместе с тем, среди находок не было предметов, выполненных в кобанском зверином стиле (С. 50).

Исследовавшая химический состав бронзовых изделий курганного могильника Нартан Т.Б. Барцева отмечала, что подавляющее большинство предметов было изготовлено в горных районах Центрального Кавказа, а также на южных склонах центральной части Кавказского хребта. Однако определение центра производства столика вызвало у нее затруднения. «Вероятно, с накоплением материалов можно будет понять аномалии в химическом составе меди ... блюда на трех ножках, касающиеся содержания сурьмы, мышьяка, висмута и наметить свои центры производства и для этого круга изделий», — писала она (Барцева, 1985. С. 125). Состав сырья не позволяет уверенно говорить о том, был ли этот предмет импортным или произведен на Кавказе³. Следы неоднократных починок металлического столика из Нартана могут свидетельствовать об активном его использовании. Вместе с тем, у нас пока нет доказательств распространенности именно такой формы столиков у скифов Кавказа. Деревянных экземпляров до нас не дошло вследствие плохой сохранности дерева. Пока можно лишь констатировать, что этот предмет был известен на Кавказе, по крайней мере, с VI в. до н.э.

На эпоху раннего железного века указывает и этимология осетинского слова «фынг» (трехногий осетинский стол), приведенная В.И. Абаевым. Он рассмотрел несколько вариантов генезиса слова: местное кавказское и индоевропейское и сделал вывод, что слово было либо родственным индоевропейским (персид-

скому, древнеиндийскому) словам со значением «доска», «блюдо», «чаша», «палка», либо заимствованно у греков еще в скифскую эпоху (Абаев, 1996. С. 498). В любом случае, как отмечал В.С. Уарзиати, этимология указывает на «впечатляющий возраст» столиков на трех ножках (Уарзиати, 1995. С. 108).

Продолжая тему греческого влияния, стоит вспомнить вслед за В.И. Абаевым описание в «Анабасисе» Ксенофонта (ок. 430–350 гг. до н.э.) трехногих столиков у фракийцев (Xen. Anab. VII. 3. 21). Трехногие столики-трапедзы, в частности, с ножками в виде ног животных (влияние египетской традиции), были широко распространены в Греции, особенно с эпохи эллинизма. Верхняя часть ножек могла быть оформлена в виде головки животного (Цветаева, 1984. Табл. CXXIX, 29). В основном, трапедзы изготавливались из дерева, но иногда из мрамора и металла (Цветаева, 1984. Табл. CXXIX, 29–32).

Трехногие столики с зооморфными ножками и характерной изогнутостью, как наследие греческого мира, были восприняты и широко распространены в Римской империи и на территориях, испытывавшим ее культурное влияние (рис. 4, 8). Находки самих столиков и их фресковые изображения есть в Геркулануме и Помпеях (79 г. н.э.). Они нередки на барельефах погребальных памятников. Изображение трехногого столика на росписях склепа Анфестерия в Керчи (Гайдукевич, 1949. С. 402, 403. Рис. 71) (рис. 4, 9) в настоящее время датируется втор. пол. I в. н.э. (Яценко, 1995. С. 192). Так как на фресках проступают степные мотивы, связанные с сармато-аланским миром (Гайдукевич, 1949. С. 402, 403; Яценко, 1995. С. 192, 193), ряд исследователей проводили параллель между данным изображением и осетинским фынгом (Кузнецов, 1993. С. 158; Цуциев, 2009). В настоящее время эта точка зрения пересматривается. А.А. Туаллагов справедливо обосновывает связь этого изображения с греко-римским миром (Туаллагов, 2015а. С. 104; 2015б. С. 105, 108). Вместе с тем, на фресках четко прослеживается взаимопроникновение степной и греко-римской культур. Изображение столиков греко-римского облика (с изогнутыми ножками) можно увидеть не только в склепе Анфестерия, но и в росписях из склепа 1975 г. в Горгии начала III в. н.э. (Кобылина, 1984. Табл. CX, 3).

Археологических свидетельств использования на Кавказе столиков в первых веках н.э. крайне мало. I в. н.э. датируется деревянный

сер./втор. пол. VII — начала VI в. до н.э. (Махортых, 1991. С. 76). По мнению В.Е. Маслова, он датируется не позднее рубежа VII–VI в. до н.э., а скорее в пределах последней трети VII в. до н.э.

³ Производство столика на Кавказе, по мнению С.В. Кузьминых, возможно, но без сопоставления с образцами из Передней Азии делать какие-либо определенные выводы преждевременно.

стол-поднос на четырех съемных ножках со столешницей в форме чаши и двумя зооморфными ручками из Карабудахкента (Гаджиев, Давудов, 2010. С. 352–361).

Керамические миски на трех ножках были найдены на цитадели городища Таргу при исследовании здания храмового облика в слое албано-сарматского времени и датируются близко по времени к находке из Карабудахкента. Диаметры мисок, судя по иллюстрации, 19 и 23 см, глубина чаш около 6,5 см, высота не реконструируется, так как ножки снизу отбиты (Гаджиев, Давудов 2010. С. 353, 363. Рис. 2, 4, 5). М.С. Гаджиев и Ш.О. Давудов считают, что эти миски представляют собой идею развития чаши-столика, которую мы фиксируем на Кавказе в эпоху средней бронзы. Однако стоит подчеркнуть, что чаши из Таргу имеют уже три ножки (рис. 4, 2, 3).

В III в. н.э. идея чаши-столика на трех ножках получает продолжение в контексте аланской культуры. При этом столешница-чаша бесланской находки, по сравнению с чашами Таргу, неглубокая и наиболее приближена к идее столика.

К периоду раннего и развитого средневековья относятся несколько деревянных столиков с круглой столешницей, иногда с бортиком и съемными ножками. Это находки из катакомб № 11 Архона, № 1 и 72 Даргавса, № 8 Кольцо-горы, № 48 и 52 Рим-горы, а также случайные находки из скальных захоронений Хасаута и из Гамовской балки (раскопки И.В. Каминской). Столик из Гамовской балки не опубликован (могильник датируется IX–X в. н.э.) (Кузнецов, 1993. С. 159; Туаллагов, 2015а. С. 102). Суммарная датировка всех найденных столиков – VIII–XII в. н.э.

Два наиболее ранних из указанных экземпляров найдены при раскопках Е.Г. Пчелиной катакомбы № 11 Архонского могильника (по: Кузнецов, 1993. С. 158). Катакомба предварительно датирована автором раскопок VII–IX в. н.э. Из описания инвентаря⁴ следует, что в ней была найдена мотыжка, серьги с подвижной колонкой, амулет с 4 птичьими головками, бронзовые литые пуговицы с высокими подпрямоугольными пластинчатыми петлями, бронзовые полые пуговицы, схожие с бубенчиками, бусы характерные для салтово-маяцкого круга древностей и др. По набору вещей, катакомба, скорее всего, датировалась серединой VIII–IX в. н.э.

⁴ Выражаем благодарность В.Б. Ковалевской за любезное предоставление копии отчета Е.Г. Пчелиной.

Катакомба № 1 Даргавса (Дзаттиаты, 2014. С. 66. Табл. XI) датируется концом IX–X в. н.э. В камере было совершено несколько захоронений; их количество не восстанавливается из-за плохой сохранности костей и перемещенного инвентаря. Если поверхность столика не была деформирована, то можно сказать, что столешница имела форму блюда, края которого слегка и плавно понижались к центральной части. Диаметр другой более сохранной столешницы был около 40 см. Ее центральная часть снизу усилена утолщением диаметром около 17 см, в котором находились 3 прямоугольных паза для ножек, а также небольшой паз квадратной формы в центре. Одна из ножек сохранилась на длину около 19 см. Диаметр столика из катакомбы № 72 составлял около 40 см, столешница имела бортик, а также пару отверстий по краю, видимо, для подвешивания. В одном из пазов для крепления ножек сохранились отверстие для фиксирующего штифта и деревянный штифт (промеры по: Туаллагов, 2015а. С. 103).

Столики с круглой столешницей и выраженным бортиком обнаружены А.П. Руничем в катакомбах X–XII в. н.э. № 48 и 52 Рим-горы. Столик из катакомбы № 48 (рис. 4, 5) имел столешницу диаметром 38–40 см (согласно рисунку из отчета – ок. 30 см), длина ножек – ок. 27 см (Рунич, 1966. Рис. 6, 1; 1970. С. 202, 203. Рис. 6, 1). Диаметр столика из катакомбы № 52 – ок. 30 см (согласно отчету), ножки не сохранились (Рунич, 1966. Рис. 11, 1). На столиках стояли деревянные и керамические сосуды (керамические сосуды со временем упали на дно камер).

Морфологически близкий столик с диаметром столешницы 38–40 см был найден среди разрозненных находок скального могильника Хасаут (Рунич, 1971. С. 171. Рис. 4, 7) (рис. 4, 6).

Концом XI – перв. пол. XII в. н.э. С.Н. Савенко датировал катакомбу № 8 Кольцо-горы (совместные раскопки С.Н. Савенко и Я.Б. Березина; Савенко, 1986. Рис. 3, 1). Судя по рисунку, столешница была плоской и без бортика, диаметром ок. 40 см; предполагаемая длина ножек – ок. 30 см (рис. 4, 7).

Несмотря на заметно варьирующие диаметры столешниц описанных деревянных столиков (расхождения до 10 см при сопоставлении с масштабами к рисункам в отчетной документации и публикациях), можно предположить, что при их изготовлении явно использовалась такая древняя мера длины, как локоть.

Столики конца VIII–XII в. н.э. дожили до наших дней практически в неизменном виде. Многие исследователи обращали внимание на тесную генетическую связь археологических и этнографических экземпляров столиков. Однако впервые специально этой теме коснулся В.А. Кузнецов, обобщив все известные на 1993 г. археологические находки (Кузнецов, 1993. С. 156–159). Небольшие деревянные трехногие столики до сих пор распространены у кавказских народов, параллели им есть и за пределами Кавказа (Гаджиев, Давудов, 2010. С. 355; Туаллагов, 2015. С. 101).

Древние (дохристианские и домусульманские) представления о культовой, сакральной роли столика сохранились лишь в этнографии и мифологии осетин (Уарзиати, 1990. С. 70). Мы не будем давать им развернутой характеристики; эта тема неоднократно поднималась в литературе (библиографию см: Гаджиев, Давудов, 2010; Кузнецов, 1993. С. 156–159; Туаллагов, 2015а, 2015б; Уарзиати, 1995. С. 108–114).

Применительно к бесланской находке особый интерес представляет аспект культовых представлений об осетинском столике-фынге, связанный с погребальной обрядностью, который был зафиксирован О.А. Габуевой в с. Даллагкау в с. В. Дзуарикау в 1971 г. Эти исследования позволяют предположить, что столик рассматривался как жертвенник и кормилец не только живых — в этом же качестве он посвящался умершим. Согласно традиции, стол специально изготавливался ко дню “новогодних годовых поминок”. В ходе поминальной тризны, после поминальной речи произносилось посвящение: “Жертвуем тебе этот фынг”. После обряда столик принадлежал умершему, его бережно хранили и никому не передавали, пользуясь им лишь в поминальные дни (Габуева, 1977. С. 90). Столики выступали посредниками между миром мертвых и живых. Находки столиков в древних погребениях говорят о том, что в прежние времена столик могли жертвовать в день погребения и класть непосредственно в могилу.

Подобные традиции наблюдались и в отношении чаш. Это важно в связи с тем, что в случае с бесланской находкой нельзя не допустить, что он мог выполнять и роль чаши/миски. Чаши у осетин могли посвящаться святым, нартовским героям, праздникам и членам семьи, и, соответственно, использовались только при определенных случаях и определенными людьми

(Габуева, 1977. С. 89). На схожесть отношения (в религиозно-культовом понимании) к чашам и столикам в осетинской традиционной культуре обратил внимание А.А. Туаллагов (Туаллагов, 2015а. С. 104). То, что это отношение сложилось исторически, доказывает и вышеизложенное описание использования и эволюции столиков, подносов-блюд и чаш на ножках на Кавказе.

В заключение можно сказать, что эволюцию трехногих столиков на Кавказе из-за крайне незначительного количества ранних находок можно наметить пока только пунктирно. Насколько большую роль сыграло местное, греческое, римское, переднеазиатское и степное влияние — все еще остается вопросом. Самый ранний трехногий столик найден в скифском кургане у с. Нартан, затем в эволюционном ряду, после многовекового перерыва, следует рассматриваемая находка из погребения аланской культуры III в. н.э. из Беслана. Ее функциональное назначение размыто, но, судя по тому, как она была использована (на ней стояла кружка), все же можно предположить, что перед нами вотивный столик. Возможно, в пользу последнего говорит и отсутствие среди деревянных находок более позднего времени (в VIII–XII вв.) круглых подносов-блюд на трех низких ножках. Вместе с тем в катакомбах аланской культуры и скальных захоронениях VIII–XII вв. встречены столики с круглой столешницей и тремя съемными ножками.

Бесланская находка из погребения аланской культуры, произведенная в керамических традициях раннего этапа этой культуры, с большой долей вероятности является свидетельством бытования трехногих столиков на Кавказе в первых веках нашей эры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. Репринт. воспроизведение изд. 1958 г. М.: ВИКОМ, 1996. 656 с.
- Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
- Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–115.
- Барцева Т.Б. Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан. (По данным спектрального анализа) // Археологические ис-

- следования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 116–134.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.
- Габуева О.А. Крестьянские промыслы осетин во второй половине XIX — начале XX в. (до 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. М.: ИЭ АН СССР, 1977. 197 с.
- Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. Резной деревянный столик первых веков н.э. из окрестностей Карабудахкента (Дагестан) // Исследования первобытной археологии Евразии: сб. ст. к 60-летию Хизри Амирхановича Амирханова / Отв. ред. и сост. О.М. Давудов. Махачкала: Наука ДНЦ РАН, 2010. С. 352–364.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
- Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука, 1982. 234 с.
- Дзаттиаты Р.Г. Аланские древности Даргавса. Владикавказ: Ир, 2014. 239 с.
- Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: ГЭ, 2011. 328 с.
- Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Наука, 2004. 471 с.
- Кобылина М.М. Скульптура; Живопись; Мозаика; Вазопись; Торевтика; Коропластика; Театр, актеры, музыкальные инструменты // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред.: Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). С. 212–218.
- Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского ин-та гуманитарных исследований, 1993. 184 с.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
- Малашев В.Ю. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв.н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику — друзья и ученики / Отв. ред. Н.Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 487–501.
- Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II — середины V в.н.э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.
- Малашев В.Ю., Албегова З.Х.-М., Меньшикова В.А., Габуев Т.А., Фризен (Куринских) О.И., Фризен С.Ю. Исследования участка Бесланского могильника в РСО-Алания // АО 2010–2013 гг. М.: ИА РАН, 2015. С. 387–389.
- Малашев В.Ю., Дзуцев Ф.С. Приложение 2. Парадные сбруйные наборы III в.н.э. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа // Малашев В.Ю. Памятники средне-
- сарматской культуры северо-кавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II — середины V в.н.э. М.: ИА РАН, 2016. С. 164–206.
- Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наук. думка, 1991. 136 с.
- Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского Государственного Университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 172–212.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (Курганная группа у станции Манас) // СА. 1956. XXVI. С. 167–203.
- Панасюк Н.В. Раннекатакомбные курильницы степного Предкавказья // РА. 2010. № 2. С. 25–38.
- Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1989 (Археология СССР). С. 216–223.
- Рунин А.П. Отчет об археологических разведках в районе Кавминвод за 1966 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 3251.
- Рунин А.П. Катакомбы Рим-горы // СА. 1970. № 2. С. 198–210.
- Рунин А.П. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. 1971. № 2. С. 167–178.
- Савенко С.Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI — первой половины XII вв. могильника Кольцо-гора // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. С. 75–92.
- Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 73–81.
- Туалагов А.А. О некоторых археолого-этнографических параллелях // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 5 / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарского ин-та гуманитарных исследований, 2015. С. 98–119.
- Туалагов А.А. О происхождении осетинского столика фынг // Вестник СОГУ. 2015а. № 3. С. 102–105.
- Уарзиати В.С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1990. 190 с.
- Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1995. 446 с.
- Цветаева Г.А. Мебель бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред.: Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). С. 227, 228.
- Цуциев А.А. Погребальная обрядность сарматов, алан и осетин: археолого-этнографические параллели [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iratta>.

com/materials/sarmaty/8230-pogrebalnaya-obryadnost-sarmatov-alan-iosetin-arheologo-yetnograficheskie-paralleli.html. Дата обращения: 03.03.2018.

Яценко С.А. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском склепе Анфестерия // ВДИ. 1995. № 3. С. 188–194.

ALANIAN BURIAL OF THE 3RD CENTURY AD WITH A CERAMIC TABLE

Zarina Kh.-M. Albegova*, Vladimir Yu. Malashev**.

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

* E-mail: albegova_zarina@rambler.ru

** E-mail: malashev@yandex.ru

In the course of 2011 salvage and protection activities in the Beslan burial ground (the Republic of North Ossetia – Alania), pair grave 734 of the 3rd century AD, disturbed in ancient times, was investigated. The burial arranged in a catacomb is characteristic of the Alanian culture of the North Caucasus. Among the remaining grave goods, of special interest are a unique ceramic table on three legs and a mug with a zoomorphic handle depicting a feline predator.

Keywords: the North Caucasus, the Alanian culture, the 3rd century AD, fyng-table.

REFERENCES

- Abaev V.I., 1996. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language], I. Reprint 1958. Moscow: VIKOM. 656 p.
- Abramova M.P., 1993. Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya (III v. do n.e. – IV v.n.e.) [Central Ciscaucasia in the Sarmatian Period (the 3rd century BC – the 4th century AD)]. Moscow: IA RAN. 240 p.
- Bartseva T.B., 1985. The chemical composition of non-ferrous metal from the burial ground near the village of Nartan (spectral analysis data). *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological investigations on the construction sites of Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nal'chik: El'brus, pp. 116–134. (In Russ.)
- Batchaev V.M., 1985. Antiquities of the pre-Scythian and Scythian periods. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological investigations on the construction sites of Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nal'chik: El'brus, pp. 7–115. (In Russ.)
- Debirov P.M., 1982. Rez'ba po derevu v Dagestane [Wood-carving in Dagestan]. Moscow: Nauka. 234 p.
- Dzattiaty R.G., 2014. Alanskii drevnosti Dargavs [Alanian Antiquities of Dargavs]. Vladikavkaz: Ir. 239 p.
- Gabuev T.A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Early Alanian sites from central districts of the North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.
- Gabueva O.A., 1977. Krest'yanskie promysly osetin vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (do 1917 g.): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Ossetian peasants' crafts in the second half of the 19th – the early 20th century (before 1917): Doctoral Thesis in History]. Moscow: Institut etnografii AN SSSR. 197 p.
- Gadzhiev M.S., Davudov Sh.O., 2010. Carved wooden table of the early centuries AD from the vicinity of Karabudakhkent (Dagestan). *Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Evrazii: sbornik statey k 60-letiyu Khizri Amirkhanovicha Amirkhanova* [Studies on the archaeology of primitive Eurasia: collected papers to the 60th anniversary of Khizri Amirkhanovich Amirkhanov]. O.M. Davudov, ed., comp. Makhachkala: Nauka, pp. 352–364. (In Russ.)
- Gaydukevich V.F., 1949. Bosporskoe tsarstvo [Bosporan Kingdom]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 624 p.
- Kaloev B.A., 2004. Osetiny: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Ossetians: a historical and ethnographic study]. 3rd edition, supplemented and revised. Moscow: Nauka. 471 p.
- Kobylyina M.M., 1984. Sculpture; pictorial art; mosaic; vase painting; art of metalwork; coroplastic art; theatre, actors, musical instruments. *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient states of the Northern Black Sea region]. G.A. Koshelenko, I.T. Kruglikova, V.S. Dolgorukov, eds. Moscow: Nauka, pp. 212–218. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Kuznetsov V.A., 1993. Alano-osetinskie etyudy. [Alanian-Ossetian Studies]. Vladikavkaz: Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. 184 p.
- Makhortykh S.V., 1991. Skify na Severnom Kavkaze [Scythians in the North Caucasus]. Kiev: Naukova dumka. 136 p.
- Malashev V. Yu., 2000. Periodization of the belt sets of the Late Sarmatian Period. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their neighbours on the Don], 1. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (In Russ.)
- Malashev V. Yu., 2007. The cultural situation in the central regions of the North Caucasus in the 2nd–5th centuries AD. *Tri chetverti veka. D.V. Deopiku – druž'ya i ucheniki* [Three quarters of the century. Friends and students: to D.V. Deopik]. N.N. Bektimirova, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 487–501. (In Russ.)
- Malashev V. Yu., 2016. Pamyatniki srednesarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy

- poloviny II – serediny V v.n.e. [The Middle Sarmatian culture sites of the North Caucasian steppe and their traditions in the burial mounds of the North-Eastern Caucasus of the second half of the 2nd – the middle of the 5th century AD]. Moscow: IA RAN. 208 p.
- Malashev V. Yu., Albegova Z. Kh.-M., Men'shikova V.A., Gabuev T.A., Frizen (Kurinskikh) O.I., Frizen S. Yu., 2015. Investigations of a section of the Beslan burial ground in the Republic of North Ossetia-Alania. *Arkheologicheskie otkrytiya 2010–2013 gg. [Archaeological discoveries 2010–2013]*. Moscow: IA RAN, pp. 387–389. (In Russ.)
- Malashev V. Yu., Dzutsev F.S., 2016. Appendix 2. Ceremonial harness equipment of the 3rd century AD from the Beslan burial ground and the issue of the Alanian culture formation in the North Caucasus. *Malashev V. Yu. Pamyatniki sredne-sarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v.n.e. [The Middle Sarmatian culture sites of the North Caucasian steppe and their traditions in the burial mounds of the North-Eastern Caucasus of the second half of the 2nd – the middle of the 5th century AD]*. Moscow: IA RAN, pp. 164–206. (In Russ.)
- Moshkova M.G., Malashev V. Ju., 1999. The chronology and typology of the Sarmatian catacomb burial structures. *Nauchnye shkoly Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Arheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v jepohu ranne-go zheleza i srednevekov'ja [Scientific Schools of Volgograd State University. Archaeology of the Volga-Urals Region in the Early Iron Age and the Middle Ages]*. A.S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskij gosudarstvennyj universitet, pp. 172–212. (In Russ.)
- Munchaev R.M., Smirnov K.F., 1956. A Bronze Age site in Dagestan (Mound group near Manas station). *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, XVI, pp. 167–203. (In Russ.)
- Panasyuk N.V., 2010. Early catacomb censors of the steppe Ciscaucasia. *Russ. Arkheol.*, 2, pp. 25–38. (In Russ.)
- Petrenko V.G., 1989. Scythians in the North Caucasus. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [The Steppe of the USSR European part in the Scythian-Sarmatian Period]* B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 216–223. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Runich A.P. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v ray-one Kavminvod za 1966 god [Report on archaeological reconnaissance in the district of Caucasian Spas in 1966]. *Arkhir Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]*, R-1, № 3251 (Unpublished).
- Runich A.P., 1970. Catacombs of Rim-gora. *SA [Soviet Archaeology]*, 2, pp. 198–210. (In Russ.)
- Runich A.P., 1971. Rock burials in the vicinity of Kislovodsk. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 2, pp. 167–178. (In Russ.)
- Savenko S.N., 1986. Ethnocultural characteristics of the rich burials of the late 11th–first half of 12th century in the Koltso-gora burial ground. *Etnokul'turnye problemy bronzovogo veka Severnogo Kavkaza [Ethnocultural issues of the Bronze Age in the North Caucasus]*. T.B. Turgiev, ed. Ordzhonikidze: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 75–92. (In Russ.)
- Smirnov K.F., 1972. The Sarmatian catacomb burials in the Southern Ciscrals and in the Volga region and their relation to those of the North Caucasus // *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1, pp.73–81. (In Russ.)
- Tsutsiev A.A. Pogrebal'naya obryadnost' sarmatov, alan i osetin: arkheologo-etnograficheskie paralleli. Elektronnyy resurs [Burial ceremonies of the Samatians, Alanians and Ossertians: archaeological and ethnographic parallels. Electronic source]. URL: <http://iratta.com/materials/sarmaty/8230-pogrebalnaya-obryadnost-sarmatov-alan-iosetin-arxeologo-yetnograficheskie-paralleli.html>.
- Tsvetaeva G.A., 1984. Furniture, household utensils, heating, lighting, toileware, and toys. *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya [Ancient states of the Northern Black Sea region]*. G.A. Koshelenko, I.T. Kruglikova, V.S. Dolgorukov, eds. Moscow: Nauka, pp. 227, 228. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Tuallagov A.A., 2015a. The origin of the Ossetian fyng-table. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova [The Journal of K.L. Khetagurov North Ossetian State University]*, 3, pp. 102–105. (In Russ.)
- Tuallagov A.A., 2015b. Certain archaeological and ethnographic parallels. *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza [Archaeology and ethnology of the North Caucasus]*, 5. B. Kh. Bgazhnokov, ed. Nal'chik: Izdatel'stvo Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy, pp. 98–119. (In Russ.)
- Uarziati V.S., 1990. Kul'tura osetin: svyazi s narodami Kavkaza [The Ossetian Culture: connections with the peoples of the caucasus]. Ordzhonikidze: Ir. 190 p.
- Uarziati V.S., 1995. Prazdnichnyy mir osetin [The Festival world of the Ossetians]. Vladikavkaz: Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta. 446 p.
- Yatsenko S.A., 1995. Sarmatian-Alanian subject of the wall-painting in the “Crypt of Anthesterios” in Panticapaeum. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 3, pp. 188–194. (In Russ.)
- Zasetskaya I.P., 2011. Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskiy klad [The treasures of Khokhlach Mound. Novocherkassk hoard]. St. Petersburg: GE. 328 p.

ВОЗМОЖНОСТИ НЕЙТРОННОЙ ТОМОГРАФИИ В АРХЕОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ УКРАШЕНИЙ ИЗ ТВЕРСКОГО КЛАДА 2014 г.

© 2018 г. И.А. Сапрыкина^{1,*}, С.Е. Кичанов^{2,**},
Д.П. Козленко^{2,***}, Е.В. Лукин^{2,****}

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

² Объединенный институт ядерных исследований, Дубна, Россия

* E-mail: dolmen200@mail.ru

** E-mail: ekich@nfjinr.ru

*** E-mail: denk@nfjinr.ru

**** E-mail: lukin@jinr.ru

Поступила в редакцию 15.12.2016 г.

Отдельные предметы из Тверского клада 2014 г., найденного в ходе раскопок на территории кремля г. Тверь и датированного 1238 г., до начала реставрационных работ были исследованы методом нейтронной томографии. Основной целью было получение данных о внутреннем строении объектов и наличии на них специальных покрытий (чернения, золочения). Исследование выполнено на 14-м канале импульсного высокопоточного реактора ИБР-2 в Лаборатории нейтронной физики им. И.М. Франка Объединенного института ядерных исследований (Дубна). Результаты позволили точно локализовать участки чернения и золочения на браслете, получить детальные данные по технике изготовления лучевого колта. Отмечено, что браслет из состава Тверского клада 2014 г. изготовлен в тех же ювелирных традициях, что и браслет из Тверского клада 1906 г., а колт из состава Тверского клада 2014 г. имеет аналогии в материалах Тереховского клада 1876 г. Предположительно, и браслет, и колт из Тверского клада 2014 г. — продукция киевской мастерской.

Ключевые слова: древнерусские украшения, Тверской клад 2014 г., нейтронная томография и радиография, техника изготовления, киевская ювелирная школа.

DOI: 10.31857/S086960630001631-3

Древнерусские ювелирные изделия — предмет многочисленных и многолетних специальных исследований начиная с первой половины XIX в.; а вещи, найденные в составе кладов, сокрытых в момент трагических событий 1237–1238 гг., — объект наиболее пристального внимания исследователей как один из достоверных источников реконструкции домонгольского периода истории и культуры России. Казалось, что после трудов Б.А. Рыбакова (2015), Г.Ф. Корзухиной (1950, 1954), Т.И. Макаровой (1975, 1986, 2008), Н.В. Жилиной (2010), Л.В. Пекарской (Pekarska, 2011) и других исследователей проблематика древнерусского ювелирного дела представляется исчерпанной.

Однако последние находки кладов в Старой Рязани в 2005 г. (Старая Рязань..., 2014), Торжке в 2010 г. (Малыгин, Сарафанова, 2011), Твери

в 2014 г. (Хохлов, Кунгурцева, 2016) совпали по времени с появлением и внедрением в практику археологических исследований новейших естественнонаучных методов, позволяющих без разрушения или повреждения предмета изучать его внутреннее строение, элементный состав или наличие дефектов в структуре материала. Один из таких методов — нейтронная радиография и томография, основанная на разной степени ослабления интенсивности нейтронного пучка при прохождении через материалы различного химического состава или плотности, что позволяет визуализировать распределение неоднородностей состава или структуры в исследуемых объектах и материалах и получать их виртуальную трехмерную модель для дальнейшего анализа (Kasztovszky et al., 2011; Kichanov et al., 2016).

С целью получения данных о внутреннем строении объектов и наличия на них специальных покрытий (чернения, золочения) было предпринято исследование методом нейтронной томографии двух предметов из состава Тверского клада 2014 г. Результаты этого исследования, выполненные перед началом реставрационных работ, суммируются в данной статье.

В 2014 г. сотрудниками ТНИИР-центра при раскопках в Твери на территории кремля, в здании Реального училища, был найден клад серебряных украшений, время сокрытия которого относится исследователями к концу зимы — началу весны 1238 г. (Хохлов, Кунгурцева, 2016. С. 113). В составе клада — не менее 59 украшений разных типов, сильно фрагментированных: это колты, подвески-рясна, трехбусинные височные кольца, медальоны и бусины от ожерелья, двусторчатый браслет, выполненные в традиционной технике зерни, скани и черни, по аналогиям датируемые XII — первой третью XIII в. (Хохлов, Кунгурцева, 2016. С. 117–122). Предметы довольно сильно пострадали как в результате дальнейшей жизни города на данном участке, так и, видимо, в момент событий 1238 г. Предварительное обследование на бинокулярном микроскопе Zeiss Stemi 2000C ($\times 150$) показало, что на большинстве предметов не сохранилось золочения¹ и чернения, а также оказались утраченными участки гравированного орнамента. Кроме того, отдельные украшения имеют визуальные признаки длительного, но опосредованного воздействия высоких температур (“побежалость” поверхности, характер серебра на сломе; однако следы “течения” металла не зафиксированы)².

Для исследования методом нейтронной радиографии и томографии отобрано два предмета: фрагмент браслета и фрагмент колта (Хохлов, Кунгурцева, 2016. Рис. 10, 2; 20; цв. вклейка). Исследование проводилось на специализированной экспериментальной станции нейтронной томографии и радиографии (Kozlenko et al., 2015), на 14-м канале импульсного высокопоточного ре-

актора ИБР-2 в Лаборатории нейтронной физики им. И.М. Франка Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ). Из-за различной степени ослабления интенсивности нейтронного пучка (Searf, 1992) при прохождении через компоненты разного химического состава или плотности изучаемого объекта можно получить информацию о внутреннем строении исследуемых материалов с пространственным разрешением на микронном уровне (Radiography..., 2005).

Нейтронный пучок сечением 20×20 см формируется системой коллиматоров, для которой значение характеристического параметра L/D (Dinca et al., 2006) равнялось 200. Интегральный поток тепловых нейтронов в позиции образца составляет $\Phi \sim 5.5(2) \times 10^6$ н/см²/с. Нейтронные радиографические изображения получались с помощью детекторной системы на основе сцинтилляционного экрана $^6\text{LiF}/\text{ZnS}$ с регистрацией изображений высокочувствительной видеокамерой на основе CCD-матрицы. Проведение томографических экспериментов обеспечивает система гониометров HUBER с минимальным угловым поворотом 0.02° . Полученные в эксперименте нейтронные изображения корректируются на фоновые шумы детекторной системы и нормализуются на падающий нейтронный пучок с помощью программного пакета ImageJ (Schneider et al., 2012). Томографическая реконструкция из отдельных угловых нейтронных проекций осуществлялась программой H-PITRE (Chen et al., 2012). Для визуализации и анализа получаемых трехмерных данных использовался программный комплекс VGStudio MAX 2.2 фирмы Volume Graphics (Гейдельберг, Германия).

Для исследования внутренней структуры выбранных археологических объектов был проведен ряд нейтронных радиографических экспериментов, результатом которых был набор из 360 угловых радиографических проекций. Время измерения одной проекции — 10 с, а полное время одного томографического эксперимента — около 4 ч. Из полученных наборов проекций была восстановлена виртуальная трехмерная модель для каждого из исследуемых объектов (Lehmann et al., 2014). Полученная трехмерная модель представляет собой массив данных из трехмерных пикселей — вокселей, каждый из которых характеризуется пространственными координатами и определенной величиной градации серого цвета. Размер одного вокселя в восстановленных из томографических данных составлял $53 \times 53 \times 53$ мкм. Градация

¹ Участки золочения реконструировались по данным РФА (XRF). Анализ выполнен Л.А. Пельгуновой (Институт проблем экологии и эволюции РАН им. А.Н. Северцова); результаты исследования химического состава металла предметов из Тверского клада 2014 г. в настоящий момент готовятся к публикации.

² Благодарим сотрудника ИА РАН К.Н. Скворцова, в настоящее время проводящего реставрацию предметов из состава клада, за ценные замечания в процессе обсуждения следов возможного нахождения предметов рядом с источником высоких температур.

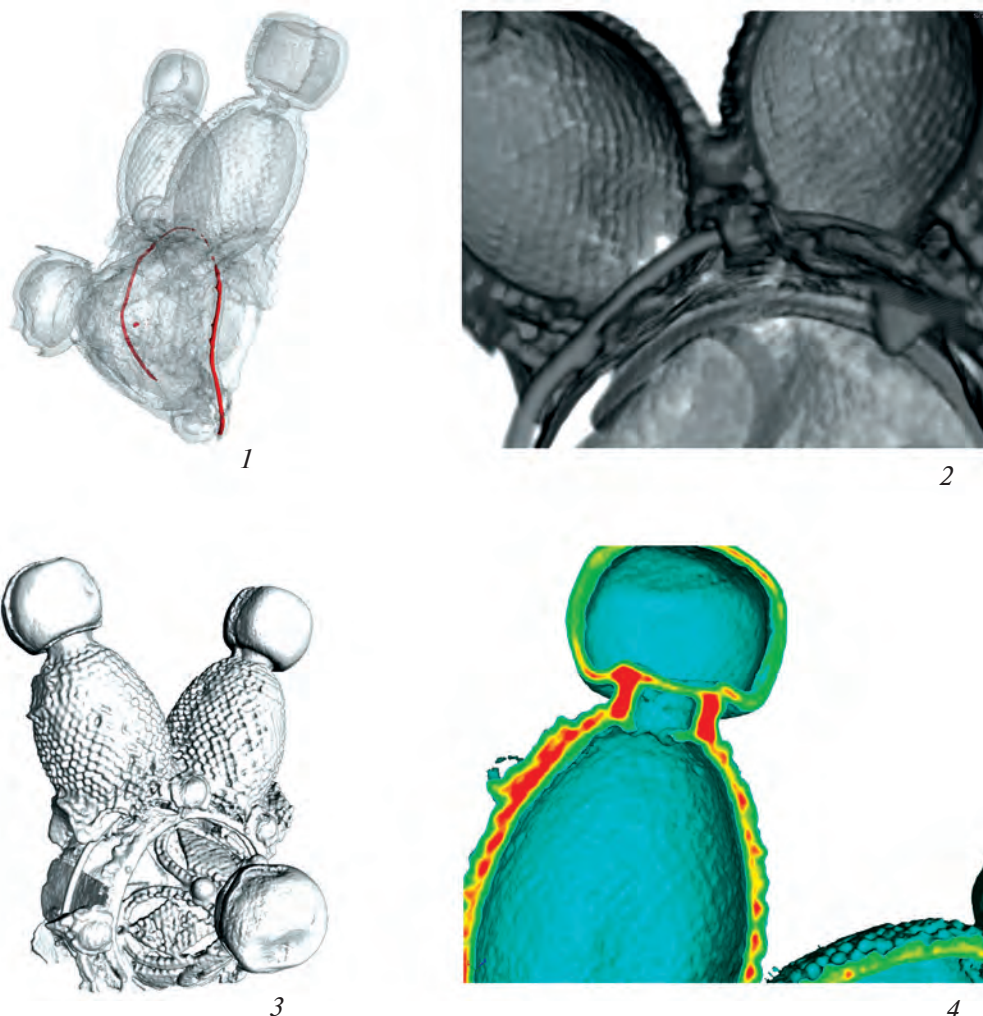

Рис. 1. 3D-модель колта по данным нейтронной томографии. 1 — проволока по внешнему периметру обруча; 2 — система крепежа отдельных лучей колта к проволоке и друг к другу; 3 — боковые лучи и центральная орнаментальная розетка с лучом; 4 — следы использования припоя для соединения отдельных элементов колта.

Fig. 1. 3D model of the kolt based on neutron tomography data

серого цвета соответствует степени ослабления нейтронного пучка в определенной пространственной точке образца.

Фрагмент лучевого (звездчатого) колта отличается от имеющихся в составе клада как размером (авторы находки дают реконструируемые размеры — 52×56 мм), так и сохранностью. Колт относится к украшениям 1-й группы (Жилина, 2010. С. 114. Рис. 59, 16), по форме лучей и стилистическим особенностям оформления близок к парным колтам киевской работы первой половины XII в. из состава Тереховского клада 1876 г. (Клады..., 2015. С. 47. Рис. 78, 77).

Виртуальная трехмерная модель исследуемого объекта, полученная после томографического восстановления из отдельных нейтронных про-

екций, позволяет визуализировать как участки сборки отдельных деталей, так и внутренние элементы крепежа конструкции колта.

Видно, что в качестве основного крепежного элемента использовался высокий обруч (“барабан”) с отогнутыми наружу краями, к которым крепились (паялись) элементы орнаментальной розетки центрального медальона с лучом (лицевая сторона) и крышкой (оборотная сторона). Для обруча использована достаточно тонкая пластина металла, края которой соединены друг с другом внахлест. Жесткость конструкции обеспечивает проволока, пущенная по всему внешнему периметру обруча (рис. 1, 1); устойчивость конструкции придают и боковые лучи колта, особыми “ушками” прикрепленные к проволо-

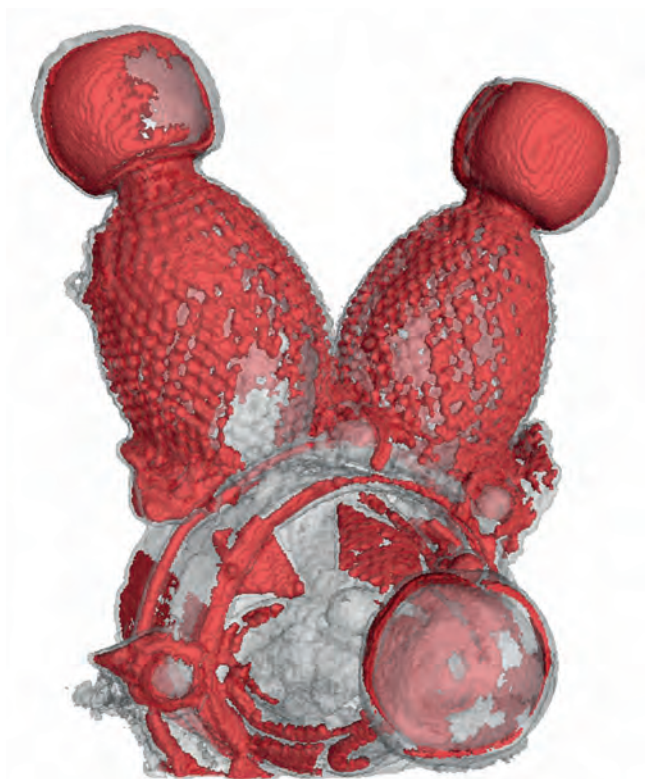

Рис. 2. Участки с другим элементным составом на поверхности колта.

Fig. 2. Areas with a different elemental composition on the kolt surface

ке и соединенными с краями обруча (рис. 1, 2). Для изготовления боковых лучей, по всей видимости, использовалось четыре элемента, полученных тиснением на матрице. По всей видимости, орнаментальная розетка центрального медальона с лучом, как и крышка, собрана из отдельных деталей: основной части с вырезанными “пазами” для вставки зерненных элементов, обрамленных рифленой проволокой (рис. 1, 3).

На участках соединения двух тисненых половинок лучей колта хорошо читаются участки припоя (рис. 1, 4), элементный состав которого пока не определен. Видно, что наибольшая его концентрация расположена на небольшой по размеру “шейке” (участку наибольшего напряжения конструкции). Также удалось зафиксировать использование пайки для соединения между собой отдельных лучей колта — эта пайка выполнялась на внутренней стороне, на внешней стороне она не видна (рис. 1; 2). Показательно отличие по плотности участков с зернью от материала самого колта (рис. 2) — вероятно, эти данные указывают на различия в химическом

Рис. 3. Браслет с участками золочения, выделенными темным (1), и чернения (2) — серый цвет фона внутри арок.

Fig. 3. Bracelet with gilding areas, highlighted by dark (1), and niello (2) — gray background inside the arches

составе металла зерни и припоя от металла основных деталей украшения.

Второй объект исследования, *фрагмент широкого двустворчатого браслета*, до начала реставрационных работ представлял собой плохо сохра-

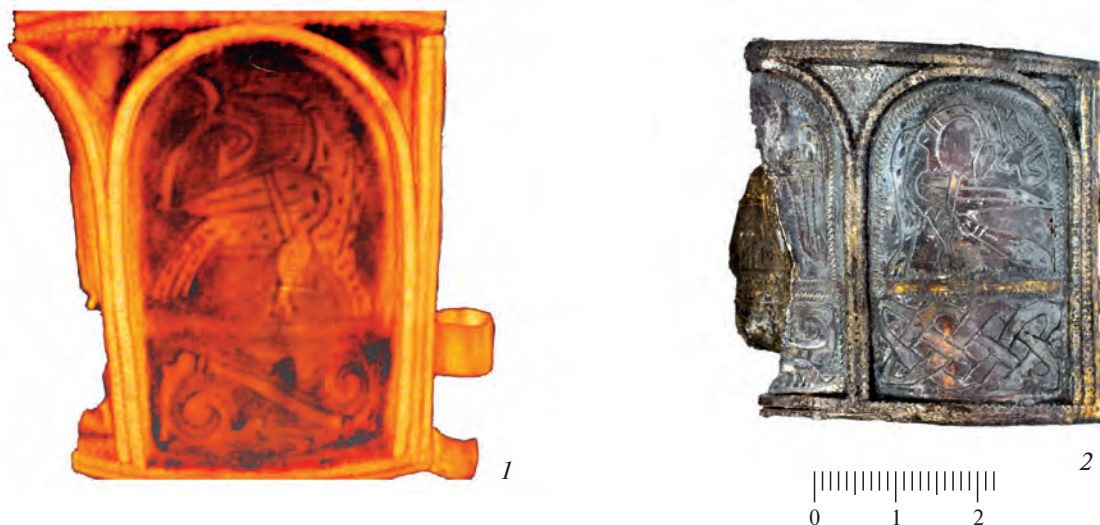

Рис. 4. Реконструкция внешнего вида браслета по данным нейтронной томографии (1) и общий вид его фрагмента после расчистки (2).

Fig. 4. Reconstruction of the outer appearance of the bracelet based on neutron tomography data (1) and the general view of its fragment after cleaning (2)

нившуюся плоскость между арками, со следами, которые могут быть интерпретированы и как разметка под гравировку, и как остаток сильно пострадавшего декора. На поверхности ни при микроскопическом обследовании, ни по результатам РФА-анализа остатки золочения не зафиксированы; участки с чернением также не определялись.

В результате экспериментов по нейтронной томографии удалось получить данные о наличии золочения и размещении этих участков на арках и рифленых проволоках, пущенных по краю браслета, а также, вероятно, на застежках (рис. 3, 1). Остатки чернения расположены на всех орнаментальных зонах браслета: в нижнем и верхнем полях, в пространстве между арками. Хорошо видно, что гравированный орнамент полностью закончен и не требует доработки (рис. 3, 2).

Методами нейтронной томографии удалось выявить участки позолоты и чернения на плоскости этого браслета (рис. 4, 1). Судя по полученным данным, исследуемый фрагмент широкого двустворчатого браслета выполнен в аналогичной технической и стилистической манере, что и браслет из находки в Твери в 1906 г. (Клады..., 2015. С. 57. Рис. 100). По мнению исследователей, такие браслеты можно отнести к продукции первой киевской мастерской (Макарова, 2008. С. 82, 83. Табл. 33).

Благодаря прекрасной работе реставратора этого клада К.Н. Сковцова можно сопоставить реконструируемое изображение фрагмента

браслета с его реальным видом (рис. 4, 2). Это хорошая иллюстрация разрешительной способности метода нейтронной томографии для археологических предметов.

Метод нейтронной томографии, как наглядно показано, хорошо работает для тонкостенных предметов и образцов с разным элементным составом; он позволяет «увидеть» скрытые конструктивные элементы, выявить и зафиксировать, в частности, участки припоя, утраченного рельефа или золочения (чернения). С помощью данного метода для Тверского клада 2014 г. еще до начала реставрационных работ удалось установить присутствие предметов, относящихся к наиболее ранним образцам продукции первой киевской мастерской, что ставит Тверской клад 2014 г. в один ряд с другими уникальными и богатейшими по составу кладами домонгольского времени — Тверским кладом 1906 г. и Тереховским кладом 1876 г. Браслет из клада 2014 г. по характеру исполнения орнаментальных мотивов, глубине и точности гравировки, использованию определенных типов арок-разделителей, участков нанесения позолоты и чернения крайне близок манере мастера, изготовившего известный створчатый браслет с языческими сценами из клада 1906 г.; вероятно, дальнейший анализ этих браслетов позволит точнее установить авторство украшения из клада 2014 г.

Выражаем искреннюю признательность авторам находки Тверского клада 2014 г., А.Н. Хох-

лову и С.А. Кунгурцевой, за любезно предоставленную возможность работы с предметами из составаклада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жилина Н.В. Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН, 2010. 260 с.
- Клады Древней Руси в собрании Русского музея. СПб.: Palace Editions, 2015 (Альманах / Русский музей; вып. 457). 95 с.
- Корзухина Г.Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // СА. 1950. № 14. С. 217–244.
- Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 158 с.
- Макарова Т.И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука, 1975. 134 с.
- Макарова Т.И. Черное дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.
- Макарова Т.И. Чернь в драгоценном уборе Древней Руси // Жилина Н.В., Макарова Т.И. Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций. IX–XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. М.: ИА РАН, 2008. С. 62–98.
- Малыгин П.Д., Сарафанова Н.А. Новоторжский клад // Природа. 2011. № 6. С. 41–43.
- Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Акад. проект: Культура, 2015. 715 с.
- Старая Рязань. Клад 2005 года / Ред. А.В. Чернецов. СПб.; М.: Нестор-История, 2014. 104 с.
- Хохлов А.Н., Кунгурцева С.А. Тверской клад 2014 года (предварительная публикация) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9 / Ред. А.Н. Хохлов. Тверь: ТНИИР-Центр, 2016. С. 113–123.
- Chen R.C., Dreossi D., Mancini L., Menk R., Rigon L., Xiao T.Q., Longo R. PITRE: software for phase-sensitive X-ray image processing and tomography reconstruction // J. of Synchrotron Radiation. 2012. V. 19. P. 836–845.
- Dinca M., Pavelescu M. Calculus for a neutron imaging system based on a CCD camera // Romanian J. of Physics. 2006. V. 51. № 3–4. P. 363–370.
- Kasztovszky Z., Belgia T., Kis Z., Szentmiklosi L. New developments in neutron radiography // Nuclear Techniques for Cultural Heritage Research. Vienna: International Atomic Energy Agency, 2011 (IAEA Radiation Technology Series; № 2). P. 121–128.
- Kichanov S., Kozlenko D., Lukin E., Rutkauskas A., Savenko B. Neutron radiography and tomography facility on the reactor IBR-2: applied research // Abstract Book of 8th Intern. Topical Meeting on Neutron Radiography. Beijing: Peking Univ., 2016. P. 43.
- Kozlenko D.P., Kichanov S.E., Lukin E.V., Rutkauskas A.V., Bokuchava G.D., Savenko B.N., Pakhnevich A.V., Rozanov A.Yu. Neutron Radiography Facility at IBR-2 High Flux Pulsed Reactor: First Results // Physics Procedia. 2015. V. 69. P. 87–91.
- Lehmann E.H., Kaestner A., Gruenzweig C., Mannes D., Vontobel P., Peetermans S. Materials research and non-destructive testing using neutron tomography methods // International Journal of materials research. 2014. V. 105. Iss. 7. P. 664–670.
- Pekarska L. Jewellery of Princely Kiev. The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and Related Material. Mainz; L.: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2011 (Römisch-Germanisches Zentralmuseum; 92). 262 p.
- Radiography of Cultural Material. 2nd ed. / Eds A. Middleton, J. Lang. Oxford: Routledge, 2005. 208 p.
- Schneider C.A., Rasband W.S., Eliceiri K.W. NIH Image to ImageJ: 25 years of image analysis // Nature Methods. 2012. 9 (7). P. 671–675.
- Searf V.F. Neutron scattering lengths and cross sections // Neutron News. 1992. V. 3. № 3. P. 29–37.

THE CAPABILITIES OF NEUTRON TOMOGRAPHY IN ARCHAEOLOGY ON AN EXAMPLE OF THE STUDY OF OLD RUSSIAN JEWELRY FROM THE TVER HOARD OF 2014

Irina A. Saprykina^{1,*}, Sergey E. Kichanov^{2,**},
Denis P. Kozlenko^{2,***}, Evgeniy V. Lukin^{2,****}

¹ Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

² Joint Institute for Nuclear Research, Dubna, Russia

* E-mail: dolmen200@mail.ru

** E-mail: ekich@nf.jinr.ru

*** E-mail: denk@nf.jinr.ru

**** E-mail: lukin@jinr.ru

A number of objects from the Tver hoard excavated on the territory of the Tver Kremlin in 2014 and dated back to 1238 AD were studied by means of neutron tomography before the start of restoration work. The main objective of this examination was to obtain data on internal structure of the objects and to determine if there are any special coatings such as gilding or niello. The study was performed on the 14th channel of pulsed high-flux reactor IBR-2

(Pulsed Fast Reactor 2) in Frank Laboratory of Neutron Physics (JINR, Dubna). The results allowed precise localizing the areas of niello and gilding on the bracelet surface and revealing details on the manufacturing technique of a radial kolt. It is noted that the bracelet from the Tver hoard of 2014 was manufactured with the same technique as a bracelet from the Tver hoard of 1906, and the kolt from the Tver hoard of 2014 has analogues in the Terekhovo hoard of 1876. Presumably, both the bracelet and the kolt from the Tver hoard of 2014 were manufactured by one of Kiev workshops.

Keywords: Old Russian jewelry, the Tver hoard of 2014, neutron tomography and radiography, the manufacturing technique, the Kiev school of jewellery.

REFERENCES

- Chen R.C., Dreossi D., Mancini L., Menk R., Rigon L., Xiao T.Q., Longo R., 2012. PITRE: software for phase-sensitive X-ray image processing and tomography reconstruction. *Journal of Synchrotron Radiation*, 19, pp. 836–845.
- Dinca M., Pavelescu M., 2006. Calculus for a neutron imaging system based on a CCD camera. *Romanian Journal of Physics*, vol. 51, № 3–4, pp. 363–370.
- Kasztovszky Z., Belgia T., Kis Z., Szentmiklosi L., 2011. New developments in neutron radiography. *Nuclear Techniques for Cultural Heritage Research*. Vienna: International Atomic Energy Agency, pp. 121–128. (IAEA Radiation Technology Series, 2).
- Khokhlov A.N., Kungurtseva S.A., 2016. The Tver hoard of 2014 (preliminary publication). *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, Tver region and the adjacent territories in the Middle Ages]*, 9. A.N. Khokhlov, ed. Tver': TNIIR-Ts, pp. 113–123. (In Russ.)
- Kichanov S., Kozlenko D., Lukin E., Rutkauskas A., Savenko B., 2016. Neutron radiography and tomography facility on the reactor IBR-2: applied research. *Abstract Book of 8th Intern. Topical Meeting on Neutron Radiography*. Beijing: Peking Univ., p. 43.
- Klady Drevney Rusi v sobranii Russkogo muzeya [The hoards of Ancient Rus in the Russian Museum Collection]. St. Petersburg: Palace Editions, 2015. 95 p. (Al'manakh. Russkiy muzey, 457).
- Korzukhina G.F., 1950. Kiev jewelers on the eve of the Mongol conquest. *Sov. arkheologiya [Sov. Archaeology]*, 14, pp. 217–244. (In Russ.)
- Korzukhina G.F., 1954. Russkie klady IX–XIII vv. [Russian hoards of the 9th–13th centuries]. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR. 158 p.
- Kozlenko D.P., Kichanov S.E., Lukin E.V., Rutkauskas A.V., Bokuchava G.D., Savenko B.N., Pakhnevich A.V., Rozanov A.Yu., 2015. Neutron Radiography Facility at IBR-2 High Flux Pulsed Reactor: First Results. *Physics Procedia*, 69, pp. 87–91.
- Lehmann E.H., Kaestner A., Gruenzweig C., Mannes D., Vontobel P., Peetermans S., 2014. Materials research and non-destructive testing using neutron tomography methods. *International journal of materials research*, vol. 105, iss. 7, pp. 664–670.
- Makarova T.I., 1975. Peregorodchatye emali Drevney Rusi [Cloisonne enamel of Ancient Rus]. Moscow: Nauka. 134 p.
- Makarova T.I., 1986. Chernevoe delo Drevney Rusi [Niello art of Ancient Rus]. Moscow: Nauka. 156 p.
- Makarova T.I., 2008. Niello in the precious attire of Ancient Rus. Zhilina N.V., Makarova T.I. *Drevnerusskiy dragotsenny ubor — splav vliyaniy i traditsiy. IX–XIII vv.: Khudozhestvennyye stili i remeslennyye shkoly [Precious attire of ancient rus as a fusion of influences and traditions. 9th–13th centuries: artistic styles and craft schools]*. Moscow: IA RAN, pp. 62–98. (In Russ.)
- Malygin P.D., Sarafanova N.A., 2011. New Torzhok Hoard. *Priroda [Priroda /Nature]*, 6, pp. 41–43. (In Russ.)
- Pekarska L., 2011. Jewellery of Princely Kiev. The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and Related Material. Mainz; London: Römisch-Germanisches Zentralmuseum. 262 p. (Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 92).
- Radiography of Cultural Material. 2nd ed. A. Middleton, J. Lang, eds. Oxford: Routledge, 2005. 208 p.
- Rybakov B.A., 2015. Remeslo Drevney Rusi [The crafts of Ancient Rus]. Moscow: Akademicheskii proekt: Kul'tura. 715 p.
- Schneider C.A., Rasband W.S., Eliceiri K.W., 2012. NIH Image to ImageJ: 25 years of image analysis. *Nature Methods*, 9 (7), pp. 671–675.
- Searf V.F., 1992. Neutron scattering lengths and cross sections. *Neutron News*, vol. 3, № 3, pp. 29–37.
- Staraya Ryazan'. Klad 2005 goda [Old Ryazan. The hoard of 2005]. A.V. Chernetsov, ed. St. Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriya, 2014. 104 p.
- Zhilina N.V., 2010. Zern' i skan' Drevney Rusi [Granulation and filigree work of Ancient Rus]. Moscow: IA RAN. 260 p.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТИГЛЕЙ ИЗ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

© 2018 г. В.И. Завьялов^{1,*}, О.А. Лопатина^{1,**}, В.В. Судаков^{2,***}

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

² Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, Россия

* E-mail: v_zavyalov@list.ru

** E-mail: lopatina.olga@gmail.com

*** E-mail: sudakov_v@mail.ru

Поступила в редакцию 27.03.2017 г.

В статье рассматривается серия тиглей (3 целых и 15 фрагментов), найденных при раскопках средневекового города Переяславль Рязанский. Изделия датируются XIII–XIV вв. По морфологии тигли представлены разными видами: открытые тонкостенные конусовидные с выделенным сливом и округлым дном, цилиндрические с округлым дном, открытые толстостенные в виде небольшого блюда, полузакрытые ложковидные с округлым дном и вертикальной двурогой ручкой. Решается задача выявления исходной технологической информации об особенностях использованной глины и о составе формовочных масс тиглей. Кроме этого, прослеживается связь между этой технологической информацией и морфологией тиглей. Установлено определенное разнообразие как глинистого сырья, так и рецептов формовочных масс. Использовались глины разной степени ожелезненности с разным составом естественных минеральных примесей. В качестве искусственных примесей в формовочную массу специально вводились такие компоненты, как измельченный древесный уголь, растительная органика, карбонаты. Наиболее четко удалось проследить связь открытых тонкостенных тиглей и формовочной массы, составленной из нежелезненной глины и измельченного древесного угля.

Ключевые слова: Переяславль Рязанский, тигель, глинистое сырье, формовочная масса.

DOI: 10.31857/S086960630001632-6

Одним из важнейших видов ремесленной деятельности населения средневекового Переяславля Рязанского была цветная металлообработка. Это производство документируется многочисленными находками шлаков, фрагментами проволоки, слитков, заготовок, литейных форм, тиглей. Большая коллекция последних собрана при археологических исследованиях у вала кремля (раскопы 1986 и 1988 гг.). Исследования проводились на участке между крепостным валом и бывшим архиерейским садом (рис. 1). Общая вскрытая площадь составила 145 м² (Судаков, 1987, 1989).

Стратиграфия культурного слоя раскопов в целом следующая. Верхняя часть культурного слоя, начинающегося под асфальтовой дорогой, — плотная супесь серого цвета с большим количеством строительного мусора мощностью до 50 см. Ниже идут слои темно-серого, серовато-коричневого или темно-коричневого цветов с прослойками, линзами или просто отдельны-

ми включениями обожженной и необожженной глины, углей, золы, органики. Максимальная мощность данных слоев — около 80 см. Подстилает культурный слой серый однородный суглинок — погребенная почва (предматерик) — мощностью 5–30 см. Материк — коричневая глина. Грунт сухой, плохо сохраняющий изделия из органических материалов.

Культурный слой в данной части кремля в отличие от других участков, датируется в основном временем не позднее XV в. Слоев XVI–XVII вв. здесь нет, встречаются только отдельные предметы и немногочисленные фрагменты керамики. Это объясняется не только смывом слоя из-за уклона местности, но и тем, что по крайней мере с XVI в. здесь проходила дорога — следы канавок от нее фиксируются в материке. В целом слой датируется серединой XIII–XV в., при этом основную мощность составляют напластования XIV–XV вв. В материке вскрыта часть кладбища первой половины XII в.

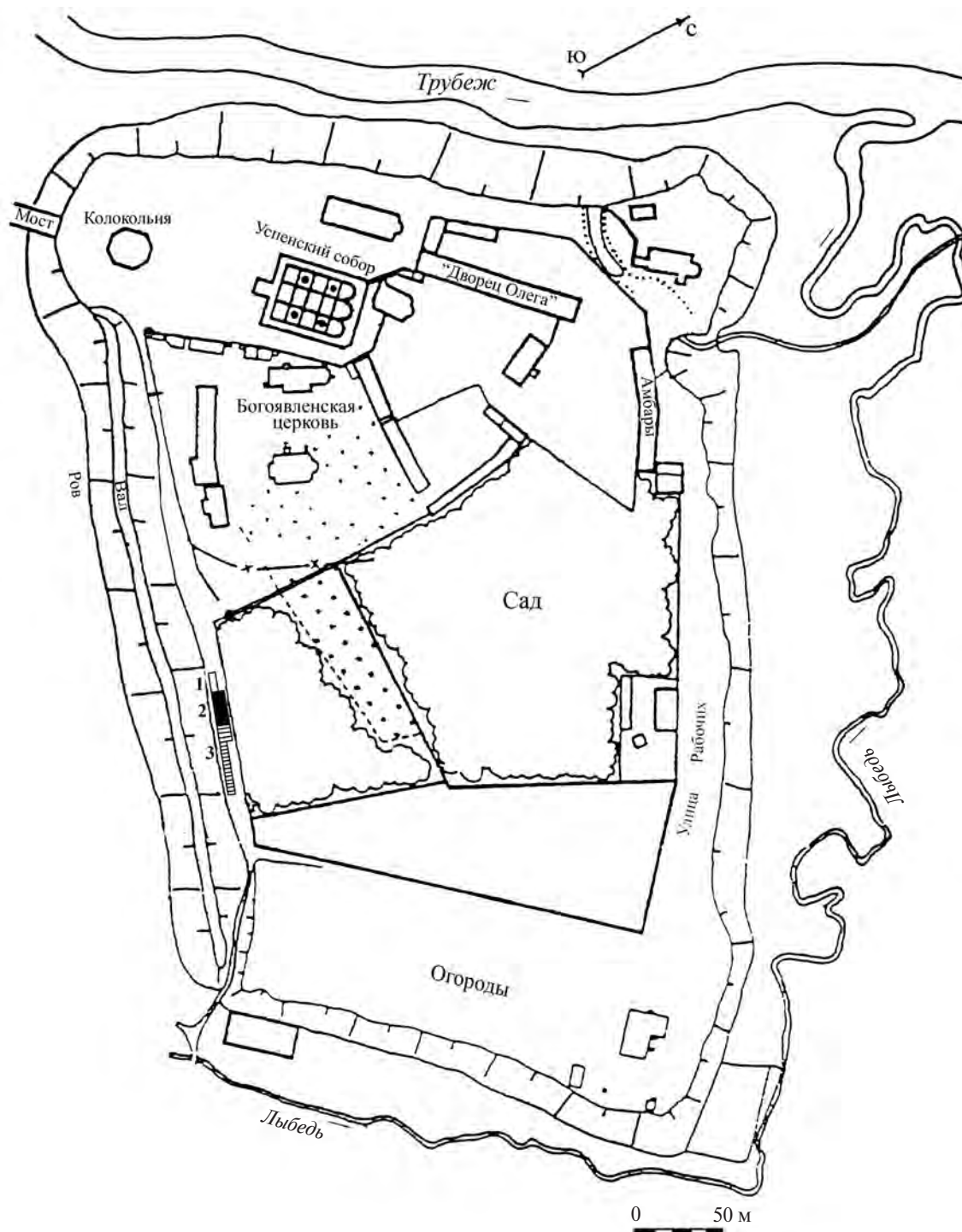

Рис. 1. План кремля Переяславля Рязанского с раскопами. 1 — раскоп 1986 г.; 2 — 1988 г.; 3 — 1990 г.

Fig. 1. Plan view of the Pereyasavl Ryazanskiy Kremlin with excavation sites

За два года раскопок была собрана значительная коллекция тиглей (7 целых и более 200 фрагментов). Большинство тиглей имеет форму небольшого конуса с округлым дном и прямыми стенками. Их высота от 3 до 6 см. Чаще всего это достаточно тонкостенные изделия — 3–4 см

у края венчика и 5–6 см в донной части. Поверхности несут следы остекловывания, зачастую до губчатого состояния. На нескольких тиглях сохранились остатки металла. Специального исследования форм тиглей Переяславля Рязанского пока не проводилось.

Следует отметить, что фрагменты тиглей концентрировались на раскопе 1988 г.: здесь найдено 4 целых и 140 фрагментов, в то время как на раскопе 1986 г. — 3 целых и 63 фрагмента. Показательно, что в раскопе 1990 г., который с востока примыкал к раскопу 1988 г., найдено всего четыре фрагмента тиглей. По хронологии керамического комплекса основная часть тиглей может быть датирована XIII—XIV вв. Все тигли и их фрагменты хранятся в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике.

Нами был предпринят технологический анализ серии фрагментов тиглей с целью определения особенностей глинистого сырья, из которого они были изготовлены, и формовочных масс. Исследование проводилось в Институте археологии РАН, в группе «История керамики» по методике, разработанной А.А. Бобринским (1978; 1999. С. 5–47). Наблюдения велись по свежим изломам с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10. Исходные данные о глинистом сырье включают в себя информацию об ожелезненности глины, ее пластичности, а также о составе естественных примесей, находящихся в составе залежи. Для определения степени ожелезненности глины небольшие фрагменты изделий нагревались в муфельной печи в окислительной среде до 850° С. Основанием для определений была окраска черепка после нагревания (Цетлин, 2006). Для заключений о степени пластичности (запесоченности) использовалась разработанная ранее шкала (Лопатина, Каздым, 2010). Информация о формовочной массе представлена данными о минеральных и органических примесях, вводившихся специально и об их концентрации.

Морфология, внешние особенности. Из серии обломков, предположительно отнесенных к тиглям, для анализа отобраны 15 наиболее крупных экземпляров, которые с наибольшей степенью надежности можно было отнести к тиглям по особенностям морфологии, а также следам остекловывания и расплавленного металла. Отобранные фрагменты представляют собой обломки разных тиглей, представленных фрагментами верхних частей, донышек или стенками.

Облик имеющихся фрагментов позволяет заключить, что в нашу выборку попали тигли по крайней мере трех разных форм: открытые конусовидные с выделенным сливом и округлым дном (рис. 2, 1–3); цилиндрические с округлым дном (рис. 2, 6); изделия в виде небольшого блюда (рис. 2, 7).

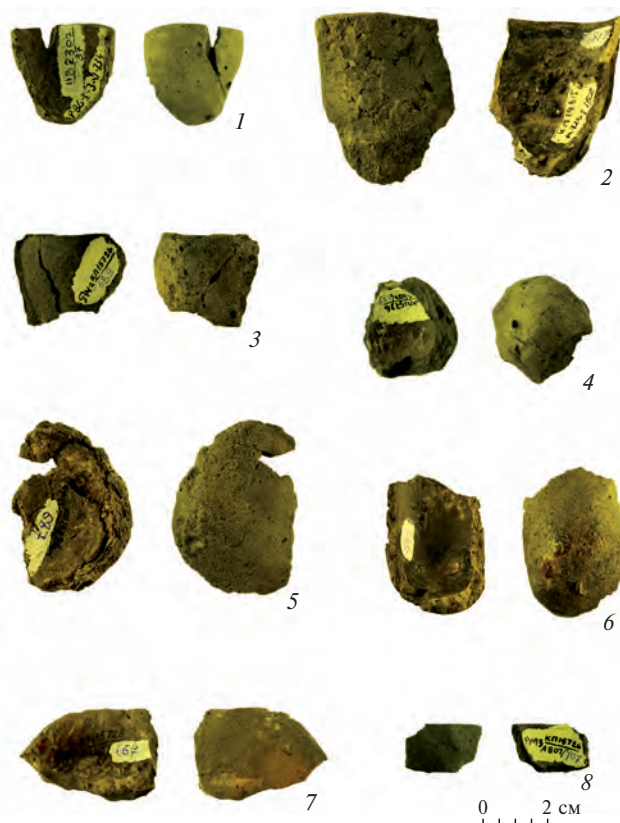

Рис. 2. Тигли из Переяславля Рязанского. 1 (A726/37), 2 (A726/152) — конусовидные тигли с выделенным сливом, полный профиль; 3 (A807/689) — фрагмент верхней части тигля конусовидной формы с выделенным сливом; 4 (A807/679), 5 (A807/687) — донные части тиглей с округлым дном; 6 (A807/686) — донная часть цилиндрического тигля с округлым дном; 7 (A807/667) — фрагмент верхней части тигля блюдцевидной формы; 8 (A807/707) — фрагмент верхней части тигля. Номер в скобках соответствует Книге поступлений в фонды Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (РИАМЗ).

Fig. 2. Crucibles from Pereyaslavl Ryazanskiy

Помимо описанных фрагментов имелись три целых тигля, которые, однако, в виду экспозиционной ценности, остались недоступными для получения свежих сколов. Это округлодонный тигель с раздутым в верхней части туловом и суженным устьем (рис. 3, 1), вокруг которого заметны отпечатки тканевой прокладки, а также два маленьких полузакрытых ложковидных тигля с округлым дном и вертикальной двурогой ручкой (рис. 3, 2, 3). Внешний осмотр этих находок позволил сделать лишь самые общие наблюдения о составе примесей.

Некоторые из исследованных образцов несли следы обмазки. Так, фрагмент конусовидного тигля с выделенным сливом (рис. 2, 2) был об-

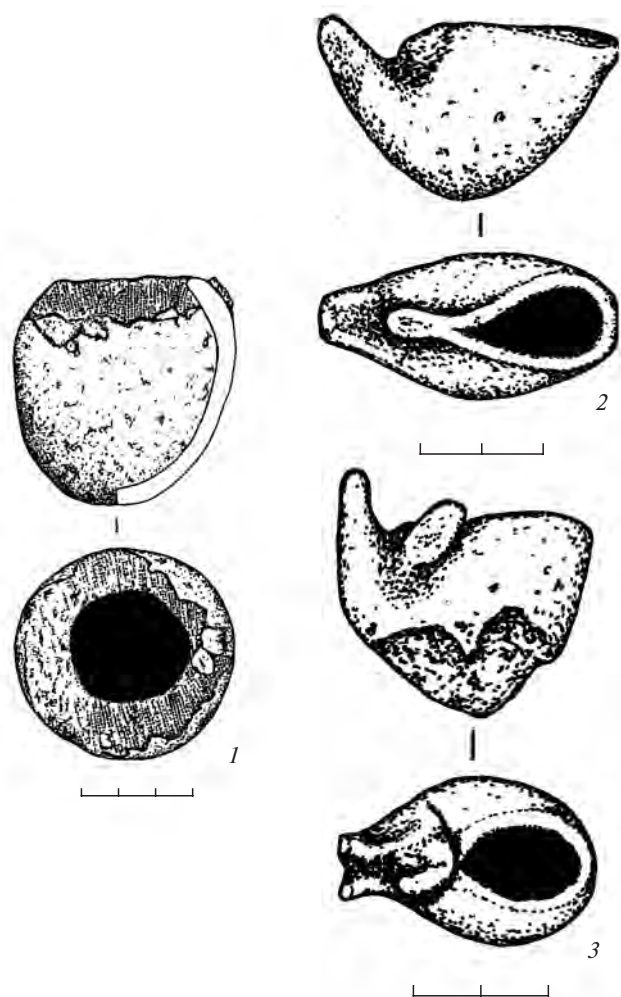

Рис. 3. Целые тигли из Переяславля Рязанского. 1 – А726/135; 2 – А807/691; 3 – А807/696. Буквенно-цифровой номер соответствует Книге поступлений в фонды РИАМЗ.

Fig. 3. Unbroken crucibles from Pereyasavl Ryazanskiy

мазан снаружи в нижней части тонким слоем ожеженной сильнозапесоченной глины. Под воздействием высоких температур этот слой превратился почти в сплошную губчатую массу, особенно в придонной части, и сохранился лишь местами. Сам же тигель, изготовленный из нежеженной глины, не испытал серьезных температурных деформаций. Обмазывание тиглей дополнительным слоем глины использовалось для снижения температурного стресса у тиглей с нижним подогревом (Bayley, Rehren, 2007. С. 50).

Обмазка, зафиксированная на целом герметичном тигле (Фатюнина, 2017), была расположена только в верхней части тигля и неслала отпечатки ткани (рис. 3, 1). Глина, используемая

для обмазки, сильно отличалась от глины тигля гораздо более сильной запесоченностью. Функциональная нагрузка этого дополнительного слоя глины была другой. Скорее всего, обмазка создавалась в процессе примазывания глиняной пробки на тканевой прокладке.

Особенности глинистого сырья. В результате проведенного исследования установлено, что в качестве исходного сырья для производства тиглей использовалось глинистое сырье, различающееся по степени ожеженности, запесоченности (пластичности) и по составу естественных минеральных примесей. Разные особенности ожежения использованных глин проявились в разной окраске фрагментов нагретых в муфельной печи до 850° С от практически белого до ярко-оранжевого. Большая часть тиглей изготовлена из нежеженной и слабожеженной глины (12 образцов). Различались концентрация и размерные особенности естественной песчаной примеси в глинистом сырье.

В отношении специфических минеральных естественных примесей можно отметить следующее. К таковым, скорее всего, можно отнести редкие включения черного цвета, которые в изломе имеют структуру шлака в виде мелкопузырчатой массы, часто обладающей блеском. На поверхности изделий эти включения представляют собой черные гладкие выпуклости-выпады округлой формы размером от 0.2 до 2 мм. Можно предположить, что данные включения являются частицами пирита (серного колчедана), связанного с залежью глины. В гончарном производстве эта примесь считается вредной, поскольку после обжига она дает так называемую черную мушку, которая представляет собой легкоплавкий шлак черного цвета в виде выплавов на поверхности изделий (Чаяс и др., 1988. С. 281; Юшкевич, Роговой, 1969. С. 10). В пользу такого предположения говорят небольшие концентрации этих включений, зачастую их чрезвычайная редкость. Эта примесь отмечена во всех образцах из нежеженных и слабожеженных глин, что, скорее всего, говорит о близости мест добычи такого сырья. Образцы из ожеженной глины подобных включений не содержали, кроме одного фрагмента тигля. Такая же примесь отмечена не только в формовочной массе тиглей, но и бытовой посуды. Однако нельзя исключать, что описываемые включения могут иметь искусственное происхождение и представлять собой частицы дробленого шлака.

В целом можно отметить, что использование глин, различающихся по пластичности и степени ожелезненности, а также с разным составом естественных минеральных примесей, говорит об эксплуатации различных источников сырья для производства тиглей.

Составление формовочной массы. В качестве искусственных добавок в формовочной массе изделий отмечены как органические (древесный уголь, растительная органика), так и минеральные примеси (дресва песчаниковая, дробленая карбонатная порода).

Наиболее массовой в исследуемых материалах была примесь дробленого **древесного угля**, который фиксировался в изломах с темной сердцевинной черепка. Чаще всего изломы имели цветовую слоистость с резкими границами, были обесцвечены по краям и имели темно-серую или черную середину. Частицы угля сохранились только в пределах темного слоя излома. На обесцвеченных участках, прилегающих к поверхностям, они выгорали.

Размеры частиц не превышают 0.5–0.7 мм, что указывает на то, что уголь измельчался до пылевидного состояния. Концентрация неодинакова в разных образцах, но, как правило, довольно высокая: от 1:3 (1 часть угля на 3 части глины) до единичных включений. На искусственный характер этой примеси указывают следы ее явной сортировки и высокая концентрация.

Измельченная растительная органика отмечена в двух образцах. В формовочной массе тигля (рис. 2, 7) она представлена многочисленными пустотами от выгоревших травянистых частиц удлинённых пропорций. Их размер — от 0.5 до 8 мм в длину, причем мелкие преобладают. Облик этой примеси напоминает навоз жвачных животных, однако, с уверенностью утверждать это невозможно, поскольку края травянистых частиц ровные и не имеют зубчатости.

Растительная примесь в другом образце представлена отпечатками как мелких травянистых частиц, так и гладких дуговидных являвшихся, вероятно, покровными чешуйками каких-то зерен. Данная примесь, возможно, представляет собой отходы молотбы.

Карбонаты представлены частицами белого, сероватого и желтовато-белого цвета размером от 0.1 до 0.6 мм. Включения сравнительно мягкие, слегка окатанные. С неразбавленной соляной кислотой реагируют по-разному. В одном

образце (рис. 2, 5) бурно вскипают и растворяются, а в другом (рис. 2, 3) реагирует чрезвычайно слабо. Предположительно карбонаты присутствуют в формовочной массе целого тигля (рис. 3, 3), где они фиксируются как частицы беловатого цвета, угловатой формы, со слегка сглаженными углами. Во всех образцах включения карбонатов довольно стандартного размера 0.3–0.7 мм, что указывает скорее всего на специальную сортировку, однако их концентрация различна.

Дресва песчаниковая в виде включений размером до 3 мм, сложенных мелкими кварцевыми угловатыми, реже окатанными частицами розоватого цвета.

Описанные компоненты зафиксированы в составе рецептов формовочных масс: 1) глина + древесный уголь (11 образцов); 2) глина + + измельченная растительная органика (1 образец); 3) глина + древесный уголь + карбонаты (2 образца); 4) глина + измельченная растительная органика + дресва (1 образец).

Обсуждение результатов. Специфика тиглей как сосудов, используемых в металлургии, подробно рассмотрена в британской исследовательской литературе (например: Tylecote, 1982; Bayley, 1992; Craddock, 1995; Bayley, Rehren, 2007). В изучении тиглей выделяют два направления. Одно базируется на исследовании форм тиглей, материалов, из которых они изготовлены, а также их тепловых свойств (способность удерживать или, напротив, проводить тепло). В основе другого направления лежит изучение функциональных категорий, связанных с тремя основными группами процессов, которые могут происходить в тиглях, — цементация, пробирование металла и его плавление. Природа этих процессов может принципиально определять форму тиглей и виды сырья для их производства. Однако, несмотря на определенный детерминизм, связанный с технологическими требованиями к тиглям, их формы и материалы для их изготовления могут иметь существенные различия, которые несут культурную информацию о навыках и видах деятельности мастеров (Bayley, Rehren, 2007. Р. 53).

В настоящей работе затрагивается только одна сторона исследования тиглей, касающаяся особенностей сырья и составления формовочных масс для их изготовления.

Среди исследованных изделий чаще других встречается рецепт *глина + древесный уголь* —

11 образцов. В качестве сырья в этом рецепте выступает преимущественно нежелезненная и слабожелезненная глина высокой и средней пластичности. Такой состав отмечен в девяти образцах. Они представлены тиглями открытого типа, преимущественно венчиками со сливом или без него, фрагментами округлых донышек, в частности, конусовидных. Стенки относительно тонкие (2–5 мм), утолщаются в донной части до 6–7 мм. С внешней стороны все образцы несли следы остекловывания разной интенсивности, иногда до губчатого состояния. Наиболее сильное остекловывание наблюдалось в донных частях. Такое явление исследователи связывают с определенным способом нагревания тиглей — снизу (Bayley, Rehren, 2007. С. 50).

Нежелезные и слабожелезные глины, из которых изготовлена рассматриваемая группа тиглей из Переяславля Рязанского, содержат незначительное количество окислов железа, что и обуславливает их светлую окраску. Известно, что окислы железа снижают температуру плавления глины (Юшкевич, Роговой, 1969. С. 29, 159), поэтому в нежелезных глинах свойство огнеупорности, т.е. способности противостоять воздействию высоких температур не расплавляясь, проявляется выше, чем в железных. Хотя на свойство огнеупорности глин влияют не только окислы железа, но и другие элементы (Юшкевич, Роговой, 1969. С. 29).

Судя по опубликованным данным, огнеупорные глины широко использовались для изготовления некоторых видов средневековых тиглей, что отмечено в материалах Гнёздовского поселения (Ениосова, Митоян, 1999), домонгольского Владимира (Ениосова, Жарнов, 2006), средневекового Новгорода (Ениосова, Ререн, 2011). Использование огнеупорных глин для производства открытых конусовидных тиглей зафиксировано на памятниках позднего болгарского средневековья XII–XIV вв. (Дончева, 2013. С. 246).

Вместе с тем рецепт с добавлением мелкодробленого древесного угля дважды встречен в сочетании с железной сильнозапесоченной глиной. При этом такой состав использовался для производства морфологически сходных тиглей с тонкими стенками и следами остекловывания снаружи, т.е. легкоплавкие железные глины также считались пригодными для изготовления аналогичной посуды для литья, хотя и в меньшей степени.

Добавка древесного угля в формовочную массу сосудов для плавки металла была весьма рас-

пространенной в средневековье. Скорее всего, эта примесь универсальна и применялась для изготовления тиглей разного функционального назначения. Так, в новгородских тиглях мелко растертый уголь отмечен в формовочных массах цилиндрических тиглей для плавки свинцовых глазурей первой половины XI в., а также в миниатюрных светлоглиняных тиглях с конусовидным дном конца XII — начала XIII в., которые, по предположению Н.В. Ениосовой, использовались для приготовления ртутной амальгамы (Ениосова, Ререн, 2011. С. 246, 251). Возможно, специальную примесь дробленого угля содержала какая-то часть сосудов для плавки металла из ювелирного комплекса Владимира конца XII — первой трети XIII в. (Ениосова, Жарнов, 2006). Данные петрографического анализа этого материала указывают на «включения угля и углефицированного органического вещества». Остается не ясным, имеет ли эта примесь искусственное или естественное происхождение (Ениосова, Жарнов, 2006. С. 66).

Широкое распространение в формовочной массе мелко растертого угля, скорее всего, объясняется определенным функциональным назначением этой примеси. В современном производстве силикатов угольные добавки имеют определенное назначение — создавать восстановительную среду в толще черепка, благодаря чему интенсифицируются процессы спекания глины, которые начинаются при температуре на 100–120° С меньшей, чем обычно (Юшкевич, Роговой, 1969. С. 39, 161; Августиник, 1975. С. 189–191). Кроме того, уголь сам по себе является дополнительным топливом, которое усиливает процессы горения: его низкотемпературное беспламенное горение в толще черепка начинается на 100–150° С раньше, чем в обычных условиях (Бурлаков, 1972. С. 120, 160). По данным Р.Ф. Тиликота, добавки графита или углерода, такие как угольная пыль, уменьшают тенденцию к расплавлению тигля (Tylecote, 1982. P. 241).

В целом уголь, как и любая органическая добавка, в процессе температурного воздействия выгорает и создает в черепке пористость. Следует отметить, что примесь древесного угля, обнаруженная в тиглях Переяславля Рязанского, чаще всего до конца не выгорала, что фиксировалось в толще излома, несмотря на следы воздействия высоких температур. Возможно, это связано с быстротой высокотемпературного воздействия, в процессе которого примесь просто не успевала выгореть.

Следующий рецепт — *глина + измельченная растительная примесь* — зафиксирован только в одном фрагменте открытого тигля, форма которого скорее всего напоминала блюдо. Тигель изготовлен из ожелезненной сильнозапасоченной легкоплавкой глины. Толщина его стенок составляет 8 мм. Это наиболее толстостенный сосуд из выборки. С внешней стороны признаки воздействия высоких температур отсутствуют, зато внутренняя поверхность тигля несет следы расплава красного цвета, который местами имеет губчатую структуру, особенно по самому краю венчика. Подобные морфологические признаки имеют новгородские сосуды-купели начала XI в., которые использовались для отделения серебра от примесей. Нагревание в процессе купели происходило сверху, чем и объясняются следы витрификации с внутренней стороны сосуда (Ениосова, Ререн, 2011. С. 247, 248). Выдвинутое нами предположение о принадлежности рассмотренного тигля к купелям нуждается в проведении дополнительного анализа следов металла на стенке тигля, поскольку морфологические характеристики и особенности примесей недостаточны для однозначного вывода о назначении этого сосуда.

Пока мало информации об изделиях, изготовленных по рецепту *глина + древесный уголь + карбонаты*. Данные о морфологии этих тиглей очень мозаичны. Сюда отнесен один венчик с выделенным сливом, предположительно конусовидного тигля, донная часть тигля неясной формы с округлым дном и, предположительно, один целый полузакрытый ложковидный тигель с ручкой-выступом, который подвергся только визуальному осмотру. В целом эта группа изделий оставляет впечатление неоднородности, что выражается в разнообразии качественного и количественного состава самих карбонатов, зафиксированных нами. Данных для сравнения этих тиглей с изделиями с аналогичной искусственной примесью пока нет. В современном производстве силикатов карбонаты (например, известняк, мел, доломит) могут специально добавляться в глину как порообразующая примесь (Бурлаков, 1972. С. 114).

Что-то определенное сказать об изделии, изготовленном по рецепту *ожелезненная низкопластичная глина + измельченная растительная органика + дресва*, пока невозможно. Это фрагмент стенки тигля толщиной 4–5 мм со следами остекловывания с внешней стороны.

Таким образом, в результате проведенного исследования получена информация об особенностях отбора исходного сырья и составления формовочных масс тиглей XIII–XIV вв. из Переяславля Рязанского. Полученные данные позволяют говорить об определенном разнообразии этих особенностей, даже в рамках имеющейся незначительной выборки. Пока недостаточно данных, чтобы судить о том, насколько это разнообразие связано с функцией тиглей или конкретными традициями мастеров.

Заключения о связи форм тиглей и материалов, из которых они были изготовлены, носят предварительный характер. Единственный толстостенный сосуд в виде блюда со следами теплового воздействия сверху существенно отличается также и по особенностям сырья и формовочной массы, что позволяет предполагать его особое функциональное назначение (возможно, купель).

Большая часть тиглей изготовлена из пластичной нежелезненной и слабожелезненной глины с примесью мелкодробленого древесного угля. Они имели тонкие стенки со следами теплового воздействия с внешней стороны. Морфологически чаще всего представлены фрагментами венчиков со сливом или без и донными частями округлой формы. Среди них имеются конусовидные тигли со сливом. Вместе с тем морфологически сходные изделия могли быть изготовлены из иных глин с использованием иных рецептов формовочных масс, что встречается, правда, значительно реже.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00153.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Августиник А. И. Керамика. 2-е изд. Л.: Стройиздат, 1975. 591 с.
- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С. 5–109.
- Бурлаков Г. С. Основы технологии керамики и искусственных пористых заполнителей. М.: Высш. школа, 1972. 420 с.
- Дончева С. М. Типы и назначение литейных сосудов в средневековой Болгарии // Stratum plus. 2013. № 6: Культурные слои веры. С. 243–254.
- Ениосова Н. В., Жарнов Ю. Э. Ювелирный производственный комплекс из «Ветчаного города» домонгольско-

- го Владимира // Российская археология. 2006. № 2. С. 64–80.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А. Тигли Гнёздовского поселения // Археологический сборник. Памяти М.В. Фехнер. М.: ГИМ, 1999 (Тр. ГИМ; вып. 111). С. 54–63.
- Ениосова Н.В., Ререн Т. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения — 3. Вел. Новгород: НГОМЗ, 2011. С. 243–254.
- Лопатина О.А., Каздым А.А. О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 46–57.
- Судаков В.В. Отчет об охранных раскопках в г. Рязани в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1987. № 12119.
- Судаков В.В. Отчет об охранных раскопках в Кремле г. Рязани в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1989. № 14169.
- Фатюнина О.А. Герметичный тигель из Переяславля Рязанского // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 372–383.
- Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: Научно-техн. центр, 2006. С. 421–425.
- Чаус К.В., Чистов Ю.Д., Лабзина Ю.В. Технология производства строительных материалов, изделий и конструкций: учебник для вузов. М.: Стройиздат, 1988. 448 с.
- Юшкевич М.О., Роговой М.И. Технология керамики. 3-е изд. М.: Изд-во лит. по строительству, 1969. 350 с.
- Bayley J. Metalworking ceramics // *Medieval Ceramics*. 1992. V. 16. P. 3–10.
- Bayley J., Rehren T. Towards a functional and typological classification of crucibles // *Metals and Mines Studies in Archaeometallurgy*. L.: Archetype: British Museum, 2007. P. 46–55.
- Craddock P.T. Early Metal Mining and Production. Washington: Smithsonian Institution Press, 1995. 363 p.
- Tylecote R.F. Metallurgical Crucibles and Crucible Slags // *Archaeological Ceramics* / Eds J.S. Olin, A.D. Franklin. Washington: Smithsonian Institution Press, 1982. P. 231–242.

TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF MEDIEVAL CRUCIBLES FROM PERIYASLAVL RYAZANSKIY

Vladimir I. Zavyalov^{1,*}, Olga A. Lopatina^{1,**}, Vasilii V. Sudakov^{2,***}

¹ Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

² Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve, Russia

* E-mail: v_zavyalov@list.ru

** E-mail: lopatina.olga@gmail.com

*** E-mail: sudakov_v@mail.ru

The article considers a series of crucibles (3 unbroken ones and 15 fragments) found during excavations of the medieval city of Pereyasavl Ryazanskiy. The objects date back to the 13th–14th centuries. In terms of their morphology, the crucibles are represented by different types: open thin-walled cones with a separate drain and rounded bottom, cylindrical with rounded bottom, open thick-walled in the shape of a small saucer, half-closed spoon-shaped with rounded bottom and a two-sided vertical handle. The authors deal with revealing initial technological information regarding the features of clay used and the composition of the molding masses in the crucibles. In addition, there is a link traced between this technological information and the morphology of the crucibles. A certain variety of both argillaceous raw materials and recipes of molding composition was found. Clays of different ferruginous degrees with different composition of natural mineral admixtures were used. Such ingredients as crushed charcoal, vegetable organics, and carbonates were specially introduced into the molding composition as artificial admixtures. The connection between open thin-walled crucibles and the molding composition of non-ferruginous clay and crushed charcoal was most clearly traced.

Keywords: Pereyasavl Ryazanskiy, crucible, argillaceous raw materials, molding composition.

REFERENCES

- Avgustinik A.I., 1975. *Keramika* [Ceramics]. 2nd ed. Leningrad: Stroyizdat. 591 p.
- Bayley J., 1992. Metalworking ceramics. *Medieval Ceramics*, 16, pp. 3–10.
- Bayley J., Rehren T., 2007. Towards a functional and typological classification of crucibles. *Metals and Mines Studies in Archaeometallurgy*. London: Archetype: British Museum, pp. 46–55.
- Bobrinskiy A.A., 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istotchniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Bobrinskiy A.A., 1999. Pottery technology as an object of historical and cultural study. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Urgent issues of studying ancient pottery]. Samara: Izd. Samar. gos. ped. univ., pp. 5–109. (In Russ.)
- Burlakov G.S., 1972. *Osnovy tekhnologii keramiki i iskusstvennykh poristyykh zapolniteley* [Fundamentals of ceram-

- ics technology and artificial porous fillers]. Moscow: Vysshaya shkola. 420 p.
- Chaus K.V., Chistov Yu.D., Labzina Yu.V.*, 1988. Tekhnologiya proizvodstva stroitel'nykh materialov, izdeliy i konstruktsiy: uchebnik dlya vuzov [Technology of production of construction materials, products and structures: a textbook for universities]. Moscow: Stroyizdat. 448 p.
- Craddock P.T.*, 1995. Early Metal Mining and Production. Washington: Smithsonian Inst. Press. 363 p.
- Doncheva S.M.*, 2013. Types and functions of casting vessels in the medieval Bulgaria. *Stratum plus*, 6, pp. 243–254. (In Russ.)
- Eniosova N.V., Mitoyan R.A.*, 1999. Gnezdovo settlement crucibles. *Arkheologicheskiiy sbornik. Pamyati M.V. Fekhnner* [Collected papers in archaeology. In memory of M.V. Fekhnner]. Moscow: GIM, pp. 54–63. (Trudy GIM, 111). (In Russ.)
- Eniosova N.V., Reren T.*, 2011. Melting vessels of Novgorod jewelers. *Novgorodskie arkheologicheskie chteniya — 3* [Novgorod Archaeological Readings — 3]. Velikiy Novgorod: Novg. gos. muzey-zapovednik, pp. 243–254. (In Russ.)
- Eniosova N.V., Zharnov Yu.E.*, 2006. Jewelry production association form “Vetchany Gorod” of pre-Mongol Vladimir. *Russ. Arkheologiya* [Russ. Archaeology], 2, pp. 64–80. (In Russ.)
- Fatyunina O.A.*, 2017. A hermetic crucible from Pereyasavl Ryazanskiy. *KSIA* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 247, pp. 372–383. (In Russ.)
- Lopatina O.A., Kazdym A.A.*, 2010. O yestestvennoy primesi peska v drevney keramike (k obsuzhdeniyu problemy). [On the natural admixture of sand in ancient ceramics (to the issue discussion)]. *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya* [Ancient pottery: results and prospects of studying]. Moscow: IA RAN, pp. 46–57. (In Russ.)
- Sudakov V.V.* Otchet ob okhrannykh raskopkakh v g. Ryazani v 1986 g. [Report on Salvage Excavations in Ryazan in 1986]. *Arkhib IA RAN* [The Archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences], R-1, 1987, № 12119. (Unpublished).
- Sudakov V.V.* Otchet ob okhrannykh raskopkakh v Kremle g. Ryazani v 1988 g. [Report on salvage excavations in the Kremlin of Ryazan in 1988]. *Arkhib IA RAN* [The Archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences], R-1, 1989, № 14169. (Unpublished).
- Tsetlin Yu.B.*, 2006. Ob opredelenii stepeni ozheleznennosti iskhodnogo syr'ya dlya proizvodstva glinyanoy posudy [Determination of the ferrugination degree of the raw material for pottery production]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya* [The Issues of the Volga Region Archaeology], 4. Samara: NTTs, pp. 421–425. (In Russ.)
- Tylecote R.F.*, 1982. Metallurgical Crucibles and Crucible Slags. *Archaeological Ceramics*. J.S. Olin, A.D. Franklin, eds. Washington: Smithsonian Inst. Press, pp. 231–242.
- Yushkevich M.O., Rogovoy M.I.*, 1969. Tekhnologiya keramiki [Ceramics technology]. 3rd ed. Moscow: Izd. lit. po stroitel'stvu. 350 p.

ДВУХСТОРОННЯЯ ИКОНКА-МЕДАЛЬОН, НАЙДЕННАЯ НА МОСКОВСКО-СИБИРСКОМ ТРАКТЕ

© 2018 г. В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Поступила в редакцию 20.03.2018 г.

При раскопках поселения эпохи развитой бронзы Венгерово 2 (Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, Венгеровский район Новосибирской области), расположенного в непосредственной близости от Московско-Сибирского тракта, в верхнем, дерново-гумусном слое обнаружена двухсторонняя иконка-медальон. Изделие представляет собой бронзовый круглый предмет, оконтуренный по периметру симметрично поставленными окружностями и пальметками. Центральная часть медальона с обеих сторон застеклена. Внутри между стеклышками помещена в качестве фона шерстяная ткань темно-малинового цвета. На тонкой полупрозрачной бумаге черной тушью или краской нанесено два погрудных изображения. В лицевой части медальона помещено погрудное изображение святителя Митрофана Воронежского, чудотворца; на оборотной стороне — погрудное изображение митрополита Платона (Левшина). Медальон, скорее всего, изготовлен в европейской части России, не ранее второй половины XIX в.

Ключевые слова: Московско-Сибирский тракт, иконка-медальон, святитель Митрофан Воронежский, чудотворец; митрополит Платон (Левшин).

DOI: 10.31857/S086960630001633-5

Современное село Венгерово, расположенное в Барабинской лесостепи (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) называлось до революции Спасским. Спасское стояло на хорошо известном в России Московско-Сибирском тракте, соединявшем столицу Российской империи с ее самой дальней восточной окраиной (Катионов, 2008).

Эта дорога существует и в настоящее время, хотя практически на всем своем протяжении от Москвы до Владивостока претерпела очень серьезные изменения, сменив и покрытие, и нередко векторы. Однако существуют (хотя и крайне редко) еще места, где Московский тракт сохранил свою первозданность. Одно такое место оказалось неподалеку от с. Венгерово.

Случилось так, что при подновлении дороги, уже в середине XX в., сразу за восточной околицей села строители решили “спрямить” участок в несколько километров, насыпав полотно по высокой пойме левого берега р. Тартас. Таким образом, петля, которую делал тракт, проходивший изначально по самому краю второй террасы реки, оказалась несколько в стороне от основной магистрали и соединялась с прежним полот-

ном дороги, уже основательно подновленным в значительном отдалении от Венгерово.

Впрочем, участок этот “настоящего” Московского тракта эксплуатируется местным населением и сегодня, хотя остается не облагороженным. Дорога, проходя по самому краю террасы, задела прибрежную часть поселения ранней—развитой бронзы Венгерово 2 (см. Молодин, Новиков, 1998), относящегося к кротовской археологической культуре, основанного человеком, еще не знавшим железа на рубеже III—II тыс. до н.э. Автор с коллегами уже не один год исследует этот замечательный памятник, благодаря чему здесь выявлены и исследованы неолитические комплексы и остатки поселений и могильников других эпох и культур.

Однако в настоящей работе речь пойдет не об археологических памятниках. Ежегодно обращаясь к изучению поселения Венгерово 2, работая в том числе на прибрежной его части, мы постоянно сталкивались с остатками сооружений, имевших, как представляется, непосредственное отношение к функционированию Московско-Сибирского тракта. Речь идет не только об отдельных этнографических находках, потерянных рус-

скими обитателями этих земель, но и об остатках бревенчатых столбов, глубоко вкопанных вдоль края террасы, дублируя направление Московско-Сибирского тракта. Это были, вероятно, сооружения, связанные с обустройством последнего, — может быть, на столбах крепились щиты для задержки снега или же это были остатки так называемых надолбов, которые сооружались при дорогах вблизи речных или озерных систем на Московско-Сибирском тракте (Катионов, 2008. С. 98).

В 2016 г. на площади древнего поселения, в дерново-гумусном слое, была сделана необычная находка. Представляется, что ее появление в данном конкретном месте связано с деятельностью, происходившей на Московско-Сибирском тракте и прилегающей к нему территории.

Итак, при раскопках восточной окраины поселения Венгерово 2, при разборке по сути современного культурного слоя была обнаружена двухсторонняя иконка-медальон, явно кем-то случайно утраченная. Ее необычность среди значительного корпуса мелкой ритуальной пластики XVIII–XIX вв. — металлических крестовельников, иконок, подвесок и медальонов, число которых постоянно увеличивается в результате современных раскопок сибирских городов, острогов, поселений, некрополей позднего средневековья — Нового времени, была столь велика, что предопределила необходимость данного исследования. Плохая сохранность предмета, используемого, тем не менее, в обиходе, вероятно, может говорить о том, что он принадлежал небогатому или лишенному прав человеку, может быть, каторжнику, которых сотнями гнали в Сибирь по Московско-Сибирскому тракту (Ссылка и каторга..., 1975. С. 5).

Медальон (рис. 1, 2), несомненно, предназначался для ношения на шее, о чем свидетельствовала специальная округлая дужка, отлитая в единой литейной форме со всей основой изделия. Сам же медальон представлял собою довольно массивный бронзовый предмет, отлитый в двухсторонней литейной форме, о чем свидетельствуют остатки литейного шва, впоследствии убранного мастером. Медальону была придана круглая форма, диаметром 2,4 см. Изделие оконтурено по периметру чередованием симметрично поставленных окружностей диаметром 0,5 см. С внешней стороны последние выделены рельефным валиком и покрыты внутри красной краской или эмалью (рис. 2). Обратная сторона окружности слегка выпукла и покрыта рельеф-

ным орнаментом. Судя по реконструкции, таких окружностей на медальоне было семь (рис. 1). Между окружностями симметрично вмонтированы шесть дугообразных пальметок (рис. 1, 2), с лицевой части предмета также оконтуренных по периметру рельефным валиком, а внутри покрашенных красной краской или заполненных эмалью, с обратной стороны пальметки слегка выпуклы и покрыты рельефными рубчиками.

К сожалению, часть ажурных пальметок, как и окружностей в нижней части медальона, была утрачена (трудно сказать, когда это случилось — еще при носке, либо после потери медальона последним хозяином). Несмотря на это, медальон и сегодня не потерял своей привлекательности. Завершая этот сюжет, следует добавить, что толщина бронзовых пальметок и окружностей, оконтуривших изделие, практически одинакова и составляет 0,1 мм.

В период функционирования изделие, выполненное из бронзы, вероятно, было желтоватого цвета. Оно напоминало золотое, дополнительно украшенное красной краской либо эмалью.

Центральную часть медальона представляет круглая оконтуренная с обеих сторон рельефным валиком площадка диаметром 2 см. Также с обеих сторон она застеклена вырезанными по форме и размеру круглыми стеклами, крайне тонкими, и, вероятно, специально изготовленными в качестве вставок. Стеклышки были бесцветны и прозрачны. На обратной стороне стекла оказалось разбитым, однако, не выпавшим из оправы (рис. 1, 2). Внутри медальона между этими двумя стеклышками была помещена неровно формованная, по-видимому, шерстяная (?) материя темно-малинового цвета, избранная в качестве специального фона, на котором и помещалось главное составляющее изделия (рис. 2).

Оба представленных в произведении персонажа были изображены, вероятно, черной тушью или краской на тонкой полупрозрачной бумаге типа современной кальки, затем вырезаны, следуя контуру изображенной фигуры, и помещены с обеих сторон медальона. На лицевой стороне нарисована мужская фигура в поясном ракурсе в анфас, слегка развернутая к зрителю. Человек изображен в черной рясе, на голове — черный же головной убор, в руке посох с фигурным навершием. Ряса украшена крестом. Пальцы правой руки сложены для наложения крестного знамени. Художником сделана попытка проработки черт лица персонажа и седой окладистой бороды.

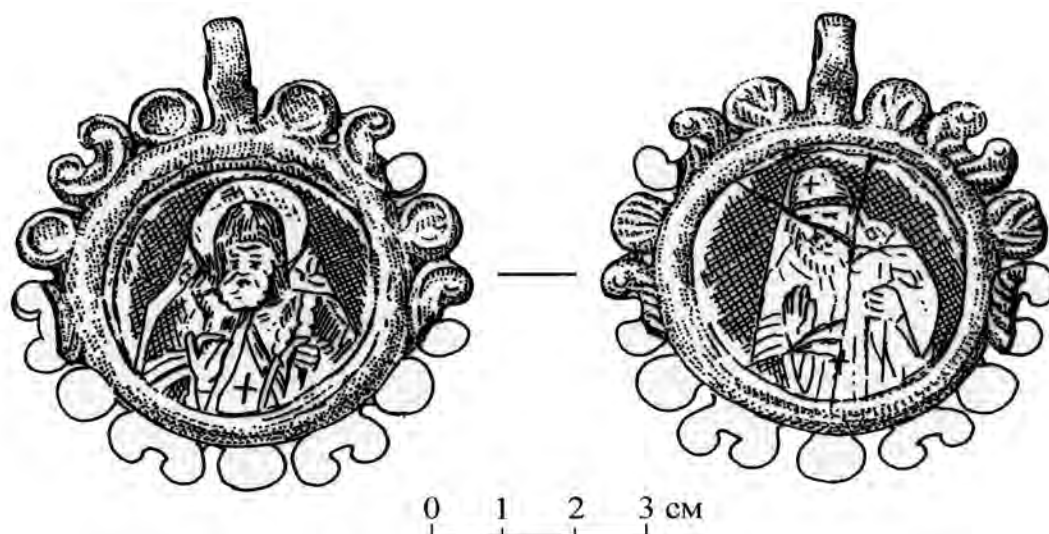

Рис. 1. Двухсторонняя иконка-медальон. Рисунок.

Fig. 1. Double-sided medallion-icon. Drawing

Голова священнослужителя увенчана нимбом. Таким образом, очевидно, что перед нами изображение не просто священнослужителя, но возведенного в ранг святого.

За консультацией по поводу возможной персонификации образов я обратился к протоиерею Борису Пивоварову, предложившему свою версию, которая блестяще подтверждается при изучении данных специальной литературы и Интернета. С большей долей вероятности можно говорить, что на лицевой стороне медальона изображен святитель Митрофан Воронежский, чудотворец (Святитель..., 2018). Уместно привести изображения святителя, подтверждающие данную версию (рис. 3).

Известно, что святитель Митрофан родился в 1623 г. Будучи священником, служил в селе Сидоровском Суздальской епархии. На сороковом году жизни он был пострижен в иночество и избрал для местожительства Золотниковский Успенский монастырь близ Суздаля. Впоследствии он был рукоположен в иерейский сан, а затем возведен в игумены Яхромской обители. Ревностное служение Богу святителя Митрофана было отмечено Патриархом Московским и Всея Руси Иоанном и царем Федором Алексеевичем, и в 1682 г., когда была образована Воронежская епархия, ее первым епископом было предложено назначить игумена Митрофана. Святитель прославился строительством храмов, материальной помощью при создании Петром I флота и своей непоколебимой верой. Умер свя-

титель Митрофан в 1703 г. В 1832 г. последовала его канонизация.

На оборотной стороне медальона изображение еще более схематично. Тем не менее можно уверенно говорить о том, что священнослужитель изображен погрудно, в фас. Он имеет окладистую бороду. Правая рука приподнята и, по-видимому, символизирует благословение. В отличие от святого на лицевой стороне, служитель одет в белый клобук с крестом. Можно предположить, что перед нами изображение митрополита Платона (Левшина) (Митрополит..., 2018), сходство с которым вполне усматривается с дошедшими до нас изображениями последнего (рис. 4).

Митрополит Платон родился в 1737 г. После окончания духовной академии Петр Левшин был переведен преподавателем в семинарию при Лавре. Вскоре он был пострижен в монашество с именем Платон и через год рукоположен в иеромонахи. Его проповеди в Петербурге сделали Платона известным в Императорском дворе, где по велению императрицы Екатерины II он был назначен законоучителем наследника престола Павла Петровича, а затем и невесты наследника. Первосвященник Платон был назначен архимандритом Троице-Сергиевской Лавры. Особое внимание он уделял духовным школам, семинариям и Московской духовной академии. Огромный вклад внес Платон в совершенствование храмов и храмовой символики. Скончался митрополит в 1812 г., тяжело пережив французское

Рис. 2. Двухсторонняя иконка-медальон. Фото. А — лицевая сторона; Б — оборотная сторона.

Fig. 2. Double-sided medallion-icon. Photo

Рис. 3. Изображения святителя Митрофана Воронежского, чудотворца. XIX в. Дерево, темпера. 1 — автор Савва Степанов-Кравцов; 2 — автор неизвестен.

Fig. 3. Images of Enlightener Mitrophan of Voronezh, the Wonderworker. 19th century. Wood, tempera

1

2

Рис. 4. Изображения (портреты) митрополита Платона. 1 — литография с гравюры (по: Новаковский, 1870); 2 — (по: Платон (Левшин)..., 1913).

Fig. 4. Images (portraits) of Metropolitan Platon

вторжение и сдачу Москвы. Митрополит Платон вошел в историю как один из великих святителей России XVIII в.

Очевидно, что данный медальон был связан с совершенно незаурядными служителями Русской православной церкви. Появление его, скорее всего, произошло в европейской части России. Изделие могло появиться не ранее середины XIX в. после канонизации святителя Митрофана. Судя по довольно непростой технологии изготовления, его правильнее всего относить ко второй половине XIX в. Простота медальона говорит, по-видимому, о том, что владелец был не богатым человеком, может быть, сосланным в Сибирь. Московско-Сибирский тракт не зря именовался “этапным трактом”. Нечеловеческие условия, которые испытывали ссыльные, описаны в многочисленных источниках (см., например: Кеннан, 1906). Приведу лишь одну цитату, которая может ответить на вопрос, как попал медальон на обочину Московско-Сибирского тракта. Как писала ссыльная О.К. Буланова-Трубникова “...партия выступала вообще

очень рано, часов в 5-6. Впереди шли уголовные, на все 200 человек получался такой же конвой, как на нашу восьмерку... Часов в 10 был привал где-нибудь в лесу; чтобы съесть кусочек хлеба, приходилось осторожно приоткрывать надетую на лицо сетку...” (Буланова-Трубникова, 1928. С. 186). Так на привале и могла быть утрачена иконка-медальон своим владельцем или владельцем. Ведь именно по Московско-Сибирскому тракту десятилетиями шла эта скорбная дорога в сибирскую ссылку и каторгу.

Как бы то ни было, перед нами, несомненно, незаурядное произведение декоративно-прикладного искусства, предмет ритуальной христианской атрибутики.

Автор выражает искреннюю признательность сотрудникам Западносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН, и прежде всего д-ру ист. наук Л.Н. Мыльниковой и канд. ист. наук М.С. Нестеровой за самоотверженный труд по изучению поселения Венгерово 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буланова-Трубникова О.К. Три поколения. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 215 с.
- Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. 372 с.
- Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб.: Вл. Распопов, 1906. 286 с.
- Митрополит Платон (Левшин): Жизнеописание [Электронный ресурс] // Библиотека Святых отцов и церковных писателей: Православная энциклопедия “Азбука веры”. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Platon_Levshin/. Дата обращения: 06.06.2018.
- Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск, 1998 (Материалы “Свода памятников истории и культуры народов России”; вып. 3). 139 с.
- Новаковский В.И. Платон, митрополит Московский. Изд. 2-е, доп. СПб.: Тип. Глав. штаба..., 1870 (Биографические очерки Владимира Новаковского; III). 65 с.
- Платон (Левшин). Полное собрание сочинений. Кн. 1: Поучительные слова. Христианское богословие: катехизис. СПб.: П.П. Сошкин, 1913. 976 с.
- Святитель Митрофан Воронежский, чудотворец [Электронный ресурс] // Православный календарь. Режим доступа: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life6741.htm>. Дата обращения: 06.06.2018.
- Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) / Ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1975. 304 с.

DOUBLE-SIDED MEDALLION-ICON FOUND ON THE MOSCOW-SIBERIAN ROAD

Vyacheslav I. Molodin

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

During the excavation of the High Bronze settlement Vengerovo 2 (Western Siberia, the Barabinsk forest-steppe, Vengerovo district of Novosibirsk Region), located in the immediate vicinity of the Moscow-Siberian road, a two-sided medallion-icon was found in the upper sod-humus layer. It is a bronze round object contoured with symmetrically arranged circles and palmettes along the edge. The central part on both sides of the medallion is covered with glass. Inside, between the glass covers, a woolen dark crimson cloth is placed as a background. On a thin translucent paper, two head-and-shoulders images are drawn with black or red ink. The face side of the medallion contains a head-and-shoulders image of Enlightener Mitrophan of Voronezh, the Wonderworker. On the reverse side, there is a head-and-shoulders portrait of Metropolitan Platon (Levshin). The medallion, most likely, was made in the European part of Russia, not earlier than the second half of the 19th century.

Keywords: Moscow-Siberian road, medallion-icon, Enlightener Mitrophan of Voronezh, the Wonderworker; Metropolitan Platon (Levshin).

REFERENCES

- Bulanova-Trubnikova O.K., 1928. Tri pokoleniya [Three generations]. Moscow; Leningrad: Gos. izd. 215 p.
- Kationov O.N., 2008. Moskovsko-Sibirskiy trakt kak osnovnaya sukhoputnaya transportnaya kommunikatsiya Sibiri XVIII–XIX vv. [Moscow-Siberian Road as the principal land transportation route of Siberia in the 18th–19th centuries]. 2nd ed., revised and enlarged. Novosibirsk: Izd. NGPU. 372 p.
- Kennan Dzh., 1906. Sibir' i ssylka [Siberia and the exile system]. St. Petersburg: Vl. Raspopov. 286 p.
- Mitropolit Platon (Levshin): Zhizneopisaniye (Elektronnyy resurs) [The life of Metropolitan Platon (Levshin): (electronic source)]. *Biblioteka Svyatikh otsov i tserkovnykh pisateley: Pravoslavnaya entsiklopediya “Azбуka very”* [A library of the Holy Fathers and ecclesiastical writers: Orthodox Encyclopaedia “Azбуka Very” (The Alphabet of Faith)]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Platon_Levshin.
- Molodin V.I., Novikov A.V., 1998. Arkheologicheskiye pamyatniki Vengerovskogo rayona Novosibirskoy oblasti [Archaeological sites of Vengerovo district of Novosibirsk region]. Novosibirsk. 139 p. (Materialy “Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii”, 3).
- Novakovskiy V.I., 1870. Platon, mitropolit Moskovskiy [Platon, the Metropolitan of Moscow]. 2nd ed., suppl. St. Petersburg: Tip. Glavnogo shtaba. 65 p. (Biograficheskiye ocherki Vladimira Novakovskogo, III).
- Platon (Levshin), 1913. Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete works], 1. itel'nyye slova. Khristianskoye bogosloviye: katekhizis [Hortatory words. Christian theology: catechism]. St. Petersburg: P.P. Soykin. 976 p.
- Ssylka i katorga v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.) [Exile and Penal Servitude in Siberia (the 18th–early 20th century)]. L.M. Goryushkin, ed. Novosibirsk: Nauka, 1975. 304 p.
- Svyatitel' Mitrofan Voronezhskiy, chudotvorets (Elektronnyy resurs). [Enlightener Mitrophan of Voronezh, the Wonderworker (electronic source)] *Pravoslavnyy kalendar' [An Orthodox Calendar]*. URL: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life6741.htm>.

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЧЕРЕШКОВЫХ ПЛАСТИНЧАТЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

© 2018 г. С.Б. Слободин

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт РАН, Магадан, Россия

E-mail: archaeol@neisri.ru

Поступила в редакцию 09.03.2017 г.

В статье представлен анализ и обобщающая характеристика раннеголоценовой традиции пластинчатых черешковых наконечников Северо-Востока России, выделенная автором на основе открытых и исследованных им материалов с Верхней Колымы, а также изучения коллекций других раннеголоценовых стоянок Северо-Востока Азии. Рассмотрена история изучения комплексов с пластинчатыми наконечниками в Восточной Сибири, проанализированы проблемы, связанные с их выделением, идентификацией и датированием с учетом имеющихся материалов по археологии Якутии, Колымы, Чукотки и Камчатки. Дается описание наиболее выразительных памятников этой традиции с технико-типологическим анализом их орудийных комплексов. В статье определены территория распространения традиции пластинчатых наконечников, ее возраст на основе полученных ¹⁴C-датировок, орудийный набор и наиболее характерные изделия. Проведена корреляция материалов традиции пластинчатых черешковых наконечников с другими культурами раннего голоцена Северо-Востока Азии и Евразии, обозначены проблемы генезиса этой мезолитической традиции и отмечено ее влияние на облик неолитических культур Колымы.

Ключевые слова: археология Колымы, Якутии, Камчатки и Чукотки, ранний голоцен, мезолит Северо-Востока Азии, Берингия, пластинчатые черешковые наконечники.

DOI: 10.31857/S086960630001641-4

Археологические исследования на Северо-Востоке Азии в 1960–1970-е годы установили существование здесь в раннем голоцене нескольких культурных традиций: сумнагинской (Мочанов, 1977), сибердиковской и ушковской мезолитической (Диков, 1979). Исследования ряда новых археологических памятников, выявленных на Верхней Колыме (Уи, Придорожная, Агробаза II, Конго-78, Инг-78), и анализ других опубликованных материалов (Окладников, 1946; Кашин, 1983; Диков, 1979; Кирьяк, 1993), привели к выделению в этом районе нового, ранее не известного на Колыме и на всем Северо-Востоке Азии, раннеголоценового культурного комплекса с черешковыми пластинчатыми наконечниками (Слободин, 1996б) (рис. 1).

Вопрос о времени появления пластинчатых наконечников на Северо-Востоке Азии, территории их распространения и культурной принадлежности является предметом многолетних дискуссий в археологической литературе с момента обнаружения их на стоянке Уолба, и они всегда

рассматривались как наиболее ранние типы наконечников в голоцене Северо-Востока Азии (Окладников, 1946, 1955; Мочанов, 1969, 1977; Диков, 1971, 1979; Федосеева, 1968, 1980; Кашин, 1983; Алексеев и др., 1988; Аргунов, 1990; Хлобыстин, 1998). Исследования раннеголоценовых стоянок с пластинчатыми черешковыми наконечниками на Верхней Колыме позволили конкретизировать облик и хронологию и других комплексов на Северо-Востоке Азии с этими наконечниками (Слободин, 1999).

В начале голоцена 11–10.5 тыс. л.н. на Северо-Востоке Азии произошли существенные изменения климата, животного и растительного мира. Начавшееся потепление привело к таянию ледников, увеличению влажности и превращению плейстоценовой тундростепи в кочкарные тундры и болота, непреодолимые для большинства животных мамонтового комплекса; древесная растительность в раннем голоцене продвинулась на север вплоть до современного побережья Восточно-Сибирского моря. Зимой стал фор-

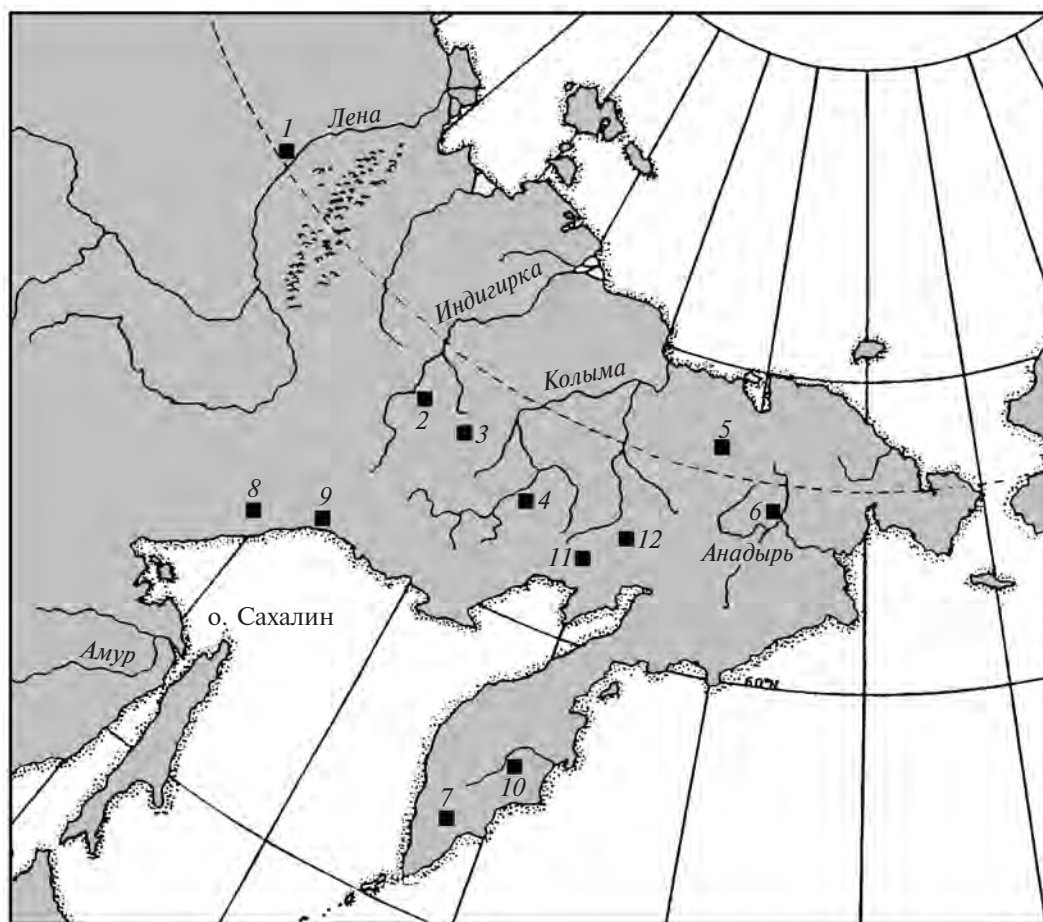

Рис. 1. Карта расположения стоянок традиции пластинчатых черешковых наконечников Северо-Востока России: 1 – Уолба; 2 – Юбилейный; 3 – Уи, Придорожная; 4 – Инг-78, Конго-78; 5 – Верхнетытыльская VI, Тытыль IV п. 2, Нижнетытыльская IV п. 3 на оз. Тытыль; 6 – Усть-Белая; 7 – Авача 1, 9; 8 – Амка; 9 – Кухтуй II; 10 – Ушки I–V; 11 – Аура-нп; 12 – оз. Пареньское I.

Fig. 1. The map of blade stemmed points tradition sites in the North-East of Russia

мироваться глубокий снежный покров, препятствующий доступу животных к корму. Мамонтовая фауна, частью вымерла, частью мигрировала в более благоприятные районы, основными видами травоядных животных, адаптировавшихся к новым условиям, стали олень в тундре и лось в тайге (Томирдиаро, 1980; Шер, 1997).

Перемены в природе рубежа плейстоцена-голоцена привели и к кризису позднеплейстоценовые палеолитические культуры Северо-Востока Азии с клиновидными нуклеусами и бифасами, которых сменили мезолитические раннеголоценовые культуры с ярко выраженной микролитизацией инвентаря и преимущественным использованием сколотых с конических и призматических нуклеусов мезо- и микропластинок, служивших для изготовления вкладышевых орудий, в том числе и пластинчатых наконеч-

ников (Мочанов, 1977; Диков, 1979; Слободин, 1996а, 1999).

История изучения черешковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии. Впервые черешковые пластинчатые наконечники были найдены А.П. Окладниковым (1946) в погребении у оз. Уолба на Нижней Лене в Якутии (рис. 2, 1, 2; 6, 26–28). Они были изготовлены на крупных (длиной 12–16 см, шириной 1.5–1.6 см) ножевидных пластинах подпризматического и подтреугольного сечения из черного кремнистого сланца. Наконечники имеют удлиненно-треугольную форму и небольшой, двусторонне обработанный краевой ретушью черешок треугольной формы, четко выделенный плечиками. Степень обработки наконечников различна (рис. 2, 1, 2; 6, 26, 27): у одного почти полностью обработана спинка, а со стороны брюшка ретушь

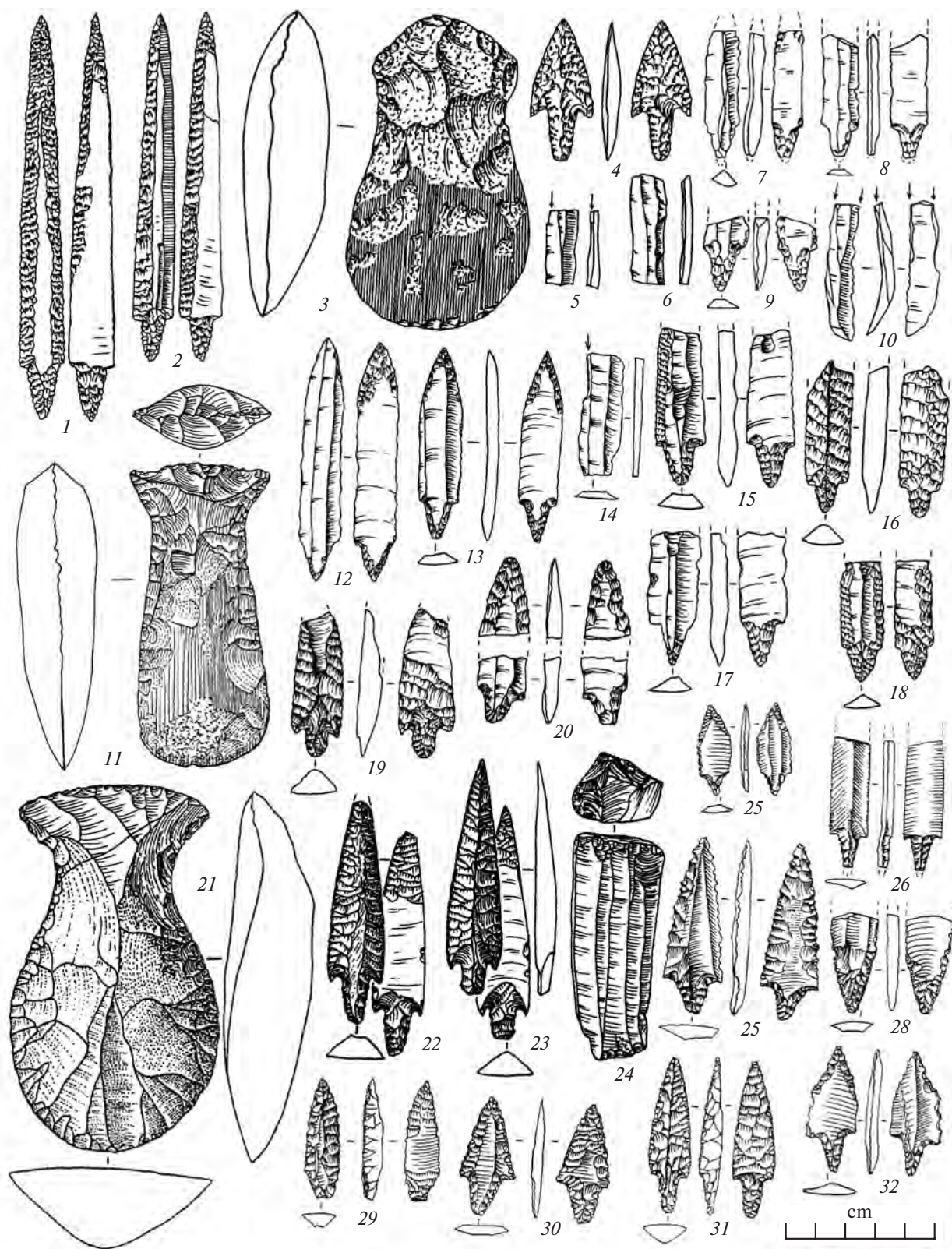

Рис. 2. Сводная таблица каменных орудий традиции пластинчатых черешковых наконечников: 1, 2 – Уолба; 3–6 – Амка; 7–10 – Юбилейный; 11, 13 – Инг-78; 12, 14 – Конго-78; 15–18 – Уи; 19, 20 – Придорожная; 21–24 – Авача 1, 9; 25–32 – Верхнетытльская VI (по: 1, 2 – Окладников, 1946; 3–10 – Кашин, 1983, 2003; 21–24 – Пономаренко, 2000; 25–32 – Кирьяк, 2005).

Fig. 2. Stone tools of blade stemmed points tradition

нанесена частично по краю и у острия; у другого, наоборот, полностью обработано брюшко, а со стороны спинки — только острие; у третьего спинка также практически не обработана, а со стороны брюшка отретушированы острие и края боковых граней. Последний наконечник обработан краевой ретушью со спинки по одному краю и со стороны брюшка по противоположному краю. Наконечники обработаны регулярной параллельной ретушью, на спинках видны грани исходных пластин. С ними был найден и концевой скребок на пластине.

Возраст находок А.П. Окладников определил III тыс. до н.э., отметив, что они документируют “если не самый ранний, то ...один из древнейших, этапов заселения самых северных районов Восточной Сибири человеком” (1955. С. 114), и что в Якутии ранненеолитическим материалам “предшествуют более архаичные пластинчатые наконечники мезолитической техники”, такие, например, как происходящие из мезолитических слоев стоянки Усть-Белая на Ангаре (История Сибири, 1968. С. 120). “Техника изготовления этих наконечников такая же в принципе, как и техника изготовления мезолитических наконечников Европы... это были пластины правильной формы, у которых лишь слегка обрабатывались ретушью лезвия, а то и всего-навсего один кончик или насад. Та же черта характеризует и некоторые древнейшие, по-видимому, кремневые наконечники даурских типов из Забайкалья” (История Сибири, 1968. С. 82).

С.А. Федосеева, характеризуя древние культуры бассейна р. Лена, отмечает, что «к древнейшему пласту принадлежат и своеобразные изделия “мезолитического” облика — наконечники стрел на ножевидных пластинах... обычно встречающиеся на самых ранних неолитических памятниках Сибири и Японии” (Федосеева, 1968). Ранний неолит в Прибайкалье охватывает VI—V тыс. до н.э. (Мамонова, Сулержицкий, 1989).

А.П. Окладников (1950. С. 162) считал, что “архаические по типу наконечники из частично отделанных ретушью кремневых пластин в субарктической зоне Якутии ... несомненно восходят к очень древним прототипам. Известные в разных вариантах все эти наконечники являются, следовательно, представителями древнейшего, исходного типа наконечника стрелы... Такие наконечники, найденные в погребениях **хиньского типа**, представляют собой, очевидно,

древнейшие формы наконечников стрел и для Прибайкалья”. Хиньский этап мезолита Прибайкалья (Байкальской Сибири) датируется периодом 8—7 тыс. л.н., в материалах исаковского этапа раннего неолита они отсутствуют (Базалийский, 2005). В лесную зону Восточной Сибири, в Прибайкалье и Якутию эти наконечники, по мнению А.П. Окладникова (1950. С. 162—164) проникают из “степных районов Забайкалья и верховьев Амура, где [они] столь широко распространены”, “широкое распространение близких к хиньским наконечников в степях Забайкалья, Монголии, Манчжурии с одной стороны... [и] в восточной Европе, — с другой, дает право предполагать, что появление таких изделий, а вместе с ними лука, объясняется ранними связями лесных племен со степными”. “Еще одним районом распространения пластинчатых изделий является Средний Амур. Особенно широко и полно пластинчатая техника представлена в ранненеолитических памятниках новопетровской культуры” (Окладников, Кириллов, 1980. С. 107, 108).

Следы традиции пластинчатых наконечников прослеживаются и дальше — на западе Западной Сибири, где имеются наконечники из “широких пластин, только отчасти обработанных ретушью... вдоль краев и на кончиках. Такие же наконечники известны и из самых ранних... погребений Прибайкалья хиньской стадии. В целом весь этот наиболее ранний здесь комплекс находок свидетельствует о наличии у древнего населения Восточного Приуралья весьма древних традиций, уходящих в микролитическую культуру степного мезолита Средней Азии и Восточной Европы” (История Сибири, 1968. С. 96). Сейчас имеются достоверные свидетельства распространения “мезолитического населения с западного склона Среднего Урала на восточный”, в Среднее Зауралье, где уже известно более 100 пластинчатых наконечников (Сериков, 2000. С. 105—108; 216).

Первоначально Ю.А. Мочанов считал, что “основанием для отнесения [Уолбинского] могильника к раннему неолиту служат пластинчатые наконечники” (1969. С. 148). Затем они были отнесены к Белькачинской культуре среднего неолита (Мочанов, Федосеева, 1982, 2013), но справедливо считается, и это “предположение нуждается в дальнейшем уточнении” (Аргунов, 1991. С. 67). В целом, датировка уолбинских наконечников неолитом недостаточно обоснована, анализ материалов опорного памятника периодизации каменного века Якутии Белькачи I

(Мочанов, 1969) показывает, что в слоях неолита пластинчатых черешковых наконечников нет (Слободин, 1999).

Явное несоответствие уолбинских наконечников материалам неолита Якутии заставило Ю.А. Мочанова отнести их к раннему голоцену: «Наиболее древним наконечником из обнаруженных А.П. Окладниковым, — писал Ю.А. Мочанов (1977. С. 248), — кажется экземпляр из нижнего слоя стоянки Уолба (Окладников, 1946, табл. V, 1). Он действительно очень похож на “свидероидные” черешковые наконечники Европы».

Подтвердив, что “до сих пор даже при самых обширных раскопках наконечники стрел на сумнагинских стоянках в четких стратиграфических условиях не встречаются”, Ю.А. Мочанов (1977. С. 246–248) заключает, что “к сумнагинской культуре со временем можно будет отнести, по крайней мере, часть пластинчатых наконечников, обнаруженных на различных стоянках Северо-Восточной Азии, но четко пока не датированных (табл. 86) ... Вполне возможно, что пластинчатые наконечники стрел, обнаруженные на Лене, Индигирке, Колыме, Чукотке, Кухтуе, могут быть свидетельством каких-то древних связей, существовавших между населением Северо-Восточной Европы и Северной Сибири задолго до III тыс. до н.э. Наиболее активно эти связи могли осуществляться именно в эпоху распространения сумнагинской культуры”. На указанной Ю.А. Мочановым таблице в качестве иллюстрации этого тезиса представлены пластинчатые наконечники со стоянок Усть-Белая с Чукотки, Юбилейный с р. Индигирка, Кухтуй II с Охотского побережья, Туой-Хая и Усть-Чиркуо с Вилюя.

Однако анализ материалов сумнагинской культуры археологами Якутского университета привел к заключению, что «предположение Ю.А. Мочанова (1977) о возможном употреблении наконечников стрел “сумнагинцами” в X–IX тыс. до н.э. до сих пор остается только предположением» (Алексеев и др., 1988).

Предполагается, что на северо-западе Якутии, “на заключительной стадии сумнагинской культуры появляются, очевидно, простейшие пластинчатые наконечники” (Аргунов, 1990. С. 191). На Таймыре пластинчатые наконечники (в том числе и черешковые формы) являются одним из показателей мезолитического возраста стоянок (Хлобыстин, 1998).

Исследования на Камчатке в IV слое стоянки Ушки I, отнесенном Н.Н. Диковым к первой

ушковской “мезолитической” или раннеолитической культуре, позволили определить, что здесь использовались “метательные наконечники с черешком, сделанные из больших пластин, лишь частично ретушированных по краям”, и что “в ближайшем окружении аналогии этому типу нет” (Диков, 1979. С. 107, 115). Позже пластинчатые черешковые наконечники были найдены и на Чукотке (Кирияк, 1993. С. 37; 2005). Сейчас ясно, что район их распространения включает и Верхнее Приколымье (Слободин, 1999) и Индигирку (Кашин, 1983), откуда они, судя по датировкам и типологии, с раннего голоцена распространились на Чукотку и Камчатку.

Выделенный на стоянках Верхней Колымы комплекс с пластинчатыми черешковыми наконечниками уолбинского типа (Слободин, 1996а; б; 1999) позволяет определить культурную принадлежность и возраст как ранее открытых стоянок с пластинчатыми черешковыми наконечниками на Северо-Востоке Азии, так и новых комплексов с близкими характеристиками.

Материалы с пластинчатыми наконечниками на Верхней Колыме. На Верхней Колыме материалы с пластинчатыми черешковыми наконечниками исследованы на стоянках Уи, Придорожная, Агробаза II, Конго-78, Инг-78 (рис. 3–6). Стоянки Уи и Придорожная расположены на озерах Уи и Момонтай в южной части горной цепи Черского на высоте 1000–1100 м над уровнем моря в зоне лиственничного редколесья, имеют подпрудно-ледниковое происхождение, образованы за счет вытаивания ледника (Слободин, 1996б).

Стоянка Уи находится на пологой 3–4-метровой террасе северного берега оз. Уи и занимает площадь несколько сотен квадратных метров (Слободин, Отчет..., 1990). На раскопанной площади (около 100 м²) найдено более 5 тыс. находок (каменные орудия и отходы их производства), залежавших в бурой супеси до глубины 20 см. По углям, собранным в скоплении находок получены ¹⁴C-даты: 8695±100; 8810±235 (GX-17066, 17067); 8370±190; 8310±240 (LE-3990, 4652).

Первичное расщепление представлено коническими и призматическими нуклеусами (рис. 4, 1–3) для получения с них макро-, мезо-пластин (рис. 4, 5, 8, 9, 20, 23, 29) и микропластинок (рис. 4, 6, 7, 12–16, 32), из которых делали наконечники (рис. 2, 15–18; 3, 1, 2; 4, 22, 23, 25, 27), угловые резцы (рис. 4, 8, 9, 19), ножи на пластинах (рис. 4, 24, 26, 29, 31, 33, 37), ретушированные вкладыши пазовых орудий (рис. 4, 6, 7,

Рис. 3. Пластинчатые черешковые наконечники стоянки Уи (1, 2).

Fig. 3. Blade stemmed points from site Ui

12–16, 34, 36), проколки (рис. 4, 11, 32). Нуклеусы представлены сработанными экземплярами, сколами подправки отжимных площадок (*core tablet*) (рис. 4, 10) и ребристыми сколами. Сколотые с них крупные пластины указывают, что они достигали высоты 10–15 см.

Концевые скребки — на пластинчатых отщепках и крупных пластинах (рис. 4, 4, 18, 28). Топор представлен оббитым изделием овальной формы с односторонне-выпуклым сечением (рис. 4, 30). Наконечники двух типов: черешковые на пластинах (рис. 4, 22, 23, 25, 27) и бифасиально обработанные, треугольной (рис. 4, 21) и листовидной (рис. 4, 35) формы.

Кремневые микропластинки указывают на широкое использование пазовых орудий (наконечников и ножей) из кости и рога с лезвием из вставленных в пазы ретушированных по краю вкладышей. Специфической особенностью микровкладышей является наличие на них скошенного ретушью края, создающего плавный переход между поверхностью костяного наконечника и лезвия из микропластинок.

Из пластин делали и характерные черешковые наконечники стрел или дротиков уолбинского типа с различной степенью обработки.

У одних отжимной ретушью оформлены только острие и черешок, другие дополнительно ретушированы по одному или обоим краям, имеются и полностью ретушированные. Они вместе с другими орудиями являются определяющими при выделении традиции пластинчатых наконечников уолбинского типа, распространившейся в раннем голоцене в Якутии, на Колыме, Чукотке и Камчатке.

Остатков фауны на стоянке не найдено. Планиграфия и многочисленность готовых и утилизированных орудий указывает, что это был долговременный жилой и хозяйственный комплекс. Заготовок орудий и первичных отходов их обработки на стоянке почти нет, преобладают готовые орудия и мелкие отщепы — результат вторичной обработки и доработки орудий. Сырье для производства каменных орудий было, в основном, местным, за исключением обсидиана, химический анализ которого показал, что он происходит из источника на севере Камчатки (Слободин, 2007). Обитатели стоянки занимались охотой на оленей, лосей, и, судя по расположению стоянки на богатом рыбой озере, рыболовством.

На стоянке Придорожная черешковые пластинчатые наконечники найдены в составе разнотипных материалов. Они представлены

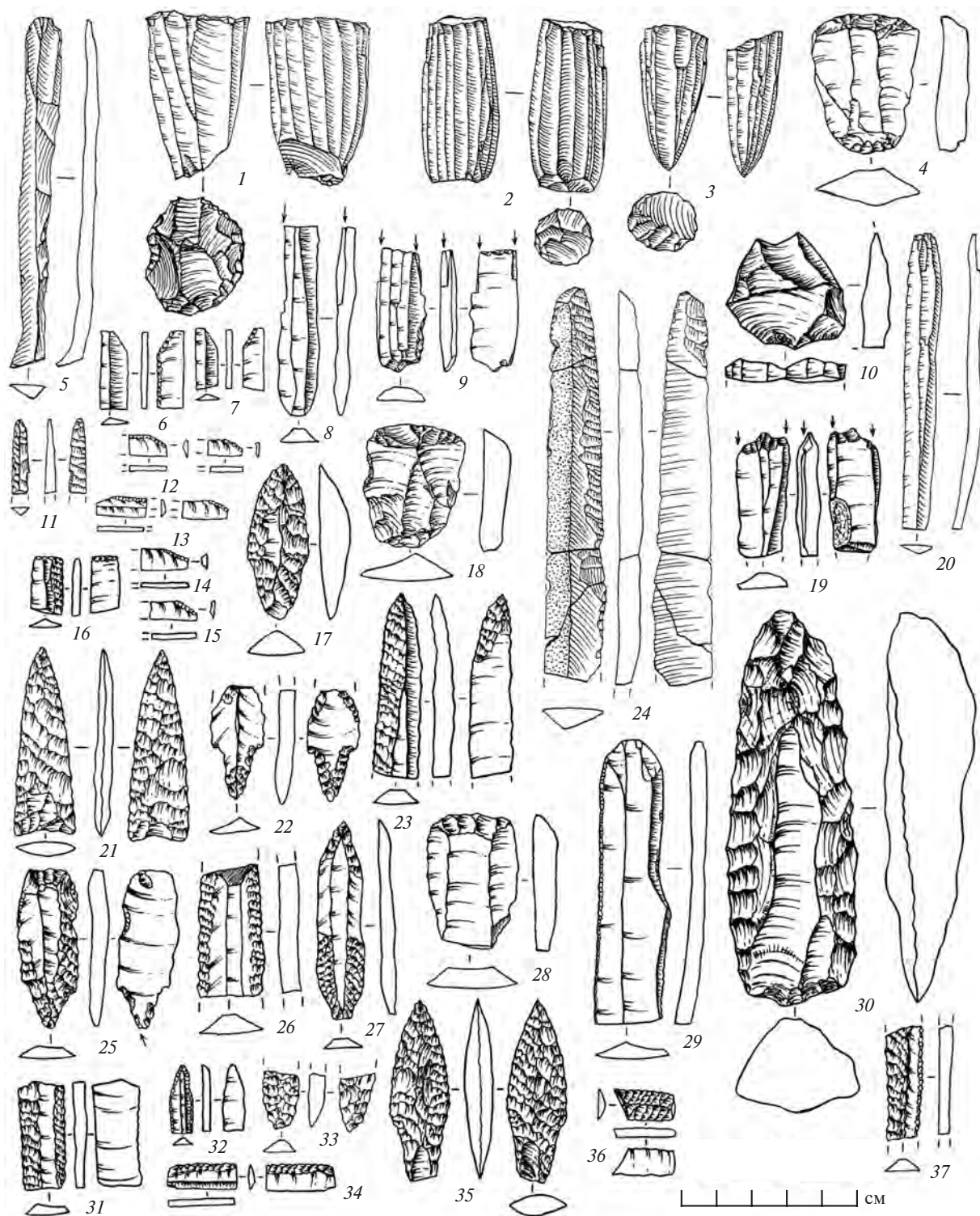

Рис. 4. Каменные орудия стоянки Уи (1–37).

Fig. 4. Stone tools from site Ui

двумя типами: один сделан на четырехгранной ножевидной пластине с выделенными ретушью черешком и острием и частично ретушированными краями, другой — почти полностью ретуши-

рованный, с “висящими” плечиками, сделан на трехгранной пластине (рис. 2, 19, 20). К раннему голоцену из этого комплекса относятся, очевидно, крупные ретушированные по краю пластины,

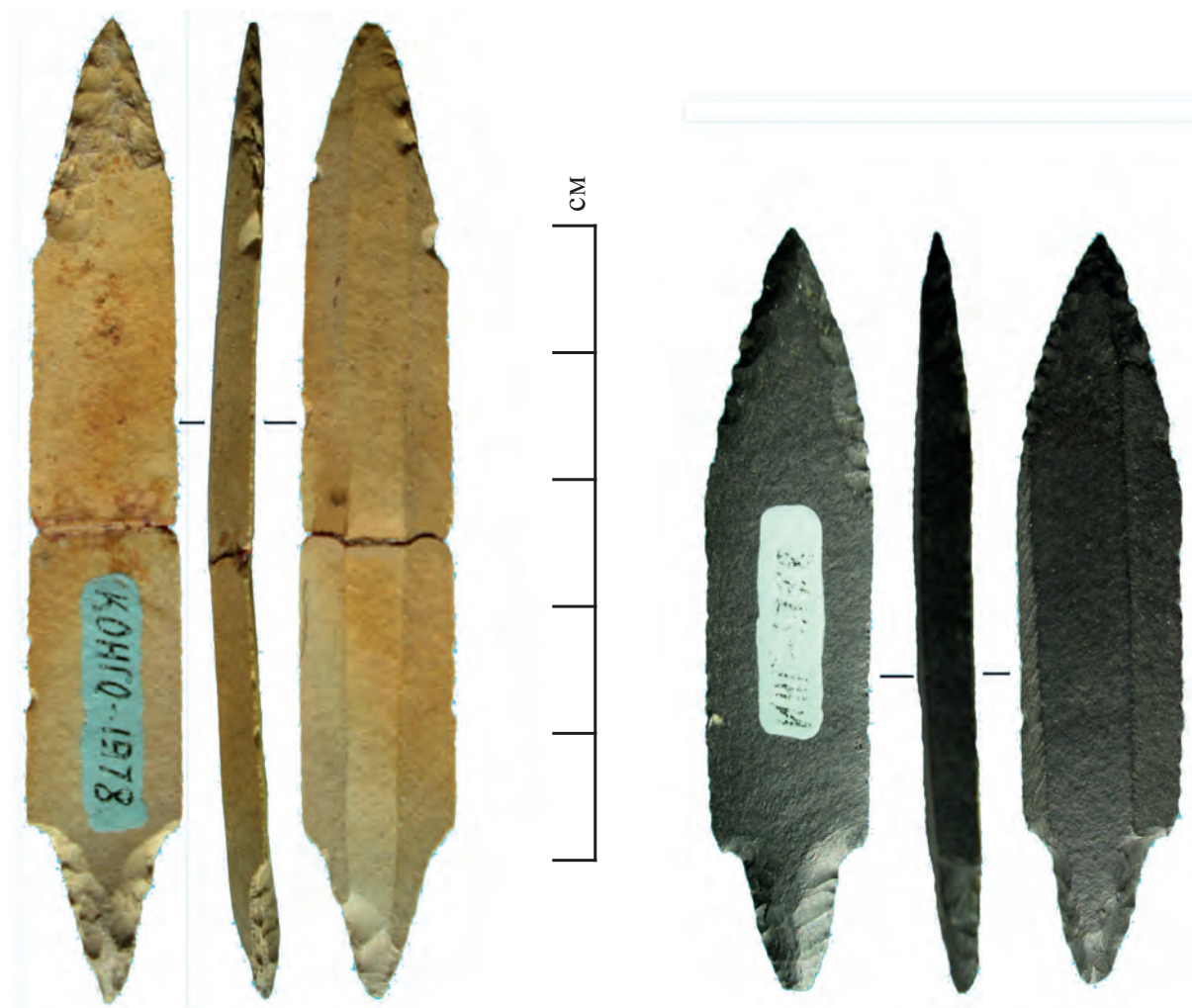

Рис. 5. Пластинчатые черешковые наконечники стоянок Конго-78 (1) и Инг-78 (2).

Fig. 5. Blade stemmed points from site Kongo-78 (1) and Ing-78 (2)

пластинки со скошенным краем, концевой скребок и скол отжимной площадки нуклеуса. Одна из дат со стоянки дала возраст 6805 ± 190 (GX-17062).

На стоянке Агробаза II, расположенной на высоком берегу р. Колымы фрагменты черешковых пластинчатых наконечников были обнаружены в составе подъемного материала, включавшего ножевидные пластинки, конический нуклеус и резец на массивной пластине (Слободин, 1999). На рядом расположенной стоянке Агробаза III из нижнего культурного слоя (возможно общего для обеих стоянок) с микропластинками, получена дата 8220 ± 95 (GX-17060) (Слободин, 2001).

Выразительные находки с Колымы получены со стоянок Конго-78 и Инг-78¹, расположенных

в зоне водохранилища Колымской ГЭС (в настоящее время затоплены). Они представлены призматическим, коническим, уплощенными коническими нуклеусами (рис. 6, 1, 2, 7, 8), сколами подправки отжимных площадок (core tablet) (рис. 6, 16), ножевидными пластинками с ретушированными торцами (рис. 6, 5, 6, 10), крупными пластинами, концевым скребком на отщепе, двойным концевым скребком на пластинчатом отщепе (рис. 6, 11), скребками с приостренным рабочим лезвием (рис. 6, 3), двусторонне обработанными орудиями листовидной и овальной формы (рис. 6, 13), угловыми резцами на ножевидных пластинах (рис. 2, 14; 6, 4, 12), подвеской из просверленной плоской гальки, пластинчатыми черешковыми наконечниками. Наконечники уолбинского типа сделаны на крупных ножевидных пластинах, имеющих подтрапецевидное поперечное сечение

¹ Коллекции получены Н.Н. Диковым в ходе обследования водохранилища Колымской ГЭС, хранятся в фондах СВКНИИ ДВО РАН.

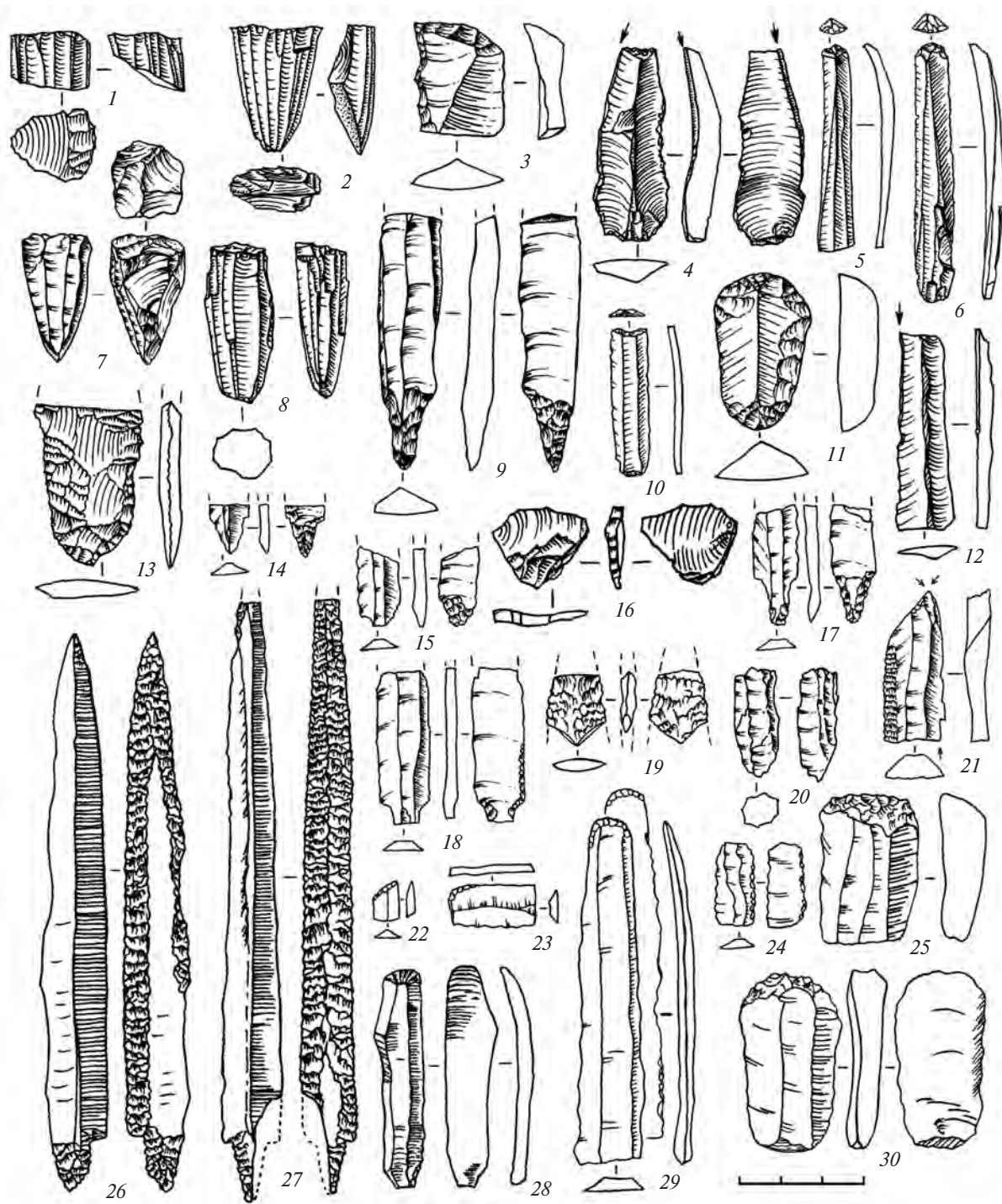

Рис. 6. Каменные орудия стоянок Конго-78 (1, 2, 4, 12, 13, 16), Инг-78 (3, 5–11), Юбилейный (19, 22–25, 29, 30) (Кашин, 1983), Агробаза II (14, 15, 17, 20, 21), Уолба (26–28) (Окладников, 1946).

Fig. 6. Stone tools from site Kongo-78 (1, 2, 4, 12, 13, 16), Ing-78 (3, 5–11), Yubileinyi (19, 22–25, 29, 30), Agrobasa II (14, 15, 17, 20, 21), Uolba (26–28)

(рис. 2, 12, 13; 5, 1, 2; 6, 9). Краевой ретушью обработаны только острия наконечников и черешки подтреугольной формы, отделенные от пера небольшими “плечиками”. На стоянке Конго-78 найдено также линзовидное в поперечном сече-

нии тесло с шейкой (перехватом) и частично шлифованным лезвием (рис. 2, 11). Подобные тесла со сходным набором орудий ^{14}C -возрастом 6200 л.н. имеются на стоянках Авача 1 и 9 на Камчатке (Пономаренко, 2000).

Яркой особенностью всех этих стоянок и самым диагностичным элементом, объединяющим их, являются черешковые пластинчатые наконечники. На основе технико-типологического единства материалов и имеющихся датировок этих стоянок был выделен верхнеколымский раннеголоценовый комплекс пластинчатых наконечников (Слободин, 1999). Анализ материалов других ранее известных и вновь открытых стоянок с пластинчатыми черешковыми наконечниками уолбинского типа в Якутии (Кашин, 1983), на Чукотке (Кирияк, 2005) и Камчатке (Пономаренко, 2000; Пташинский, 2006) позволяют, объединив их на основе технико-типологического и хронологического единства, выделить на Северо-Востоке России новую раннеголоценовую уолбинскую мезолитическую традицию пластинчатых наконечников, наряду с существовавшей здесь сумнагинской культурой (Мочанов, 1977; Слободин 1999), представляющей более ранний этап развития мезолита этого региона.

Материалы Уолбинской традиции на Верхней Индигирке, Чукотке, Камчатке и в северном Приохотье. Кроме Уолбинского могильника, выразительным памятником уолбинского культурного пласта в Якутии, является стоянка Юбилейный в верховьях р. Индигирка (Кашин, 1983), находящаяся в 260 км к северо-западу от стоянки Уи. Находки залегали в слое красно-коричневого суглинка на глубине 11–14 см. Криогенных нарушений слоя не зафиксировано, комплекс содержит однокультурные материалы.

Все три наконечника стоянки Юбилейный характеризуются как пластинчатые черешковые наконечники. У всех имеются четко выделенные плечики и треугольный, полностью обработанный черешок. Подобно уолбинским наконечникам они имеют различную степень обработки. У двух ретушированы острие и выделенный черешок (рис. 2, 7, 8); у третьего кроме острия и насада обработаны со стороны брюшка боковые края (рис. 2, 9). Пластины и орудия на них составляют 81% от всех находок стоянки, а изделия на пластинах — 88% от всех орудий, что соответствует показателям мезолитических стоянок Колымы (Слободин, 1999). На пластинах изготовлены концевые скребки, ретушированные вкладыши со скошенным краем и боковые резцы (рис. 6, 22–24, 29; 2, 10). Имеются также концевые скребки на пластинах (рис. 6, 25, 30). Наличие этих элементов в материалах стоянки

объясняется “сохранением архаичной мезолитической техники” (Кашин, 1983. С. 97). Наличие в комплексе бифасиально обработанного наконечника (рис. 6, 19) полностью исключает ее принадлежность к унифасиальной сумнагинской культуре. В.А. Кашин рассматривает ее как раннеолитическую, относящуюся к сыалахской культуре Якутии, чему противоречит отсутствие в ее материалах керамики, хотя это объясняется “докерамической стадией развития культуры юбилейцев” (Кашин, 1983. С. 98–100). Комплекс, в целом, находит полную аналогию с материалами стоянки Уи.

На Чукотке уолбинскую традицию пластинчатых черешковых наконечников представляют материалы стоянок Верхнетытыльская VI, Тытыль IV п. 2, Нижнетытыльская IV п. 3 в районе оз. Тытыль, отнесенные к “позднему мезолиту” и датированные, по аналогии с колымскими материалами, ранним голоценом (Кирияк, 2005. С. 84, 85). Орудийный набор стоянок включает, кроме пластинчатых наконечников, призматические и конические нуклеусы, концевые скребки и, возможно, многофасеточные резцы.

Особенно информативные материалы получены со стоянки Верхнетытыльская VI, находящейся на восточном берегу оз. Тытыль. Культурный слой выявлен в гумусированной коричневой супеси на глубине 3–25 см, и включает более 2 тыс. артефактов. Первичное расщепление представлено коническими и призматическими нуклеусами, микропластинками. Орудия сделаны, преимущественно, на пластинах — черешковые и листовидные наконечники, концевые скребки, угловые и срединные резцы, имеются и бифасиальные изделия. Тесло представлено заготовкой “с ушками” (Кирияк, 2005).

Наиболее выразительным компонентом позднемезолитических стоянок Западной Чукотки являются наконечники стрел на ножевидных пластинках, в том числе черешковые (рис. 2, 25–32). Сходные технико-типологические характеристики материалов стоянок Верхнетытыльская VI и Уи позволили сделать вывод о ее принадлежности к уолбинскому комплексу: “все присутствующие в комплексе формы находят свои аналогии среди артефактов стоянки Уи [...]. Идентичны и отдельные экземпляры нуклеусов, концевых скребков” (Кирияк, 2005. С. 84). Нахождение стоянки около миграционных путей оленей (где они переправляются через озеро) и орудийный набор указывают на охотничью

специализацию ее обитателей. Основным объектом охоты был северный олень.

На Камчатке материалы сходные с уолбинской культурой известны в Ушковской мезолитической культуре на стоянках Ушки I, Авача 1 и 9, датированных по ^{14}C -возрастом 7500–6180 л.н.

Ушковская мезолитическая (ранненеолитическая) культура Камчатки выделена по материалам сходных между собой IV и III слоев стоянки Ушки I на озере Ушки в среднем течении реки Камчатка (Диков, 1979). Ниже, в V–VI слоях стоянки залегают палеолитические материалы с клиновидными нуклеусами. Ранний этап (мезолитический, в IV слое) представлен призматическими и коническими нуклеусами, крупными ретушированными по краю пластинами правильной геометрической формы, срединными и боковыми резцами на пластинках, скребками на отщепах, двусторонне оббитыми теслами овальной формы и наконечниками нескольких типов: черешковыми пластинчатыми, бифасиально обработанными листовидными и черешковыми, с ромбическим поперечным сечением (Диков, 1979).

Поздний мезолитический — ранненеолитический этап (III слой стоянки Ушки I, стоянки Авача 1, 9) включает призматические и конические нуклеусы (рис. 2, 24), угловые резцы на пластинах, листовидные ножи-бифасы, пластинчатые трехгранные черешковые наконечники (рис. 2, 22, 23) и шлифованные по лезвию тесла с шейкой-перехватом (рис. 2, 21); керамика и полностью шлифованные орудия отсутствуют (Диков, 1979; Пономаренко, 2000).

Н.Н. Диков (1971) первоначально датировал культуру III и IV слоев стоянки Ушки I примерно V–III тыс. до н.э. Полученная позже для IV культурного слоя дата 4200 ± 100 л.н. (МАГ-132) (Диков, 1979), не отвечала ни его стратиграфическому положению в разрезе Ушковских стоянок, ни технико-типологическим характеристикам комплекса, и сейчас может быть отброшена. Нижележащий V культурный слой был датирован временем около 9000–8000 л.н. Определено, что вулканический пепел, разделяющий III и IV культурные слои стоянки Ушки, относится к извержению вулкана Хангара (Центральная Камчатка), происшедшему 6957 ± 30 л.н. (Кренке и др., 2011). Залегающая ниже прослойка гумуса, включающая IV культурный слой (Диков, 1977), имеет дату 7650 ± 80 л.н. (Goebel et al., 2003). Все это позволяет датировать камчатскую мезолити-

ческую культуру, по меньшей мере, самым началом V тыс. до н.э., как это первоначально и предполагал Н.Н. Диков (1971. С. 19). Ее нижняя граница датируется, очевидно, концом или даже серединой VI тыс. до н.э. Верхняя хронологическая граница камчатского мезолита, или начало раннего неолита, определяется датой 6180 л.н. (ГИН-8144а) по углю из кострища на глубине около 1 м стоянки Авача 1 (Пономаренко, 2000).

Стоянки Авача 1 и 9, где найдены пластинчатые черешковые наконечники, подобные уолбинским, расположены в долине р. Авача (в 40 км от ее устья), на второй 8–12 метровой эрозионной террасе. На стоянке Авача 1 пластинчатые черешковые наконечники присутствуют в однокомпонентном несмешанном комплексе с коническими и призматическими нуклеусами, концевыми скребками и шлифованными теслами с перехватом (Пономаренко, 2000). Исходной заготовкой для наконечников были трехгранные пластины, форма их насада — черешковая с “вислыми шипами” на плечиках (рис. 2, 22, 23). В качестве аналогичных им, указаны наконечники со стоянки Уи на Колыме (Пономаренко, 2000. С. 41, 42), где имеются и более простые формы пластинчатых наконечников с частично ретушированным лезвием, которые представлены в IV слое стоянки Ушки II. Шлифованное тесло с перехватом в комплексе с черешковыми пластинчатыми наконечниками имеются на стоянке Конго-78 на Колыме. Открытие стоянок Авача 1 и 9 на юге Камчатки подтверждает мезолитический возраст IV и III слоев Ушковских стоянок, отмечается культурная близость камчатского мезолита (или раннего неолита) с уолбинской традицией пластинчатых наконечников Верхней Колымы и Индигирки (Пономаренко, 2000; Пташинский, 2006). Мезолитическое и ранненеолитическое население Камчатки жило небольшими поселениями, в наземных жилищах, типа чума, занимаясь охотой на таежных животных, а также рыболовством лососевых.

В континентальном Приохотье, на полпути от Колымы к стоянкам Ушки I–V, Авача 1, 9 на Камчатке черешковые пластинчатые наконечники с тщательно выделенным бифасиальной ретушью черешком и частично обработанным краевой ретушью корпусом найдены на стоянке оз. Пареньское I (в составе микропризматического расщепления) и Аура-нп (Воробей, 2015. Рис. 1–4).

В северо-западном Приохотье черешковые пластинчатые наконечники найдены на стоянке Кухтуй II в районе устья реки Кухтуй (Мочанов, 1977) и на стоянке Амка в 60 км от устья одноименной реки (Кашин, 2003). Помимо типичного частично ретушированного по краям пластинчатого наконечника со стоянки Кухтуй II, на стоянке Амка найден черешковый наконечник со “свисающими плечиками” (рис. 2, 4), ретушированные микропластинки и пришлифованный по лезвию топор (тесло) с перехватом (рис. 2, 3, 5, 6).

Рассмотренные материалы показывают, что выделенный на Верхней Колыме раннеголоценовый комплекс с черешковыми пластинчатыми наконечниками (Слободин, 1996б) получил широкое распространение на Северо-Востоке Азии, присутствует в материалах Чукотки, Якутии, Камчатки и может рассматриваться в качестве специфической традиции пластинчатых наконечников, сформировавшейся здесь в первой половине голоцена, примерно 8800–6000 л.н.

Эта традиция характеризуется, помимо пластинчатых черешковых наконечников, развитой микропластинчатой индустрией с призматическими и коническими нуклеусами, частично пришлифованными двусторонне оббитыми топорами с перехватом, концевыми скребками, ретушированными микропластинками, двусторонне обработанными наконечниками. Объединение комплексов Северо-Востока Азии с черешковыми пластинчатыми наконечниками на основании сходных технико-типологических характеристик их каменного инвентаря, периода существования и района распространения в отдельную технологическую традицию Северо-Востока России, позволяет рассматривать их в рамках единой мезолитической раннеголоценовой традиции, дав ей название “улбинская” по месту обнаружения А.П. Окладниковым первых в Якутии пластинчатых черешковых наконечников.

Общие технико-типологические характеристики, время существования и территория распространения позволяет рассматривать этот культурный континуум в развитии от мезолита (стоянки Уи, Юбилейная, возрастом 8800–8300 л.н. на Колыме) до раннего неолита (поздняя ранненеолитическая ушковская культура возрастом 6200 л.н. на Камчатке).

На раннем этапе развития улбинской традиции использовались частично ретушированные пластинчатые трапецевидные в поперечном

сечении наконечники, у которых отжимной ретушью оформлялись только острие и черешок (стоянки Уи, Юбилейная, Конго-78, Инг-78); постепенно наконечники подвергались более полной обработке: дополнительно ретушировались один или оба края, вплоть до преобладания полной обработки, формирования треугольного поперечного сечения и появления на ее позднем этапе развития свисающих плечиков (стоянки Придорожная, Авача 1, 9).

Анализ раннеголоценовых комплексов на Северо-Востоке Азии в последних публикациях по этой теме проводится уже с учетом материалов улбинской традиции Верхней Колымы. Отмечается “синтетический характер” индустрии улбинского комплекса в ряду других раннеголоценовых культур Северо-Востока Азии (Воробей, 1996), публикуются новые материалы, которые “уточняют ареал изделий класса черешковых пластинчатых наконечников” «дают дополнительный материал к анализу их вариативности и, возможно, более точному определению “улбинского типа”» (Воробей, 2015. С. 214).

В.В. Питулько (2003) рассматривает улбинский комплекс в качестве “улбинской фации сумнагинской культурной традиции”, расширяя ее распространение, помимо уже обозначенных территорий Чукотки, Камчатки, Верхней Колымы и Восточной Якутии, и на территорию п-ова Таймыр, где пластинчатые наконечники найдены на стоянке Тагенар VI. Аналогии улбинскому комплексу прослеживаются исследователями на Чукотке (Кирьяк, 2005), и на Камчатке (Понмаренко, 2000; Пташинский, 2006).

Происхождение улбинской традиции пластинчатых наконечников на Северо-Востоке Азии пока не ясно. А.П. Окладников осторожно предполагал наличие связи пластинчатых наконечников Якутии, Прибайкалья, Амура и Забайкалья с мезолитическими культурами Восточной Европы. Характеризуя “пластинчатые острия” Шилкинской пещеры верховий р. Амур, “изготовленные из ножевидных пластин и обработанных ретушью только частично вдоль краев и/или на кончике”, А.П. Окладников (1960. С. 64, 65) отмечает, что их форма и характер обработки “указывает на определенную связь с древней мезолитической техникой обработки кремня и с типами острий, характерными для мезолита”, что позволяет сопоставить их “с мезолитическими наконечниками Запада и с Хиньскими наконечниками” Прибайкалья. Но, указывая на

их сходство, “хоть и бесспорное, но лишь самое общее”, он отмечал и различия: “они не аналогичны в деталях ни свидерским остриям Восточной Европы, ни Хиньским наконечникам Прибайкалья”.

Вслед за ним и Ю.А. Мочанов (1977. С. 248) уже более определенно говорит о возможности появления их в Якутии в результате “древних связей, существовавших между населением Северо-Восточной Европы и Северной Сибири задолго до III тысячелетия”. Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева (2013. С. 147) считают, что “о западном происхождении сумнагинской культуры, могут свидетельствовать и многие черты сходства с синхронными ей культурами Восточной Европы и Урала”.

Сходство раннеголоценовых черешковых пластинчатых наконечников европейского Северо-Востока и Верхней Колымы рассматривается некоторыми исследователями как результат конвергентного развития последних (Волокитин, 2006. С. 48; Сорокин, 2008. С. 158, 159). Отмечается, что «анalogии пургасовским наконечникам [“постсвидерским”, в пургасовской мезолитической культуре Центральной России – С.С.] имеются на ... Таймыре, ... Сахалине” и на Верхней Колыме (Сорокин, 2008. С. 170, 171).

В сходной ситуации раннеголоценовые пластинчатые наконечники Алтая, признаны “свидетельством проникновения на Алтай носителей кельтеминарских культурных традиций” из Средней Азии (Кирюшин и др., 2011). Предполагается также, что “каменная индустрия памятников раннего неолита Сахалина и Хоккайдо (начального дземона по японской периодизации) имеет устойчивые аналогии в мезолитических индустриях Восточной Европы”, в “способе расщепления, основанном на утилизации конического нуклеуса, ...вкладышевой технике, ...наконечниках стрел и остриях на пластинах” (Грищенко, 2011. С. 90).

Мы пока воздерживаемся от утверждения о прямых культурных связях уолбинской традиции с “постсвидерскими” культурами (традицией), поскольку на большой территории Западной Сибири, от Урала до Прибайкалья, нет близких аналогий этим комплексам, хотя импульсы этих связей могли происходить и от таких мезолитических культур с пластинчатыми черешковыми наконечниками Северо-Востока Европы, как, например, веретье (Ошибкина, 1997). Примечательно, что на крайнем европейском Северо-

Востоке, в долине реки Вычегды, где известно большое количество стоянок “постсвидерской” традиции (бутовской и парчевской культур) (Волокитин, 2006), в комплексе стоянки Ульяново представлены топоры “с перехватом” (Верещагина, 2010. С. 123), найденные и на стоянках уолбинской традиции.

Но вполне допустимо и их конвергентное развитие на основе более широкой евразийской раннеголоценовой традиции. Возможно, что определенную роль в их распространении, как уже отмечалось (Слободин, 2006), сыграла среднеамурская раннеголоценовая новопетровская пластинчатая культура (Деревянко, 1970). Для Камчатки Н.Н. Диков предполагал взаимодействие местных ранних послепалеолитических элементов и новых культурных импульсов, возникших «в результате дивергенции более широкой послепалеолитической “мезолитической” культурной общности Северо-Востока Азии» (Диков, 1979. С. 111).

Дальнейшее развитие культур Колымы происходило отчасти под влиянием мезолитической уолбинской традиции, проявившимся в появлении там, в неолите, пластинчатых форм наконечников (Слободин, 2001). В.А. Кашин отмечает, что развитие раннеолитической культуры Средней Колымы шло «при активных этнокультурных контактах с племенами приленской сылахской культуры, а также с населением бассейна Верхней Колымы, которое уже в мезолите было вооружено черешковыми метательными наконечниками на пластинах “уолбинского” типа (Слободин, 1999)» (Кашин, 2013).

Пока еще не на все вопросы, связанные с развитием уолбинской традиции, имеются ответы, поэтому поиск новых памятников этой традиции и детальное изучение коллекций уже известных, является актуальной задачей изучения мезолита Северо-Востока Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Черосов Н.М. Основные итоги и задачи исследований археологической экспедиции Якутского университета // Археология Якутии: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Н. Алексеев. Якутск: Якутский гос. ун-т, 1988. С. 5–15.
- Аргунов В.Г. Каменный век Северо-Западной Якутии. Новосибирск: Наука, 1990. 213 с.
- Базалийский В.И. К проблеме культурно-хронологических особенностей погребальных комплексов эпохи

- позднего мезолита — неолита Байкальской Сибири // Социогенез в Северной Азии: сб. науч. тр. Ч. I / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: ИрГТУ, 2005. С. 35–42.
- Вережагина И.В.* Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 323 с.
- Волокитин А.В.* Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2006. 126 с.
- Воробей И.Е.* Раннеголоценовые индустрии Крайнего Северо-Востока Азии // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. к XXXVI РАСК. Ч. 1. Иркутск, 1996. С. 56–58.
- Воробей И.Е.* К вопросу о распространении черешковых пластинчатых наконечников стрел на Севере Дальнего Востока // Чтения памяти академика К.В. Симакова: материалы докладов Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Н.А. Горячев. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2015. С. 214–217.
- Гриценко В.А.* Ранний неолит острова Сахалин. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. 184 с.
- Деревянко А.П.* Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1970. 204 с.
- Диков Н.Н.* Древние культуры Камчатки и Чукотки: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1971. 48 с.
- Диков Н.Н.* К проблеме мезолита на Камчатке // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 120–124.
- Диков Н.Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 352 с.
- История Сибири. Т. 1 / Гл. ред. А.П. Окладников. Л.: Наука, 1968. 454 с.
- Кашин В.А.* Стоянка Юбилейный и ее место в культуре каменного века Якутии // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1983. С. 93–102.
- Кашин В.А.* Палеолит Северо-Восточной Азии: история и итоги исследований. 1940–1980 гг. Новосибирск: Наука, 2003. 235 с.
- Кашин В.А.* Неолит Средней Колымы. Новосибирск: Наука, 2013. 224 с.
- Кирияк М.А.* Археология Западной Чукотки. М.: Наука, 1993. 224 с.
- Кирияк (Дикова) М.А.* Каменный век Чукотки. Магадан: Кордис, 2005. 254 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.* Кельтеминарские наконечники стрел с поселений Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1. С. 56–64.
- Кренке Н.А., Леонова Е.В., Мелекесцев И.В., Певзнер М.М.* Новые данные по стратиграфии Ушковских стоянок в долине реки Камчатка // РА. 2011. № 3. С. 14–21.
- Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д.* Опыт датирования по ¹⁴С-погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1. С. 19–32.
- Мочанов Ю.А.* Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969. 254 с.
- Мочанов Ю.А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.* Многослойная стоянка Ушки на Камчатке и ее место в древней истории Северо-Восточной Азии // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тез. докл. к регион. конф. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1982. С. 36–38.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.* Очерки дописьменной истории Якутии. Т. 2: Эпоха камня. Якутск, 2013. 489 с.
- Окладников А.П.* Ленские древности. Вып. 2. Якутск: Якутская гос. тип., 1946. 186 с.
- Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 (МИА; № 18). 412 с.
- Окладников А.П.* История Якутской АССР. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 432 с.
- Окладников А.П.* Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура // Труды Дальневосточной археологической экспедиции. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 86). С. 9–71.
- Окладников А.П., Кириллов И.И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
- Ошибкина С.В.* Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 204 с.
- Питулько В.В.* Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М.: Геос, 2003. С. 99–145.
- Пономаренко А.К.* Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000. 312 с.
- Пташинский А.В.* К вопросу о неолите Камчатки // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока / Отв. ред. А.И. Лебединцев. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 78–86.
- Сериков Ю.Б.* Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: Нижнетагильский гос. пед. ин-т, 2000. 430 с.
- Слободин С.Б.* Отчет Верхне-Колымского археологического отряда в составе Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции в 1989 г. Магадан, 1990. 62 л. // НА ИА РАН. Р-1. № 14512.
- Слободин С.Б.* Раннеголоценовые комплексы Верхней Колымы и некоторые аспекты проблемы “мезолита” Северо-Востока Азии // Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки: материалы междунар. конф. / Науч. ред. Н.А. Кононенко. Владивосток: Дальпресс, 1996а. С. 204–212.

- Слободин С.Б. Стоянки каменного века Оханджийского археологического района // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996б. С. 77–115.
- Слободин С.Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. 246 с.
- Слободин С.Б. Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. 202 с.
- Слободин С.Б. Распространение обсидианового сырья на археологических памятниках Колымы, Камчатки и Чукотки (Северо-Восток России) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 136–140.
- Слободин С.Б. Пластинчатые черешковые наконечники в древних культурах Северо-Востока Азии // IV Диковские чтения / Отв. ред. А.И. Лебединцев. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 67–69.
- Сорокин А.Н. Мезолитоведение Поочья. Москва: ИА РАН, 2008. 328 с.
- Томирдиаро С.В. Лессово-ледовая формация Восточной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1980. 184 с.
- Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М.: Наука, 1968. 171 с.
- Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 215 с.
- Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 341 с.
- Шер А.В. Природная перестройка в Восточно-Сибирской Арктике на рубеже плейстоцена и голоцена и ее роль в вымирании млекопитающих и становлении современных экосистем // Криосфера Земли. 1997. № 1. С. 3–11; № 2. С. 21–29.
- Goebel T., Waters M.R., Dikova M. The Archaeology of Ushki Lake, Kamchatka and the Pleistocene Peopling of the Americas // Science. 2000. V. 301. № 5632. P. 501–505.

MESOLITHIC BLADE STEMMED POINT TRADITION OF NORTHEAST ASIA

Sergey B. Slobodin

North-East Interdisciplinary Science Research Institute FEB RAS, Magadan, Russia
E-mail: archaeol@neisri.ru

The article presents analysis and general characteristics of the Early Holocene tradition of blade stemmed points in the North-East of Russia. The author distinguishes it based on the materials opened and investigated by him in the Upper Kolyma as well as on studying the collections of other Early Holocene sites of Northeast Asia. The paper reviews the history of studying complexes with blade stemmed points in Eastern Siberia. The problems associated with their revealing, identification and dating, taking into consideration the available data on the archaeology of Yakutia, the Kolyma, Chukotka and Kamchatka are analyzed. Descriptions of the most informative sites of this tradition with the technical and typological analysis of their artifact complexes are given. The article specifies the spreading area of the tradition of the blade stemmed points, its age on the basis of the ^{14}C -dating obtained, the tool set, and the most characteristic artefacts of it. Correlations of this Mesolithic tradition with other early Holocene cultures of Northeast Asia and Eurasia are made. The author outlines the issues of the genesis of this tradition and notes its influence on the appearance of the Neolithic cultures of the Kolyma River.

Keywords: archaeology of the Kolyma, Yakutia (Sakha), Kamchatka and Chukotka, Early Holocene, Mesolithic of Northeast Asia, blade stemmed points tradition, Beringia.

REFERENCES

- Alekseev A.N., Kochmar N.N., Cherosov N.M., 1988. Main outcomes and research objectives of the Yakutsk university archaeological expedition. *Arkheologiya Yakutii: sbornik nauchnykh trudov* [The archaeology of Yakutia: Collected papers]. A.N. Alekseev, ed. Yakutsk: Yakutskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 5–15. (In Russ.)
- Argunov V.G., 1990. Kamennyy vek Severo-Zapadnoy Yakutii [The Stone Age of North-Western Yakutia]. Novosibirsk: Nauka. 213 p.
- Bazaliyskiy V.I., 2005. To the issue of cultural and chronological features of the Late Mesolithic–Neolithic burial complexes of Baikalian Siberia. *Sotsiogenez v Severnoy Azii: sbornik nauchnykh trudov* [Social genesis in Northern Asia: Collected papers], I. A.V. Kharinskiy, ed. Irkutsk: Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, pp. 35–42. (In Russ.)
- Derevyanko A.P., 1970. Novopetrovskaya kul'tura Srednego Amura [The Novopetrovka culture of the Middle Amur]. Novosibirsk: Nauka. 204 p.
- Dikov N.N., 1971. Drevnie kul'tury Kamchatki i Chukotki: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Ancient cultures of Kamchatka and Chukotka: Synopsis of the Doctoral thesis in History]. Novosibirsk. 48 p.

- Dikov N.N., 1977. The issue of Mesolithic in Kamchatka. *KSLA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 149, pp. 120–124. (In Russ.)
- Dikov N.N., 1979. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoy Azii: Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti [Ancient cultures of North-Eastern Asia: Asia at the junction with America in the ancient times]. Moscow: Nauka. 352 p.
- Fedoseeva S.A., 1968. Drevnie kul'tury Verkhnego Vilyuya [Ancient cultures of the Upper Vilyuy]. Moscow: Nauka. 171 p.
- Fedoseeva S.A., 1980. Ymyyakhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoy Azii [The Ymyyakhtakh culture of North-Eastern Asia]. Novosibirsk: Nauka. 215 p.
- Goebel T., Waters M.R., Dikova M., 2000. The Archaeology of Ushki Lake, Kamchatka and the Pleistocene Peopling of the Americas. *Science*, vol. 301, iss. 5632, pp. 501–505.
- Grishchenko V.A., 2011. Ranniy neolit ostrova Sakhalin [The Early Neolithic of Sakhalin]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskiy gosudarstvennyy universitet. 184 p.
- Istoriya Sibiri [The History of Siberia], 1. A.P. Okladnikov, ed. Leningrad: Nauka, 1968. 454 p.
- Kashin V.A., 1983. The Yubiley site and its place in the Stone Age culture of Yakutia. *Pozdnepleystotsenovye i ranneholotsenovye kul'turnye svyazi Azii i Ameriki [The Late Pleistocene and early Holocene cultural connections of Asia and America]*. R.S. Vasil'evskiy, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 93–102. (In Russ.)
- Kashin V.A., 2003. Paleolit Severo-Vostochnoy Azii: istoriya i itogi issledovaniy. 1940–1980 gg. [The Paleolithic of North-Eastern Asia: history and research results. 1940–1980 гг.]. Novosibirsk: Nauka. 235 p.
- Kashin V.A., 2013. Neolit Sredney Kolymy [The Neolithic of the Middle Kolyma]. Novosibirsk: Nauka. 224 p.
- Khlobystin L.P., 1998. Drevnyaya istoriya Taymyrskogo Zapolyar'ya i voprosy formirovaniya kul'tur Severa Evrazii [The ancient history of Taimyr Arctic and issues of the formation of North Eurasian cultures]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 341 p.
- Kir'yak M.A., 1993. Arkheologiya Zapadnoy Chukotki [The archaeology of Western Chukotka]. Moscow: Nauka. 224 p.
- Kir'yak (Dikova) M.A., 2005. Kamennyy vek Chukotki [The Stone Age of Chukotka]. Magadan: Kordis. 254 p.
- Kiryushin Yu.F., Kiryushin K. Yu., Semibratov V.P., 2011. Kel'teminar arrowheads from the Altai settlements. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology, and Anthropology of Eurasia]*, 1, pp. 56–64. (In Russ.)
- Krenke N.A., Leonova E.V., Melekestsev I.V., Pevzner M.M., 2011. New data on the stratigraphy of the Ushki sites in the valley of the river Kamchatka. *Russ. Arkheol.*, 3, pp. 14–21. (In Russ.)
- Mamonova N.N., Sulerzhitskiy L.D., 1989. An attempt to date some Holocene burials in Baikal region according to C14. *Sovet. Arkheol. [Soviet Archaeology]*, 1, pp. 19–32. (In Russ.)
- Mochanov Yu.A., 1969. Mnogosloynnaya stoyanka Bel'kachi I i periodizatsiya kamennogo veka Yakutii [The multilayer site of Bel'kachi I and the periodization of Yakutian Stone Age]. Moscow: Nauka. 254 p.
- Mochanov Yu.A., 1977. Drevneyshie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoy Azii [The earliest stages of peopling in North-Eastern Asia]. Novosibirsk: Nauka. 264 p.
- Mochanov Yu. A., Fedoseeva S.A., 1982. The multilayer site Ushki on Kamchatka and its place in the ancient history of North-Eastern Asia. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri: tezisy dokladov k regional'noy konferentsii [Issues of the Archaeology and Ethnography of Siberia: Abstracts of the regional conference]*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 36–38. (In Russ.)
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 2013. Ocherki dopis'mennoy istorii Yakutii [Studies of the preliterate history of Yakutia], 2. Epokha kamnya [The Stone Age]. Yakutsk. 489 p.
- Okladnikov A.P., 1946. Lenskie drevnosti [The Lena antiquities], 2. Yakutsk: Yakutskaya gosudarstvennaya tipografiya. 186 p.
- Okladnikov A.P., 1950. Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya [The Neolithic and the Bronze Age of Cisbaikalia], 1–2. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 412 p. (MIA, 18).
- Okladnikov A.P., 1955. Istoriya Yakutskoy ASSR [The history of Yakutian ASSR], 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 432 p.
- Okladnikov A.P., 1960. The Shilka cave – a site of the Upper Amur ancient culture. *Trudy Dal'nevostochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Papers of the Far Eastern archaeological expedition]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 9–71. (MIA, 86). (In Russ.)
- Okladnikov A.P., Kirillov I.I., 1980. Yugo-Vostochnoe Zabaykal'e v epokhu kamnya i ranney bronzы [South-Eastern Transbaikalia during the Stone Age and the Early Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka. 176 p.
- Oshibkina S.V., 1997. Veret'e I. Poselenie epokhi mezolita na Severe Vostochnoy Evropy [Veretye I. The Mesolithic settlement on the North of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 204 p.
- Pitul'ko V.V., 2003. The Holocene Stone Age of the North-Eastern Asia. *Estestvannaya istoriya rossiyskoy vostochnoy Arktiki v pleystotsene i golotsene [Natural history of the Russian Eastern Arctic during the Pleistocene and Holocene]*. Moscow: Geos, pp. 99–145. (In Russ.)
- Ponomarenko A.K., 2000. Drevnyaya kul'tura itel'menov Kamchatki [The ancient culture of the Kamchatkan Itel'men]. Petropavlovsk-Kamchatskiy. 312 p.
- Ptashinskiy A.V., 2006. To the Neolithic of Kamchatka. *Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka [The Neolithic and Paleometal Age of Far Eastern North]*. A.I. Lebedintsev, ed. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, pp. 78–86. (In Russ.)
- Serikov Yu.B., 2000. Paleolit i mezolit Srednego Zaural'ya [The Paleolithic and Mesolithic of the Central Trans-

- Uralian region]. Nizhniy Tagil: Nizhnetagil'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 430 p.
- Sher A.V., 1997. Environmental changes in the East Siberian Arctic at the turn of the Pleistocene and Holocene and their role in extinction of mammals and generation of modern ecosystems. *Kriosfera Zemli [Earth's Cryosphere]*, no. 1, pp. 3–11; no. 2, pp. 21–29. (In Russ.)
- Slobodin S.B. Otchet Verkhne-Kolym'skogo arkhologicheskogo otryada v sostave Severo-Vostochno-Aziatskoy kompleksnoy arkhologicheskoy ekspeditsii v 1989 g. Magadan, 1990. 62 l. [Report of the Upper Kolyma archaeological group as part of the North-East Asian complex archaeological expedition of 1989. Magadan, 1990. 62 ff.]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkhologii Rossiyskoy akademii nauk [Scientific Archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences]*, R-1, № 14512. (Unpublished).
- Slobodin S.B., 1996a. The Early Holocene complexes of the Upper Kolyma and some aspects of the "Mesolithic" issue in North Eastern Asia. *Pozdnyy paleolit — ranniy neolit Vostochnoy Azii i Severnoy Ameriki: materialy mezhdunarodnoy konferentsii [The Late Paleolithic — Early Neolithic Age in Eastern Asia and North America: Proceedings of the international conference]*. N.A. Kononenko, ed. Vladivostok: Dal'press, pp. 204–212. (In Russ.)
- Slobodin S.B., 1996b. The Stone Age sites of Okhondzhy archaeological district. *Arkheologicheskie issledovaniya na Severe Dal'nego Vostoka [Archaeological studies in the Northern Far East]*. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, pp. 77–115. (In Russ.)
- Slobodin S.B., 1999. Arkheologiya Kolymy i Kontinental'nogo Ppikhot'ya v pozdnem pleystotsene i rannem golotsene [The archaeology of the Kolyma and the continental regions of the Okhotsk Sea littoral during the Late Pleistocene and Early Holocene]. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN. 246 p.
- Slobodin S.B., 2001. Verkhnyaya Kolyma i kontinental'noe Priokhot'e v epokhu neolita i rannego metalla [The Upper Kolyma and the continental regions of the Okhotsk Sea littoral during the Neolithic and Early Metal Age]. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN. 202 p.
- Slobodin S.B., 2006. Blade stemmed points in the ancient cultures of North-Eastern Asia. *IV Dikovskie chteniya [IV Dikov Readings]*. A.I. Lebedintsev, ed. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, pp. 67–69. (In Russ.)
- Slobodin S.B., 2007. Spreading raw obsidian on the archaeological sites of the Kolyma, Kamchatka and Chukotka (The North-East of Russia). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv [Ecology of ancient and traditional societies]*, 3. Tyumen': Vektor Buk, pp. 136–140. (In Russ.)
- Sorokin A.N., 2008. Mezolitovedenie Pooch'ya [Studies in the Mesolithic of the Oka region]. Moscow: IA RAN. 328 p.
- Tomirdiary S.V., 1980. Lessovo-ledovaya formatsiya Vostochnoy Sibiri v pozdnem pleystotsene i golotsene [Loess-ice formation in East Siberia during the Late Pleistocene and Holocene]. Moscow: Nauka. 184 p.
- Vereshchagina I.V., 2010. Mezolit i neolit kraynego Evropeyskogo Severo-Vostoka [The Mesolithic and Neolithic Age of the European Extreme North-East]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 323 p.
- Volokitin A.V., 2006. Mezoliticheskie stoyanki Parch 1 i Parch 2 na Vychegde [The Mesolithic sites of Parch 1 and Parch 2 on the Vychegda]. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr Ural'skogo otdeleniya RAN. 126 p.
- Vorobey I.E., 1996. The Early Holocene industries of the Asian Extreme North-East. *Arkheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka: tezisy dokladov k XXXVI Regional'noy arkhologicheskoy studencheskoy konferentsii [Archaeology, Paleoecology, and Ethnology of Siberia and Far East: Abstracts of the XXXVI students' regional archaeological conference]*, 1. Irkutsk, pp. 56–58. (In Russ.)
- Vorobey I.E., 2015. To the spreading of blade stemmed points in Far Eastern North. *Chleniya pamyati akademika K.V. Simakova: materialy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Readings in memory of Academician K.V. Simakov: Proceedings of the All-Russian scientific conference]*. N.A. Goryachev, ed. Magadan: Severo-Vostochnyy kompleksnyy nauchno-issledovatel'skiy institut Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, pp. 214–217. (In Russ.)

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ РЕШЕНИЯ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ПРОБЛЕМА ВОЕННОГО ДЕЛА ЭПОХИ БРОНЗЫ

© 2018 г. И.В. Чечушков^{1,2,*}, Г. Дакович^{1,**}, А.С. Якимов^{3,***}

¹ Университет Питсбурга, США

² Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

³ Институт криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН, Россия

* E-mail: chivpost@gmail.com,

** E-mail: sergligor@gmail.com,

*** E-mail: yakimov_artem@mail.ru

Поступила в редакцию 07.02.2017 г.

Исследование основано на анализе системы оборонительных сооружений и местоположения в рельефе четырех поселений синташтинско-петровского типа. Проблема их функционирования имеет фундаментальное значение, поскольку создание таких архитектурных сооружений требует концентрации трудовых ресурсов, централизованного управления и интеллектуальных усилий. Понимание условий и причин строительства укрепленных поселений способствует дальнейшему развитию теории ранних комплексных обществ, выяснению роли военного конфликта в их формировании и эволюции. Проведенный анализ синташтинско-петровских поселений позволяет заключить, что роль обводных стен и рвов заключалась в формировании защищенной среды, при этом военная функция не являлась ведущей. Об этом свидетельствует целый ряд наблюдений: незначительная высота обводных стен, отсутствие стандартов при строительстве рвов, выбор наименее удачных для получения обзора мест в ландшафте. С нашей точки зрения, феномен синташтинско-петровских поселков показывает, что социальная комплексность возникает и развивается не только как ответ на конфликтотогенную среду, но и в качестве медиатора внутри экономической системы. У уральских скотоводов бронзового века это выразилось в возведении защищенных от суровых климатических условий и угрозы угона скота поселков-кард.

Ключевые слова: бронзовый век, поселенческая археология, ландшафтная археология, синташтинский, петровский, крепость, политическая антропология.

DOI: 10.31857/S086960630001661-6

Понимание социально-исторических процессов эпохи бронзы на территории степной природной зоны Евразии связано с поиском объяснения системы расселения. Так, открытие в Южном Зауралье и Северном Казахстане серии поселенческих памятников типа Синташты, Петровки, Аркаима и Устья привело исследователей к заключению об оборонительном назначении обводных рвов и валов, а также о высокой роли военного дела в жизни древних скотоводческих сообществ (Генинг и др., 1992; Зданович, Батанина, 1995; Пятых, 2003; Зданович, 2011; Семьян, 2012). Этот взгляд был усилен впечатлением, произведенным сравнительно пышным обрядом синташтинских могильников, где появились новые для эпохи бронзы типы наступательного вооружения. Обсуждая фортификационные со-

оружия, авторы раскопок зачастую исходили из предпосылки об их военном назначении, в результате на графических реконструкциях (Генинг и др., 1992) поселения бронзового века приобрели черты, свойственные средневековым крепостям (Раппопорт, 1965). Действительно, в широком историческом контексте наличие рвов и обводных стен предполагает наличие конфликтотогенной среды, в которой военные столкновения являлись частью повседневной жизни и ожидаемым явлением (Parkinson, Duffy, 2007). Важно отметить, что именно в военных конфликтах видят причину возникновения социальной сложности и вождеств Р. Карнейро (Carneiro, 1998). С его точки зрения, именно конфликтотогенность социальной среды привела к тому, что вожди военных альянсов стали лидерами территориаль-

ных политических институтов. Таким образом, определение роли конфликта в истории государственных социальных образований имеет принципиальное значение для понимания социальной эволюции.

До настоящего времени проблема городищ синташтинско-петровского типа не имеет убедительного решения. В археологии наиболее значимыми маркерами конфликтогенности среды являются следы военных катастроф на поселениях и боевой травматизм на человеческих останках, однако в материальном мире памятников синташтинско-петровского типа эти два признака практически не встречаются (Виноградов, 2011. С. 83). Это обстоятельство заставляет задуматься о назначении систем обводных рвов и стен на поселенческих памятниках, а также обратиться к поиску иных объяснительных моделей. Так, А.В. Епимаховым и И.В. Семьяном в качестве гипотезы была высказана точка зрения, что системы фортификации служили превентивной мерой, исключающей нападение извне (Епимахов, Семьян, 2016. С. 82). Другая версия была предложена Н.П. Анисимовым, увидевшем в укрепленных поселениях скотоводческие карды¹ с развитой системой содержания и обслуживания домашних животных (Анисимов, 2009).

Предлагаемое на этих страницах исследование основано на анализе системы оборонительных сооружений и местоположения в рельефе четырех опорных поселений (Устье I, Сарым-Саклы, Каменный Амбар и Коноплянка), обследованных в течение полевых сезонов 2011–2016 гг. по открытым листам, выданным на имя И.В. Чечушкова. Результаты этих работ частично представлены ранее (Хэнкс и др., 2013; Чечушков, 2015), и цель данной работы заключается в поиске ответа на вопрос о предназначении поселений. Эта проблема имеет фундаментальное значение, поскольку создание подобного ансамбля архитектурных сооружений требует концентрации трудовых ресурсов, централизованного управления и интеллектуальных усилий. Таким образом, понимание условий и причин строительства укрепленных поселений способству-

ет дальнейшему развитию теории ранних комплексных обществ и выяснению роли военного конфликта в их формировании и эволюции.

Развитие оборонительных систем в древних и традиционных обществах имеет долгую историю, а их вид и особенности в существенной степени зависят от интенсивности конфликтов, географической локализации, уровня развития военного и строительного дела, военной техники, доступных ресурсов и военной силы. Апогеем развития оборонительного потенциала населенного пункта является формирование крепости (форта) — системы фортификационных сооружений в их сочетании с защитными свойствами среды. В этой связи, исследователи военного дела древности выделяют критерии определения форта, т.е. ряд обязательных признаков, к которым относятся крепостные стены, ворота, башни и бастионы, рвы, элементы ландшафта и др. (Раппопорт, 1965; Keeley et al., 2007; Arkush, 2011). Несмотря на существенную вариативность в архитектуре древних крепостей, всегда можно выделить те или иные конструктивные элементы, указывающие на их оборонительную функцию. Отсутствие этих признаков может говорить об ином предназначении сооружений, а разбор архитектурных решений в совокупности с характеристиками окружающей среды позволяет детализировать понимание целей древних строителей.

Планиграфия синташтинско-петровских поселенческих памятников. В основе нашего подхода лежит метод инструментального картографирования памятников археологии с применением инструментов геостатистики (Чечушков, 2015). Метод позволяет производить построение электронной модели современного рельефа, подвергнутого инструментальной съемке. Для ответа на вопрос о функционировании укрепленных поселений нами были получены данные о современном состоянии памятников, микрорельеф которых в той или иной степени позволяет судить о фортификации.

Поселение Сарым-Саклы располагается на правом берегу р. Зингейка в Кизильском р-не Челябинской обл. (Зданович, Батанина, 2007). Памятник представляет собой замкнутую, округлую в плане структуру диаметром до 126 м, образованную системой рвов, валов и жилищно-хозяйственных построек (рис. 1). Изучение плана и профилей поверхности позволяет утверждать, что поселение было окружено рвом и двумя валами — внешним (гласис) и внутрен-

¹ “Карда”, согласно словарю А.Г. Преображенского (Этимологический, 1912. С. 298) — это загон для скота. По М. Фасмеру (Фасмер, 1986. С. 196, 197), “карда” восходит к чувашскому и мордовскому в значении “хлев”, “жердь”, “двор”. Это слово применяется современным русскоязычным населением зауральской лесостепи для обозначения летних загонных для скота, где животные содержатся ночью в период выпаса.

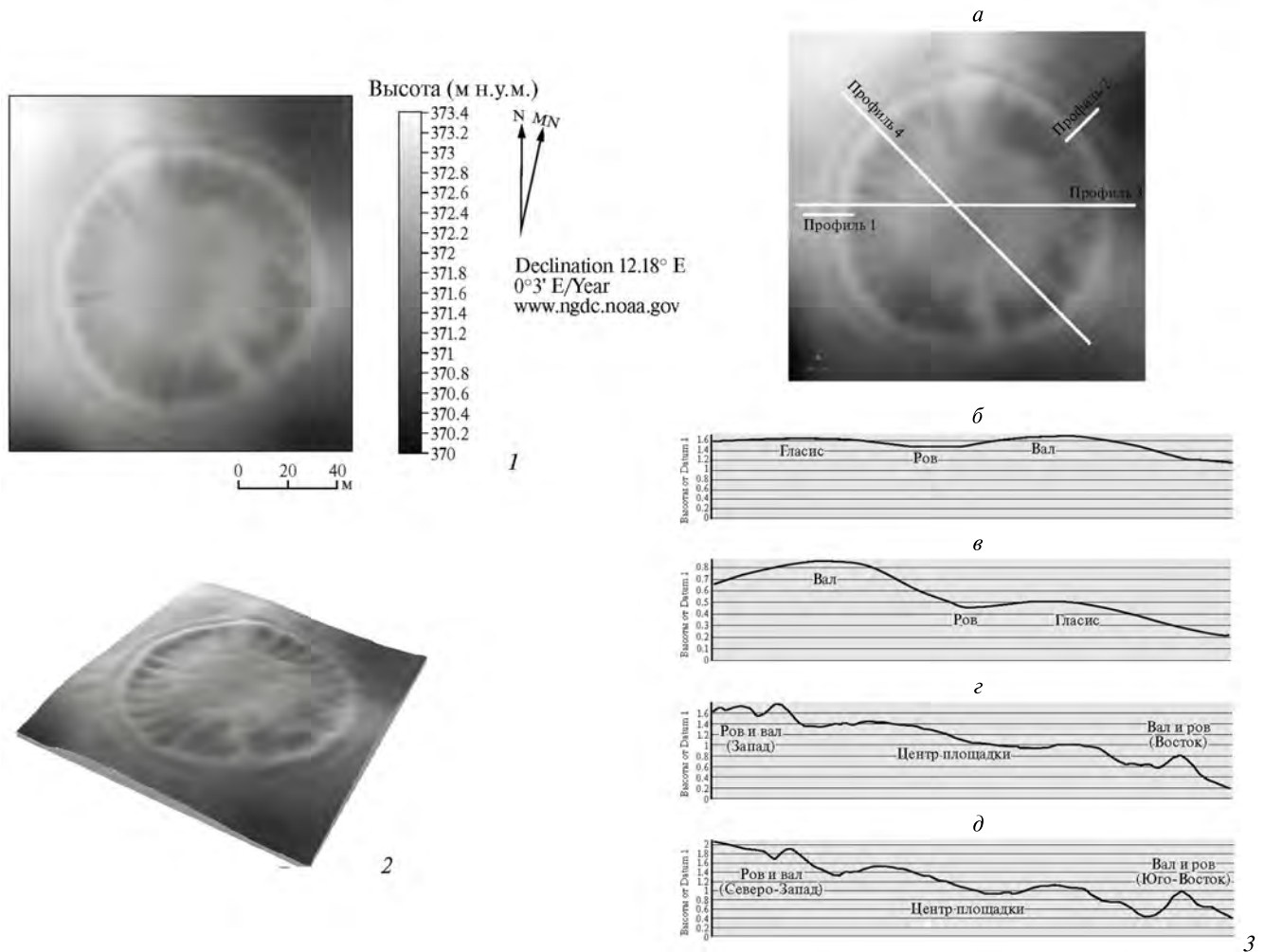

Рис. 1. Сарым-Саклы, модель рельефа: 1 — карта памятника; 2 — модель рельефа; 3 — профили рельефа (а — места расположения профилей; б — профиль 1 по рву и валу; в — профиль 2 по рву и валу; г — сквозной профиль 3 по линии З–В; д — сквозной профиль 4 по линии СЗ–ЮВ).

Fig. 1. The map of micro-topography of Sarym-Sakly

ним (стена). Ров представлен узким плавным кольцеобразным понижением рельефа шириной от 3 до 4.8 м, а стена — округлым в плане валом с внешним диаметром до 115 м. Поселение имело два входа: северный и южный, расположенные почти точно по сторонам света друг напротив друга (Федорова, Носкевич, 2012). Характерные подпрямоугольные или трапециевидные понижения рельефа, примыкающие к внутренней стороне стены, и разделенные между собой заметными на поверхности перемычками, интерпретированы как впадины от 31 жилища. Анализ микрорельефа поселения не позволяет однозначно утверждать, что присутствовала третья внутренняя линия оборонительных сооружений, образующая “цитадель”. Сквозные профили 3 и 4 демонстрируют наличие относительного по-

вышения рельефа на участках внутри поселения, однако выраженной и систематической структуры в плане, на наш взгляд, не представлено. Сравнение с геофизической съемкой также подтверждает мысль, что внутренняя часть поселения, вероятно, была не застроена, но, возможно, окружена небольшим внутренним валом.

Данные о структуре вала и рва позволяют произвести реконструкцию стены, даже при отсутствии раскопочных исследований. Прежде всего, нас интересует ее возможная высота, поскольку именно этот параметр является основным с точки зрения оборонительной стратегии. В этой связи нам представляется оправданным подход исследователей поселения Синташта, предложивших использовать объем грунта, заполнявшего тело вала и ров поселения, в каче-

стве меры высоты древней стены (Генинг и др., 1992. С. 32). При всех прочих равных, мы исходим из того, что стена представляла собой насыпанный земляной вал, поэтому, зная объем грунта в развале на определенном участке можно определить его минимально возможную высоту. В качестве исходных данных для расчетов использованы следующие параметры:

- средняя ширина рва — 2.27 ± 0.3 м (95% доверительный интервал; $n = 11$);
- средняя ширина основания стены — 3 ± 0.3 м (95% доверительный интервал; $n = 11$);
- средняя высота стены от уровня современной поверхности жилищных впадин, принятая в качестве условной глубины вертикального разреза от поверхности до погребенной почвы — 0.46 ± 0.05 м (95% доверительный интервал; $n = 10$).

Первые два параметра известны благодаря магнитометрической съемке (Федорова и др.,

2012). Средняя высота гребня стены рассчитывается исходя из измерений профилей рельефа на электронной модели высот. Неизвестными исходными остаются форма и глубина рва. Основываясь на том, что рвы раскопанных поселений Устье I, Каменный Амбар и Синташта имели полукруглую форму при средней глубине 1,6 м ($\bar{x} = 1,6 \pm 0,2$ м, 95% доверительный интервал), мы приняли именно эти параметры в качестве модельных. Для расчета объема грунта, составлявшего тело стены, была построена электронная модель участка стены со рвом размерами 26×12 м. Расчетный объем грунта, укладываемый в этом трехмерном пространстве при принятых условиях, составляет 138 м^3 . Этот объем соответствует валу п-образной формы высотой около 2.8 и шириной в 3 м.

Укрепленное поселение Устье I расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Нижний Тогузак в Варненском р-не

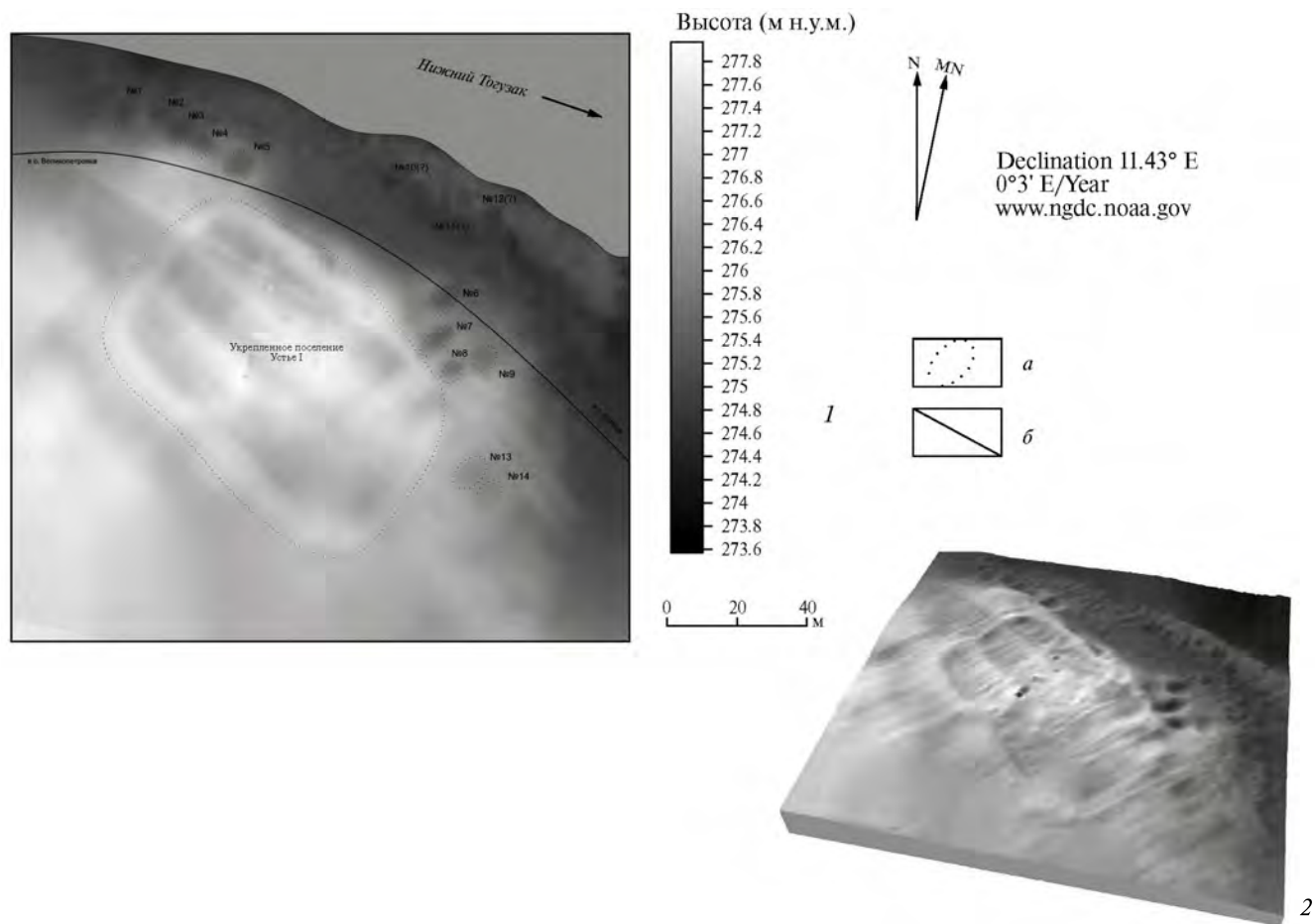

Рис. 2. Устье I, модель рельефа: 1 — карта памятника; 2 — модель рельефа. Здесь и на рис. 3, 4: а — границы объектов; б — полевая дорога.

Fig. 2. The map of micro-topography of Ust'ye I

Челябинской обл. В ходе раскопочных исследований в истории поселения было выявлено два культурно-хронологических горизонта: синташтинский и петровский (Виноградов, 2013). Кроме того, было предпринято геофизическое исследование территории укрепленного поселения Устье I. Установлено, что поселение пережило несколько этапов: оно достраивалось или полностью перестраивалось по меньшей мере три-четыре раза, что также подтверждает электронная модель рельефа (рис. 2). Автором раскопок была произведена реконструкция внешней стены синташтинского этапа существования памятника и сделан вывод, что стена представляла собой набранный из бревен фасад, зафиксированный насыпанным с внутренней стороны грунтом (Виноградов, 2013. С. 419). Высота стены не указана. В качестве модельного нами был избран участок петровского вала в северной части раскопа I (Виноградов, 2013. С. 71.

Рис. 2.41). Отметим, что по мнению Н.Б. Виноградова, стена здесь состояла из заполненных грунтом деревянных клетей. Однако аргументов, подтверждающих это заключение не приведено. Как и в случае с Сарым-Саклы, мы исходим из предположения о насыпном вале, укрепленном деревянным фасадом. Для расчета его высоты применена следующая методика:

- 1) на основе модели рельефа вычисляется высота вала как среднее арифметическое с 95% интервалом ошибки ($\bar{x} \pm SE$ при 95% доверительном интервале);
- 2) рассчитывается объем грунта, заполняющего пространство между поверхностью, погребенной почвой и в заполнении рва на модельном участке;
- 3) исходя из ширины основания стены строится 3d-модель вала, затем подбирается наи-

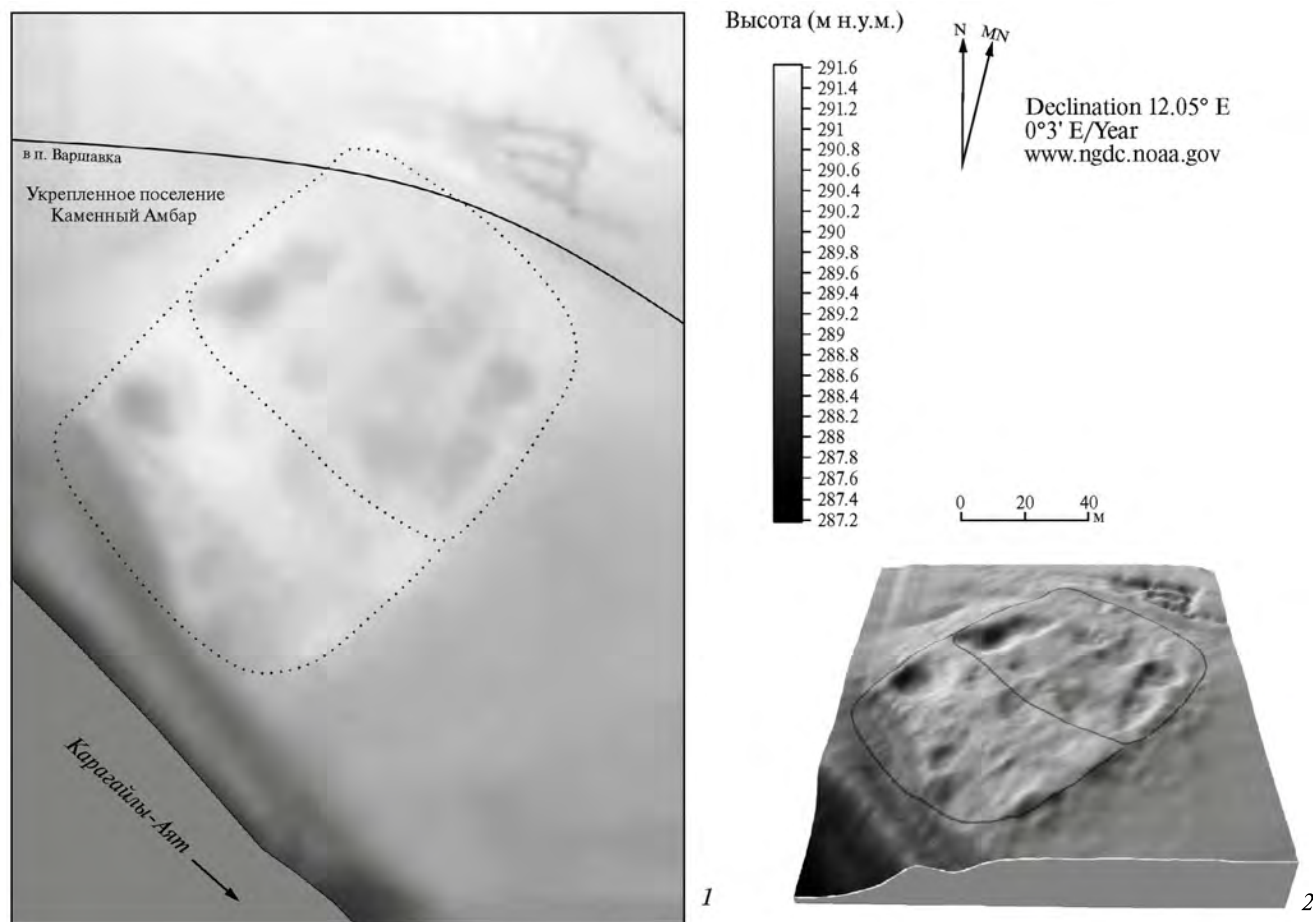

Рис. 3. Каменный Амбар, модель рельефа: 1 – карта памятника; 2 – модель рельефа: а – границы объектов; б – левая дорога.

Fig. 3. The map of micro-topography of Kamennyi Ambar

более близкая по объему и определяется ее высота;

4) к модельной высоте добавляется ошибка среднего, рассчитанная путем умножения ошибки среднего археологизированного вала на коэффициент разницы между действительной средней высотой и модельной.

Для петровской стены Устья I смоделированное трехмерное пространство соответствует объему грунта в 110 м^3 . При ширине основания стены 3 м, и при ее длине на модельном участке в 27 м, этот объем грунта соответствует валу п-образной формы высотой около 2.2 м. Вычисленные значения высоты стены отличается от высоты развала стены в 5,3 раза (среднее значение гребня стены в современном рельефе составляет $0.41 \pm 0.08 \text{ м}$). В результате мы приходим к заключению, что вероятная высота древней стены Устья I лежит в интервале между 1.78 и 2.62 м ($2.2 \pm 0.42 \text{ м}$).

Поселение Каменный Амбар находится на левом берегу р. Карагайлы-Аят в Карталинском р-не Челябинской обл. (Корякова и др., 2011). Наличие замкнутой системы стен и рвов было установлено И.М. Батаниной по результатам дешифровки аэрофотоснимка (Зданович, Батанина, 2007. С. 98, 99). Крупномасштабные исследования на памятнике позволили установить структуру оборонительных сооружений и входов в поселение (Носкевич и др., 2010; Корякова и др., 2011; Krause and Koryakova, 2013; и др.).

Анализ электронной модели высот (рис. 3) демонстрирует наличие обводной стены, однако на профилях не видно ничего похожего на гласис, зафиксированный на поселении Сарым-Саклы. Средняя современная высота стены составляет лишь $0.24 \pm 0.06 \text{ м}$ (95% доверительный интервал). Для расчета ее вероятной высоты в древности может быть также применен подход с расчетом объема грунта, составлявшего ее тело. В качестве модельного нами был использован участок стены, примыкающий с юга к восточному входу в поселение Каменный Амбар. Смоделированное трехмерное пространство соответствует объему грунта в 35.7 м^3 . При ширине стены 4.8 м и при ее длине на модельном участке в 4.5 этот объем грунта соответствует валу п-образной формы высотой около 2.6 м. Важно отметить, что оценка высоты стены на этом сегменте может быть распространена на весь памятник: на данном участке перепад высот между гребнем стены и современной дневной поверхностью за пределами памятника составляет 0.4 м, что выше

среднего значения и его интервала ошибки. Однако именно это обстоятельство позволяет утверждать, что полученный результат достаточно надежен, так как на данном участке вал был наименее разрушен. С учетом разницы между расчетным значением высоты стены на модельном участке и интервалом ошибки среднего значения высоты стены, можно предположить, что истинная высота лежит в интервале от 1.95 м до 3.25 ($2.6 \pm 0.65 \text{ м}$).

Поселение Коноплянка расположено на правом берегу р. Акмулла в Карталинском р-не Челябинской обл. (Берсенева, 2010; Шарапова и др., 2014; Krause, Koryakova, 2013). Топографическая ситуация в месте расположения Коноплянки достаточно интересна: на данном участке современное русло реки сильно изгибается на восток, в то время как древнее русло находится к западу от памятника. В результате образовался террасовый остров, возвышающийся над окружающим рельефом. Инструментальная съемка (рис. 4) позволила прояснить вопрос о высотном положении поселения по отношению к окружающему рельефу. В современном рельефе, к сожалению, не сохранилось следов обводной стены и рва, а многочисленные параллельные борозды, лежащие в меридиональном направлении, скорее всего, являются последствиями распашки. По этой причине реконструировать высоту стены на основании рельефа, к сожалению, возможным не представляется. Тем не менее, модель рельефа позволяет предполагать, что поселение занимало наиболее высокую часть надпойменного рельефа уже в древности. Как видно на сквозном широтном профиле (рис. 4, 3), перепад высот между самой высокой частью рельефа террасного острова и поймой древнего русла к западу составляет 2.5 и около 2 м к востоку. Старое русло находится примерно в 50 м к западу от границы памятника. Несмотря на то, что памятник существенно разрушен, электронная модель рельефа по-прежнему способствует лучшему пониманию истории функционирования поселка.

Поселения во вмещающем ландшафте. Условия размещения крепости в ландшафте имеют важное значение для эффективности обороны. К стратегическим относятся такие факторы как затрудненность естественными препятствиями осады, обстрела и непосредственного штурма, условия видимости окружающей местности, включающие неожиданное появление противника у границ поселения, скрытность местополо-

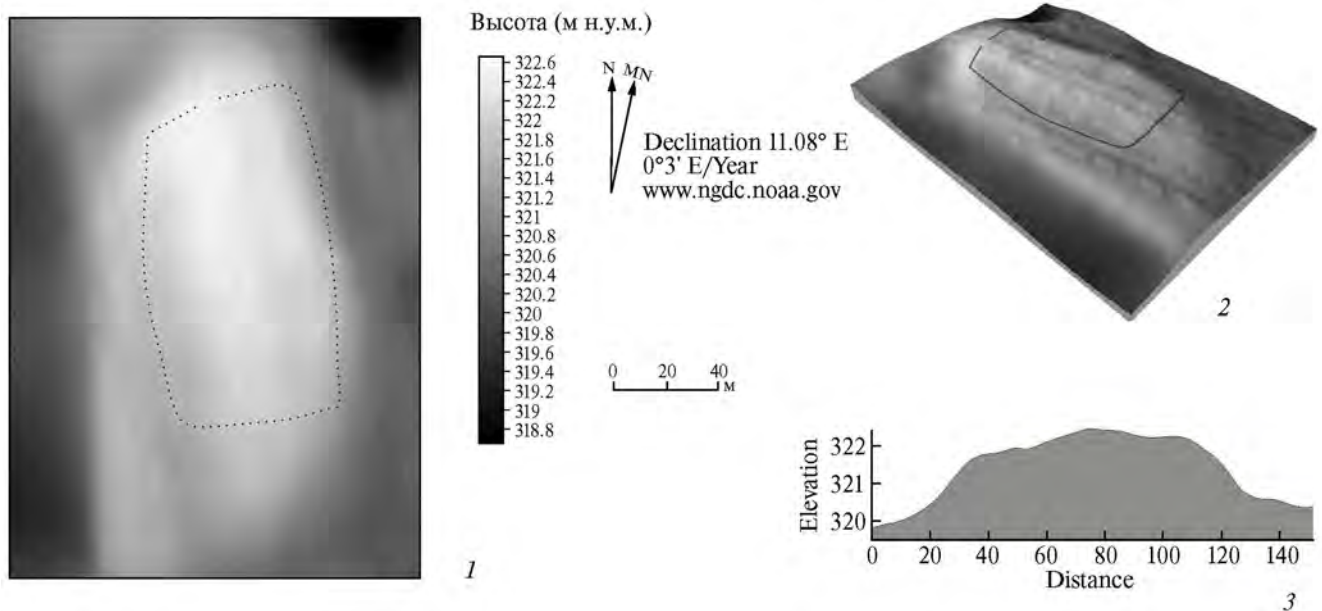

Рис. 4. Коноплянка, модель рельефа: 1 — карта памятника; 2 — модель рельефа: а — границы объектов; б — полевая дорога; 3 — сквозной профиль рельефа через центр памятника по линии 3—В.

Fig. 4. The map of micro-topography of Konoplyanka

жения. С целью выявления условий размещения четырех описанных выше синташтинских поселений во вмещающем ландшафте нами были построены модели рельефа местности в их округе. Анализ моделей показывает, что все поселения занимают низинные части окружающего рельефа в радиусе 3 км: их абсолютные высоты лежат существенно ниже средних значений локальных высот, при этом далеко за пределами доверительных интервалов ошибок среднего значения (разница составляет: Коноплянка –14.9 м, Каменный Амбар –19.2, Устье I –9.8, Сарым-Саклы –13.2). Другими словами, древние строители целенаправленно выбирали достаточно низкие места, вероятно, наиболее удобные с точки зрения доступа к воде и долинным пастбищам, а также ветрозащиты.

Следующим шагом анализа стало изучение условий видимости для каждого из укрепленных поселений путем построения моделей (рис. 5–8). В случае, если фортификационные сооружения были возведены с целью предотвращения неожиданной атаки, население должно было иметь систему предварительного оповещения о подступающей опасности, и хорошая видимость является одним из факторов такого оповещения. Модели видимости были построены для караульного, наблюдающего окружающее пространство из поселения и человека, находящегося в наиболее

высоких точках окружающего рельефа в радиусе 3 км от каждого из поселений. Ключевым фактором, обеспечивающим наилучшую видимость, помимо отсутствия препятствий, является высота размещения наблюдателя. За модельное значение была принята высота в 4 м: рост человека, стоящего на обводной стене со средней высотой около 2.3 м. Для наблюдателя за пределами поселений в качестве модельной была принята высота в 2 м (всадник верхом на коне).

Модели демонстрируют, что во всех случаях поселения локализованы достаточно низко во вмещающем ландшафте и даже нахождение наблюдателя на гребне обводной стены не увеличивает видимость существенным образом. Во всех случаях площадки имеют достаточно близкий горизонт, что является неприемлемым с точки зрения безопасности. Построенные модели предсказывают, что в качестве выносных наблюдательных пунктов могли быть использованы высокие точки окружающего рельефа за пределами поселений с лучшей видимостью. Для проверки гипотезы о возможном существовании таких пунктов в округе Каменного Амбара была предпринята археологическая разведка в локациях, предсказанных моделью в качестве мест с наибольшим процентом видимости. Мы предположили, что на протяжении примерно двух столетий существования укрепленного поселе-

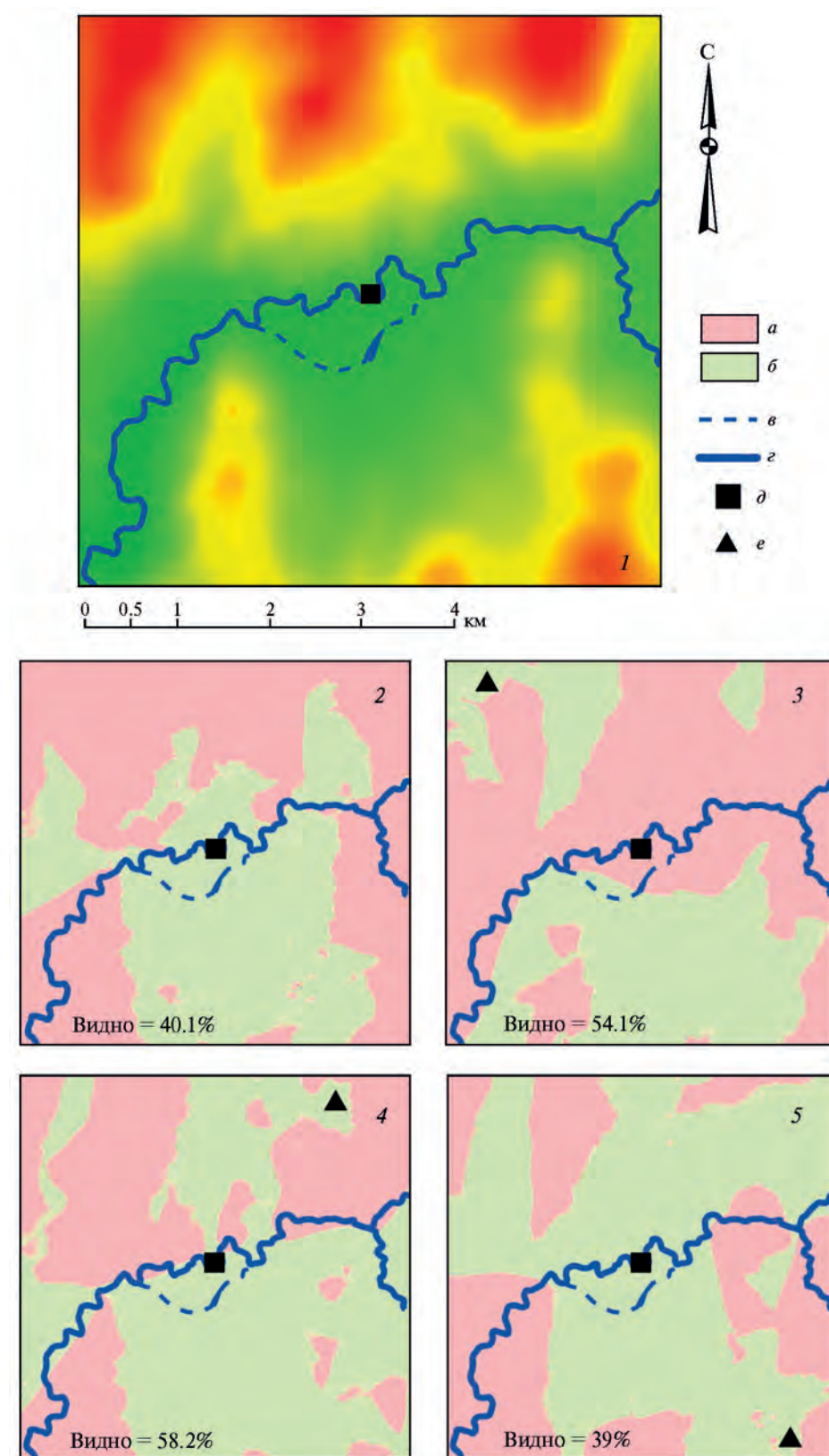

Рис. 5. Сарым-Саклы, модели видимости: 1 – рельеф; 2 – поселение; 3 – наблюдатель 1; 4 – наблюдатель 2; 5 – наблюдатель 3. Здесь и на рис. 6–8 условные обозначения: *a* – вне зоны видимости; *b* – в зоне видимости, *v* – старица реки, *z* – русло реки, *d* – поселение, *e* – точка обзора.

Fig. 5. The viewshed models for Sarym-Sakly

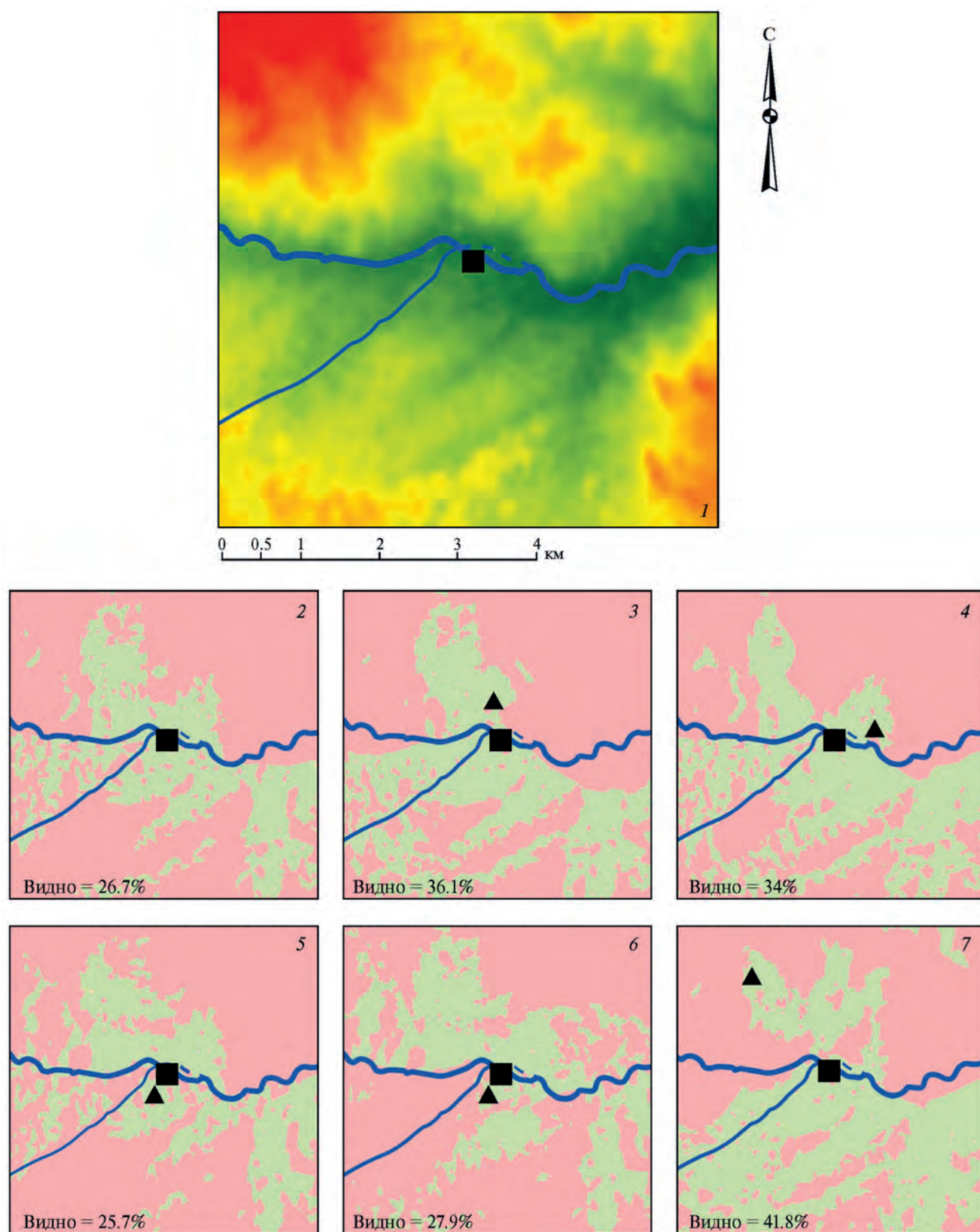

Рис. 6. Устье I, модели видимости: 1 – рельеф; 2 – поселение; 3 – наблюдатель 1; 4 – наблюдатель 2; 5 – наблюдатель 3; 6 – наблюдатель 4; 7 – наблюдатель 5.

Fig. 6. The viewshed models for Ust'ye I

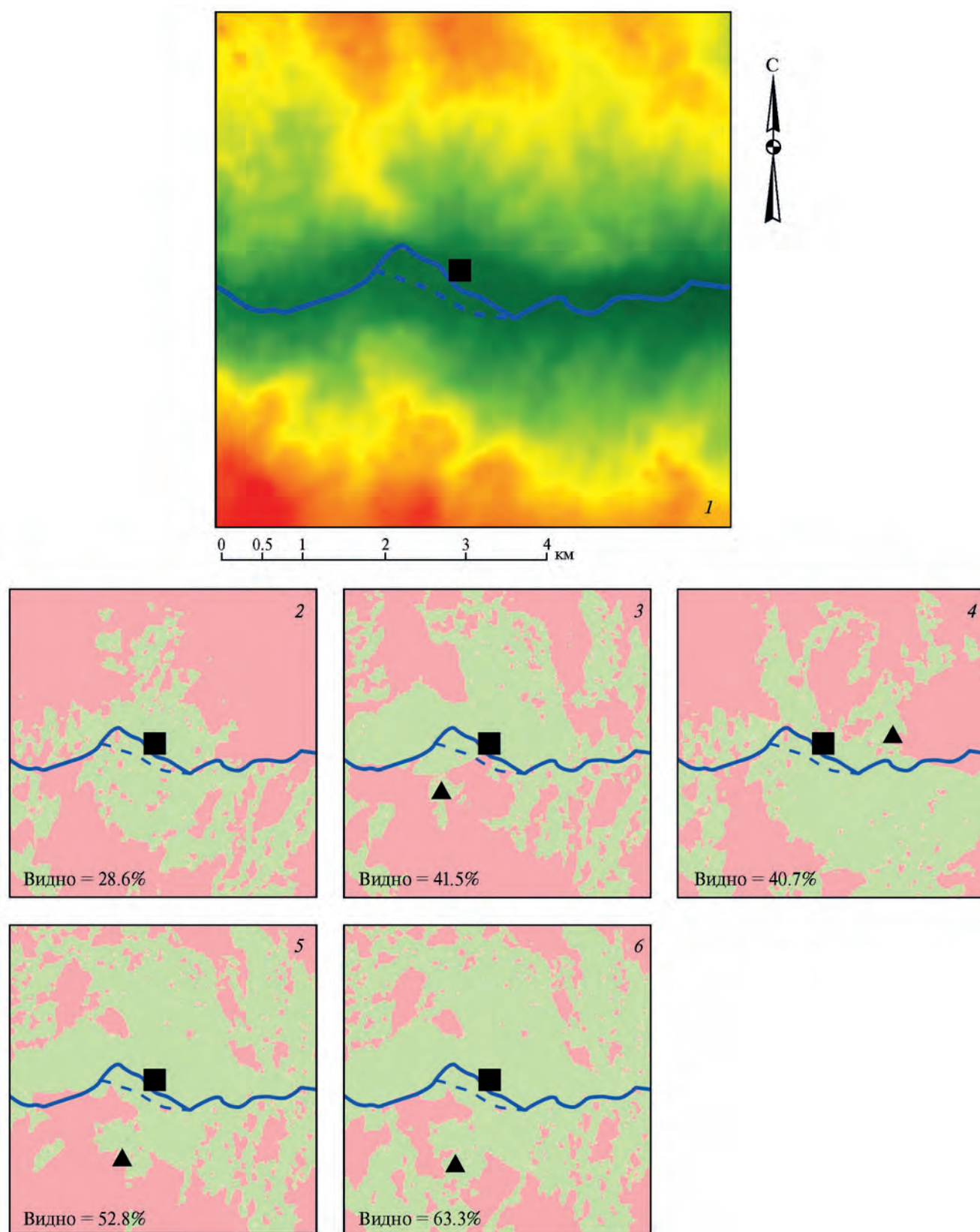

Рис. 7. Каменный Амбар, модели видимости: 1 – рельеф; 2 – поселение; 3 – наблюдатель 1; 4 – наблюдатель 2; 5 – наблюдатель 3; 6 – наблюдатель 4.

Fig. 7. The viewshed models for Kamenniy Ambar

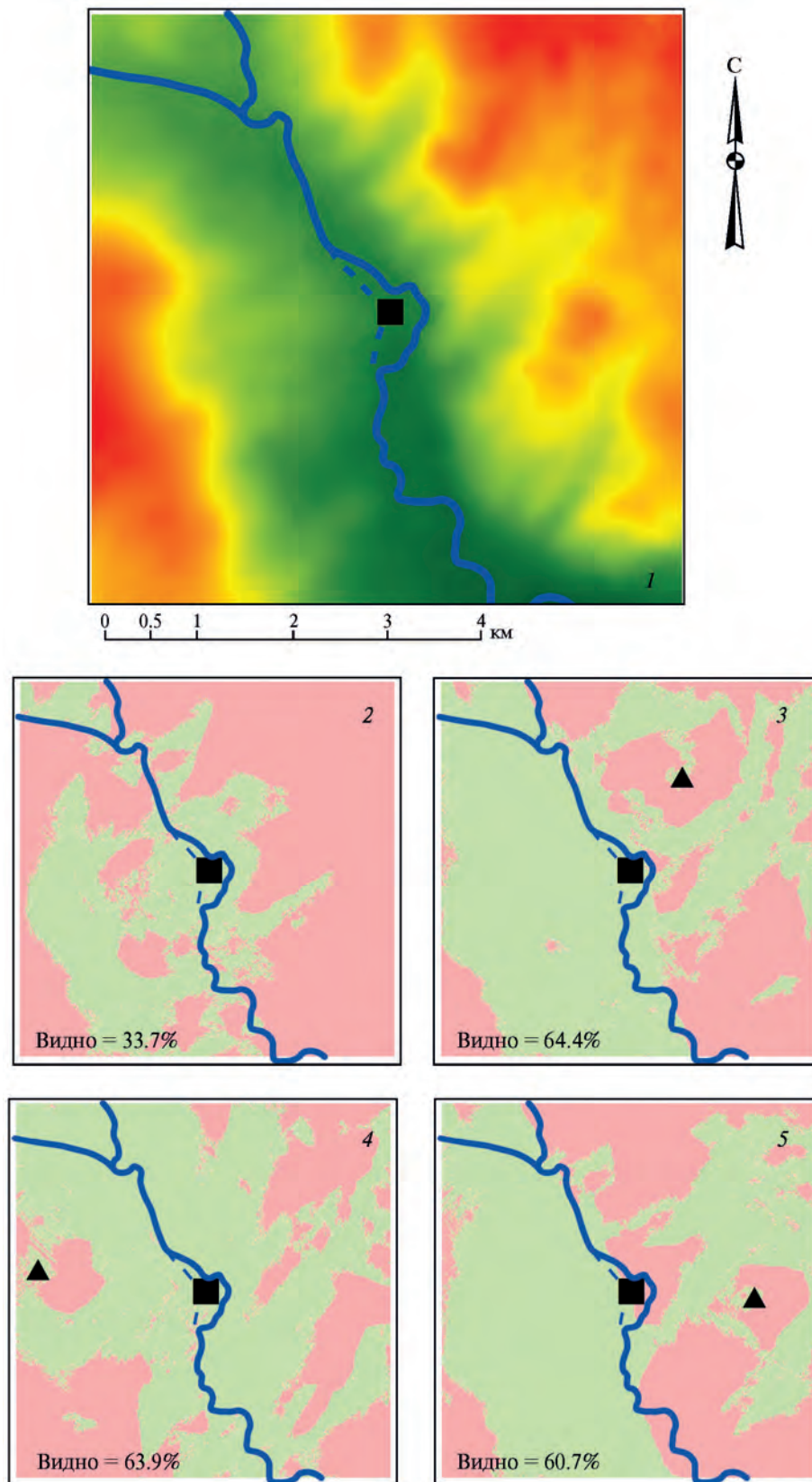

Рис. 8. Коноплянка, модели видимости: 1 – рельеф; 2 – поселение; 3 – наблюдатель 1; 4 – наблюдатель 2; 5 – наблюдатель 3.

Fig. 8. The viewshed models for Konoplyanka

ния, постоянный форпост неминуемо оставил бы следы на поверхности, даже если речь идет лишь о наблюдательном пункте стояночного типа. Культурного слоя бронзового века в точках, наиболее удобных для наблюдения, не выявлено. Следовательно, гипотеза о размещении дозорных за пределами поселения Каменный Амбар не находит фактического подтверждения.

Обсуждение результатов. Для успешной реализации оборонительной функции укрепленное поселение должно обладать рядом признаков, так или иначе диагностируемых методами археологии. Из означенных выше атрибутов, синташтинско-петровские поселения обладают замкнутыми стенами и обводными рвами с разрывами в них. Конструкция этих сооружений имеет важное значение. Так, авторы раскопок поселения Синташта проделали масштабную работу по изучению, описанию памятника и воссозданию его облика, однако реконструкции оборонительных сооружений вызывают ряд вопросов. В целом, предложенные реконструкции вызывают ассоциацию с изображениями укреплений древнерусских городов (Раппопорт, 1965. С. 71), хотя археологические источники прямо не демонстрируют такого рода параллелизма. Наименее обоснованным выглядит реконструкция стены как заполненных грунтом клетей, в пользу существования которых приводятся ссылки на наличие отпечатков таковых в основании стены поселения Аркаим. В публикации Г.Б. Здановича материалов Аркаима (2011) приводится аналогичная реконструкция, к сожалению, без наглядной демонстрации источников.

Кроме того, некоторые реконструированные элементы оборонительных сооружений также кажутся недостаточно обоснованными. Во-первых, на графической реконструкции изображены бастионы, но единственным археологическим аргументом в пользу их существования служат неравномерные очертания внутренней границы рва (Генинг и др., 1992. С. 29). Однако такого рода бастионы должны быть построены регулярно, взаимно перекрывая линии стрельбы, иначе их оборонительное значение резко снижается. На планах же мы наблюдаем нерегулярные очертания границы рва, которые могут быть объяснены как последствия его руинизации. Во-вторых, авторы указывают на наличие перпендикулярных стене канавок, заполненных грунтом, которые являются фундаментами контрфорсов, использовавшихся в качестве наблюдательных

башен и стрелковых ниш (Генинг и др., 1992. С. 32). Генеральный план раскопа показывает, что канавки под “фундаменты контрфорсов” прорезали тело стены, а не примыкали к ней, что противоречит реконструкции и конструктивной функции этого архитектурного элемента. Таким образом, существование контрфорсов также вызывает сомнения, а канавки могут быть объяснены как способ разметки площадки при строительстве, разведочные зонды или стоки. В-третьих, возникают вопросы к реконструкции входов в поселение. Прежде всего остается не выясненным почему входы имели столь различную конструкцию: сложные канавообразные структуры зафиксированы у южного разрыва, обращенного к реке, и не обнаружены у сохранившейся части северного, который был бы атакован в первую очередь. Южный вход, скорее всего, регулярно находился под угрозой подтопления, в связи с чем существовала необходимость отведения поднявшейся воды в ров и последующего ее сброса с помощью дренажных канав, которые и были реконструированы как сторожевые помещения. Другими словами, мы считаем, что приведенная реконструкция облика укрепленного поселения Синташта чересчур усложняет истинную картину и не может быть использована в качестве исходного материала для обсуждения функции укреплений.

Н.Б. Виноградов предполагает, что стена синташтинского Устья I была набрана из горизонтально уложенных бревен и зафиксирована насыпанным с обратной стороны валом (Виноградов, 2013. С. 419). Подсчет объемов грунта для этого участка стены (53.4 м^3) показывает, что при предложенной конструкции, насыпь П-образной формы при средней ширине в 2 м имела бы высоту также около 2 м, или даже меньше. В таком случае деревянная стена скорее всего представляла собой облицовку, схожую по своей функции с изученным на Каменном Амбаре каменным фасадом вала: она была предназначена для удержания грунтовой стены от размывания и выветривания.

Обводные стены синташтинско-петровских поселений, вероятно, представляли собой достаточно простые в конструктивном плане земляные насыпи, защищенные от эрозии глинобитными, деревянными или каменными конструкциями, и имевшие высоту от 2 до 3 м. Важен факт, что во всех случаях рассчитанные вероятностные интервалы высот стен хорошо пересекаются друг с другом и моделирование не приводит к принципиально разным результатам. Это обстоятель-

ство говорит о достаточно высокой степени их надежности: если процессы руинизации, эрозия и антропогенные факторы существенным образом влияли на облик памятников, мы бы не наблюдали устойчивой картины. Кроме того, результаты моделирования могут быть подтверждены наблюдениями другого рода: реконструкция высоты обводной стены была предпринята авторами раскопок поселения Каменный Амбар с использованием простого эксперимента. Исследователями был насыпан вал, на поверхности которого были выложены каменные плиты, служившие облицовкой стены в древности. Высота облицованной стены составила 1.5 м, однако было предположено, что стена поселения достигала высоты 2 м (Krause, Koryakova, 2013. Р. 95). Таким образом, исключительно оборонительная функция стен вызывает сомнения: они не были усилены бастиянами или башнями, а их высота не представляла собой непроходимого препятствия для атакующей пехоты.

Статистический анализ ширины рвов изученных поселений (Устье I, Каменный Амбар, Синташта) свидетельствует, что среднее значение составляет 3.6 ± 0.4 м (95% доверительный интервал). Однако в данном случае важна вариативность значений в интервале от 1 до 8.8 м и достаточно большое значение среднеквадратического отклонения ($\sigma = 1.4$; $n = 60$). Гистограмма демонстрирует наличие двух пиков в изучаемой нами выборке, что также подтверждает ее гетерогенность. Это говорит о том, что строгого стандарта при строительстве рвов не существовало.

Рвы синташтинских поселений редко имеют глубину больше двух метров ($\bar{x} = 1.6 \pm 0.2$ м, 95% доверительный интервал), и ни в одном описанном случае не характеризуются V-образным профилем, считающимся наиболее эффективным с точки зрения обороны (Keeley et al., 2007). Напротив, профиль рва как правило трапецевидный или закругленный, с уступами с обеих сторон. При этом, авторы раскопок поселения Каменный Амбар отмечают, что обводной ров не имел одинаковой глубины, а наиболее глубокие участки демонстрировали следы стоявшей в них воды (Krause, Koryakova, 2013. Р. 97). Эти признаки свидетельствуют, что уровень угрозы не требовал серьезного развития оборонительных технологий строительства. С нашей точки зрения, рвы синташтинско-петровских поселений в первую очередь выполняли функцию дренажных, а не оборонительных сооружений (Берсенева и др., 2015. С. 8). Серьезное исклю-

чение составляет ров поселения Аландское (Зданович, 2011), однако вариативность глубины и конструкции может быть связана с различием конкретных географических условий, а не только с постоянной военной угрозой.

Конструкция входов в поселения всегда представлена в качестве разрывов в обводных стенах. За исключением поселений Синташта (Генинг и др., 1992) и Аркаим (Зданович, 2011), ни в одном другом случае авторы раскопок не указывают на существование системы защиты входов. Как правило, поселение окружено рвом с разрывами, и лишь на Каменном Амбаре северо-восточный вход в поселение предполагает наличие перекидного моста над рвом, сужающимся на этом участке. В то же время, восточный вход в поселение, который являлся основным на начальном этапе его существования, сопровождается разорванным рвом. Судя по планам магнитных аномалий, ров был также разомкнут в районе западного входа, равно как у входов в поселения Коноплянка и Сарым-Саклы. Наличие нескольких входов может свидетельствовать о их военном назначении, но в равной степени это может быть объяснено и удобством повседневной жизни.

Анализ расположения памятников во вмещающем ландшафте показывает их тяготение к пониженным и равнинным элементам рельефа, где нет существенных препятствий, а также факторов, снижающих эффективность обстрела. Кроме того, поселения хорошо видны с окружающих сопков. Все поселки так или иначе демонстрируют близость к источникам воды, что является критически важным фактором для скотоводов. При этом выбор местожительства не демонстрирует очевидной закономерности с точки зрения контроля доступа к стратегически значимым ресурсам или путям сообщений. Например, ни одно из поселений бронзового века не расположено в непосредственной близости к известным рудным месторождениям и карьерам, что могло бы свидетельствовать о попытке их защиты. Так, поселок Сарым-Саклы находится примерно в 7 км к юго-востоку от рудника Воронья яма, вероятно, разрабатывавшегося в бронзовом веке. Более того, хорошо изученное селище Горный на знаменитом Каргалинском рудном поле, разрабатывавшегося на протяжении всего бронзового века, не имеет системы фортификации, что говорит об отсутствии конкуренции за ресурсы и связанной с ней угрозы прямого военного столкновения (Черных и др., 2002).

Отсутствие следов военных катастроф, подобных встреченным на Левенцовской крепости или на поселении Коркино I, и характерного боевого травматизма на костях людей, хорошо гармонирует с отсутствием выраженных и однозначных признаков крепостей у синташтинско-петровских поселков. Все вместе эти факторы наводят на мысль о невысокой роли конфликта в формировании социальных структур, позволявших осуществлять такие проекты, как строительство спланированных поселений. С нашей точки зрения, особого внимания заслуживает логика рассуждений Н.П. Анисимова, который может быть обвинен в старомодном географическом и экономическом детерминизме, однако указывающего на ключевые факторы системы жизнеобеспечения. Вполне вероятно, что синташтинско-петровские поселения использовались в качестве мест содержания скота, что, в частности, подтверждается картой химических аномалий с повышенным содержанием фосфора с поселения Каменный Амбар (Krause, Koguyakova, 2013. Р. 33, 34). Равно не вызывает сомнений и факт проживания людей в пределах поселений, и эти явления ни противоречат одно другому, поскольку содержание скота в жилых помещениях является хорошо известным этнографическим явлением, особенно в условиях суровых зим (Bendrey, 2011). Однако в таком случае строительство сложной системы обводных стен и ровов по-прежнему выглядит избыточным и трудозатратным, поскольку для содержания и защиты скота от хищников нет необходимости выкапывать ров и насыпать вал. Скотоводческое хозяйство существовало в степи задолго до формирования синташтинских архитектурных традиций и не угасло вместе с ними, и традиция возведения такого рода архитектурных сооружений должна была бы существовать на значительно большей территории и более длительное время. Следовательно, фактор содержания скота, при всей его значимости и выраженности, также не являлся ключевым при реализации проектов строительства поселков.

Вопрос о влиянии окружающей среды на образ жизни, как нам кажется, должен являться отправной точкой при построении объяснительной модели, описывающей систему расселения и обживания конкретных территорий. В этой связи вспомним, что и сегодня степные реки Урало-Тобольского водораздела характеризуются повышенным сезонным стоком, а основная доля их питания приходится на осадки (Левит, 2005).

Подъем воды во время весенних паводков может достигать двух метров, но и последствия осадков могут быть не менее катастрофическими. Именно этот фактор мог стать ключевым при реализации проектов синташтинских поселений, которые таким образом являются не только укрепленными, но в первую очередь — защищенными от сезонных потопов. Такого рода объяснительная модель не является уникальной и уже предлагалась (Петров, 2009. С. 31). Так, на примере Большого Синташтинского кургана продемонстрировано, что почва под его ранней насыпью формировалась в условиях повышенного гидроморфизма, а ров выполнял дренажную функцию (Хохлова и др., 2008). Если предложенное объяснение верно, то не повышенная конфликтность среды, а хозяйственная рациональность стала фактором формирования комплексного общества и связанного с ними яркого облика синташтинско-петровских древностей. Поселения являлись основой системы жизнеобеспечения коллектива, поэтому их строительство была напрямую связано с существованием элиты.

В то же время, предложенное нами объяснение не отрицает социальных и экономических факторов, сыгравших свою роль при возникновении традиции возведения поселений, но предполагает баланс нескольких. Безусловно, животноводство также повлияло на облик материальной культуры, включая жилые помещения. Выживание коллектива скотоводов напрямую зависело от воспроизводства домашних животных, поэтому забота о них являлась основой ежедневной рутины.

Равно не следует приуменьшать роль конфликта и связанных с ним социальных институтов в древних сообществах. Как указывает Р. Келли (Kelly, 2000), отличие войны от другого рода насилия заключается в существовании принципа групповой ответственности, который предполагает осуществление возмездия всем коллективом. В результате, формируются социальные институты, реализующую эту функцию, а также их материальная манифестация, включая фортификацию (Parkinson, Duffy, 2007. Р. 126). Вероятно, роль военной элиты степных обществ бронзового века и заключалась в управлении конфликтами между коллективами, а также в решении внутренних проблем. Прямое военное столкновение между соседями являлось наименее желательным способом разрешения противоречий, к которому переходили, когда все другие способы были

исчерпаны. Можно предположить, что военная элита, связываемая многими исследователями с находками в погребениях колесниц, вероятно, выполняла роль своеобразных “шерифов” — наиболее авторитетных и опытных членов сообщества, наделенных привилегией применения силы. Эта социальная функция была закреплена традицией и ритуализирована, но при этом оставалась именно производной от социальной сложности и установки на коллективную ответственность за каждого члена сообщества. Этот сценарий предполагает несколько иную картину, чем предложенная Р. Карнейро, полагающим, что война в обязательном порядке предшествует возникновению политических объединений (Carneiro, 1998. Р. 36). Именно под руководством такого рода элиты, обладавшей авторитетом и необходимыми знаниями, планировались и возводились защищенные от природных и социальных неурядиц поселки. Будучи критически важными для жизнеобеспечения коллективов, они в то же время могли являться символами системы социальных отношений ранних комплексных обществ, способных к организованному труду и требовавших отчуждения личной доли ресурсов в пользу коллектива.

Итоги. Проведенный анализ синташтинско-петровских поселений позволяет заключить, что роль обводных стен и рвов заключалась в формировании защищенной среды, при этом военная функция не являлась ведущей. Об этом свидетельствует целый ряд наблюдений: незначительная высота обводных стен, отсутствие стандартов при строительстве рвов, выбор наименее удачных для получения обзора мест в ландшафте. С нашей точки зрения, феномен синташтинско-петровских поселков демонстрирует, что социальная комплексность возникает и развивается не только как ответ на конфликтно-генную среду, но и в качестве медиатора внутри экономической системы, что у уральских скотоводов бронзового века выразилось в возведении защищенных от суровых климатических условий и угрозы угона скота поселков-кард.

Работа выполнена при поддержке гранта NSF #1640341, руководитель Роберт Дреннан (Университет Питтсбурга, США).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов Н. П. Аркаим — страна кард: эмпирика пространства зауральской среды // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. Вып. 2. С. 16–21.

Берсенева Н. А. Отчет об археологической разведке в долине р. Акмулла (бассейн р. Карагайлы-Аят, верхнее течение) в 2009 году, Челябинск: Юж.-Урал. филиал Института истории и археологии УрО РАН, 2010. 336 с. (Рукопись).

Берсенева Н. А., Епимахов А. В., Носкевич В. В., Федорова Н. В. Возможности синтеза геофизической и археологической информации при интерпретации результатов раскопок (на примере поселения бронзового века Каменный Амбар) // ВИАЭ. 2015. № 1 (28). С. 4–14.

Виноградов Н. Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.

Виноградов Н. Б. Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

Епимахов А. В., Семьян И. А. Наконечники стрел поселения Каменный Амбар и некоторые замечания о войне в синташтинском обществе // Уральский исторический вестник. 2016. № 53. С. 77–84.

Зданович Г. Б. Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Сост. Н. О. Иванова. Челябинск: ТО “Каменный пояс”, 1995. С. 21–42.

Зданович Г. Б. “Укрепления”, “крепость” в археологии синташтинско-аркаимской культуры и в поэтической традиции “Ригведы” // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. Вып. 26. Екатеринбург, Сургут: Магеллан, 2011. С. 40–63.

Зданович Г. Б., Батанина И. М. “Страна городов” — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVII вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Сост. Н. О. Иванова. Челябинск: ТО “Каменный пояс”, 1995. С. 54–62.

Зданович Г. Б., Батанина И. М. Аркаим — Страна городов. Пространство и образы. Челябинск: Крокос, 2007. 260 с.

Корякова Л. Н., Краузе Р., Епимахов А. В., Шарапова С. В., Пантелеева С. Е., Берсенева Н. А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И. В., Чечушков И. В. Археологические исследования укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 64–74.

Левит А. И. Южный Урал: география, экология и природопользование. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2005. 246 с.

Носкевич В. В., Федорова Н. В., Муравьев Л. А. Картирование археологических памятников с помощью магнитометрии // Уральский геофизический вестник. 2010. № 2 (17). С. 47–52.

- Петров Ф.Н. Поселение Аркаим в культурном пространстве эпохи бронзы. Дубна: Фонд "Наследие", 2009. 64 с.
- Раппопорт П.А. Древние русские крепости. М.: Наука, 1965. 88 с.
- Семьян И.А. Военное дело синташтинской и петровской культур: обзор источников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 32. С. 49–51.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: пер. с нем. 2-е изд., стер. Т. 2: Е – Муж. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
- Федорова Н.В., Носкевич В.В. Реконструкция планировки укрепленных поселений эпохи бронзы на Южном Урале (Ольгино и Коноплинка) по результатам детальной магнитной съемки // Уральский геофизический вестник. 2012. № 1 (19). С. 52–59.
- Федорова Н.В., Носкевич В.В., Иванченко В.С., Бебнев А.С., Маликов А.В. Геофизические методы исследования археологических памятников Сарым-Саклы и Воровская Яма (Южный Урал) // Уральский геофизический вестник. 2013. № 2 (22). С. 46–53.
- Хохлова О.С., Хохлов А.А., Гольева А.А., Зданович Г.Б., Малютина Т.С. Естественноточные исследования Большого Синташтинского кургана в Челябинской области // Вестник ОГУ. 2008. № 10 (92). С. 150–156.
- Хэнкс Б.К., Чечушков И.В., Дунав Р.К., Питман Д., Мужич Б., Медарич И., Мори М. Новейшие результаты и перспективы исследований микрорайона древнего расселения Устья и долины реки Нижний Тогузак // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. С. 392–416.
- Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В., Лонес-Салец Х.А., Лонес-Гарсия П., Мартинес-Наваррете М.И.Н. Каргалы. Т. 2: Горный — поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. М.: Языки славянской культуры, 2002. 184 с.
- Чечушков И.В. Методы геостатистики в изучении поселенческих памятников бронзового века // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: Челябинский гос. краевед. музей, 2015. С. 90–96.
- Шарапова С.В., Краузе Р., Молчанов И.В., Штоббе А., Солдаткин Н.В. Междисциплинарные исследования поселения Коноплинка в Южном Зауралье: предварительные результаты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 3. С. 101–109.
- Этимологический словарь русского языка. Вып. 5: Карандаш — Крамарь / Сост. А.Г. Преображенский. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912.
- Arkush E.N. Hillforts of the Ancient Andes. Gainesville: University Press of Florida, 2011. 320 p.
- Bendrey R. Some Like It Hot: Environmental Determinism and the Pastoral Economies of the Later Prehistoric Eurasian Steppe // Pastoralism: Research, Policy and Practice. V. 1, iss. 8. 2011. P. 1–16.
- Carneiro R.L. What Happened at Flashpoint? Conjectures on Chiefdom Formation at the Very Moment of Conception // Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas / Ed. E.M. Redman. Gainesville: University Press of Florida, 1998. P. 18–42.
- Keeley L.H., Fontana M., Quick R. Baffles and Bastions: The Universal Features of Fortifications // Journal of Archaeological Research. 2007. Vol. 15, iss. 1. P. 55–95.
- Kelly R.C. Warless Societies and the Origin of War. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. 192 p.
- Krause R., Koryakova L.N. Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Habelt, 2013. 352 p.
- Parkinson W.A., Duffy P.R. Fortifications and Enclosures in European Prehistory: A Cross-cultural Perspective // Journal of Archaeological Research. 2007. Vol. 15, iss. 2. P. 97–141.

ARCHITECTURAL AND PLANNING DESIGN OF SINTASHTA-PETROVKA SETTLEMENTS AND THE ISSUE OF THE BRONZE AGE WARFARE

Igor V. Chechushkov^{1,2,*}, Gligor Dakovic^{1,**}, Artem S. Yakimov^{3,***}

¹ University of Pittsburgh, USA

² South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

³ Earth Cryosphere Institute, Tyumen Scientific Center SB RAS, Tyumen, Russia

* E-mail: chivpost@gmail.com,

** E-mail: sergigor@gmail.com,

*** E-mail: yakimov_artem@mail.ru

The research aims to explore rationality that ordered the construction of the Late Bronze Age Sintashta-Petrovka nucleated villages. For a long time, it has been the conventional knowledge that the settlements were fortresses that served to protect people in the hostile environments. However, careful consideration of main attributes of their fortifications and natural environmental settings allows us to suggest a different interpretation. From our point of view, the systems of walls and ditches had to be constructed to protect the villages from the seasonal floods and harsh

winter conditions. This protection was vital for keeping the livestock and allowing of its successful reproduction and adding surplus. Our conclusion is supported with a number of important observations including a relatively low average height of the walls; lack of standardization in the construction of ditches; and intentional choice of the least protected spots like bottoms of the rivers' valleys. Finally, we argue that social complexity that allows such public projects had roots not in the hostile environments, but in pastoral subsistence system. Successful management of herds permitted some people to achieve the elevated social statuses and gave them the power to organize the life of others.

Keywords: Bronze Age, settlement archaeology, landscape archaeology, Sintashta, Petrovka, fortress, political anthropology.

REFERENCES

- Anisimov N.P., 2009. Arkaim — the country of kardas: space empirics of the Trans-Urals environment. *Akademicheskii vestnik UralNIiproekt RAASN [Academic Bulletin of Ural-NIIproekt RAASN]*, 2, pp. 16–21. (In Russ.)
- Arkush E.N., 2011. Hillforts of the Ancient Andes. Gainesville: University Press of Florida. 320 p.
- Bendrey R., 2011. Some Like It Hot: Environmental Determinism and the Pastoral Economies of the Later Prehistoric Eurasian Steppe. *Pastoralism: Research, Policy and Practice*, vol. 1, iss. 8, pp. 1–16.
- Berseneva N.A., 2010. Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v doline r. Akmulla (bassey n. Karagayly-Ayat, verkhnee techenie) v 2009 godu [Report on the archaeological investigation in the Akmullah River Valley (the basin of the Karagayli-Ayat River, the upper stream) in 2009]. Chelyabinsk: Yuzh. — Ural. filial Instituta istorii i arkheologii UrO RAN. 336 p. (Unpublished).
- Berseneva N.A., Epimakhov A.V., Noskevich V.V., Fedorova N.V., 2015. Capabilities of synthesizing geophysical and archaeological information in the interpretation of excavation results (by the example of the Bronze Age settlement of Kamennyy Ambar). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 1 (28), pp. 4–14.
- Carneiro R.L., 1998. What Happened at Flashpoint? Conjectures on Chiefdom Formation at the Very Moment of Conception. *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas*. E.M. Redman, ed. Gainesville: University Press of Florida, pp. 18–42.
- Chechushkov I.V., 2015. Geostatistical methods in investigating the Bronze Age settlement sites. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Ethnic Interaction in the Southern Urals: Proceedings of the VI All-Russian scientific conference]*. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyy kraevedcheskiy muzey, pp. 90–96. (In Russ.)
- Chernykh E.N., Lebedeva E. Yu., Zhurbin I.V., Lopes-Saets Kh.A., Lopes-Garsiya P., Martines-Navarrete M. I. N., 2002. Kargaly [Kargaly], 2. Gornyy — poselenie epokhi pozdney bronzy: Topografiya, litologiya, stratigrafiya: Proizvodstvenno-bytovye i sakral'nye sooruzheniya: Otnositel'naya i absolyutnaya khronologiya [Gorny — a settlement of the Late Bronze Age: topography, lithology, stratigraphy: production-economic and sacral structures: relative and absolute chronology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 184 p.
- Epimakhov A.V., Sem'yan I.A., 2016. Arrowheads of Kamennyy Ambar settlement and some remarks on the military conflicts in the Sintashta society. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Journal]*, 53, pp. 77–84. (In Russ.)
- Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language], 5. A.G. Preobrazhenskiy, comp. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1912.
- Fasmer M., 1986. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language], 2. Trans. from German. 2nd edition, stereotyped. Moscow: Progress. 672 p.
- Fedorova N.V., Noskevich V.V., 2012. Reconstruction of the layout of the Bronze Age fortified settlements in the Southern Urals (Olgino and Konoplyanka) based on detailed magnetic survey. *Ural'skiy geofizicheskiy vestnik [Ural Geophysical Bulletin]*, 1(19), pp. 52–59. (In Russ.)
- Fedorova N.V., Noskevich V.V., Ivanchenko V.S., Bebnov A.S., Malikov A.V., 2013. Geophysical methods for investigating the archaeological sites of Sarym-Sakly and Vorovskaya Yama (the Southern Urals). *Ural'skiy geofizicheskiy vestnik [Ural Geophysical Bulletin]*, 2(22), pp. 46–53. (In Russ.)
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V., 1992. Sintashta: Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Sintashta: Archaeological sites of the Arian tribes of Ural and Kazakh steppe]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 408 p.
- Keeley L.H., Fontana M., Quick R., 2007. Baffles and Bastions: The Universal Features of Fortifications. *Journal of Archaeological Research*, vol. 15, iss 1, pp. 55–95.
- Kelly R.C., 2000. Warless Societies and the Origin of War. Ann Arbor: University of Michigan Press. 192 p.
- Khenks B.K., Chechushkov I.V., Dunan R.K., Pitman D., Muzhich B., Medarich I., Mori M., 2013. Recent results and prospects of research on the microdistrict of the ancient settling in Ust'ye and the Lower Toguzak valley. *Drevnee Ust'ye: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e [Ancient Ustie: a fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Urals]*. Chelyabinsk: Abris, pp. 392–416. (In Russ.)
- Khokhlova O.S., Khokhlov A.A., Gol'eva A.A., Zdanovich G.B., Malyutina T.S., 2008. Scientific research on Big Sintashta mound in Chelyabinsk region. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Orenburg State University]*, 10(92), pp. 150–156. (In Russ.)
- Koryakova L.N., Krauze R., Epimakhov A.V., Sharapova S.V., Panteleeva S.E., Berseneva N.A., Fornas'e Y., Kayzer E.,

- Molchanov I.V., Chechushkov I.V., 2011. Archaeological studies of the fortified settlement of Kamennyi Ambar (Olgino). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology, and Anthropology of Eurasia], 4(48), pp. 64–74. (In Russ.)
- Krause R., Koryakova L.N., 2013. Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Habelt. 352 p.
- Levit A.I., 2005. Yuzhnyy Ural: geografiya, ekologiya i prirodopol'zovanie [The Southern Urals: geography, ecology, and environment management]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 246 p.
- Noskevich V.V., Fedorova N.V., Murav'ev L.A., 2010. Magnetometric mapping of archaeological sites. *Ural'skiy geofizicheskiy vestnik* [Ural Geophysical Bulletin], 2(17), pp. 47–52. (In Russ.)
- Parkinson W.A., Duffy P.R., 2007. Fortifications and Enclosures in European Prehistory: A Cross-cultural Perspective. *Journal of Archaeological Research*, vol. 15, iss. 2, pp. 97–141.
- Petrov F.N., 2009. Poselenie Arkaim v kul'turnom prostranstve epokhi bronzy [Arkaim settlement in the Bronze Age cultural environment]. Dubna: Fond "Nasledie". 64 p.
- Rappoport P.A., 1965. Drevnie russkie kreposti [Ancient Russian fortresses]. Moscow: Nauka. 88 p.
- Sem'yan I.A., 2012. Warfare in the Sintashta and Petrovka cultures: source review. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University], 32, pp. 49–51. (In Russ.)
- Sharapova S.V., Krauze R., Molchanov I.V., Shtobbe A., Soldatkin N.V., 2014. Multidisciplinary investigations of Konoplyanka settlement in the Southern Trans-Urals: preliminary results. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], vol. 13, no. 3, pp. 101–109. (In Russ.)
- Vinogradov N.B., 2011. Stepi Yuzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e. (pamyatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa) [The steppe of the Southern Urals and Kazakhstan in the early centuries of the 2nd millennium BC (the sites of Sintashta and Petrovka type)]. Chelyabinsk: Abris. 175 p.
- Vinogradov N.B., 2013. Drevnee Ust'ye. Ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e [Ancient Ust'ye: a fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk: Abris. 482 p.
- Zdanovich G.B., 1995. Arkaim. The Arians in the Urals or a failed civilization. *Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya* [Arkaim: Studies. Search. Discoveries]. N.O. Ivanova, comp. Chelyabinsk: Tvorcheskoe ob"edinenie "Kamenny poyas", pp. 21–42. (In Russ.)
- Zdanovich G.B., 2011. "Fortification", "fortress" in the archaeological studies of the Sintashta-Arkaim culture and in the "Rig-Veda" poetic tradition. *Voprosy arkheologii Urala: sbornik nauchnykh trudov* [Issues of the Ural Archaeology: Collection of papers], 26. Ekaterinburg, Surgut: Magellan, pp. 40–63. (In Russ.)
- Zdanovich G.B., Batanina I.M., 1995. The "Land of Cities" – fortified Bronze Age settlements of the 18th–17th centuries BC in the Southern Urals. *Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya* [Arkaim: Studies. Search. Discoveries]. N.O. Ivanova, comp. Chelyabinsk: Tvorcheskoe ob"edinenie "Kamenny poyas", pp. 54–62. (In Russ.)
- Zdanovich G.B., Batanina I.M., 2007. Arkaim – Strana gorodov. Prostranstvo i obrazy [Arkaim – the land of cities. Space and images]. Chelyabinsk: Krokus. 260 p.
- Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language], 5. A.G. Preobrazhenskiy, comp. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1912. (In Russ.)

ОТ ВИЗАНТИИ К МОСКОВСКОЙ РУСИ:
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

К 70-ЛЕТИЮ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВИЧА БЕЛЯЕВА

17 марта 2018 г. исполнилось 70 лет Леониду Андреевичу Беляеву — одному из ведущих российских исследователей культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени, главному редактору журнала «Российская археология».

Леонид Андреевич еще в 1980-е годы сложился как крупный ученый, а в 1990–2000-х годах приобрел значительную известность как один из создателей нового направления архитектурной археологии, ориентированного на комплексное изучение памятников Московской Руси.

Помимо этого, на протяжении многих лет важную роль в его деятельности играет работа главным редактором ведущего археологического издания страны — «Российской археологии». Л.А. Беляевым накоплен огромный опыт прямого редактирования текстов и общего руководства политикой журнала. За время, что он находится на посту «главного», журнал пережил важные перемены: сменились составы редколлегии и редсовета, в которые вошли известные

зарубежные специалисты; вырос англоязычный контент; умножились авторы из других стран; появилась мощная сетевая база. Как результат этих трансформаций в 2017 г. «Российская археология» была включена в международную реферативную базу «*Scopus*». Все это время четкость академической позиции главного редактора остается непреодолимым препятствием для проникновения в журнал пара- и псевдонауки.

Научный путь Л.А. Беляева уже получил всестороннее освещение в предыдущий юбилей (Макаров Н.А., Чернецов А.В., Кренке Н.А. К 60-летию Л.А. Беляева // РА. 2008. № 2. С. 90–94; Баталов А.Л., Макаров Н.А. Леонид Беляев, архитектурная археология и культура Московской Руси // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры: к 60-летию Леонида Андреевича Беляева. М.: ИА РАН, 2008. С. 5–15), что дает возможность ограничиться обзором деятельности Леонида Андреевича за последнее 10-летие, по своей результативности претендующее на отдельную главу в его творческой биографии.

В числе важнейших полевых проектов Л.А. Беляева следует назвать раскопки в подмосковном Воскресенском монастыре (Ново-Иерусалимская экспедиция, 2009–2016 гг.) и далекой Палестине (Иерихонская экспедиция, с 2010 г. и по настоящее время). Они начались внезапно и прошли успешно только потому, что были подготовлены всей предыдущей исследовательской деятельностью Леонида Андреевича.

Пик полевых работ в обоих проектах пришелся на начало 2010-х годов, но сейчас они получают новое развитие. Значительная часть научных результатов, введенных в оборот, уже хорошо известна специалистам в России и за ее пределами. В Иерихоне и Новом Иерусалиме усилиями Леонида Андреевича достигнуты выдающиеся научные результаты, созданы музейные структуры на месте раскопок (юбиляр называет это *инвентаризацией* археологии в контекст современной жизни) и собраны высокопрофессиональные исследовательские коллективы, ориентированные на продолжение проектов.

К этим экспедиционным исследованиям следует добавить каждодневную работу в монастырях Москвы и ее историческом центре (Зарядье и др.), а также научное руководство раскопками легенды поселемонгольского древнерусского зодчества Спасо-Преображенского собора в Твери.

Свидетельством творческого расцвета и зрелости ученого являются его публикации. Их список вырос чуть ли не вдвое: с 350 наименований в 2008 г. до более 600 на текущее время (см. Леонид Андреевич Беляев / Сост. П.Г. Гайдуков, Л.А. Калашникова. Авт. вступит. ст. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 2018 (Материалы к биобиблиографии ученых: история; Вып. 42). 132 с.). Изменения заметны и в характере трудов: статьи, переводы, обзоры, многочисленные в прошлые годы, сменились разнообразными монографическими трудами.

В первом ряду — концептуальные архитектурно-археологические исследования, новаторские книги, написанные в соавторстве с А.Л. Баталовым, с которым юбиляр успешно сотрудничает на протяжении многих десятилетий. Среди них — “Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история” (М., 2013. 204 с.), окончательно решившая вопрос о принадлежности храма к кругу финальных памятников русско-итальянского строительства конца XV—XVI в.; фундаментальное историко-топографическое исследование “Сакральное пространство средневековой Москвы” (М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. 400 с.). Сюда же примыкает объемистая антология “Московский Новодевичий монастырь: к 500-летию основания” (М.: Арткитчен, 2012. 552 с.) и глава о раннем периоде поселемонгольского зодчества в готовящемся к выпуску томе “Истории русского искусства”. Не все их совместные работы завершены: общие выводы по истории церковной топографии Москвы уже вошли в науку, но работа по сбору и систематизации достоверных сведений о церковных престолох Москвы в самом разгаре.

Л.А. Беляеву в целом не близок жанр эмпирической отчетной публикации, его книги о полевых работах, как и методические разработки, всегда шире полевого сюжета и столь же концептуальны, опираются ли они на исследования прошлых лет или на недавние раскопки: “Некрополь Данилова монастыря в XVIII—XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008)” (М.: Данилов мужской монастырь, 2012. 504 с.), “Родовая усыпальница князей По-

жарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения” (М.: ИА РАН, 2013. 264 с.), а также методическое пособие “Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии” (М.: ИА РАН, 2011 (Методика полевых археологических исследований; Вып. 5). 56 с.), в котором изложены принципы подхода к археологии исторического кладбища. Участниками таких исследований становятся широкие команды специалистов, формирующих базу источников. В состав тома их вклад обычно включается в виде отдельных приложений.

Не менее оригинальны по замыслу и вводимым в науку идеям и научно-популярные труды юбиляра: “Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря: путь к возрождению. Реставрация 2009–2015 годов” (М., 2016. 312 с.) — издание, вместившее в себя обзор результатов работ в Ново-Иерусалимском монастыре; и глава VIII “Археология исторических территорий”, опубликованная в “Церковном древлехранителе: методическом пособии по сохранению памятников церковной архитектуры и искусства” (М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. 261 с.).

Особняком среди трудов Леонида Андреевича последних лет стоит совершенно удивительный “Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие: материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг.” (М.: ИА РАН; Индрик, 2016. 500 с.): по жанру — коллективная монография; по сути — авторская книга, фокусом которой стал отдельный участок далекого Иерихона, на котором скрестились линии византийской археологии и мировой истории, христианского паломничества и геополитики, культуры и церкви.

Отдельный блок составляют фундаментальные сборники и материалы конференций, задуманные Леонидом Андреевичем и подготовленные командой собравшихся вокруг него коллег-единомышленников. В основе каждой конференции, проводимой в последние годы совместно с Институтом российской истории РАН, — зерно нового научного направления: авраамической археологии — *Archeologia abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама (М.: Индрик, 2009. 456 с.); археологии Московии и России начала Нового времени — “От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII вв.” (М.; Вологда: Древности

Севера, 2016. 526 с.), провокативная мысль о конструировании в науке особой “археологической личности” — “Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы Международной научной конференции (Москва, 13–14 октября 2016 г.) (М.: ИРИ РАН; ИА РАН, 2016. 256 с.) и другие.

Новые пути, которые Леонид Андреевич прокладывает в науке, являются логическим продолжением его творчества предыдущих десятилетий. Так, для работ в Иерихоне был заложен прочный историографический фундамент (“Христианские древности: введение в сравнительное изучение”. М.: Открытое общество, 1998; другие обзорные и переводные работы); им на пользу обернулся и опыт, полученный юбилеем в ходе полевых исследований Центральной Азии. За книгами об архитектуре, археологии, планировке монастырей, а также за новым направлением археологии Московской Руси — десятилетия раскопок в городских центрах России.

Многовекторность исследований — тоже старое, коренное свойство научных работ Леонида Андреевича, поскольку разные направления развиваются именно благодаря тому, что тесно связаны друг с другом, хоть это не всякому бросается в глаза. Комплексность научной деятельности ученого отвечает его взглядам на задачи и способы изучать прошлое. В ней все более звучит историко-культурная тема включенности материального и художественного мира Московской Руси в мировой контекст. За минувшее десятилетие Л.А. Беляев смог оформить целое новое фундаментальное научное направление, над которым, по сути, работал всю жизнь — историческую археологию России. Это не просто поздний отрезок хронологии, финал Средневековья, Новое и зарождение Новейшего времени. Его изучение — особый подход и особые отношения со смежными областями, прежде всего, с российской и всемирной историей, а также с рядом специальных дисциплин.

Возникшая острая потребность в кооперации с ними нашла выражение в организации систематических дискуссий, проводимых Институтом археологии совместно с Институтом российской истории РАН, Российским государственным гуманитарным университетом, Государственным институтом искусствознания и другими академическими, учебными и научными коллективами. Идея археологии авраамических религий

и введенное недавно понятие археологической личности далеки друг от друга. Но их объединяет творческий характер Леонида Андреевича и его способность видеть связи между казалось бы далекими друг от друга явлениями: широкие конкретно-исторические исследования в его трудах неожиданно обретают внутреннюю интегральность.

Юбилей относится к изучаемым объектам не как к расходному лабораторному материалу, которым по окончании эксперимента можно пренебречь. Огромную роль играет длительный (в идеале — перманентный) характер натурных исследований; их уже традиционная комплексность, включающая архитектурную, мемориальную, иконографическую, эпиграфическую и другие составляющие; возможность не завершить, но трансформировать исследования, придав им научно-музейную и просветительскую форму.

Результатом этого подхода стало сохранение на местах проводимых раскопок локальных археологических музеев (*site-museums*), в числе которых кроме уже упомянутых экспозиций в Иерихоне и Новом Иерусалиме подземные архитектурно-археологические музеи в подклетах монастырских церквей Москвы (в Зачатьевском монастыре; под церковью Иоанна Предтечи в слободе Новодевичьего монастыря). Леонида Андреевича следует считать и создателем монастырского археологического музея — явления нового и абсолютно уникального.

Отражение того же подхода — активность Л.А. Беляева в области совершенствования методики изучения и особенно в выработке стратегии археологии в сфере охраны культурного наследия. За последние годы в зоне его ответственности оказались очень важные prerogatives и компетенции: он стал государственным экспертом, возглавил секцию археологического наследия в Научно-методическом совете Министерства культуры РФ и научный комитет по управлению археологическим наследием Национального комитета ИКОМОС. Эта значительная по объему научно-культурная нагрузка чревата общественными вызовами и требует немалого терпения, взвешенного разбора сложных, противоречивых ситуаций. Л.А. Беляеву удастся справиться с ней благодаря готовности вникнуть в чужую позицию, присущему ему такту и огромному опыту практической работы в сфере сохранения наследия.

Также незаметно, подспудно вырастают ряды его сотрудников и последователей по всей стра-

не. Юбиляр не ведет систематической преподавательской работы, но десятки широких по охвату научных докладов, публичные лекции, частое присутствие в электронных средствах массовой информации, выступления в дискуссиях на многочисленных научно-общественных форумах с успехом заменяют ему семинары и курсы лекций. В результате его идеи и подходы известны уже по всей стране и оказывают несомненное влияние на “культурную и научную антропологию” современной России.

Помогает, разумеется, и участие в ученых советах, работа в редколлегиях (прежде всего, в ежегоднике “Византийский временник”) и музеях, сотрудничество с Государственным институтом искусствознания и Томским государственным университетом — одним из ведущих вузов страны.

Леонид Андреевич, несомненно, яркий представитель московской школы археологов и историков искусства. И дело не только в месте рождения и проживания — он в полной мере соответствует (и сознательно следует) московской университетской традиции. В то же время он принят во всех кругах города: академический характер исследований и жесткое, бескомпромиссное стремление к объективности выводов привлекают к нему и современного церковного заказчика.

Л.А. Беляеву выпала честь вписать самые значимые страницы в археологию русского общезнаменитого монашества. Без него уже невозможно представить развитие уникального проекта “Православная энциклопедия”, в создании которой он участвует с первого тома. Его деятель-

ность как автора и куратора раздела археологии в этом издании во многом определяет академический уровень статей по истории христианской культуры и искусства.

Последнее десятилетие стало и временем признания научных заслуг Л.А. Беляева: в 2016 г. он стал членом Российской академии наук, был удостоен благодарностей Президента и Правительства Российской Федерации, книги с его участием получили ряд престижных премий.

Но Леонид Андреевич по-прежнему плотно погружен в работу как руководитель раскопок, координатор архитектурно-археологических проектов, автор новых книг, составитель коллективных изданий. Создается ощущение, что он боится перерывов в занятиях, находя отдых в смене направлений деятельности. На очереди коллективная монография “Гроб Господень в древнерусской архитектуре” и полное издание материалов раскопок в Зачатьевском и Новодевичьем монастырях; готовятся обобщающий труд по археологии средневековой Москвы, “отчетные” книги по раскопкам 2000-х годов, материалы по раскопкам собора древней Твери. В планах — и новые полевые проекты, как в России (в Высоко-Петровском, Ивановском, Сретенском и других монастырях), так и за ее пределами (на Ближнем Востоке).

Хочется верить, что все замыслы юбиляра, как уже обозначившиеся, так и едва зародившиеся, будут реализованы и поднимут нашу науку на новую ступень. Поэтому мы желаем Леониду Андреевичу отменного здоровья, долголетия и всяческого благополучия.

Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков, А.В. Энговатова

Институт археологии РАН,
Москва

О ВРЕМЕНИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОНЧАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ В ИЕРИХОНЕ (по материалам раскопок 2017 г.)

© 2018 г. Л.А. Голофаст*, А.Н. Ворошилов**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

** E-mail: larisa_golofast@mail.ru*

*** E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru*

Поступила в редакцию 29.03.2018 г.

Продолжение исследований, ведущихся на так называемом Русском участке с 2010 г., позволили скорректировать дату начала функционирования гончарной мастерской, предварительно отнесенное к концу византийского периода. Керамический комплекс, выявленный в локусе 12 (квадрат 8), формирование которого также связано с деятельностью гончарной мастерской, кардинально отличается от комплексов из локусов омейядского времени. Совокупность находок позволила отнести его формирование и соответственно начало функционирования мастерской к VI (или даже второй половине VI) — первой половине VII в. Действовала она на протяжении всего омейядского периода, но с небольшим перерывом, вызванным скорее всего ее разрушением в результате землетрясения 659 г. Кроме того, раскопки, проведенные в 2017 г. до материка, продемонстрировали отсутствие более ранних слоев, т.е. мастерская была построена на прежде пустовавшей территории, а найденные на участке единичные фрагменты керамики конца IV–V в. позволили сделать вывод о застройке прилегающей к мастерской территории в конце IV–V в., когда Иерихон, представлявший собой агломерацию разновременных памятников, расположенных в разных точках долины р. Иордан, перемещается к центру современного города.

Ключевые слова: Иерихон, поздневизантийский/омейядский период, гончарная мастерская.

DOI: 10.31857/S086960630001643-6

В 2010 г. совместная Иерихонская экспедиция ИА РАН и Министерства охраны памятников древности и туризма Палестинской национальной автономии (ПНА) под руководством члена-корреспондента РАН Л.А. Беляева и доктора Хамдан Таха начала раскопки в г. Иерихон, на так называемом Иоасафовском участке (ныне участок Музейно-паркового комплекса РФ). Экспедиция уже провела пять полноценных сезонов (2010–2013, 2017 гг.), открыв остатки престижного (монастырского?) комплекса византийской эпохи и зону керамического производства с многочисленными отходами (шлак, пережженные сырцовые кирпичи, куски глины, потрескавшиеся, деформированные, необожженные, неравномерно обожженные и пережженные сосуды и их фрагменты) (рис. 1; 2). Итоги раскопок 2010–2013 гг. подведены в ряде статей и фундаментальной монографии с многочисленными каталогами и приложениями (Беляев, 2016). Материалы исследований 2017 г., в ходе которых впервые достигнут уровень матери-

ка и тем самым уточнена хронология освоения участка, внесли много нового в представления о керамическом производстве (в том числе и за счет продолжившейся обработки ранее накопленных материалов). В приложении к монографии о византийском Иерихоне они освещены лишь частично (дано развернутое обоснование датировки и характеристика комплексов из локусов омейядского времени), а текст опубликован по-английски (Golofast, 2016). Все это позволяет заново обратиться к рассмотрению керамических комплексов.

Большая часть открытых локусов, связанных с гончарной мастерской, содержала однородную в хронологическом отношении керамику, бытовавшую в основном на протяжении длительного периода. Однако собранный в локусах керамический комплекс содержал, с одной стороны, небольшое количество византийской керамики, в частности краснолаковой посуды и амфор средиземноморского происхождения, а с другой — много крупных хозяйственных со-

Рис. 1. Аэрофотосъемка раскопа на территории Музейно-паркового комплекса в г. Иерихон.

Fig. 1. General view of the site on the territory of the museum-park complex in Jericho

судов с арочным бортиком (*arched-rim basins*), а также бежевоглиняных и так называемых черных, расписанных белым ангобом мешковидных амфор (в русскоязычной литературе известны, как “амфоры сиро-палестинского типа”), характерных именно для омейядских слоев. Кроме того, в ряде локусов присутствовали фрагменты керамики, появившейся только в омейядское время. Все это позволило сделать вывод о функционировании мастерской, самое раннее, с конца византийского периода и на протяжении всей эпохи Омейядов, в конце которой, т.е. около середины VIII в., мастерская прекратила существование, и участок был заброшен на несколько столетий. В пользу последней даты говорит незначительное количество фрагментов больших хозяйственных сосудов с плоско срезанным краем (*flat-rim basins*), которые относят к VIII–IX вв.; огромное количество фрагментов хозяйственных сосудов более ранних типов (сосудов с арочным бортиком формы 3 по Дж. Магнесс), которые были особенно популярны в омейядский период; а также ограниченное количество так называемых сосудов группы *red on cream*, которые не известны в слоях VII в. и появляются

только в первой половине VIII в. Таким образом, формирование керамического комплекса прекратилось до начала или в самом начале правления династии Аббасидов (750–1258), при которых были внедрены новые сельскохозяйственные культуры из Индии, Персии и Месопотамии, что вызвало изменения пищевого рациона и, соответственно, способов приготовления еды и ее подачи. Это в свою очередь отразилось в керамике (Magness, 1995a. P. 118) — во второй половине VIII в. появились новые формы (Walmsley, 1992. P. 380), отсутствовавшие в рассматриваемом комплексе. Этот вывод подтверждается резким отличием комплекса русского участка от состава керамики, выявленной в Хирбет аль-Мафджаре, расположенного в 5 км от Иерихона и отнесенного Д. Уиткомбом ко второй половине VIII в. (Whitcomb, 1998).

Прекращение функционирования мастерской скорее всего связано с катастрофическим землетрясением 749 г. (Tsafir, Foerster, 1992), о котором упоминают византийские, арабские и иудейские письменные источники (Георгий Кедрин, Дионисий из Теллмара, Ибн Тагри

Рис. 2. Аэрофотосъемка производственной зоны. Южная часть раскопа.

Fig. 2. General view of the industrial area. The southern part of the site

Бирди, Ибн аль-Мукаффа, Михаил Сириец, Сибт ибн аль-Джаузи, Феофан) и от которого сильно пострадали юг Сирии, долина Иордана, территории от Персии до Египта. Были разрушены Иерихон (дворец Хишама), Иерусалим, Джераш и другие города и поселения, расположенные в долине Иордана, обрушились церкви и монастыри, погибли десятки тысяч человек (Sbeinati et al., 2005. P. 362–364). Свидетельства письменных источников подтверждаются данными археологии: в Джераше, Пелле, Капернауме, Хиппосе, Скифополисе, Бейт-Шане, Хирбет аль-Мафджаре, монастырях Иудейской пустыни и Иерусалиме выявлены мощные слои разрушения, вызванного внезапным бедствием.

Последствия природной катастрофы осложнили геополитические обстоятельства: династию Омейядов сменила династия Аббасидов, и центр власти переместился из Сирии в Ирак, вызвав социальный кризис, который серьезно повлиял на регион и, в конце концов, уничтожил некогда процветавшие города (Almagro et al.,

2000. P. 454, 455). Эту точку зрения, основываясь на результатах раскопок в Северной Иордании, оспаривает А.Г. Вомсли. Он отрицает роль так называемой Аббасидской революции в быстром экономическом упадке и сокращении населения Палестины (Walmsley, 1992).

Так или иначе, около середины VIII в. территория Иерихона сокращается. По крайней мере, зона русского участка была заброшена на несколько столетий, а расположенные там руины гончарной мастерской понемногу затянуло слоем земли. В XII–XIV вв. отмечаются незначительные следы возвращения жизни, но строительство не наблюдается: поселившиеся неподалеку люди, видимо, использовали участок для свалки мусора.

Изложенную хронологическую схему позволили скорректировать раскопки 2017 г., в ходе которых в кв. 8 открыт слой, получивший наименование “локус 12” (рис. 2). Слой представлял собой завал из разновеликого булыжника, битого камня и пыльного мелкодисперсного грунта серого цвета. Мощность этого слоя до ниж-

Рис. 3. Восточный стратиграфический профиль раскопа.

Fig. 3. Eastern stratigraphic profile

ней отметки вскрытия составила не менее 0.4 м (рис. 3). Можно отметить высокую плотность слоя, существенно затруднявшую его разбор. Формирование слоя явно связано с работой гончарной мастерской, о чем говорит наличие в нем значительного количества кусков пережженного керамического шлака и деформированных, слипшихся друг с другом кувшинчиков. Однако состав выявленного в нем керамического комплекса кардинально отличается от комплексов из описанных выше локусов омейядского времени. Прежде всего, с одной стороны, обращает на себя внимание полное отсутствие в нем сосудов так называемых *basins* с арочным бортиком формы 3 по Дж. Магнесс, обычно представленных в омейядских локусах сотнями фрагментов. С другой стороны, довольно большое количество *basins* с арочным бортиком форм 1 и 2 (рис. 4), представленных в омейядских комплексах единичными экземплярами (Golofast, 2016. P. 360, 362, 363. Fig. 2). *Basins* с арочным бортиком бытовали с конца III/начала IV до начала VIII в. (Magness, 1993. P. 157, 158). Из выделенных Дж. Магнесс трех форм таких сосудов первые две отличаются только отсутствием (форма 1) и на-

личием (форма 2) поясов мелкого гребенчатого орнамента на внешней поверхности тулова (иногда и на бортике) и датируются соответственно III/началом IV – VI и VI – концом VII/началом VIII в. (Magness, 1993. P. 207). Сосуды формы 3 по Магнесс датируются, согласно общепринятой сейчас хронологии, так же как и сосуды формы 2 (Magness, 1993. P. 209).

Другое чрезвычайно важное отличие локусов омейядского времени от рассматриваемого – разное количественное содержание в них так называемых черных или северопалестинских мешкообразных амфор (*bag-shaped storage jars*) с росписью светлым ангобом (тип 3 по Райли, см. Riley, 1975. P. 31, 32. Fig. 16, 17; тип 812 по Арнону, см. Arnon, 2008a. P. 32). Если в первых они представлены сотнями фрагментов, то в локусе 12 найден лишь один фрагмент горла такой амфоры (рис. 5А, 27). Производили “черные” амфоры скорее всего в Бейт Шане (Landgraf, 1980. P. 68, 78, 80. Fig. 21), их ареал ограничивался севером Палестины и Трансиорданией, а южной границей распространения служило Мертвое море (Arnon, 2007. P. 62). Время их появления пока определяют очень широко, поздневизантийским периодом (Arnon,

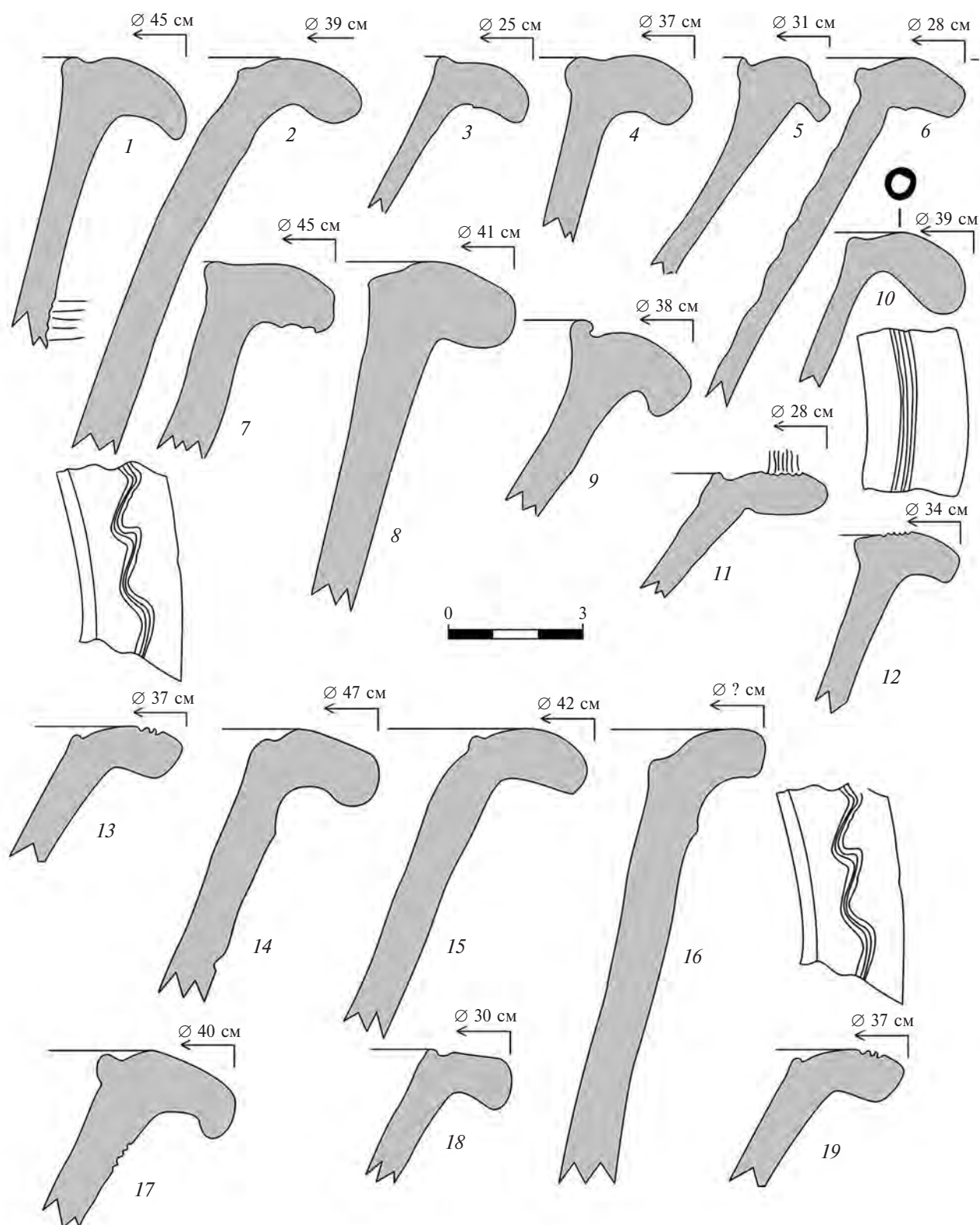

Рис. 4. Большие хозяйственные сосуды с арочным бортиком форм 1 и 2 по Дж. Магнесс из локуса 12 (кв. 8).

Fig. 4. Arched-rim basins of forms 1 and 2 after J. Magness from locus 12 (square 8)

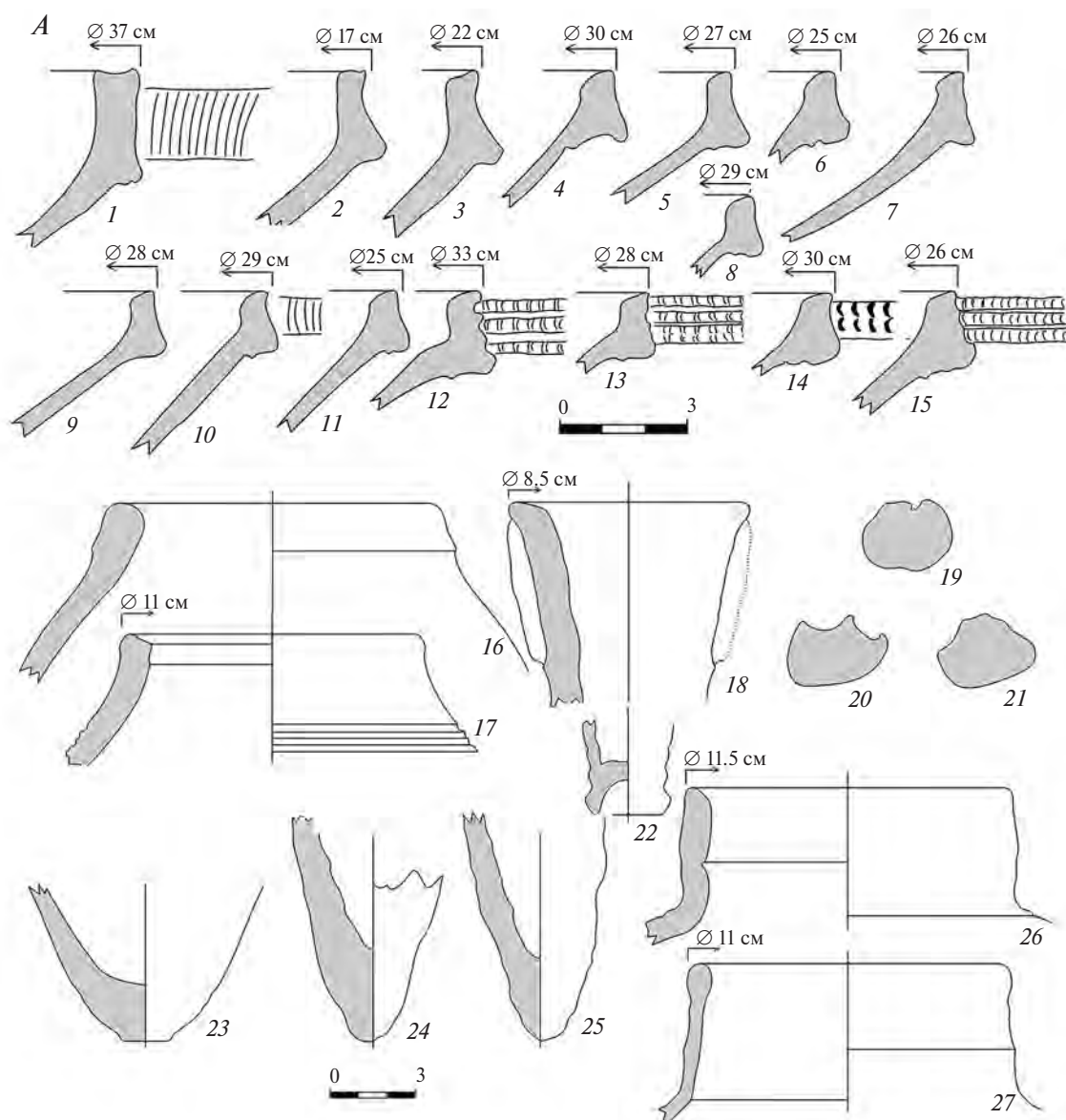

Рис. 5. Керамика из локуса 12. А: 1–15 – миски формы 3 группы “Фокейской краснолаковой”; 16, 17 – амфоры типа Газа (LRA4); 18–21 – амфоры типа LRA1; 23–25 – амфоры средиземноморского происхождения; 26, 27 – амфоры сиро-палестинского типа.

Fig. 5. Pottery from locus 12

2008b. P. 89); согласно принятой периодизации истории Палестины он начался приблизительно с конца V в. (Whitcomb, 1992. P. 386; Parker, 1999. P. 139). Однако их наличие считается характерным признаком комплексов омейядского времени (Vincenz, 2007. P. 260), поскольку их широко использовали в VIII в. (Oren-Pascal, 2008. P. 53), а отдельные экземпляры известны даже в комплексах конца IX – середины X в. (Arnon, 2008b. P. 102).

Единственным фрагментом представлены в локусе 12 и бежевоглиняные мешкообразные амфоры (рис. 5А, 26) (форма 6А по Магнесс, см.

Magness, 1993. P. 227; (тип 822 по Арнону, см. Arnon, 2008a. P. 38), которые в локусах омейядского времени в численном отношении лишь незначительно уступают “черным”. Они гораздо крупнее и характеризуются цилиндрическим горлом, часто с ребром у основания и толстыми стенками (Golofast, 2016. Fig. 20–22). Такие амфоры датируются концом VI – VIII в. (Magness, 1993. P. 227), преобладают в раннеисламский период (749–969) и чрезвычайно редко встречаются на городищах, расположенных вдоль Средиземноморского побережья (Haddad, 2009. P. 89).

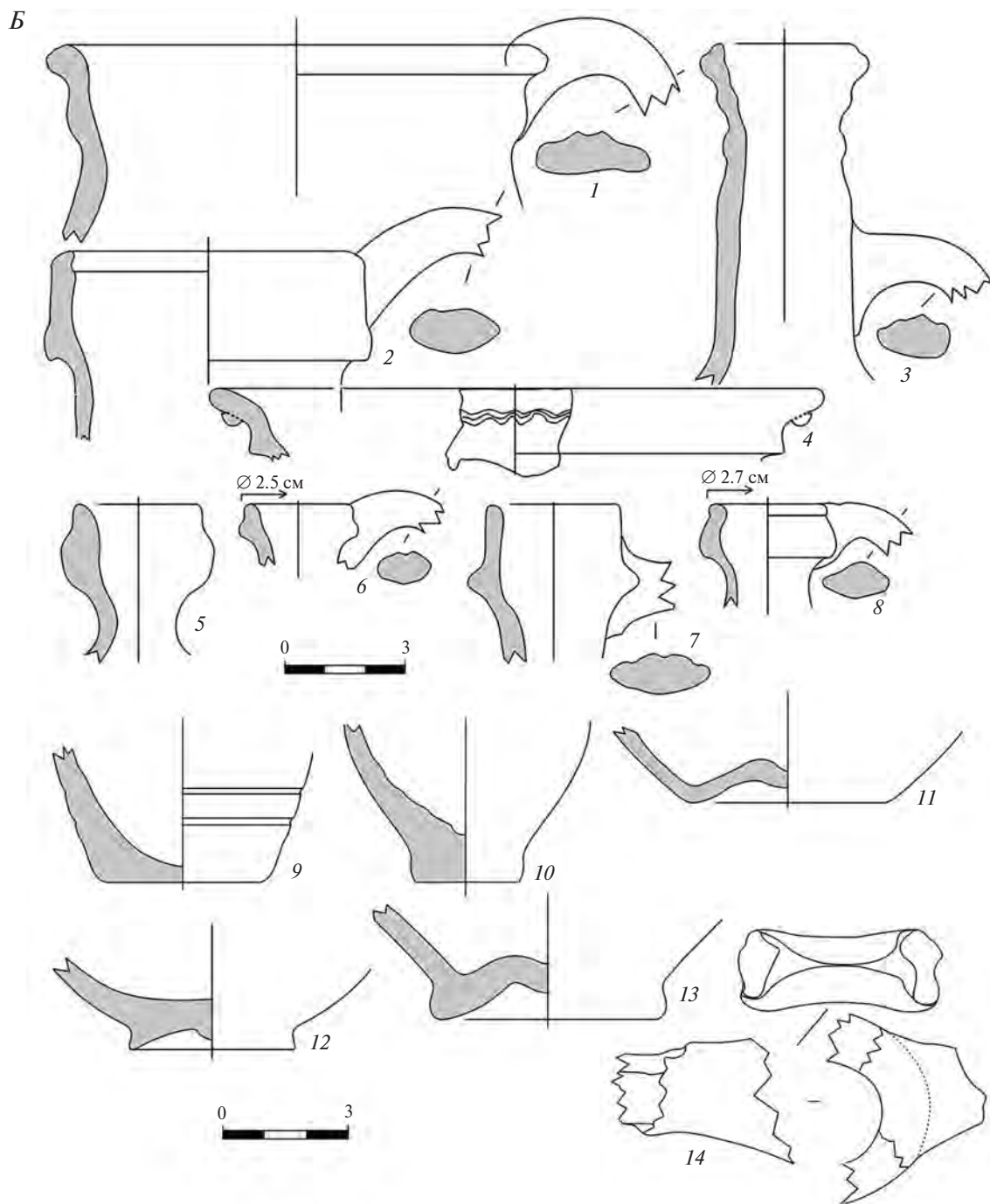

Рис. 5. Продолжение. Б: 1–13 – посуда группы Fine Byzantine Ware; 14 – кольцо от жаровни.

Fig. 5. Continuation

Еще одно важное отличие локуса 12 заключается в довольно значительном количестве фрагментов привозной керамики средиземноморского происхождения. Краснолаковая керамика представлена здесь фрагментами мисок группы “Фокейской краснолаковой” (познеримский С), производившейся в Фокейе (Чан-

дарли и Эфес, см. Hayes, 1972. Р. 323) и широко распространенной в VI в. по всему византийскому миру. Самый ранний выявленный в локусе фрагмент принадлежал миске формы 3С (рис. 5А, 1) и датируется второй половиной V в., остальные 14 (рис. 5А, 2–15) – VI в. (Hayes, 1972. Р. 337, 338).

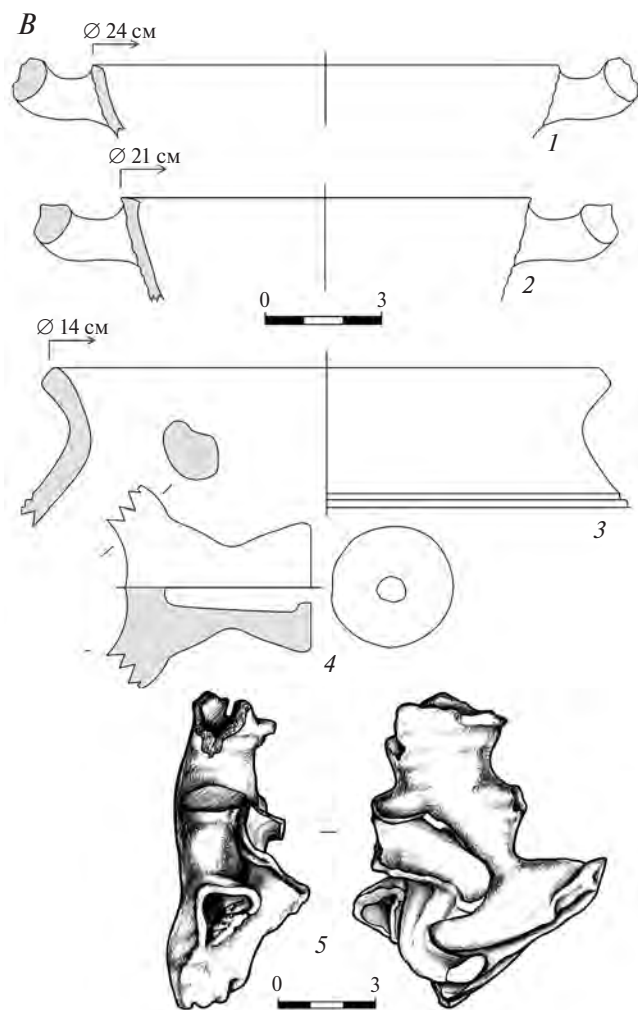

Рис. 5. Окончание. В: 1–4 — кухонная посуда; 5 — керамический брак.

Fig. 5. End

Средиземноморские амфоры, производившиеся в разных районах Средиземноморья, представлены в основном амфорами самого распространенного в Средиземноморье типа — LRA1 (Riley, 1979. P. 212–216. Fig. 91, 338), датирующегося концом IV — серединой VII в. (Riley, 1979. P. 212–216; 1981. P. 116; Watson, 1992. P. 239). Многочисленные печи, в которых обжигали амфоры LR1, открыты на Кипре, Родосе, в районе Антиохии, вдоль киликийского побережья и в других местах (Alfen, 1996. P. 208). В рассматриваемом комплексе они представлены прежде всего фрагментами амфор типа IB1 по Пьери (рис. 5А, 20, 21), который он относит к началу VI — середине VII в. (Pieri, 2005. P. 75, 76). Однако выявлен фрагмент горла и фрагмент ручки (рис. 5А, 18, 19) амфор раннего варианта, датирующегося V — началом VI в. (Pieri, 2005. P. 71).

Есть несколько фрагментов и так называемых амфор типа Газа (тип 4 по Райли), в их числе два фрагмента горл амфор типа 4B2 по Пьери (рис. 5А, 16, 17) второй половины VI — VII в. (Pieri, 2005. P. 106). В Палестине их находки концентрируются на юге и вдоль побережья. Так, в Кесарии Приморской этот тип составлял 24% амфор из слоев византийского времени, открытых при раскопках ипподрома (Oren-Pascal, 2008. P. 49). На севере Израиля и в отдаленных от моря районах, в частности, в Иерихоне, они встречаются крайне редко (Johnson, 2006. P. 549; Golofast, 2016. P. 375).

Несколько фрагментов, главным образом стенок, принадлежали амфорам типа LRA3 (LRA10 по Райли, см. Riley, 1979. P. 229, 230; тип 3 по Хейсу (Hayes, 1992. P. 63), которые производили с середины I в. до н.э. в городах западного берега Малой Азии (район Эфеса, Сарды, Милет, Пергам, Кушадасы) (Bonifay, Pieri, 1995. P. 112; Bezeczky, 2005. P. 205). Короткие открытые снизу ножки (рис. 5А, 22) характерны для типа LRA 3В первой половины V в. (Pieri, 2005, P. 98). Из глины, похожей на глину амфор типа LRA3, сделаны две конические, довольно узкие ножки амфор (рис. 5А, 24, 25), которые также производили, судя по глине, на западном берегу Малой Азии.

Отличает locus 12 и довольно большое количество закрытых форм; их, судя по плотной хорошо отмученной глине, иногда с серым закалом, можно отнести к группе *Fine Byzantine Ware* (FBW) (рис. 5Б, 1–13), производившейся, по мнению выделившего эту группу керамики М. Гичона, где-то в Негеве (Gichon, 1974. P. 137, 138), а по мнению Дж. Магнесс — в районе Иерусалима (Magness, 1993. P. 193). Появившись в середине VI в., FBW бытовала до середины X в. (Magness, 1993. P. 193; Walmsley, 1986. Fig. 9, 11; Walmsley, 1993. Fig. 24, 2; Stacey, 2004. P. 90). В рассматриваемом локусе группа FBW представлена в основном кувшинчиками формы 2 (рис. 5Б, 5–8), датирующейся серединой VI — началом VIII в. (Magness, 1993. P. 239).

Небольшим фрагментом бортика без венчика с поясом широких насечек представлены в локусе и так называемые чаши с прокатанным орнаментом (*rouletted bowls*), характерные для керамического комплекса Иерусалима и Трансиордании позднеримского и византийского периодов. Дата чаш — конец III/начало IV — VI в. (Magness, 1993. P. 185–188).

Открытые кастрюли (кастрюли формы 1 по Дж. Магнесс, см. Magness, 1993. P. 211; тип 712

по Арнону, см. Arnon, 2008a. P. 31) с полусферическим туловом и срезанным ножом краем, представлены в локусе двумя фрагментами. Они бытовали без кардинальных изменений с середины IV или даже конца III до IX в. включительно (McNicoll et al., 1982. P. 144. Pl. 143, 2; 147, 10; Alliata, 1990. P. 451. Fig. 22, 23; Magness, 1993. P. 211; Arnon, 2007. P. 71; 2008a. P. 31; 2008b. P. 93), хотя особую популярность приобрели во второй половине V — первой половине VII в. (Avshalom-Gorni, 2009. P. 39). По мнению Дж. Магнесс, кастроли со слегка приподнятыми ручками, аналогичные найденным в локусе 12 (рис. 5B, 1, 2), характерны для ранних вариантов, и только в VII в. появляются сосуды с толстыми прямыми и горизонтальными ручками (Magness, 1993. P. 221; 1995b. P. 134).

Найденная в локусе вилкообразная ручка скорее всего принадлежала кастрюле формы 2 по Дж. Магнесс (рис. 5B, 4). Такие ручки считают исключительно византийским признаком, в раннеисламских комплексах их нет (Magness, 1993. P. 221; 1995a. P. 134; Yannai, 2010. P. 126).

Горшки с рифленным округлым туловом и отогнутым непрофилированным венчиком (рис. 5B, 3) также в основном фиксируют в слоях византийского времени (Arnon, 2008b. P. 86). Близкие параллели есть в Пелле в слоях V в., в Хирбет эд-Дарих (юг Иордании) в слое VI—VII вв. (Waliszewski, 2001. P. 97. Fig. 5, 7), в слое конца VI — середины VII в. в Кесарии Приморской (Arnon, 2008b. P. 89. Fig. 3, 6, 7), хотя известны подобные находки и в слоях VIII в. (Arnon, 2007. Fig. 7).

Параллельно с керамикой, которую скорее следует отнести к эпохе до арабского завоевания, в локусе выявлено бежевоглиняное керамическое кольцо с частично сохранившимся керамическим держателем, которое служило, вероятно, частью жаровни (рис. 5B, 14). Жаровни с аналогичными кольцами производили в гончарной мастерской омейядского времени в Бейт Шане (Bar-Nathan, Atrash, 2011. P. 332–334. Fig. 11, 65).

Остальные найденные в локусе фрагменты принадлежали сосудам, которые бытовали на протяжении длительного периода, включавшего как византийскую, так и омейядскую эпохи.

Таким образом, совокупность находок позволяет отнести формирование локуса 12 к VI—VII вв. Однако присутствие в комплексе керамики, появившейся во второй половине VI в.,

при единичных фрагментах, характерных для омейядских слоев “черных” и бежевоглиняных мешковидных амфор, позволяет сузить дату комплекса до второй половины VI — первой половины VII в.

Итак, изученный в 2017 г. слой, вероятно, сформировался единовременно. Поверхность его почти строго горизонтальна, в то время как сам культурный пласт структурирован хаотично, что наводит на мысль о преднамеренном выравнивании. Обращает на себя внимание и то, что состоящий из битого камня и мелкодисперсной пыли грунт не включает крупных фракций, пригодных для использования в кладке. Указанные особенности локуса 12 в кв. 8 могут косвенно подтвердить его дату. Основываясь на датировке происходящего из него керамического комплекса, морфологических особенностях слоя и его стратиграфической позиции, можно предположить, что изначально слой возник в результате землетрясения, которое произошло летом 659 г.

Это землетрясение разрушило монастыри св. Иоанна Крестителя у р. Иордан (Qasr el-Yahud) и Евфимия в Мишор Адуммим (Mishor Adumim). Эпицентр пришелся на район Иерихона, который также основательно пострадал. Маронитская хроника свидетельствует разрушение большей части города, всех его церквей, “дома” св. Иоанна Крестителя на р. Иордан и всех монастырей, включая монастырь Аввы Евфимия с многочисленными кельями монахов и отшельников. При раскопках монастыря св. Евфимия следы этих разрушений действительно выявлены (Hirschfeld, 1993. P. 354).

Окончательно стратиграфический уровень локуса 12 оформился позже, при возрождении жизни на участке. Возможно, из слоя выбрали пригодный для строительства камень, а поверхность выравнивали, что и обнаружено при работах 2017 г. Над уровнем разрушений сформировался довольно мощный (до 0.5 м) монолитный слой коричневой глины (локус 10), который перекрывали поздние полы из светлой глины мощностью до 0.05 м.

С этими двумя уровнями связано возрождение керамической мастерской на прежнем месте: в непосредственной близости появляется горн 2 (кв. 6, локус 14), кардинально отличающийся по своей конструкции от других керамических горнов, выявленных на участке. Если горны 1 и 3 сооружены из сырцовых кирпичей на глине, то горн 2 сохранился в виде придонной части окру-

глой ямы диаметром около 2 м, обложенной по периметру рядами битого кирпича — плинфы (Беляев и др., 2016. С. 161, 162).

Содержащийся в локусе 12 материал позволяет сделать ряд выводов. Отсутствие в локусе больших хозяйственных сосудов с арочным бортиком формы 3 по Дж. Магнесс говорит в пользу начала производства этой формы сосудов, по крайней мере, в Иерихоне, только во второй половине VII в., видимо, после землетрясения, когда мастерская возобновила работу. Тогда же здесь наладили производство имитаций краснолаковой посуды, поставки которой около 650 г. либо полностью прекратились, либо сильно сократились. Возможно именно этим объясняется полное отсутствие в локусе 12 имитаций краснолаковой посуды, которыми насыщены локусы омейядского времени (Golofast, 2016. Р. 397–407).

Мастерская, начало функционирования которой скорее всего относится ко второй половине VI в., была построена на прежде пустовавшей территории: раскопки, доведенные в 2017 г. на кв. 7 до материка, показали отсутствие здесь более ранних культурных слоев (рис. 6). Это соответствует общей ситуации в Иерихоне, который, как известно, является агломерацией разновременных и разнотипных памятников, разбросанных в пределах долины р. Иордан и обозначавшихся сходными по звучанию именами. Город, возникший в начале III тыс. до н.э., располагался на Телле эс-Султан, но в конце железного века он сдвинулся южнее, к древней дороге на Иерусалим, где занял оба берега Вади эль-Кельт; в IV–V вв., став одним из паломнических центров, Иерихон переместился в зону современного города, в центре и в окрестностях которого было построено множество церквей, монастырей и паломнических приютов (Беляев, 2016. С. 13).

Если мастерская возникла в VI в., то близлежащую территорию начали застраивать несколько ранее. Об этом говорят фрагменты керамики V в., найденные в более поздних слоях. К ним относятся уже упомянутая ножка амфоры типа LRA3 (первая половина V в.); фрагмент миски формы 3С группы “Фокейской краснолаковой” (вторая половина V в.) из локуса 12; найденные в других точках исследуемого участка два фрагмента горл амфор IV–V вв. типа LRA4A (Golofast, 2016. Р. 376. Fig. 15, 15; Pieri, 2005. Р. 106); довольно много фрагментов горл и ручек раннего варианта амфор типа LRA1 (Golofast, 2016. Fig. 15, 6–8) V — начала VI в. (Pieri, 2005. Р. 71); несколько фрагментов сосудов формы 67 груп-

Рис 6. Южный стратиграфический профиль.

Fig. 6. Southern stratigraphic profile

пы “Африканской краснолаковой” 360–420 гг. (Golofast, 2016. Fig. 24, 1–3; Hayes, 1972. Р. 116). К этой же группе относятся несколько доньев со штампами в виде концентрических окружностей, концентрических окружностей с “вращающейся бахромой” (мотив 36 стиля А (ii)–(iii), С по Дж. Хейсу; Golofast, 2016. Fig. 24, 14, 15) конца IV — третьей четверти V в. и в виде пальмовых листьев (Golofast, 2016. Fig. 24, 16, 17) стиля А II по Хейсу около середины IV — начала V в. (Hayes, 1972. Р. 237. Fig. 40, 36). Таким образом, самая ранняя керамика, найденная на участке, относится к концу IV — первой половине V в., хотя слои и строительные остатки этого времени пока не выявлены. Возможно сначала на участке появился монастырско-паломнический комплекс, часть которого с многоцветной мозаикой была открыта в ходе раскопок 2010–2013 гг. (см. Беляев, 2016), а гончарная мастерская возникла позже за его оградой.

Несмотря на скромную площадь раскопок, работы 2017 г. оказались весьма информативны: они позволили уточнить момент застройки большого участка Иерихонского оазиса, выявили новый крупный центр гончарного производства в Палестине, дали возможность определить время его функционирования и реконструировать ассортимент продукции. Наблюдения коснулись и истории всего строительного комплекса, который мог пострадать в результате землетрясения 749 г., после чего эту зону города не обживали по крайней мере несколько столетий, так что руины успели затянута слоем земли. Свидетельства незначительного присутствия человека появляются здесь только в XII–XIV вв.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 18-09-40075.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016. 492 с.
- Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Голофаст Л.А. Научно-исследовательские раскопы 2011–2013 гг. // Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016. С. 101–162.
- Alfen van P.G. New Light on the 7th-century Yassi Ada Shipwreck: Capacities and Standard Sizes of LRA1 amphoras // JRA. 1996. V. 9. P. 189–213.
- Alliata E. Nuovo settore del monastero al Monte Nebo–Si-yagha // Christian Archaeology in the Holy Land: New Discoveries / Eds. G.C. Bottini, L. DiSegni, E. Alliata. Jerusalem: Studium Biblicum Franciscanum, 1990. P. 427–466.
- Almagro A., Jiménez P., Navarro J. Excavations of Building of the Umayyad Palace of Amman. Preliminary Report // ADAJ. 2000. V. 44. P. 433–457.
- Arnon Y.D. Excavations in Marcus Street, Ramla: Pottery, Oil Lamps and Carved Stone Vessels // Reports and Studies of the Recanati Institute for Maritime Studies Excavations. Haifa: Univ. of Haifa, 2007 (Contract archaeology reports; 2). P. 38–99.
- Arnon Y.D. Caesarea Maritima, the Late Periods (700–1291 CE). Oxford: Archaeopress, 2008a (BAR International Series; 1771). 438 p.
- Arnon Y.D. Ceramic Assemblages from the Byzantine/Early Islamic Bath // Caesarea Reports and Studies: Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor / Eds K.G. Holum, J.A. Stabler, E.G. Reinhardt. Oxford: Archaeopress, 2008b (BAR International series; 1784). P. 85–103.
- Avshalom-Gorni D. The Pottery from Strata 9–6 // Horbat 'Uza – The 1991 Excavations. V. II: The Late Periods / Eds. N. Getzov, D. Avshalom-Gorni, Y. Gorin-Rosen, E.J. Stern, D. Syon, A. Thatcher. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2009 (IAAR; 42). P. 27–74.
- Bar-Nathan R., Atrash W. Bet She'an. Vol. II: Baysan. The Theater Pottery Workshop. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2011 (IAAR; v. 48). 397 p.
- Bezaczy T. Late Roman Amphorae from the Tetragonos–Agora in Ephesus // Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesus / Ed.F. Krinzinger. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. (Archäologische Forschungen; 13). P. 203–229.
- Bonifay M., Pieri D. Amphores du Ve au VIIe s. à Marseille: nouvelles données sur la typologie et le contenu // JRA. 1995. V. 8. P. 94–120.
- Gichon M. Fine Byzantine Wares from the South of Israel // PEQ. 1974. V. 106, iss. 2. P. 119–139.
- Golofast L.A. Pottery Assemblage and the Glass Finds // Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016. P. 359–477.
- Haddad E. Roman Byzantine Amphorae from a Terrestrial Site and its Underwater Environs: Horbat Castra and Kfar Samir (Southern Levant as a Case Study) // Levant. 2009. V. 41. Iss. 1. P. 79–91.
- Hayes J.W. Late Roman Pottery. L.: British School at Rome, 1972. 468 p.
- Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. V. 2: The pottery. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1992. 464 p.
- Hirschfeld Y. Euthymius and his Monastery in the Judean Desert // Liber annuus. 1993. V. 43. P. 339–371.
- Johnson B.L. The Hellenistic to Early Islamic Period Pottery // Mazar A. Excavations at Tel Meth-Shean. 1989–1996. V. 1: From the Late Bronze Age IIB to the Medieval Period. Jerusalem: Institute of Archaeology, The Hebrew Univ. of Jerusalem, 2006. P. 523–589.
- Landgraf J. Byzantine Pottery // Tell Keisan (1971–1976). Une cite phénicienne en Galilée. Paris: J. Gabalda, 1980. P. 51–99.
- Magness J. Jerusalem Ceramic Chronology circa 200–800 CE. Sheffield: JSOT Press, 1993. 277 p.
- Magness J. Early Islamic Pottery. Evidence of a Revolution in Diet and Dining Habits // Agency and Identity in the Ancient Near East. L.; Oakville, 1995a. P. 117–126.
- Magness J. The Pottery from Area V/4 at Caesarea // AASOR. 1995b. V. 52. P. 133–145.
- McNicol A., Smith R.H., Hennessy B. Pella in Jordan I. An interim report on the joint University of Sydney and The College of Wooster excavations at Pella 1979–1981. Canberra: Australian National Gallery, 1982. 161 p.
- Oren-Pascal M. Amphoras from the Abandonment Layer in the Area LL (L 1242, 1335) // Caesarea Reports and Studies: Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor / Eds K.G. Holum, J.A. Stabler, E.G. Reinhardt. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 49–58.
- Parker Th. An Empire's New Holy Land: The Byzantine Period // Near Eastern Archaeology. 1999. V. 62, № 3. P. 134–180.

- Pieri D.* Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles): Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth: Institut Français du Proche-Orient, 2005. 329 p.
- Riley J.A.* The Pottery from the First Session of Excavation in the Caesarea Hippodrome // *BASOR*. 1975. V. 218. P. 25–63.
- Riley J.A.* Coarse Pottery // *Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice)*. V. II: Suppl. to *Libya Antiqua*. V. 5.2. Tripoli: Department of Antiquities, 1979. P. 91–497.
- Riley J.A.* The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2, and 1977.3 // *Excavations at Carthage Conducted by the University of Michigan*. V. VI: 1977 / Ed. J.H. Humphrey. Ann Arbor: Univ. of Michigan, 1981. P. 86–124.
- Sbeinati M.R., Darawcheh R., Mouty M.* The Historical Earthquakes of Syria: an Analysis of Large and Moderate Earthquakes from 1365 B.C. to 1900 A.D. // *Annals of Geophysics*. 2005. V. 48, № 3. P. 347–465.
- Stacey D.* Excavations at Tiberias, 1973–1974. The Early Islamic Periods. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2004. (IAAR; 21). 260 p.
- Tsafrir Y., Foerster G.* The Dating of the “Earthquake of the Sabbatical Year” of 749 C.E. in Palestine // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1992. V. 55. Iss. 2. P. 231–235.
- Vincenz A.* The Pottery // *Hirschfeld Y. En-Gedi Excavation II: Final Report (1996–2002)*. Jerusalem: Israel Exploration Society: Institute of Archaeology, Hebrew Univ. of Jerusalem, 2007. P. 234–427.
- Waliszewski T.* Céramique Byzantine et proto-islamique de Khirbet edh-Dharih (Jordanie due Sud) // *La céramique byzantine et proto-islamique en Syrie-Jordanie (IVe–VIIIe siècles apr. J.-C.)* / Eds E. Villeneuve, P.M. Watsson. Beyrouth: Institut Français du Proche-Orient, 2001. P. 95–106.
- Walmsley A.G.* The Abbasid Occupation in Area XXIX. Preliminary Report on the University of Sydney's Seventh Season of Excavations at Pella in 1985 // *ADAJ*. 1986. V. 30. P. 182–195.
- Walmsley A.G.* Fihl (Pella) and the Cities of North Jordan during the Umayyad and Abbasid Periods // *SHAJ*. V. IV. Lyon: Department of Antiquities: Maison de l'Orient Méditerranéen, Univ. Lumière, 1992. P. 377–384.
- Walmsley A.G.* Tell al-Husn (Area XXXIV) // *ADAJ*. 1993. V. 37. P. 198–218.
- Watson P.* Change in Foreign and Regional Economic Links with Pella in the 7th Century AD: the Ceramic Evidence // *La Syrie de Byzance à l'Islam VIIIe – IXe siècles: Actes du Colloque international (Lyon – Maison de l'Orient Méditerranéen, Paris – Institut du Monde Arabe, 11–15 Septembre 1990)* / Eds P. Canivet, J.-P. Rey-Coquais. Damascus: Institut français de Damas, 1992. P. 233–248.
- Whitcomb D.* Reassessing the Archaeology of Jordan in the Abbasid Period // *SHAJ*. V. IV. Lyon: Department of Antiquities: Maison de l'Orient Méditerranéen, Univ. Lumière, 1992. P. 385–390.
- Whitcomb D.* Khirbet al-Mafjar Reconsidered: The Ceramic Evidence // *BASOR*. 1998. V. 271. P. 51–67.
- Yannai E.* A Salvage Excavation at Horbat Rozez // *'Atiqot*. 2010. V. 62. P. 107–137.

ON THE PERIOD OF FUNCTIONING OF A POTTERY WORKSHOP IN JERICHO (based on the materials from 2017 excavations)

Larisa A. Golofast*, Aleksey N. Voroshilov**

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

* E-mail: larisa_golofast@mail.ru

** E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru

The 2017 season of excavations conducted on the so called Russian lot in Jericho since 2010 made it possible to refine the date of emergence of the pottery workshop previously assigned to the end of the Late Byzantine period. Ceramic assemblage revealed in locus 12 (quarter 8), which formation was connected with the workshop functioning, differs considerably from that uncovered in the Umayyad loci. Combination of finds allowed assigning the formation of locus 12 and correspondingly the emergence of the pottery workshop to the 6th (or even to the second half of the 6th) – first half of the 7th century. It functioned during the whole Umayyad period but with some interval possibly caused by its destruction in the 659 earthquake. In addition, 2017 excavations showed that the workshop was built on the empty territory for it stood on the virgin soil. Some single sherds dated to the late 4th–5th centuries allowed for conclusion that the neighbouring territory was built up a little bit earlier when Jericho that represented an agglomeration of nonsimultaneous sites situated at the different spots of the Jordan valley moved to the centre of the modern town.

Keywords: Jericho, Late Byzantine/Umayyad period, pottery workshop.

REFERENCES

- Alfen van P.G.*, 1996. New Light on the 7th-century Yassi Ada Shipwreck: Capacities and Standard Sizes of LRA1 amphoras. *Journal of Roman Archaeology*, 9, pp. 189–213.
- Alliata E.*, 1990. Nuovo settore del monastero al Monte Nebo-Siyagha. *Christian Archaeology in the Holy Land: New Discoveries*. G.C. Bottini, L. DiSegni, E. Alliata, eds. Jerusalem: Studium Biblicum Franciscanum, pp. 427–466.

- Almagro A., Jiménez P., Navarro J., 2000. Excavations of Building of the Umayyad Palace of Amman. Preliminary Report. *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*, 44, pp. 433–457.
- Arnon Y.D., 2007. Excavations in Marcus Street, Ramla: Pottery, Oil Lamps and Carved Stone Vessels. *Reports and Studies of the Recanati Institute for Maritime Studies Excavations*. Haifa: Univ. of Haifa, pp. 38–99. (Contract archaeology reports, 2).
- Arnon Y.D., 2008b. Ceramic Assemblages from the Byzantine/Early Islamic Bath. *Caesarea Reports and Studies: Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor*. K.G. Holum, J.A. Stabler, E.G. Reinhardt, eds. Oxford: Archaeopress, pp. 85–103. (BAR Intern. ser., 1784).
- Arnon Y.D., 2008a. Caesarea Maritima, the Late Periods (700–1291 CE). Oxford: Archaeopress. 438 p. (BAR Intern. ser., 1771).
- Avshalom-Gorni D., 2009. The Pottery from Strata 9–6. *Horbat 'Uza – The 1991 Excavations, II. The Late Periods*. N. Getzov, ed. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, pp. 27–74. (Israel Antiquities Authority Reports, 42).
- Bar-Nathan R., Atrash W., 2011. Bet She'an, II. Baysan. The Theater Pottery Workshop. Jerusalem: Israel Antiquities Authority. 397 p. (Israel Antiquities Authority Reports, 48).
- Belyaev L.A., 2016. Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie [Byzantine Jericho. Excavations one hundred years later]. Moscow: Indrik. 492 p.
- Belyaev L.A., Voroshilov A.N., Golofast L.A., 2016. Research excavations of 2011–2013. *Belyaev L.A. Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie [Byzantine Jericho. Excavations one hundred years later]*. Moscow: Indrik, pp. 101–162. (In Russ.)
- Bezczky T., 2005. Late Roman Amphorae from the Tetragnon-Agora in Ephesus. *Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesus*. F. Krininger, ed. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, pp. 203–229. (Archäologische Forschungen, 13).
- Bonifay M., Pieri D., 1995. Amphores du Ve au VIIe s. à Marseille: nouvelles données sur la typologie et le contenu. *Journal of Roman Archaeology*, 8, pp. 94–120.
- Gichon M., 1974. Fine Byzantine Wares from the South of Israel. *Palestine Exploration Quarterly*, vol. 106, iss. 2, pp. 119–139.
- Golofast L.A., 2016. Pottery Assemblage and the Glass Finds. *Belyaev L.A. Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie [Byzantine Jericho. Excavations One Hundred Years Later]*. Moscow: Indrik, pp. 359–477.
- Haddad E., 2009. Roman Byzantine Amphorae from a Terrestrial Site and its Underwater Environs: Horbat Castra and Kfar Samir (Southern Levant as a Case Study). *Levant*, vol. 41, iss. 1, pp. 79–91.
- Hayes J.W., 1972. Late Roman Pottery. London: British School at Rome. 468 p.
- Hayes J.W., 1992. Excavations at Sarachane in Istanbul. 2. The pottery. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press. 464 p.
- Hirschfeld Y., 1993. Euthymius and his Monastery in the Judean Desert. *Liber annuus*, 43, pp. 339–371.
- Johnson B.L., 2006. The Hellenistic to Early Islamic Period Pottery. *Mazar A. Excavations at Tel Meth-Shean. 1989–1996*, vol. 1. From the Late Bronze Age IIB to the Medieval Period. Jerusalem: Institute of Archaeology, The Hebrew Univ. of Jerusalem, pp. 523–589.
- Landgraf J., 1980. Byzantine Pottery. *Tell Keisan (1971–1976). Une cite phénicienne en Galilée*. Paris: J. Gabalda, pp. 51–99.
- Magness J., 1993. Jerusalem Ceramic Chronology circa 200–800 CE. Sheffield: JSOT Press. 277 p.
- Magness J., 1995a. Early Islamic Pottery. Evidence of a Revolution in Diet and Dining Habits. *Agency and Identity in the Ancient Near East*. London; Oakville, pp. 117–126.
- Magness J., 1995b. The Pottery from Area V/4 at Caesarea. *Annual of the American Schools of Oriental Research*, 52, pp. 133–145.
- McNicol A., Smith R.H., Hennessy B., 1982. Pella in Jordan 1. An interim report on the joint University of Sydney and The College of Wooster excavations at Pella 1979–1981. Canberra: Australian National Gallery. 161 p.
- Oren-Pascal M., 2008. Amphoras from the Abandonment Layer in the Area LL (L 1242, 1335). *Caesarea Reports and Studies: Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor*. K.G. Holum, J.A. Stabler, E.G. Reinhardt. Oxford: Archaeopress, pp. 49–58.
- Parker Th., 1999. An Empire's New Holy Land: The Byzantine Period. *Near Eastern Archaeology*, vol. 62, № 3, pp. 134–180.
- Pieri D., 2005. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles): Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth: Institut Français du Proche-Orient. 329 p.
- Riley J.A., 1975. The Pottery from the First Session of Excavation in the Caesarea Hippodrome. *Bulletin of the American School of Oriental Research*, 218, pp. 25–63.
- Riley J.A., 1979. Coarse Pottery. *Excavations at Sidi Khreish. Benghazi (Berenice)*, II. Suppl. to Libya Antiqua, 5.2. Tripoli: Department of Antiquities, pp. 91–497.
- Riley J.A., 1981. The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2, and 1977.3. *Excavations at Carthage Conducted by the University of Michigan*, VI (1977). J.H. Humphrey, ed. Ann Arbor: Univ. of Michigan, pp. 86–124.
- Sbeinati M.R., Darawcheh R., Mouty M., 2005. The Historical Earthquakes of Syria: an Analysis of Large and Moderate Earthquakes from 1365 B.C. to 1900 A.D. *Annals of Geophysics*, vol. 48, № 3, pp. 347–465.
- Stacey D., 2004. Excavations at Tiberias, 1973–1974. The Early Islamic Periods. Jerusalem: Israel Antiquities Authority. 260 p. (Israel Antiquities Authority Reports, 21).
- Tsafir Y., Foerster G., 1992. The Dating of the "Earthquake of the Sabbatical Year" of 749 C.E. in Palestine. *Bulletin*

- of the *School of Oriental and African Studies*, vol. 55, iss. 2, pp. 231–235.
- Vincenz A., 2007. The Pottery. Hirschfeld Y. *En-Gedi Excavation II: Final Report (1996–2002)*. Jerusalem: Israel Exploration Society: Institute of Archaeology, Hebrew Univ. of Jerusalem, pp. 234–427.
- Waliszewski T., 2001. Céramique Byzantine et proto-islamique de Khirbet edh-Dharih (Jordanie due Sud). *La céramique byzantine et proto-islamique en Syrie-Jordanie (IVe–VIIIe siècles apr. J.-C.)*. E. Villeneuve, P.M. Watson, eds. Beyrouth: Inst. Français du Proche-Orient, pp. 95–106.
- Walmsley A. G., 1986. The Abbasid Occupation in Area XXIX. Preliminary Report on the University of Sydney's Seventh Season of Excavations at Pella in 1985. *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*, 30, pp. 182–195.
- Walmsley A. G., 1992. Fihl (Pella) and the Cities of North Jordan during the Umayyad and Abbasid Periods. *Studies in the History and Archaeology of Jordan*, IV. Lyon: Department of Antiquities: Maison de l'Orient Méditerranéen, Univ. Lumiere, pp. 377–384.
- Walmsley A. G., 1993. Tell al-Husn (Area XXXIV). *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*, 37, pp. 198–218.
- Watson P., 1992. Change in Foreign and Regional Economic Links with Pella in the 7th Century AD: the Ceramic Evidence. *La Syrie de Byzance à l'Islam VIIe – VIIIe siècles: Actes du Colloque international (1990)*. P. Canivet, J.-P. Rey-Coquais, eds. Damascus: Inst. français de Damas, pp. 233–248.
- Whitcomb D., 1992. Reassessing the Archaeology of Jordan in the Abbasid Period. *Studies in the History and Archaeology of Jordan*, IV. Lyon: Department of Antiquities: Maison de l'Orient Méditerranéen, Univ. Lumiere, pp. 385–390.
- Whitcomb D., 1998. Khirbet al-Mafjar Reconsidered: The Ceramic Evidence. *Bulletin of the American School of Oriental Research*, 271, pp. 51–67.
- Yannai E., 2010. A Salvage Excavation at Horbat Rozez. *'Atiqot*, 62, pp. 107–137.

“РЕЛИКВАРИЙ” *CUM GRANO SALIS*

© 2018 г. В.Я. Петрухин

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com

Поступила в редакцию 13.02.2018 г.

Контейнеры из частей распиленного рога благородного оленя получили разную трактовку в литературе: они представляются бытовыми предметами — горлышками бурдюков, контейнерами для содержания соли или хранилищами неких “реликвий”. Данные об этих “реликвиях” отсутствуют (сам культ реликвий характерен для христианской традиции), сакральным содержанием наделяется орнамент контейнеров. Предполагаемая (С. Таш) связь контейнеров с трансконтинентальной торговлей солью может быть подкреплена картографированием полного каталога находок. Очевидно, что ареалы находок включают “аваро-хазарский” мир Центральной и Восточной Европы, а также “балтийский” регион: новгородские “солоницы” синтезируют традиции этих ареалов.

Ключевые слова: солоница, реликварий, костерезный промысел.

DOI: 10.31857/S086960630001645-8

Среди “загадочных” артефактов, распространенных в эпоху раннего средневековья в Европе, постоянно публикуют изделия из рога благородного оленя. Специальный интерес к ним связан с богатым декором. Декор покрывает и самую знаменитую находку — роговую трубку (рисунк, 1), обнаруженную во время раскопок М.И. Артамонова в Саркеле (автор раскопок предположил, что предмет служил горлышком бурдюка, см. Артамонов, 1958. С. 40, 41). Этой интерпретации придерживалась С.А. Плетнева, указавшая на сходный предмет (полуфабрикат) из разветвленной части рога, обнаруженный в том же Саркеле, и на орнаментированную роговую втулку из Салтова (Плетнева, 1967. С. 154–156. Рис. 42, 10–12). В недавней работе Н.А. Кокорина (2017) приводит аргументы, увязывающие эти артефакты с горлышками бурдюков, не отрицая их культовых коннотаций и возможности вторичного использования (в погребениях) как реликварию.

В обобщающей работе С.А. Плетнева, под влиянием исследований В.Е. Флеровой по фигуративным (мифологическим) сюжетам в искусстве хазар, изменила свою прежнюю интерпретацию — орнаментированные полые изделия из рога стали ассоциироваться с реликвариями (Плетнева, 2000. Рис. 124). При этом предметам, обнаруженным вне Хазарского каганата, в том числе “реликварию” из разветвленной части

рога с линейным и циркульным орнаментом из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе, стали приписывать “хазарское”, “кочевническое” происхождение (Наследие..., 2011. С. 587. № 331).

В.Е. Флерова в работе “Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII века” учла историографию большей части находок, отметив их широкую географическую и хронологическую распространенность — роговые изделия были принадлежностью портупей охотников до Нового времени и использовались как пороховницы, европейские археологи осторожно именуют средневековые предметы “емкостями” — контейнерами для хранения сыпучих тел (Флерова, 2001б. С. 104–106).

Обзор находок из другого региона — преимущественно с севера Восточной Европы, представлен в статье археолога из Сигтуны С. Теша (Tesch, 2007). Предложенная им условная терминология используется в данной статье, чтобы избежать разнообразия описательных терминов (цилиндрический/конический, трехстворчатый/трехустный и т.п.; ср.: Глебов, Иванов, 2010. С. 163 и Tesch, 2007. Р. 269; все эти роговые формы добывались при распиливании одного добытого рога).

С. Теш обратил внимание на сходство находок из Сигтуны с новгородскими: в новгородских слоях X–XIII вв. обнаружены оба вида изделий,

1 – роговая трубка из Саркела (по: Артамонов, 1958); 2 – “солоница” из Сопронкёхида, Венгрия (по: Laszlo, 1971); 3 – “солоница” из Новгорода (по: Древний Новгород..., 1985); 4 – контейнер из Хорватии (по: Bizantini..., 2001).

1 – a horn tube from Sarkel (after: Artamonov, 1958); 2 – a “saltcellar” from Sopronköchida, Hungary (after: Laszlo, 1971); 3 – a “saltcellar” from Novgorod (after: Ancient Novgorod ..., 1985); 4 – a container from Croatia (after: Bizantini..., 2001)

“втульчатые” (цилиндрические по классификации С. Теша, см. Tesch, 2007) и “Т-образные” из разветвленной части рога. Последняя (рисунок, 3) орнаментирована сложным точечным узором (Древний Новгород..., 1985. Рис. 181–183). Новгородские археологи именуют их “солоницами”, к этой интерпретации “контейнеров” склоняется и С. Теш. Его статья вышла в сборнике “Культурные взаимосвязи Востока и Запада”, и шведский археолог естественно учитывает находки из Юго-Восточной Европы, опираясь на подробный (55 находок) каталог чешской ис-

следовательницы Н. Профантовой (Profantová, 1992). Большая часть находок концентрируется в Венгрии, самые ранние относятся к аварскому периоду (VII–VIII вв.), обнаружены в воинских погребениях как принадлежности пояса; очевидно, к тому же аварскому региону примыкают и находки из Центральной Европы – в Микульчице и других “градах” Великой Моравии (рубеж VIII–IX вв.), а также находка из Хорватии (Bizantini..., 2001. S. 414. Kat. VI. 42; более широкий евразийский регион исследуется в статье: Кокорина, 2017).

Учитываемые С. Тешем и Н. Профантовой находки в балтийско-славянском и польском регионах явно относятся к иному этнокультурному ареалу, хотя находка Т-образного контейнера с сохранившейся роговой пробкой из Остова Ледницкого, Польша (Tesch, 2007. Р. 267. Fig 10) по циркульному орнаменту близка упомянутой находке из Херсонеса и из Микульчице (деревянная пробка сохранилась и у Т-образного контейнера в балтийско-славянском Пархиме, см. Die Slawen..., 1985. S. 281. Abb. 130). Скандинавским орнаментом украшена пластина, изготовленная из распиленного Т-образного контейнера (?), обнаруженная в Гнезно (Sztuka..., 1971. Rys. 96; скандинавский декор несет такой же контейнер из Заводья, Польша: Tesch, 2007. Fig. 11).

Богато орнаментированные Т-образный контейнер из Сигтуны и цилиндрический из Норвегии, не менее роскошно украшенный Т-образный контейнер из Швейцарии позволяют С. Тешу характеризовать эти изделия как “престижные”, связанные с торговлей дорогостоящей солью (Tesch, 2007. Р. 268, 269).

Альтернативная интерпретация также ориентирована на понимание орнамента — фигуративные композиции. Впрочем, Д. Ласло, усмотревший в орнаменте на Т-образном изделии из Сопронкёхида (Венгрия) мировое дерево, все же считал сам артефакт контейнером для соли (рисунок, 2); Ласло указал германские аналогии симметричной композиции с лошадьми, увенчанными рогами, в германской традиции (Laszlo, 1971. S. 119, 120. Taf. 137, 138), но полная аналогия декору венгерского контейнера представлена на упомянутом хорватском изделии (рисунок, 4), относящемся к “аварской” традиции (разве что на хорватском контейнере более живописно трактуется осевое “мировое дерево”). Можно вслед за Д. Ласло заметить, что эпоха Великого переселения народов была временем интенсивного обмена мотивов и символов в прикладном искусстве. Продуктивность этого обмена обеспечивалась наличием универсальных символов, к которым относилось и представление о мировой оси — мировом древе, организующем пространство космоса и композицию изобразительных сюжетов (Топоров, 2010). Эта композиция характеризует яркие изделия аварского и хазарского круга; в балтийском регионе (включая Скандинавию) самодовлеющим оказывается орнамент; поздним (XIII в.) “синтезом” этих традиций можно считать новгородскую “солоницу”,

где симметричная орнаментальная композиция разделена осевой линией, а в нижней части располагаются три креста (см. рисунок, 3).

Симптоматично, что крестовидная фигура является центром композиции и на “цилиндрическом” изделии из Саркела (см. рисунок, 1): крест здесь не связан с христианской символикой (для христианства и характерен культ реликвий), а оформлен в виде традиционного для раннесредневекового искусства мотива “кринна” — процветшей розетки (Петрухин, 2010). Показательно для символики мирового древа, что нижнюю часть композиции занимает мотив терзания оленя хищной птицей (смерть/преисподняя), верхний отросток “кринна” также венчает птица (небо). Сцена терзания оленя хищником расположена и в нижней части цилиндрического изделия из Верхнего Салтова (Флерова, 2007. Рис. 10), но симметричную композицию зооморфных персонажей в верхней части занимают изображения рыб, обычно воплощающих нижнюю — водную стихию. Рыба — значимый символ в композициях на роговых изделиях, на обломанном цилиндрическом контейнере рыбы занимают осевую позицию, верхнюю рыбу клюет птица (Флерова, 2001а. Рис. 18, 3). Предложена также “реалистическая” интерпретация сюжетов, связанных с изображениями рыб и предполагаемой лодки как сцен переправы через реку (Кокорина, 2017. С. 259 и сл.). Определенной симметрией характеризуется и декор цилиндрического хазарского изделия из музея г. Славянск: в ее нижней части опять-таки связанный со смертью мотив — поединок конного копейщика, сражающего всадника, выронившего палаш (Флерова, 2001а. С. 18. Рис. 1).

Центральное место сцена победы конного копейщика над пешим воином (его фигура перевернута вниз головой), вооруженным палашом, занимает на Т-образном контейнере из хазарского могильника Таловый II, курган 3. Батальная сцена сопровождается маргинальной сценой терзания копытного (олени или лося) хищником в нижней части изделия (Глебов, Иванов, 2010. С. 174–176. Рис. 8–10). Если пытаться рационализировать композицию, можно предположить, что носитель палаша был выбит из седла: тогда в евразийской перспективе истоком сюжета может видаться композиция на знаменитом скифском гребне из кургана Солоха, где конный копейщик добывает потерявшего коня скифа с акинаком (Д.С. Раевский увязывал эти компо-

зиции с сюжетами скифского мифологического эпоса, см. Raevsky, 1993. Р. 44–46). Схематизмом отличаются изображения на Т-образном контейнере из поселения Выдылыха на Северском Донце (Гриб, 2014): тем не менее, автор публикации усматривает в композиции сцену гибели конного воина и связывает сам предмет с воинским культом.

Наиболее “интригующей” представляется симметричная композиция на Т-образном контейнере, появившемся на аукционе “Кристи”. Опубликована одна сторона изделия с центральной фигурой, отличающейся большими размерами от боковых, вручающих центральному персонажу кувшин и некий круглый предмет; устье контейнера венчают лунарные символы, интерпретируемые как затмение. Центральную фигуру резчик пытался изобразить со скрещенными ногами, но эта поза ему не удалась. Вообще конечности у антропоморфных фигур не проработаны, из-за чего воспринимаются интерпретаторами как копыта; боковые фигуры изображены как одноногие, что в интерпретации делает их злыми духами, прислужниками царя преисподней — Эрлика (см. Флеров, Флерова 2005; Флерова 2007. С. 24). Эрлик в алтайской мифологии, действительно, мог наделяться великанским ростом, но зооморфные его черты были более очевидны — он наделялся головой быка (Мифологический словарь, 1991. С. 639). Композиции с центральным персонажем (“царем”, увенчанным лентой в сасанидском стиле) в позе с подогнутыми ногами и “маргинальными”, изображенными в профиль, известны хазарскому декоративному искусству (см. о поясных наборах: Комар, 2016. С. 545–548. Рис 1; 2, 9), и сцена на роговом изделии могла быть неудачным исполнением этой композиции.

Адекватность понятийного термина “реликварий” в отношении роговых контейнеров обсуждалась автором с Л.А. Беляевым, корректным решением и ныне представляется обозначить условность наименования кавычками. “Мифологизация” (восприятие декора как сюжета) мотивов прикладного искусства позволяет исследователям интерпретировать роговые контейнеры как “реликварии” (ср. работы В.С. Флеровой и др.), хотя предпочтительней представляется более нейтральная интерпретация их как емкостей или “сосудов” для хранения сыпучих тел. Лишь один контейнер определенно сохранил содержимое — в кургане Второго могильника Ка-

стырский VI в Ростовской обл. цилиндрический контейнер содержал бусы (Глебов, Иванов, 2010. С. 163). Есть сведения о подобном контейнере, который использовался именно как реликварий, в Испании, но его публикация осталась автору недоступной, а явная оторванность от традиции заставляет полагать, что он был занесен на Пиренеи “русом”, во время одного из набегов норманнов (Tesch, 2007. Р. 266). Вне специального культового контекста в слое городища Мохнач были обнаружены обломки Т-образного контейнера со схематическими изображениями двух лошадей; контейнер, видимо, содержал тонкие костяные пластины (амулеты?, одна с антропоморфным изображением), автор раскопок вслед за интерпретацией В.С. и В.Е. Флеровых наделяет находку функцией реликвария (Колода, 2012).

Особый случай использования роговой поверхности Т-образного контейнера для нанесения “декора” — находка с городища Жовнино (др.-рус. г. Желни) на Переяславщине: на изделие нанесен княжеский знак, напоминающий знак Владимира Святославича (Гриб, 2014. С. 330. Рис. 9, 7).

Решение вопросов о том, была ли связана традиция распространения контейнеров с “престижной” торговлей солью (Tesch, 2007) и были ли солонки просто бытовой принадлежностью костюма (пояса); как взаимодействовали балтийская (“варяжская”) и “хазарская” традиции производства этих изделий из рога, нуждается в составлении полного каталога с учетом контекста (погребального или “бытового”) находок. Впрочем для архаических традиций разделение “бытового” и сакрального нерелевантно: достаточно вспомнить о декоре русских (и европейских в целом) прялок, которому известны практически все мотивы (за исключением батальных), встречающиеся на упомянутых контейнерах. Да и соль считалась не только консервантом пищевых продуктов, но и апотропеем (Славянские древности, 2012. С. 117–119).

Автор признателен А.В. Чернецову за указание на ряд работ по проблематике контейнеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М.И. Саркел — Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 62). С. 7–84.
- Глебов В.П., Иванов А.А. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский // Сред-

- невековые древности Дона. М., Иерусалим: Мосты культуры, 2007. (Материалы и исследования по археологии Дона; вып. II). С. 154–176.
- Гриб В.К. Комплекс находок с реликварием из рога конца IX–V в. с поселения Выдылыха на Северском Донце // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12: Хазарское время / Ред. А.В. Евлевский. Донецк: Изд-во Донецкого нац. ун-та, 2014. С. 319–332.
- Древний Новгород: прикладное искусство и археология / Сост. Б. Колчин, В. Янин, С. Ямшиков. М.: Искусство, 1985. 167 с.
- Кокорина Н.А. О так называемых реликвариях эпохи Средневековья Восточной Европы // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой. М.: ИА РАН, 2017. С. 251–263.
- Колода В.В. Костяной орнаментированный реликварий с городища Мохнач и его содержимое // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы V Судакской междунар. науч. конф. (23–24 сентября 2010 г.). Киев; Судак: Горобец, 2012 (Сугдейский сб.; вып. V). С. 332–339.
- Комар А.В. Поясные наборы IX–X вв. с “мифологическими” сюжетами // Zwischen Byzanz und der Steppe archäologische und historische Studien: Festschrift für Csanád Bálint zum 70. Geburtstag = Between Byzantium and the Steppe: Archaeological and Historical Studies in Honour of Csanád Bálint on the Occasion of His 70th Birthday. Budapest: Inst. of Archaeology: Research Centre for the Humanities: Hungarian Academy of Sciences, 2016. С. 545–555.
- Мифологический словарь / Ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 736 с.
- Наследие византийского Херсона / Ред. В. Залеская, Т. Яшаева. Севастополь, Остин: Телескоп, 2011. 706 с.
- Петрухин В.Я. Крин: Евразийский мотив раннесредневекового искусства // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк: Изд-во Липец. гос. пед. ун-та, 2010. С. 253–255.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967 (МИА; № 142). 198 с.
- Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим: Мосты культуры: Гешарим, 2000. 239, 125 с.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 5 / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 2012. 728 с.
- Топоров В.Н. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы: в 2 т. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 2 т.
- Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.; Иерусалим: Мосты культуры: Гешарим, 2001а. 154 с.
- Флёрова В.Е. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло: По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Гос. Эрмитажа. М.: Алетей, 2001б. 252 с.
- Флёрова В.Е. Хазарские миниатюры // Проблемы на искусствовед. 2007. № 3. С. 20–25.
- Флёров В.С., Флёрова В.Е. Роговой реликварий с территории Хазарского каганата (Уникальный сюжет с одноногими духами) // РА. 2005. № 2. С. 56–65.
- Bizantini, Croati, Carolingi: Alba e tramonto di regni e imperi / Ed. F. Ambrosio. Milano: Skira, 2001. 515 p.
- Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch / Hrsg. J. Herrmann. Berlin: Akademie Verlag, 1985. 629 S.
- Laszlo Gy. Steppenvölker und Germanen: Kunst der Völkerwanderungszeit. Berlin: Kunst und Gesellschaft, 1971. 152 S.
- Profantová N. Awarische Funde aus den Gebieten nördlich der awarischen Siedlungsgrenzen // Awarforschung. V. II. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 1992. S. 605–801.
- Raevsky D. Scythian mythology. Sofia: Secor Publishers, 1993. 141 p.
- Sztuka polska przedromańska i romańska do schyłku XIII wieku. T. 1 / Ed. V. Walicki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971. 672 s.
- Tesch S. Cum grano salis – Salt and prestige: Late Viking Age and Early Medieval T-shaped and Cylindrical Salt containers // Cultural Interactions between East and West. Stockholm: Univ. Stockholm, 2007. P. 227–235.

A “RELIQUARY” *CUM GRANO SALIS*

Vladimir Ya. Petrukhin

Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia

E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com

Containers made from parts of the sawn horn of the red deer have received different interpretations in the literature. They are represented as everyday objects, necks of the wineskins, containers for keeping salt, or repositories of certain “relics”. There is no data on those “relics” (the cult of relics being characteristic of the Christian tradition), some sacred content is attributed to the ornamentation of containers. The assumed (S. Tash) connection of containers with transcontinental salt trade can be supported by mapping the full catalog of finds. Obviously, the areas of finds include the “Avaro-Khazar” world of Central and Eastern Europe as well as the “Baltic” region: Novgorod “saltcellars” synthesize the traditions of these areas.

Keywords: saltcellar, reliquary, bone-carving craft.

REFERENCES

- Artamonov M.I., 1958. Sarkel — Belaya Vezha. *Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [The Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition]*, I. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 7–84. (MIA, 62). (In Russ.)
- Bizantini, Croati, Carolingi: Alba e tramonto di regni e imperi. F. Ambrosio, ed. Milano: Skira, 2001. 515 p.
- Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch. J. Herrmann, ed. Berlin: Akademie Verlag, 1985. 629 S.
- Drevniy Novgorod: prikladnoye iskusstvo i arkheologiya [Ancient Novgorod: applied arts and archeology]. B. Kolchin, V. Yanin, S. Yamshchikov, eds. Moscow: Iskusstvo, 1985. 167 p.
- Flerov V.S., Flerova V.E., 2005. Horn reliquary from the Khazar Khaganate territory (Unique subject with one-legged spirits). *Russ. arkheologiya [Russ. Archaeology]*, 2, pp. 56–65. (In Russ.)
- Flerova V.E., 2001a. Obrazy i syuzhety mifologii Khazarii [Images and subjects of the Khazar mythology]. Moscow; Ierusalim: Mosty kul'tury: Gescharim. 154 p.
- Flerova V.E., 2001b. Reznaya kost' Yugo-Vostoka Evropy IX–XII vekov: iskusstvo i remeslo: Po materialam Sarkela-Beloy Vezhi iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha [Carved bone of the Southeast Europe of the 9th–12th centuries: art and craft: based on the Sarkel-Balaya Vezha materials from the State Hermitage collection]. Moscow: Aletyya. 252 p.
- Flerova V.E., 2007. Khazar miniatures. *Problemi na izkustvoto [Art Studies Quarterly]*, № 3, pp. 20–25 (In Russ.)
- Glebov V.P., Ivanov A.A., 2007. A noble warrior's grave of Khazar period from the Salovo burial ground. *Srednevekovyye drevnosti Dona [Medieval antiquities of the Don region]*. Moscow, Ierusalim: Mosty kul'tury, pp. 154–176. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona, II). (In Russ.)
- Grib V.K., 2014. A complex of finds with a horn reliquary of the late 9th–10th century from Vidylykha on the Seversky Donets. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in the Middle Ages]*, 12. Khazarskoe vremya [Khazar Period]. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Izd. donets. nats. univ., pp. 319–332. (In Russ.)
- Kokorina N.A., 2017. On the so-called reliquaries of the medieval period in Eastern Europe. *Pamyatniki srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy. K yubileyu M.D. Poluboyarinovoy [Medieval archaeological sites of Eastern Europe. To the anniversary of M.D. Poluboyarinova]*. Moscow: IARAN, pp. 251–263. (In Russ.)
- Koloda V.V., 2012. Bone ornamented reliquary from the settlement of Mokhnach and its contents. *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture: materialy V Sudakskoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (2010) [Black Sea coast, Crimea, and Russia in history and culture: Materials of V Sudak intern. scientific conf. (2010)]*. Kiev; Sudak: Gorobets, pp. 332–339. (Sugdeyskiy sbornik, V). (In Russ.)
- Komar A.V., 2016. Belt sets of the 9th–10th centuries with “mythological” subject. *Zwischen Byzanz und der Steppe archäologische und historische Studien: Festschrift für Csanád Bálint zum 70. Geburtstag = Between Byzantium and the Steppe: archaeological and historical studies in honour of csanád bálint on the occasion of his 70th Birthday*. Budapest: Inst. of Archaeology: Research Centre for the Humanities: Hungar. Acad. of Sc., pp. 545–555. (In Russ.)
- Laszlo Gy., 1971. Steppenvölker und Germanen: Kunst der Völkerwanderungszeit. Berlin: Kunst und Gesellschaft. 152 p.
- Mifologicheskii slovar' [Mythological dictionary]. E.M. Melitskiy, ed. Moscow: Sov. entsiklop., 1991. 736 p.
- Nasledie vizantiyskogo Khersona [The Heritage of Byzantine Kherson]. V. Zaleskaya, T. Yashaeva, eds. Sevastopol', Ostin: Teleskop, 2011. 706 p.
- Petrukhin V. Ya., 2010. Krin: Eurasian motif of early medieval art. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiiy sbornik [The Upper Don archaeological collection of papers]*, 5. Lipetsk: Izd. Lipetsk. gos. ped. univ., pp. 253–255. (In Russ.)
- Pletneva S.A., 1967. Ot kocheviy k gorodam: saltovo-mayatskaya kul'tura [From nomad camps to cities: the Saltovo-Mayaki culture]. Moscow: Nauka. 198 p. (MIA, 142).
- Pletneva S.A., 2000. Ocherki khazarskoy arkheologii [Studies on the Khazar archaeology]. Moscow; Ierusalim: Mosty kul'tury: Gescharim. 239, 125 p.
- Profantová N., 1992. Awarische Funde aus den Gebieten nördlich der awarischen Siedlungsgrenzen. *Awarenforschungen*, II. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Univer. Wien, SS. 605–801.
- Raevsky D., 1993. Scythian mythology. Sofia: Secor Publ. 141 p.
- Slavyanskiiye drevnosti. Etnolingvisticheskiiy slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary], 5. N.I. Tolstoy, ed. Moscow: Mezhd. otnosh., 2012. 728 p.
- Sztuka polska przedromańska i romańska do schyłku XIII wieku, I. V. Walicki, ed. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971. 672 p.
- Tesch S., 2007. Cum grano salis — Salt and prestige: Late Viking Age and Early Medieval T-shaped and Cylindrical Salt containers. *Cultural Interactions between East and West*. Stockholm: Univ. Stockholm, pp. 227–235.
- Toporov V.N., 2010. Mirovoe derevo: universal'nye znakovyye komplekсы [World tree: universal sign complexes]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. 2 vols.

РОКОВАЯ ЖЕНЩИНА X в. ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МИНИАТЮРИСТОВ

© 2018 г. А.В. Чернецов

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: avchernets@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.12.2017 г.

Статья посвящена рассмотрению миниатюр Лицевого летописного свода XVI в., на которых представлена драматическая история Владимира и Рогнеды. Автор прослеживает наличие интереса позднейших миниатюристов к изображаемым событиям, их отношение к ним. В качестве сравнительных материалов привлекаются миниатюры еще одной рукописи — Радзивилловской летописи конца XV в.

Ключевые слова: миниатюры исторических рукописей, Лицевой летописный свод Ивана Грозного, Радзивилловская летопись, Владимир и Рогнеда, сватовство, покушение.

DOI: 10.31857/S086960630001647-0

Нет необходимости лишний раз указывать на исключительное богатство и научное значение колоссальной серии миниатюр Лицевого летописного свода Ивана Грозного. Этому памятнику посвящены многочисленные публикации (Амосов, 1998; Лицевой летописный свод, 2003), в частности, ряд статей автора данной заметки. Действительно, Свод представляет собой энциклопедию многочисленных сведений по русской и всемирной истории, в полном объеме нашедших свое отражение в иконографии иллюстрирующих его миниатюр. Он является ключевым памятником эпохи Московского царства, периода, которому посвящена основная часть научных трудов Л.А. Беляева.

Русская и всемирная история в том виде, в котором она была доступна книжникам и миниатюристам, создавшим Свод, отражена в нем с необычайной полнотой и подробностью. На страницах Лицевого свода композиции миниатюр занимают больше места, чем иллюстрируемый текст. Этой своей особенностью он напоминает современные комиксы.

В томах Лицевого летописного свода, посвященных русской истории, имеется заметный и существенный пробел. До нас не дошел том, посвященный начальному периоду истории Руси, практически весь текст, соответствующий “Повести временных лет” (до вступления в Киев Владимира Мономаха в 1113 г.). Возможно, он

был вследствие каких-то причин утрачен; можно допустить, что его предполагалось создать в последнюю очередь, но, поскольку работа над перепиской и украшением свода осталась незавершенной, этот том вообще не существовал. По этой причине мы не найдем на миниатюрах Лицевого свода многих важных сюжетов, связанных с характеристикой восточнославянских племен накануне становления государственности, с эпохой господства язычества, деятельностью первых киевских князей.

Нельзя сказать, что в Своде совсем нет миниатюр, отражающих древнейший период русской истории. Они сохранились, в частности, на миниатюрах Хронографического тома (РНБ. Ф. IV. 151), где наряду с событиями византийской истории сообщается о походах на Царьград языческих князей Аскольда, Дира и Олега. Эта довольно значительная серия миниатюр была ранее рассмотрена автором данной статьи в специальной публикации (Чернецов, 1990).

Миниатюры, иллюстрирующие еще один эпизод ранней истории Руси, связанный со временем княжения Владимира, сохранились в Голицынском томе свода (РНБ. Ф. IV. 225). Речь идет о драматической истории сватовства Владимира к полоцкой княжне Рогнеде и о последующих за ним событиях. Это повествование оказалось в дошедшем до нас русском томе Лицевого свода по той причине, что оно излагается

в летописных текстах дважды — “на своем месте” под 980 г. (Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку, 1962. Стб. 75, 76), и под 1128 г. (Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку, 1962. Стб. 299–301). Именно наличие последней, распространенной версии рассказа о Владимире и Рогнеде в позднейшей летописной статье обусловило ее появление в тексте и на миниатюрах Свода. Повествование должно было объяснить причины враждебности полоцких князей по отношению к представителям других ветвей династии Рюриковичей. Рассказ представлен в Лаврентьевском списке, в составе летописи, продолжающей текст “Повести временных лет” и посвященной преимущественно южнорусским событиям. Этот текст был в дальнейшем включен в состав Патриаршей или Никоновской летописи (1862. С. 155, 156) и, соответственно, одного из томов Лицевого летописного свода.

Остановимся на наиболее интересных миниатюрах, связанных с рассматриваемым сюжетом. На л. 54 об. в верхней части миниатюры представлена сцена поругания Рогнеды Владимиром в присутствии ее родителей (Лицевой летописный свод XVI в., 2009. С. 112) (рисунок, 1). “Справедливо ли сие гнусное обстоятельство? Нестор молчит о том”, — комментирует этот эпизод Н.М. Карамзин (1998. Гл. 8. Стб. 116. Прим. 421). Отметим, что образ действия молодого Владимира вполне соответствует традициям варварских и раннефеодальных обществ. Напомним о бесчестии, которое было нанесено польским королем Болеславом Храбрым сестре киевского князя Ярослава Мудрого Предславе. “Как в этот час меч мой (известная регалия польских монархов, меч *Szczerbiec*) поражает Золотые ворота этого города (Киева), так следующей ночью будет обещана сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать ее за меня замуж” (Галл Аноним, 1961. С. 36). Как и в случае с Рогнедой, завязкой драматических событий оказалось неудачное сватовство. Отметим важную символическую роль меча в польском предании.

На миниатюре одетые и обутые Владимир и Рогнеда представлены в княжеских головных уборах сидящими рядом на ложе. Владимир держит Рогнеду за руку. Справа бородатый боярин, “воевода, храбр и наряден муж”, дядя Владимира Добрыня, который “повеле” Владимиру “быти

с нею”, указывает на пару, сидящую на ложе, родителям Рогнеды полоцкому князю Рогволоду и его супруге. Позади них изображены четыре безбородых юноши, очевидно, сыновья Рогволода, которых убили вместе с ним. В иллюстрируемом тексте сыновья не упоминаются, в нем сообщается “взяша град (Полоцк) и князя Рогволода, и жену его и дети”. В летописной статье 980 г. “Повести временных лет” указано “уби Рогволода и сына его два” (Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку, 1962. Стб. 76).

В левом нижнем углу композиции представлена казнь Рогволода; убийство его сыновей не показано. В правой нижней части композиции свадебный пир Владимира и Рогнеды. Владимир поднимает кубок, левой рукой держит Рогнеду за руку. Владимир изображен молодым, безбородым. Рогнеда представлена в первой сцене на ложе с непокрытыми волосами, за свадебным столом ее голова покрыта платком, как у замужней женщины. На шее Рогнеды изображен меховой воротник, очевидно, из меха ценных пушных зверей. Рядом с Рогнедой — замужняя женщина в полусферической княжеской шапке, отороченной мехом, также в одежде с меховым воротником. Вероятно, это свекровь полоцкой княжны, мать Владимира, ключница княгини Ольги и сестра Добрыни, Малуша (Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку, 1962. Стб. 69). В отличие от нее, жена Рогволода и сама Рогнеда изображены в городчатых венцах. Присутствие Малуши на бракосочетании Владимира в тексте не упомянуто (сказано лишь “а саму (Рогнеду) поя жене”). Появление матери князя на миниатюре напоминает, что ее рабское происхождение послужило причиной первоначального отказа Рогнеды от брака с Владимиром (“робичичем”). Наличие на миниатюре “сверхтекстовой” информации (изображение Малуши и сыновей Рогволода) свидетельствует об интересе создателей композиции к данному сюжету, а также об их знакомстве не только с иллюстрируемым текстом, но и с летописными статьями 980 г. и более раннего времени.

Иллюстрация к наиболее драматическому эпизоду рассматриваемого повествования — попытке Рогнеды убить (“зарезати ножом”) Владимира в постели — не сохранилась. Она находилась на обороте листа, вырезанного из рукописи в 1862 г. при подготовке к изданию IX тома “Полного собрания русских летописей”.

1

2

3

4

Сцены из жизни Рогнеды на древнерусских миниатюрах: 1, 2 – Лицевой летописный свод, Голицынский том. Л. 54 об.; 55; 3, 4 – Радзивилловская, или Кёнигсбергская, летопись. Л. 163, 163 об.

The scenes from Rogneda's life on the Old Russian miniatures

По-видимому, издатели первоначально собирались украсить фронтиспис издания литографическим воспроизведением миниатюры, на которой был изображен именно этот романтический эпизод. Вероятно, когда лист был уже вырезан, композиция вызвала возражения цензурного плана. Миниатюра, представляющая постельную сцену, по-видимому, была сочтена не соответствующей понятиям о благопристойности. Сцена покушения на киевского князя, святого равноапостольного Владимира, могла рассматриваться как неприемлемая и по политическим, и по религиозным соображениям.

Для изготовления копии, опубликованной в издании, была использована миниатюра, находившаяся на другой стороне вырезанного листа (Лицевой летописный свод XVI в., 2009. С. 113). На ней представлена Рогнеда, рожающая Владимиру сына, а также другие супруги князя-многоженца. В правой части композиции показан свадебный пир, на котором присутствуют три княгини в городчатых венцах. Очевидно, это "водимые" жены князя. За ними – многочисленные женские фигуры, изображенные в головных платках. Следует полагать, что это наложницы Владимира, о многочисленности которых сооб-

шает Начальная летопись (Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку, 1962. Стб. 79, 80). Нельзя не отметить, что в результате опубликованной оказалась малоинтересная шаблонная композиция, в основном повторяющая традиционную иконографию “Рождества Христова” или “Рождества Богородицы”.

Вырезанный из бесценной рукописи лист до нас не дошел. Можно только присоединиться к резкой оценке ситуации с ним, данной А. В. Арциховским: “Этот варварский поступок совершен Археографической комиссией в 1862 г.” (1944. С. 118). Не исключено, что лист удастся обнаружить в архивных хранилищах, возможно, в одном из личных фондов.

Все же сцена покушения Рогнеды на Владимира сохранилась в дошедших до нас памятниках русской средневековой иконографии. Ее можно видеть на миниатюре Радзивилловской летописи (БАН, 34.5.30), л. 163, нижняя миниатюра (Радзивилловская, или Кёнигсбергская, летопись, 1902) (рисунок, 3). Этот известный памятник был создан почти на столетие ранее Лицевого свода (вероятная дата — 1487 г.). Владимир лежит на ложе, Рогнеда стоит над ним с занесенным ножом в руке. Владимир удерживает ее руку. Слева представлена фигура малолетнего княжича Изяслава Владимировича с мечом в руке. Наличие этой фигуры свидетельствует о том, что миниатюрист был знаком с содержанием преданий о Рогнеде, но не вчитывался в строки текста, примыкающие к миниатюре (возможно, просто был неграмотным). В летописном тексте Изяслав входит с мечом не в момент обнаружения замысла Рогнеды, а позднее.

Попытка Рогнеды убить Владимира в постели вписывается в картину нравов той эпохи. В Саге об Олаве сыне Трюггви (глава LXXI) жена этого конунга, Гудрун, пыталась заколоть его кинжалом на брачном ложе (Снорри Стурлусон, 1980. С. 142). Перед этим ее отец был убит людьми Олава.

Владимир посчитал, что поступок Рогнеды заслуживает казни. “И повеле ей устроиться во всю тварь (утварь, убранство) цесарскую (Никоновская летопись “царскую”), якоже в день посага (заклучения брака) ея (Никоновская летопись “свадьбы его”) и сести на постели светле” (Стб. 300). Отметим использование в тексте “царскую (цесарскую)” вместо “княжескую”.

Очевидно, Владимир оценил смелость Рогнеды и хотел предать ее почетной казни.

Рогнеда разгадала замысел князя и подучила их малолетнего сына Изяслава, в то время как Владимир явится ее убивать, войти в покой с мечом в руке и сказать “Отец, ты думаешь, что ты здесь один?” (“Отче, еда един мнишися ходя?”). В Никоновской летописи это обращение подверглось риторическому распространению в духе литературных вкусов эпохи: “Отче, еда (в рукописи “егда”) един жити хоцещи на земли, или бессмертен мнишися? Прими убо, о отче, меч сий и вонзи прямо во утробу мою, да не вижу аз горкыа смерть матери моя”. В соответствии с этим позднейшим текстом Изяслав на л. 55об. представлен вручающим меч Владимиру (Лицевой летописный свод XVI в., 2009. С. 116). Эта демонстрация смутила Владимира, и Рогнеде удалось избежать казни.

На миниатюре, находящейся на л. 55 (Лицевой летописный свод XVI в., 2009. С. 115: рис. 1, 2), мы видим сидящую на ложе Рогнеду в парадных одеждах. Художник явно пытался изобразить византийское императорское лорное облачение. Представленная в нижнем правом углу композиции фигура Рогнеды, прихорашивающейся перед приходом Владимира, изображена с концом пояса, переброшенным через руку. На голове Рогнеды, сидящей на ложе, городчатый венеч, отмеченный необычными деталями. По концам зубцов венца изображены стилизованные драгоценные камни. С окончаний этих зубцов свисают напоминающие низки бусин подвески-рясны (пропендулии). Такая трактовка царского венца для миниатюр Свода уникальна. Головной платок на всех трех изображениях Рогнеды на рассматриваемой миниатюре не показан. Вместо него вдоль ее щек свисают ленты.

Рогнеда, сидящая на постели в парадном облачении, согласно тексту, вручает меч малолетнему княжичу Изяславу. В нижнем левом углу Владимир с небольшой бородкой, сидя на княжеском престоле без спинки, дает указания стоящей перед ним Рогнеде, как она должна подготовиться к его приходу. Рогнеда уже предстоит перед ним в дорогом наряде, на ее шее показан воротник из дорогих мехов (на двух других изображениях княгини на той же миниатюре этой детали нет). Одна рука Владимира, с раскрытой ладонью, представлена в жесте обращения, вытянутый указательный палец другой символизирует, что он отдает Рогнеде повеление.

Справа внизу бытовая сцена. Рогнеда убирается к приходу Владимира. Она уже облачилась в богатый наряд и смотрится в круглое зеркало в прямоугольном обрамлении; стоящая перед ней служанка держит таз для умывания. Ни зеркало, ни омовение в тексте не упомянуты; соответствующие изображения отражают понимание миниатюристом слов “устроиться во всю тварь царскую”.

Еще одно изображение Рогнеды, сидящей в ожидании Владимира на ложе в парадном наряде, может быть найдено на миниатюре Радзивилловской летописи (л. 163 об., верхняя миниатюра: рисунок, 4). Здесь “тварь царская” также воспроизводит одеяния византийских императоров (лорное облачение с концом пояса, переброшенным через руку). Рогнеда изображена в короне. Иконография последней отличается от обычных городчатых венцов на древнерусских миниатюрах. В данном случае перед нами воспроизведение готической иконографии королевской короны (концы зубцов украшены тройными шариками).

В Радзивилловской летописи подобная корона фигурирует всего дважды (второй раз она изображена на голове венгерского короля: л. 193 об., верхняя миниатюра). Наличие на миниатюрах Радзивилловской летописи иконографических элементов западного происхождения неоднократно рассматривалось в специальных работах (Сизов, 1905; Чернецов, 1981). Желание показать Рогнеду в особенной короне, очевидно, связано с тем, что ее хотели отметить как родоначальницу полоцких князей. Имеются достаточно веские основания (содержание приписок на полях рукописи) для того, чтобы предполагать полоцкое происхождение рукописи. Отметим, что еще один известный персонаж из полоцкого княжеского рода — знаменитый Всеслав, также в одном случае отмечен на миниатюрах той же рукописи (л. 97 об.) необычным головным убором.

Перед Рогнедой изображен Владимир с занесенным мечом, сзади нее — княжич Изяслав с мечом на плече, жест его руки показывает, что он обращается к Владимиру. На постели, у ног Рогнеды, изображен еще один меч, вероятно, долженствующий подчеркнуть символическую роль этого оружия в повествовании, завершающемся словами “и оттоле меч взимают Рогволожи внуки противу Ярославлих внуков”. Отметим, что, согласно “Повести временных лет”, Ярослав Мудрый был сыном Рогнеды (Лаврен-

тьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку, 1962. Стб. 80). Возможно также, что изображение меча — намек на преступление Рогнеды, замышлявшей поразить Владимира оружием.

Миниатюры Радзивилловской летописи и Лицевого летописного свода свидетельствуют о живом интересе их создателей к событиям далекого прошлого, к преданиям о гордой и решительной полоцкой княжне. Они отражают воспоминания о совсем иной нравственной атмосфере, чем та, которая позднее царила при дворе московских государей. Ее в свое время прекрасно охарактеризовал А.С. Пушкин в письме П.Я. Чаадаеву от 10 октября 1836 г. “Нравы Византии никогда не были нравами Киева... Разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов?” (Переписка..., 1982. С. 289).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 329 с.
- Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: МГУ, 1944. 216 с.
- Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Пер. Л.М. Поповой. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 172 с.
- Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. I. Т. I. М.: Книга, 1988. [691] с. (Репринт. воспроизведение изд. 5-го).
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 580 с.
- Лицевой летописный свод XVI века. Методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / Сост. Е.А. Белоконов, В.В. Морозов, С.А. Морозов. М.: РГГУ, 2003. 223 с.
- Лицевой летописный свод XVI в. Русская летописная история. Кн. 1. 1114—1151 гг. М.: ООО «Фирма “АКТЕОН”», 2009. 498 с.
- ПСРЛ. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. 256 с.
- Переписка А.С. Пушкина: в 2-х томах. Т. 2 / Сост., авт. коммент. В.Э. Вацуру, М.И. Гиллельсон. М.: Художественная литература, 1982 (Переписка русских писателей). 575 с.
- Радзивилловская, или Кёнигсбергская, летопись. СПб.: Типо-лит. Р. Голике и А. Вильборг, 1902. 2 т.
- Сизов В.И. Миниатюры Кёнигсбергской летописи // Изв. Отделения русского языка и словесности

- Академии наук. Т.Х. Кн. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905. С. 1–50.
- Снорри Стурлусон. Круг земной / Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. 688 с.
- Чернецов А.В. К изучению Радзивилловской летописи // Тр. Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР. Т. XXXVI. Л.: Наука, 1981. С. 274–288.
- Чернецов А.В. Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в. // Тр. Отдела древне-русской литературы / Институт русской литературы АН СССР. Т. XLIV. Л.: Наука, 1990. С. 422–432.

FATAL WOMAN OF THE 10TH CENTURY THROUGH THE EYES OF THE MEDIEVAL MINIATURE PAINTERS

Aleksey V. Chernetsov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: avchernets@yandex.ru

The article is devoted to the study of miniatures of the Illuminated Compiled Chronicle of the 16th century, in which the dramatic history of Vladimir and Rogneda is presented. The author traces the presence of interest of the later miniaturists to the depicted events, their attitude towards them. As comparative materials the miniatures of another manuscript – the Radziwill Chronicle of the late 15th century – were drawn.

Keywords: miniatures of historical manuscripts, Ivan the Terrible's Illuminated Compiled Chronicle, Radziwill Chronicle, Vladimir and Rogneda, matchmaking, attempted murder.

REFERENCES

- Amosov A.A., 1998. Litsevoy letopisnyy svod Ivana Groznogo. Kompleksnoye kodikologicheskoye issledovanie [Illuminated Compiled Chronicle of Ivan the Terrible. Complex codex investigation]. Moscow: Editorial URSS. 329 p.
- Artikhovskiy A.V., 1944. Drevnerusskie miniatyury kak istoricheskiy istochnik [Old Russian miniatures as a historical source]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. 216 p.
- Gall Anonim, 1961. Khronika i deyaniya knyazey ili praviteley pol'skikh [Annals and acts of princes or rulers of Poland]. L.M. Popovoy, ed. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 172 p.
- Karamzin N.M., 1988. Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo [The History of Russian State], book I, vol. I. Moscow: Kniga. 691 p. (Reprintnoye vosproizvedenie izdaniya 5).
- Polnoye sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian Chronicles], 1. Lavrent'yevskaya letopis' i Suzdal'skaya letopis' po Akademicheskomu spisku [The Lavrent'evskaya Record and Suzdal' Record according to the academic list]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1962. 580 p.
- Litsevoy letopisnyy svod XVI veka. Metodika opisaniya i izucheniya raznoznennogo letopisnogo kompleksa [Illuminated Compiled Chronicle of the 16 century. The method of description and investigation of the separated chronicle complex]. E.A. Belokon', V.V. Morozov, S.A. Morozov, eds. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy humanitarnyy universitet, 2003. 223 p.
- Litsevoy letopisnyy svod XVI v. Russkaya letopisnaya istoriya [Illuminated Compiled Chronicle of the 16 century. Russian chronicle history], 1. 1114–1151 gg. Moscow: AKTEON, 2009. 498 p.
- Polnoye sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian Chronicles], 9. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle named Patriarchal or Nikon record]. St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa, 1862. 256 p.
- Perepiska A.S. Pushkina [A.S. Pushkin's correspondences] 2. V.E. Vatsuro, M.I. Gillel'son, comp. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1982. 575 p. (Perepiska russkikh pisateley).
- Radzivillovskaya, ili Königsbergskaya, letopis' [The Radziwilow or Königsberg Chronicle]. St. Petersburg: Tipolitografiya R. Golike i A. Vil'borg, 1902. 2 vols.
- Sizov V.I., 1905. The miniatures of the Königsberg Chronicle. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk* [Bulletin of the Division of the Russian Language and Philology of Academy of Sciences], vol. X, book 1. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, pp. 1–50. (In Russ.)
- Snorri Sturluson, 1980. Krug zemnoy [Earthly circle]. M.I. Steblin-Kamenskiy, ed. Moscow: Nauka. 688 p.
- Chernetsov A.V., 1981. To the study of the Radziwilow Chronicle. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury AN SSSR* [Transactions of the Division of Old Russian Literature of The Institute of Russian literature AS SSSR], XXXVI. Leningrad: Nauka, pp. 274–288. (In Russ.)
- Chernetsov A.V., 1990. The earliest events of Russian history on the miniatures of 16 c. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury AN SSSR* [Transactions of the Division of Old Russian Literature of The Institute of Russian literature AS SSSR], XLIV. Leningrad: Nauka, pp. 422–432. (In Russ.)

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОЧИЩА СМЯДЫНЬ В СМОЛЕНСКЕ

© 2018 г. Н.А. Кренке*, И.Н. Ершов**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

* E-mail: nkrenke@mail.ru

** E-mail: ershovin@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.12.2017 г.

Новые исследования малой церкви XII в. на территории Борисоглебского монастыря на Смядыни позволили уточнить ее местоположение и степень сохранности фундаментов, а также выявить деревянную ограду монастыря. Собранные в погребенной почве под полом церкви находки (в том числе лепная керамика) указывают на длительное хозяйственное освоение места монастыря начиная со второй половины I тыс. н.э. Значительно число находок XI–XII вв. Изучение пойменного сегмента позволило получить данные об изменениях положения русла Днепра. В тыловой части террасы зафиксировано старичное озеро, существовавшее в период строительства монастыря. Русло Днепра в это время находилось примерно в 100 м к северу от кромки террасы. Выявлен участок, где существовал спуск с террасы к берегу р. Смядынь, на котором обнаружены находки конца X – начала XI в. Установлен “коридор”, в пределах которого находилось русло Смядыни. Выше по течению от ее устья в отложениях поймы Днепра сохранились древние погребенные почвы атлантического-субатлантического периодов, в том числе хорошо выражена “гнёздовская” почва, которая являлась дневной поверхностью во второй половине I – начале II тыс.

Ключевые слова: пойма, погребенные почвы, палеорусло, древнерусские храмы, монастыри.

URL: 10.31857/S086960630001649-2

Смоленская экспедиция ИА РАН возобновила исследования Смядыни в 2014 г., при этом ставились следующие задачи: 1) уточнение местоположения фундаментов архитектурных памятников и степени их сохранности, дополнительное изучение стратиграфии, особенно слоев, подстилающих архитектурные объекты; 2) выяснение ранней истории освоения территории; 3) реконструкция исторического ландшафта, в том числе пойменного участка, где некогда протекала речка Смядынь. Последняя задача особенно важна, учитывая, что сегмент левобережной поймы Днепра в районе Смядыни представляет собой в геоморфологическом отношении близкий аналог пойменному сегменту в районе Гнёздова, где были сделаны важнейшие археологические находки (Пушкина и др., 2012). Летописное сказание о Борисе и Глебе, описывающее убийство кн. Глеба в 1015 г., упоминает географические реалии, которые хотелось бы сопоставить с археологическими данными. Сказание отмечает, что “Глеб стал на Смядыни в ладье”, убийцы встретили его “в устье Смядыни”, тело убитого князя лежало брошенным “меж двух колод” в “пустын-

ном месте”, которое однако посещали “купцы, охотники и пастухи” (Жития..., 1916. С. 39–43).

Археологическое изучение урочища Смядынь имеет длительную историю (Бегунова, 2015). Раскопки на территории Борисоглебского монастыря были начаты А.С. Уваровым еще в 1883 г. и затем неоднократно повторялись. Последний раз работы здесь проводились Н.В. Сапожниковым в 1993 г. и имели новостроечный характер. Вопросы архитектурной археологии в основном были решены нашими предшественниками (Воронин, Раппопорт, 1979). Однако за последние 30 лет никто не проводил мониторинга состояния выявленных археологами фундаментов. На фотографиях начала XX в. видно, что при раскопках обеих церквей Борисоглебского монастыря на Смядыни были расчищены не только фундаменты, но и стены высотой до 2 м, но что от них сохранилось до нашего времени? Не было также и точных данных о местонахождении изучавшихся церквей, так как общий план местности в работах предшественников отсутствовал.

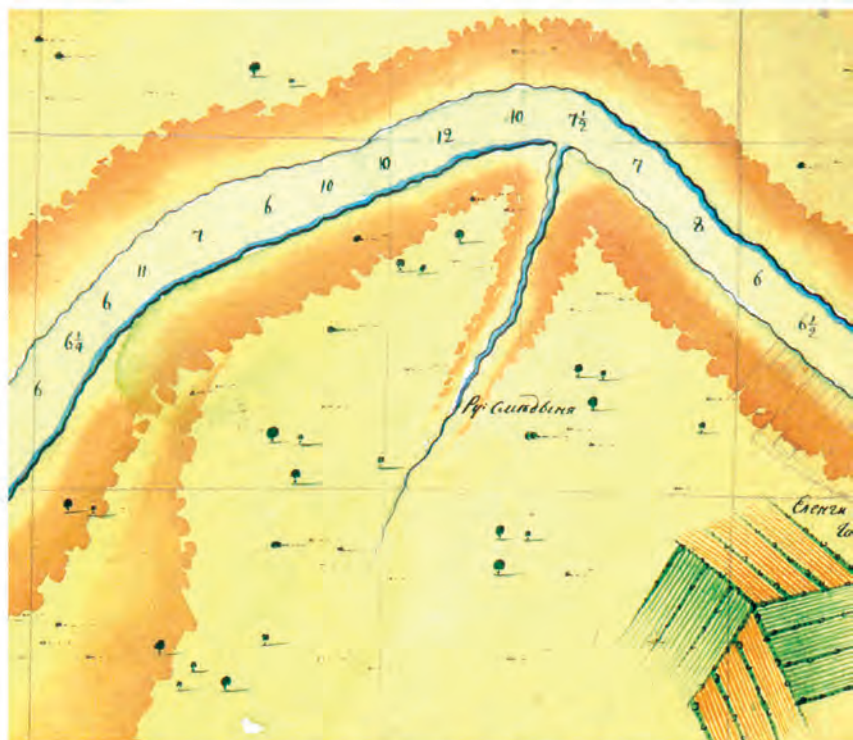
Исследования в пойме. Участок поймы левого берега Днепра в районе Смядыни имеет рельеф, напоминающий стиральную доску, представленный параллельными гривами (береговые валы) и ложбинами (старорусельными понижениями), образовавшимися при поэтапном смещении русла реки в западном направлении. В тыловой части поймы прослеживается старорусельное понижение, которое и в настоящее время затопливается в годы высоких паводков, вода стоит здесь до начала лета (рис. 1). Особенно хорошо этот рельеф виден на аэрофото- и космических снимках (рис. 2). Шурфовка валообразных гряд в центре пойменного расширения показала их молодой возраст (шурфы 2 и 3). Погребенные почвы в шурфах отсутствовали, отложения состояли из аллювиальных песков и супесей. Судя по находкам позднесредневековой керамики в шурфе 3, формирование тела прируслового вала происходило на протяжении последних нескольких столетий. В тыловой части поймы был заложен шурф 1. Здесь на глубине 4 м от современной поверхности (если не учитывать техногенные навалы грунта XX в., то глубина будет 3 м) исследованы оглеенные старичные отложения (суглинок сизого цвета), содержавшие фрагменты веток. По гуминовой вытяжке из грунта получена дата 1606 ± 55 (SPb-1473), а по древесине (веточка) — 762 ± 30 (SPb-1473A). Более молодая дата при калибровке указывает на интервал 1245–1277 гг. с вероятностью в 63.5%. Таким образом, русло Днепра уже в это время отошло от бровки террасы в северном направлении на несколько десятков метров, а в тыловой части поймы существовало постепенно заполнявшееся старичное понижение. Аналогичная картина прослежена на гнёздовском сегменте правобережной поймы (Александровский и др., 2005. С. 120).

Шурф 4 был заложен, видимо, на левом берегу исчезнувшей речки в пределах выхода долины р. Смядынь в пойму Днепра. Уже в начале XX в. здесь не было воды, что видно на фотографиях того времени. Примерно на глубине 1 м от современной поверхности в шурфе прослежена погребенная почва (горизонт суглинка серого цвета мощностью до 15 см). Находки на этой почве датируются в интервале XIII–XIX вв. (от стеклянного браслета до поливной керамики). Ниже залегал суглинок без ясно выраженной слоистости. В этом слое на глубине 1.9 м прослежен горизонт залегания керамики X — начала XI в., в том числе развал раннекругового горшка с линейно-волнистой орнаментацией (рис. 3). Скопление

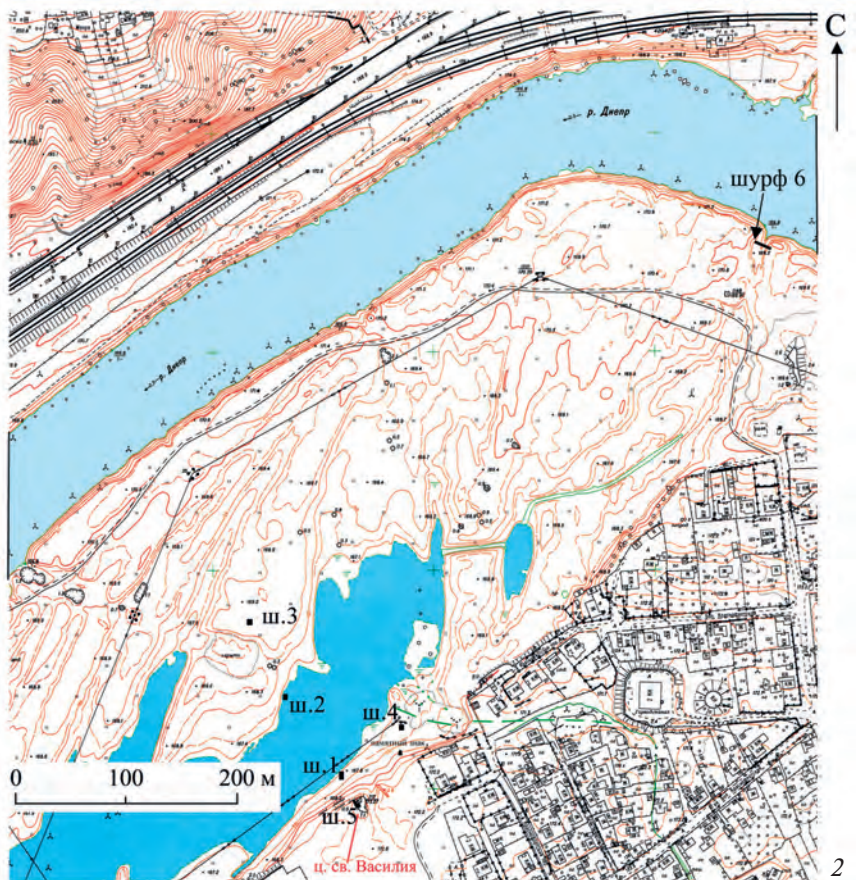
керамики находилось в толще однородных отложений, довольно хорошо проработанных почвенными процессами. Наличие развала горшка возможно указывает на то, что керамика не была транспортирована, а отложилась на том месте, где происходила человеческая активность. Ситуация, зафиксированная в шурфе 4, позволяет предположить, что здесь был относительно сухой участок (старичные отложения отсутствуют), где можно было подняться на первую террасу.

Нами предпринята попытка отыскать русло Смядыни, изображенное на карте 1784 г. (рис. 1, I). Для этого заложен шурф 6, прорезавший небольшой овраг — желоб стока паводковых вод, впадающий в Днепр (рис. 1, 2). Изучение этого шурфа дало ценные материалы для понимания стратиграфии пойменных отложений Днепра, но с очевидностью показало, что русло Смядыни находилось не здесь. Вероятно его надо искать на 100–150 м западнее. В толще пойменных напластований можно выделить три погребенные почвы, разделенные прослоями слоистого песчаного аллювия быстрого накопления (рис. 4). Верхняя из этих почв (1a) залегала на глубине 165–180 см от современной поверхности и имела слабую гумусовую прокраску. Видимо данная почва формировалась за относительно короткое время, и ее можно обозначить, как слаборазвитая.

Следующая почва (почва 2) залегала на отметках 235–245 см. Это темный серо-бурый суглинок, светлеющий книзу, толщиной до 10 см. В нем присутствуют древесные угли размером 1–2 мм. Эта почва хорошо прослеживается и в других разрезах поймы Днепра в районе Смоленска. В районе устья р. Ольшанка данная почва залегает на глубине 1 м от поверхности высокой поймы, и на ее поверхности найдена лепная и круговая керамика конца I тыс.н.э. — XI в. (шурфы 2017 г.). В районе устья р. Катинка изучен пойменный разрез со сходной стратиграфией. В основании почвы 2 в катынском разрезе получена радиоуглеродная дата 1690 ± 70 (MKL-3629) (Краковская лаборатория), калиброванное значение — 260–430 гг. н.э. (68.2%), а на поверхности почвы залегала керамика XV–XVI вв. В шурфе возле Ольшанского городища в толще данной почвы были найдены угольки, давшие радиоуглеродный возраст 1554 ± 26 (UOC-5860) (Лаборатория университета в Оттаве, Канада). Калиброванное значение — 430–540 гг. (68.2%). На гнёздовском сегменте поймы данная почва залегала на глубине 170 см, была обозначена М.А. Бронниковой,

1

2

Рис. 1. Сегмент поймы левого берега Днепра в районе Смядыни. 1 – карта русла Днепра 1784 г. (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 24081. Л. 45 об.); 2 – карта 2010 г. с нанесенными местами археологических шурфов.

Fig. 1. A segment of the floodplain of the Dnieper left bank in the Smyadyn area

1

2

Рис. 2. Сегмент поймы левого берега Днепра в районе Смядыни на снимке 1941 г. (1) и 2007 г. (2).

Fig. 2. A segment of the floodplain of the Dnieper left bank in the Smyadyn area in the photos of 1941 (1) and 2007 (2)

как “гнёздовская” и, по ее определению, имела лесной генезис. Время формирования этой почвы — 2200–800 лет тому назад (Murasheva et al., 2012. Р. 30). Ниже в шурфе 6 залегает почва 3 на отметках –270.

Почва 3 — это серо-бурый суглинок с включениями единичных угольков. Толщина почвенного горизонта — около 27–30 см. Прослой почвы светлее как книзу, так и кверху. Средний уровень — наиболее темный. Почва залегает почти горизонтально.

Под почвой 3 залегает пачка слоистого аллювия — бурая супесь и опесчаненные прослой. На отметках –320...–325 прослеживается горизонт слабо развитой почвы 3а с включениями редких угольков. Толщина этой почвы — 3–5 см. Под ней — пачка слоистого аллювия. Дно разреза находилось на отметках –339...–399, примерно на 4 м выше меженного уровня Днепра в данном месте (162 м). Археологические находки в шурфе 6 не обнаружены.

Исследования Васильевского храма. Чтобы точно локализовать местоположение Васильевского храма¹, был заложен небольшой раскоп в том месте, где предположительно находился его северо-западный угол. Траншея, примыкавшая к раскопу, прорезала приоровочную часть первой террасы. В ходе раскопок выяснилось, что валлообразные гряды, принятые сперва за руины стен, на самом деле являются отвалами археологических раскопок прошлых лет. Стена была полностью разобрана, сохранился лишь фундамент. Раскоп вскрыл северо-западный угол. Таким образом, местоположение храма удалось точно определить и привязать к геодезическому реперу № 312, расположенному рядом. При этом стало ясно плачевное состояние руин храма. Вся восточная часть постройки уничтожена грунтовой дорогой (при ее прокладке, по словам местных жителей, использовался бульдозер), спускающейся в пойму. Сохранились лишь фундаменты западной трети здания.

Слой отвалов прежних раскопок содержал довольно значительное количество находок древнерусского времени, связанных с храмом, — обломки плинф, в том числе с клеймами, кро-

вельные гвозди, мелкие фрагменты штукатурки с росписью, фрагмент амфоры-голосника и поливной древнерусской керамики. Встречались также и поздние находки — обувная подковка XVII–XVIII вв., железная пряжка с орнаментом, монеты 1930 и 1932 гг.

Северо-западный угол храма выявлен в кв. 4, 5, 4а, 5а. В кв. 1–3 под отвалами старых раскопок прослежена поверхность погребенной почвы (слой 2). Гумусовый горизонт этой почвы не сохранился, но подзолистый горизонт прослеживался. Отметки этой почвы –75...–83 (кв. 2 и 3). В кв. 1 поверхность почвы резко падает на север в сторону Днепра — это бровка склона первой террасы.

На поверхности слоя 2 в кв. 1–3 найдены предметы XII в. В центре кв. 2 обнаружен развал горшка (рис. 3, 4). По форме этот горшок можно отнести к XII в., вероятно, к первой его половине. В кв. 5 найден железный кованый гвоздь с остатками свинцовой кровли. В кв. 1 важными находками стали железный наконечник стрелы (рис. 3, 7) и фрагмент бронзового хороса (рис. 3, 8). Сходный фрагмент хороса ранее был найден в Смоленске при раскопках Пятницкого конца (Пронин и др., 2011. Ил. 119). Обломки бронзовых хоросов в виде стержней, на которые насаживались свечи, неоднократно встречались в древнерусских городах, в частности, в Новгороде Великом (Гайдуков, 1992. С. 99. Рис. 71).

В кв. 2 и 3 на уровне погребенной почвы найдены два фрагмента лепной керамики (в том числе венчик) второй половины I тыс. н.э., сильно окатанные. Основная масса керамики из слоев 1 и 2 относилась к XII в. Важно отметить, что среди керамики присутствовали немногочисленные фрагменты венчиков, которые можно отнести к XI в. (рис. 5, 11, 12).

На отметках –84...–96 в кв. 4 и 5 обозначился контур траншеи раскопок 1909 г., заполненный темно-бурой супесью с включениями строительных материалов: плинфяной крошкой, известью, цемянкой. При дальнейшем углублении поверхности раскопа до отметок –120...–130 в кв. 2–5 обозначились контуры погребальных ям (семь погребений), ориентированных по линии 3–В, и четко проступил угол фундамента церкви. Погребения были оставлены в законсервированном виде, возле фундамента выкопано три зонда для изучения его размеров и характеристик (зондажи 1, 2 и 4).

¹ Атрибуция малого храма, как Васильевского принадлежит Е.Н. Клетновой, это мнение затем поддержано Н.Н. Ворониным и П.А. Раппопортом. Существует, однако, и другое предположение, высказанное И.М. Хозеровым (1994. С. 112, 113), о том, что малая церковь на краю террасы — это древнейший Борисоглебский храм монастыря, возведенный в 1141 г.

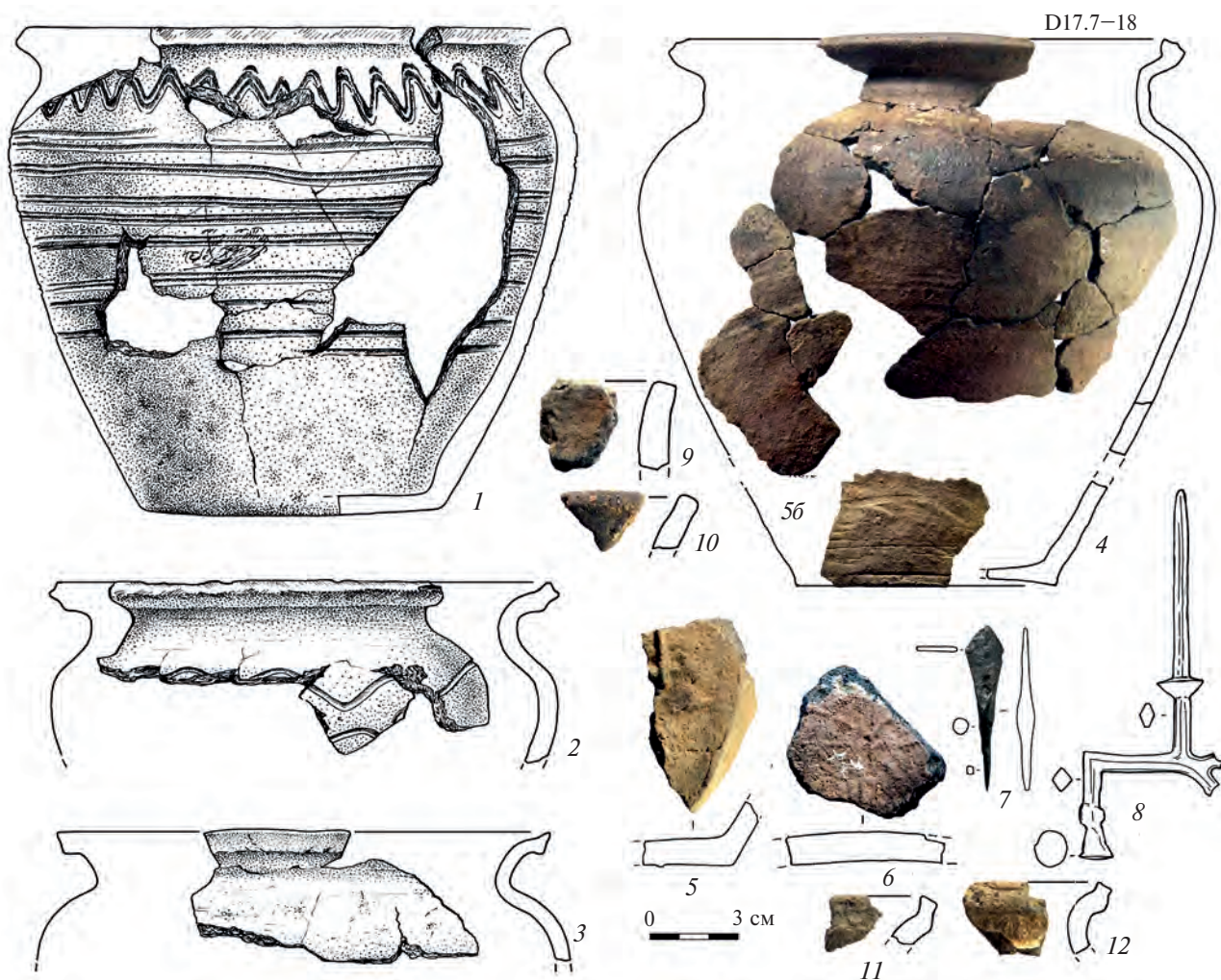

Рис. 3. Находки из шурфов. 1–3 – керамика X–XI вв. из шурфа 4; 4–6, 11, 12 – керамика конца XI – начала XII в., залегающая на поверхности погребенной почвы возле храма; 7 – железный наконечник стрелы; 8 – фрагмент бронзового хороса; 9, 10 – лепная керамика второй половины I тыс. н.э. 4–12 – из шурфа 5.

Fig. 3. Findings from pits

Зондаж 3 – внутри здания церкви в юго-восточном углу кв. 5а – дал весьма ценную информацию. В профиле бортов прослеживалась погребенная почва, перекрытая подсыпкой, на которую был настелен пол храма. Верх слоя подсыпки и плитки пола полностью утрачены. Зато отметка поверхности погребенной почвы имеет важное значение. Нивелировочный уровень погребенной почвы в наименее нарушенном участке имел значение –100. Фрагментарно сохранился гумусовый горизонт погребенной почвы (темно-серая супесь), особенно в самом юго-восточном углу кв. 5а. Изучение профиля проведено почвоведом в главе с М.А. Бронниковой (Институт географии РАН). Отмечено наличие антропогенных изменений почвенного профиля, сформировавшегося изначально под лесом.

С помощью зондажей 1 и 4, составлявших пару, установлены габариты западной стены храма. Ширина стены составляла 150 см. Основание фундамента находилось на отметках –150 (зондаж 4) и –156 (зондаж 1).

Основание фундамента сложено из битой плинфы (залегают плотно, бессистемно, пространство между обломками занято переотложенной материковой супесью), часть которой – вторичного использования (со следами раствора); по подошве фундамента прослеживаются булыжники.

Линия западной стены имела небольшой выступ ровно по границе кв. 4 и 5. Видимо это след лопатки, украшавшей угол храма. Ширина выступа –2 м, глубина –0.22.

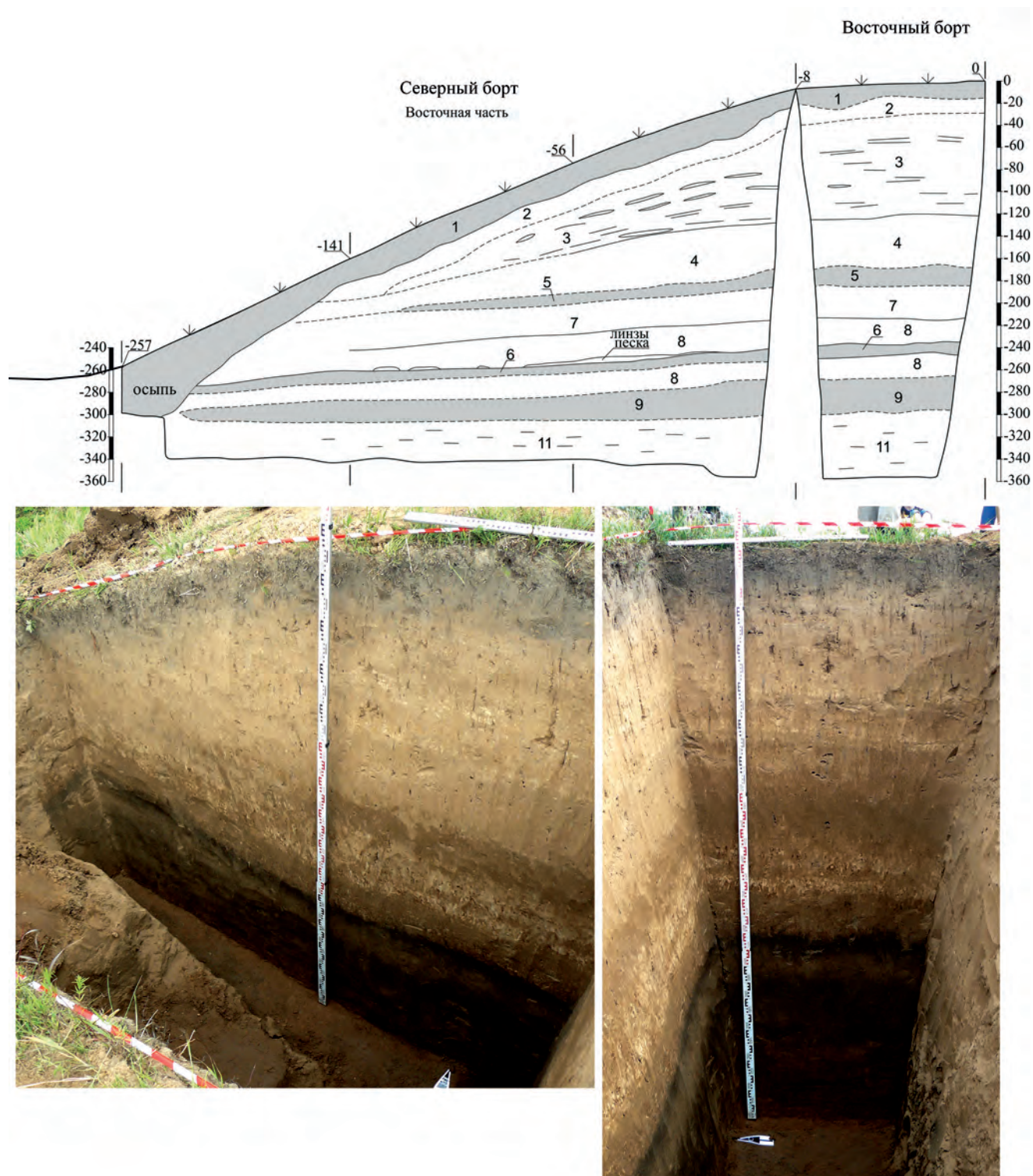

Рис. 4. Чертеж и фотография стратиграфического разреза отложений поймы Днепра (шурф 6). 1 – темно-серая супесь (гумус) – почва 1; 2 – светлая серо-бурая супесь; 3 – слоистый песчаный аллювий; 4 – однородная пылеватая светло-бурая супесь; 5 – светлая серо-бурая супесь – почва 1а; 6 – темная серо-бурая супесь – почва 2 (так называемая гнездовская почва); 7 – светло-бурый песок с пятнами ожелезнения; 8 – светло-бурая супесь; 9 – темно-бурая супесь с единичными угольками – почва 3; 10 – темно-бурая супесь с угольками – почва 3а; 11 – бурая супесь.

Fig. 4. Drawing and a photo of the stratigraphic section of the deposits in the Dnieper floodplain (pit 6)

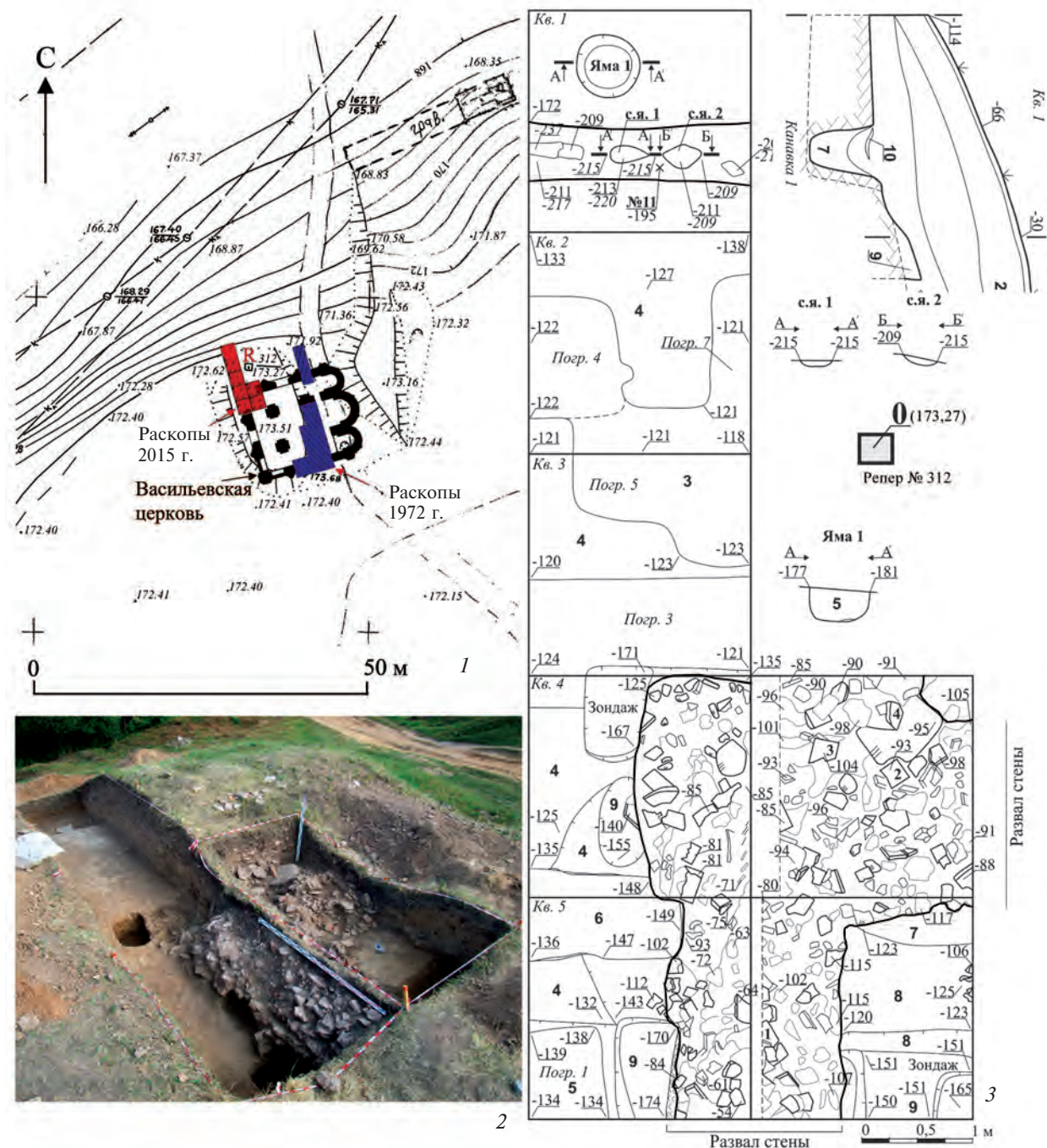

Рис. 5. Топографический план Васильевского храма на Смядыни (1); план (3) и фото с юго-запада (2) шурфа 5. Цифрами на плане (3) обозначены: 1 – серо-бурая супесь, слой 1; 2 – слой 2 (светло-бурая плотная супесь с включениями строительного мусора); 3 – переотложенный материковый грунт; 4 – предматерик; 5 – смесь переотложенного материка и предматерика (бурая и светло-бурая супесь); 6 – бурая супесь; 7 – смесь материковой и светло-бурой супеси; 8 – светло-бурая супесь (погребенная почва); 9 – материк (ярко-бурая супесь); 10 – светлая супесь.

Fig. 5. Topographic plan of St. Basil Church on the Smyadyn (1); a plan (3) and a photo of pit 5 taken from the southwest (2)

Зондаж 2 вскрыл западный фасад фундамента в северо-западном углу храма. Отметки дна фундамента в этом зондаже находились на уровне –160. В основании фундамента – мелкие и средние булыжники, сам фундамент сложен из битой плинфы.

Расчистка развала западной стены в кв. 4 и 5 показала, что регулярность кладки полностью утрачена. Лишь в одном месте в южной части кв. 5 прослеживались несколько плинф, лежавших почти горизонтально. Размеры плинф – 20.5×4;

21×4; 20.5×3.8; 20.5×3.7; 19.7×3.7; 19.7×3.7 см. Лишь в одном случае установлена длина плинфы — 29.5 см.

Ширина развала северной стены храма по восточному борту кв. 4а составляла 160 см. На отметке –95 в кладке фундамента расчищен крупный камень, который, видимо, лежал в основании выступа лопатки. В северо-восточном углу кв. 4а прослеживался след траншеи 1909 г., заполненной строительным мусором.

В кв. 1 при зачистке материка обнаружена шедшая вдоль бровки террасы канавка с заполнением из мешаного суглинка и супеси. Канавка шириной в верхней части 40–50 см прорезала слоистую толщу аллювиальных отложений на глубину 60–70 см. На дне канавки прослежены ямы от частокола. Столбы, видимо, стояли вплотную друг к другу. Концы бревен были заточены. Диаметр бревен — около 20 см. В заполнении канавки найдено шесть фрагментов круговой древнерусской керамики и одна лепная стенка.

С внешней стороны ограды в северо-западном углу кв. 1 зафиксирована округлая яма 1 диаметром 60 см, глубиной до 30. Заполнение — светло-бурая супесь. Дно плоское.

Выводы. В результате проведенной работы удалось точно определить местоположение ц. Василия. Важно подчеркнуть, что использованный при ее строительстве вторичный материал, бывший ранее в употреблении, косвенным образом указывает на то, что это не первое каменное сооружение монастыря.

Выявлен горизонт дневной поверхности времени строительства церкви. Получены данные о ширине фундаментов западной и северной стен храма, а также глубины их заложения и состав заполнения. Установлено, что место, где был возведен храм, ранее подвергалось достаточно интенсивному хозяйственному использованию, сопровождавшемуся отложением в земле керамики, начиная со второй половины I тыс. н.э. Наличие фрагментов круговой керамики XI в. показывает, что и в это время на данном месте была какая-то активность, но непо потревоженный слой этого времени в раскопе не сохранился.

Основная масса находок связана с самой церковью — это битая плинфа, фрагменты амфор-голосников, куски расписной штукатурки и кровельные гвозди с остатками свинцовой кровли. Бытовая керамика древнерусского вре-

мени связана с функционированием монастыря. Данный состав находок фиксировали и предшествовавшие раскопки (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 151–162). Уникальна находка фрагмента бронзового хороса. Есть все основания предполагать, что хорос находился именно в ц. Василия. Деревянная ограда-частокол проходила по бровке террасы. Ранее эта стена не фиксировалась. Время сооружения деревянной ограды точно не определено. Дату *post quem* дают древнерусские фрагменты керамики XII в. из заполнения частокольной канавки. Нельзя полностью исключить предположение, что это ограда XVII в., связанная с периодом русско-польских войн за Смоленск. Так, на гравюре В. Гондиуса показана некая ограда укрепленного военного лагеря по кромке террасы возле ц. Василия (Воронин, Раппопорт, 1979. Рис. 70). Однако наиболее вероятно, что стена древняя, времени основания монастыря, так как стратиграфические данные скорее свидетельствуют в пользу того, что канавка предшествует строительству Васильевской церкви.

К сожалению, приходится сделать вывод, что археологические раскопки 1909 и 1972/1974 гг. способствовали почти полному разрушению остатков Васильевской церкви, а никак не послужили делу ее сохранения. Особенно катастрофичными оказались последующие за ними хозяйственные работы. Раскрытые фундаменты не были законсервированы. Охрана памятника не велась. В настоящее время сохранилась лишь западная стена и, вероятно, небольшие участки северной и южной стен. Центральная и восточная части храма полностью утрачены.

При изучении поймы в районе поиска русла пересохшей р. Смядынь установлено, что современный желоб стока пойменных вод находится на новом месте, прорезает свиту древних отложений. Русло Смядыни можно искать к западу от шурфа 6. Вскрытая им стратиграфия пойменных отложений показывает, что в данном месте сохранился древний участок поймы Днепра, включающей несколько погребенных почв. Для уточнения возраста этих почв необходимо проведение радиоуглеродного датирования. Весьма вероятно, что угли в почвах — это результат деятельности людей. Вероятно также, что темнокрасный горизонт почвы 3 имеет среднеголоценовый возраст, а почва 2 относится к эпохе субатлантика и сопоставима с “гнездовской” почвой.

Дальнейшие разведки следует направить на выявление русла р. Смядынь и ее берегов, на которых, возможно, удастся обнаружить следы человеческой деятельности, в том числе и начала XI в., в чем убеждают результаты шурфовки 2014 г.

Авторы благодарны о. Павлу Петровскому, настоятелю ц. Архангела Михаила (Свирской) за финансовую поддержку и инициативу по возобновлению археологических раскопок в Борисоглебском монастыре. В работах принимали участие археологи И.С. Аникин, Д.В. Валуев, А.А. Войцик, М.В. Лавриков, Д.С. Могилев, Т.Ю. Муренцева, В.С. Нефедов, Р.Б. Платоновский, В.А. Раева; архивный поиск — Б.В. Кудрявцев.

Авторы благодарят также Петра Киттеля за сотрудничество и предоставленные данные о результатах радиоуглеродного датирования в Краковской лаборатории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подгот. к печати Д.И. Абрамовичем. Пг.: Тип. Имп. АН, 1916. 204 с.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефедов В.С. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории гнёздовского археологического комплекса // РА. 2005. № 1. С. 112–123.

Бегунова В.В. Из истории археологических исследований Смядынского предместья в Смоленске // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 368–379.

Воронин Н.Н., Раннопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука, 1979. 415 с.

Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: ИА РАН, 1992. 197 с.

Пронин Г.Н., Соболев В.Е., Гусаков М.Г. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск: Изд. Флиманкова И.А., 2011. 208 с.

Пушкина Т.А., Енисова Н.В., Мурашева В.В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.

Хозеров И.М. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. Минск: Навука і тэхніка, 1994. 152 с.

Murasheva V., Bronnikova M., Panin A., Pushkina T., Adamiec G., Sheremetskaya E. Geoarchaeology of the upper Dnieper River valley at Gnezdovo: field excursion // Geoarchaeological issues of the upper Dnieper – Western Dvina river region (Western Russia): fieldtrip guide. Moscow; Smolensk: Universum, 2012. P. 20–48.

NEW INVESTIGATIONS OF THE SMYADYN AREA IN SMOLENSK

Nikolay A. Krenke*, Ivan N. Ershov**

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

* E-mail: nkrenke@mail.ru

** E-mail: ershovin@yandex.ru

New investigations of a small church of the 12th century on the territory of the Boris and Gleb Monastery on the Smyadyn made it possible to refine its location and the degree of preservation of its foundations, as well as to reveal the wooden fence of the monastery. The finds collected in the buried ground beneath the church floor (including stucco ceramics) indicate a long period of economic development of the monastery location since the second half of the 1st millennium AD. The number of finds dated back to the 11th–12th centuries is significant. The study of the floodplain area allowed obtaining data on changes in the position of the Dniepr riverbed. In the rear part of the terrace there was found a location of an oxbow lake, which existed during the construction of the monastery. At that time, the riverbed of the Dnieper was about 100 m to the north of the terrace edge. A site was found in which there was a descent from the terrace to the bank of the river Smyadyn, where the finds of the late 10th – early 11th century were discovered. The study determined the “corridor” within which the Smyadyn riverbed was located. Upstream from its mouth in the deposits of the Dnieper floodplain, ancient buried soils of the Atlantic-Sub-Atlantic period have survived, including the clearly manifested “Gnezdovo” soil, which was the day surface in the second half of the 1st – the early 2nd millennium.

Keywords: floodplain, buried soils, river’s paleobed, Old Russian temples, monasteries.

REFERENCES

Aleksandrovskiy A.L., Krenke N.A., Nefedov V.S., 2005. Paleorelief of the Dnieper high flood-plain in the territory of the Gnezdovo archaeological complex. *Russ. arkheologiya [Russ. Archaeology]*, 1, pp. 112–123. (In Russ.)

Begunova V.V., 2015. From the history of archaeological studies of the Smyadyn outskirts in Smolensk. *KSIA [Brief*

Communications of the Institute of Archaeology], 241, pp. 368–379. (In Russ.)

Gaydukov P.G., 1992. Slavenskiy konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyy raskop [Slavensky outskirts of the medieval Novgorod. Nutnyi excavation site]. Moscow: IA RAN. 197 p.

- Khozerov I. M.*, 1994. Belorusskoe i smolenskoe zodchestvo XI–XIII vv. [Belorussian and Smolensk architecture of the 11th–13th centuries]. Minsk: Navuka i tekhnika. 152 p.
- Murasheva V., Bronnikova M., Panin A., Pushkina T., Adamiec G., Sheremetskaya E.*, 2012. Geoarchaeology of the upper Dnieper River valley at Gnezdovo: field excursion. *Geoarchaeological issues of the upper Dnieper – Western Dvina river region (Western Russia): fieldtrip guide*. Moscow; Smolensk: Universum, pp. 20–48.
- Pronin G. N., Sobol' V. E., Gusakov M. G.*, 2011. Drevniy Smolensk. Arkheologiya Pyatnitskogo kontsa [Ancient Smolensk. The archaeology of the Pyatnitsky outskirts]. Smolensk: Izdatel' Flimankova I. A. 208 p.
- Pushkina T. A., Eniosova N. V., Murasheva V. V.*, 2012. The Gnezdovo archaeological complex. *Rus' v IX–X vv. Arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries. Archaeological panorama]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 242–273. (In Russ.)
- Voronin N. N., Rappoport P. A.*, 1979. Zodchestvo Smolenska XII–XIII vv. [Smolensk architecture of the 12th–13th centuries]. Leningrad: Nauka. 415 p.
- Zhitiya svyatykh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im [Lives of the Holy Martyrs Boris and Gleb and service to them]*. D. I. Abramovich, ed. Petrograd: Tip. Imp. AN, 1916. 204 p.

О КОНСТРУКЦИИ В ЖЕРТВЕННИКЕ ЦЕРКВИ БОРИСА И ГЛЕБА В КИДЕКШЕ

© 2018 г. Вл.В. Седов

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: sedov1960@mail.ru

Поступила в редакцию 29.01.2018 г.

В статье публикуется каменная конструкция, обнаруженная во время раскопок в северной боковой апсиде церкви Бориса и Глеба в Кидекше. Эта стенка с дверцей датируется началом XIII в. и может быть интерпретирована как часть придельного престола. Подобные конструкции сегментовидных в плане придельных престолов отмечены также в двух церквях в Старой Ладогге, датируемых второй половиной XII в. Выделяется особая группа придельных престолов, прежде не известная. Делается предположение о византийском происхождении типа подобных престолов, указывается на единственный пока аналог в странах Византийского мира: престолы боковых капелл церкви Успения в Грачанице начала XIV в.

Ключевые слова: Древняя Русь, древнерусская архитектура, приделы, престолы, малые архитектурные формы, малые алтари, боковые апсиды.

DOI: 10.31857/S086960630001650-4

В 2011–2012 гг. под руководством автора статьи в ц. Бориса и Глеба в с. Кидекша Суздальского р-она Владимирской обл. были проведены архитектурно-археологические раскопки. Их результаты пока опубликованы лишь частично (Седов и др., 2015; Седов, 2015а).

В 2012 г. в северной боковой апсиде храма (жертвеннике), в шурфе 4, площадь которого составила 8.3 м², была открыта белокаменная конструкция, на первый взгляд показавшаяся цельной, но при внимательном рассмотрении оказавшаяся сложенной из белокаменных блоков (рис. 1, 1).

Общая площадь зондажей и расчисток сезона 2012 г. составила 21 м². В их ходе были изучены культурные напластования XII–XIX вв. мощностью до 1.45 м. Помимо конструкции в северной апсиде были обнаружены следующие архитектурные формы: в центральной апсиде — фрагмент первоначального синтрона храма с остатками фресковой живописи, в южной апсиде на значительной площади слои оказались пропитаны реставрационным раствором, образовав монолит, который не удалось удалить полностью, в нем обнаружены два фрагмента белокаменных блоков с резьбой.

Выяснилось, что восточная часть ц. Бориса и Глеба, сооруженной при князе Юрии Долго-

руком в середине XII в., разрушилась на рубеже XVII–XVIII в., после чего оставшиеся стены были отремонтированы: восточная часть храма сохранила прежние очертания, но стала ниже. Остатки строительной катастрофы не стали разбирать, а засыпали песком, перемешанным со строительным боем, подняв уровень пола. Таким образом, части первоначального убранства сохранились под поздним полом, к таковым относится и конструкция в жертвеннике.

Она составлена из белокаменных блоков или, скорее, плит, поставленных на ребро, и представляет собой перегородку, отделяющую полукружие апсиды от северо-восточного углового помещения храма. Перегородка поставлена у западного окончания апсиды в распор, ее западная плоскость устроена в одну линию с двумя отрезками восточной стены помещения, своеобразными “плечиками” (рис. 1, 2).

Высшая точка конструкции — поверхность белокаменного блока у южной стены апсиды — была выявлена на глубине около 10 см от уровня пола XVIII–XIX вв. После снятия слоя желтого песка засыпки XVIII в. был выявлен слой темно-коричневой гумусированной супеси толщиной не более 0.15 м. Его поверхность очень неровная, сам он заметно “просел” в пустоты нижележащих слоев, особенно в южной части конструк-

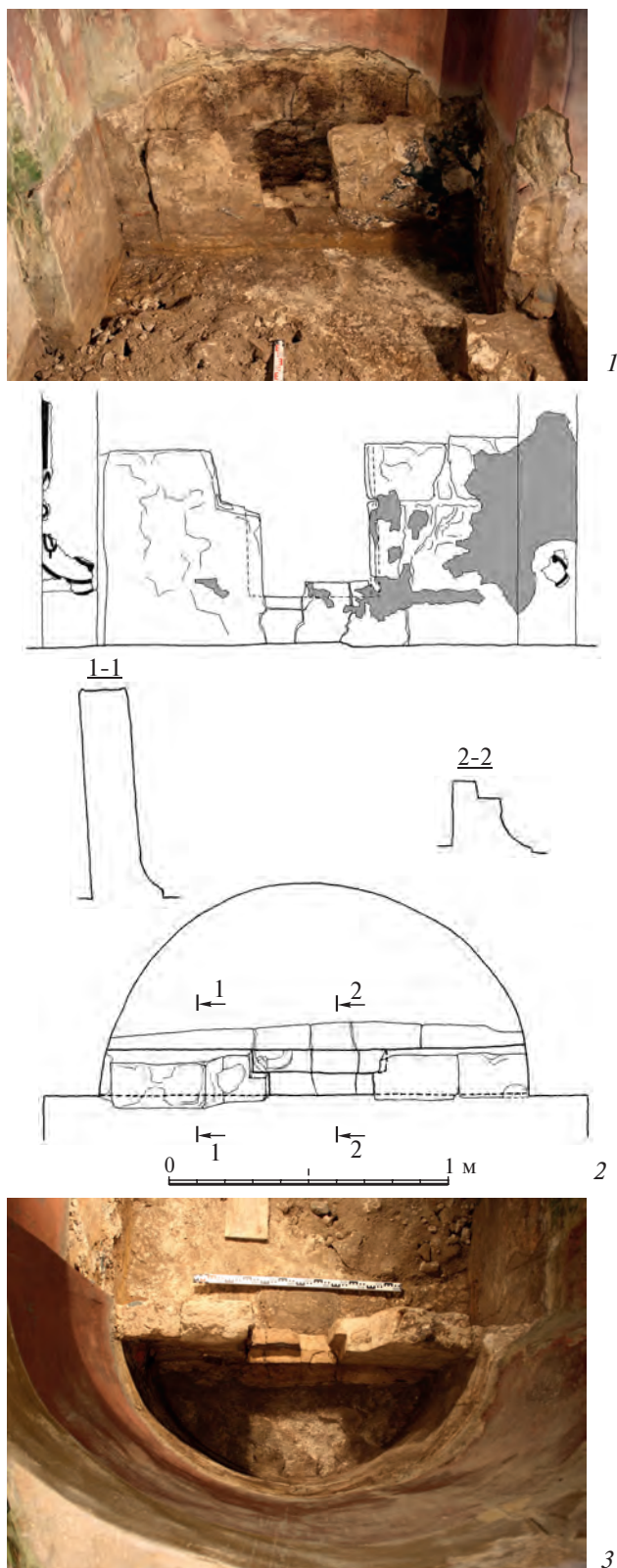

Рис. 1. Церковь Бориса и Глеба в Кидекше. 1 — конструкция в северной апсиде, вид с запада; 2 — план, фасад и разрезы конструкции; 3 — конструкция в северной апсиде, вид сверху.

Fig. 1. The Church of Boris and Gleb in Kideksha

ции. Ниже был обнаружен завал строительного мусора, в котором встречены куски известнякового туфа, мелкие валуны, фрагменты кирпича в извести размерами 7.5–8×13×? см, а также фрагменты белокаменных блоков с фресками XII в. Очевидно, что при восстановлении храма в XVII в. конструкция была погребена под слоем строительного мусора и остатков рухнувших стен церкви. Слой засыпки подстилался прослойкой коричневой гумусированной супеси. При ее разборе встречены многочисленные кости птиц, мелких грызунов, три фрагмента венчика кругового красноглиняного сосуда XVI в., фрагменты небольшого сосуда из тонкого зеленого стекла (лампадки?), два фрагмента золотного шитья, фрагменты кирпича размером 4.5–5×10.5×? см, куски известковой штукатурки, несколько костей человека (два позвонка, обожженные фрагменты черепа). Очевидно, что слой отложился в процессе функционирования конструкции, после его разбора обнаружен пол в виде известковой проливки, который не разбирался.

Он относится к перестройке (или, скорее, ремонту) храма, устроен позже первоначального пола середины XII в., остатки которого сохраняются ниже, тоже в виде заливки. Однако новый пол был устроен еще в домонгольский период, о чем свидетельствует примерно тот же характер раствора. Во время этого ремонта пол во всех трех апсидах был поднят на 30–35 см относительно первоначального уровня, а по линии западных граней восточной пары подкупольных столбов была устроена ступень солей. Этот ремонт или перестройку можно предварительно датировать началом XIII в.

Поверхность пола внутри полукружия апсиды жертвенника неровная, она плавно понижается к центру. Очевидно, что проливка пола была выполнена внутри уже возведенной стенки — ее края отчасти перекрывают блоки перегородки и белокаменную кладку стены апсиды.

Сама перегородка выполнена, как уже было сказано, из белокаменных блоков, уложенных на известковом растворе. Интересно, что нижние блоки имеют расширение — подошву, выступающую внутрь сооружения, а наружная поверхность перегородки ровная. Переход от “подошвы” к вертикальной стенке изнутри решен посредством устройства выкружки. На наружной поверхности стенки видны следы известковой штукатурки. Следов фресковой живописи не найдено. Перевязки с кладкой стен апсиды нет.

Высота стенки — 73 см, длина — 160 см. Приблизительно в середине преграды со сдвигом к югу устроен проем размерами в просвете 0.39 (ширина) × 0.50 (высота) м и с выбранной внутрь четвертью (внутри с четвертью ширина достигает 50 см). Длина северной части стенки — 63 см (она пострадала во время строительной катастрофы, и ее камни несколько выдвинуты внутри храма), длина южной — 58 см. Ширина верхней, прямой части стенки — 17 см, в расширенном основании изнутри добавляется от 4 до 17 см.

В северном блоке в северной четверти хорошо видно квадратное углубление для пятки поворотной дверцы, открывавшейся внутрь, и паз для установки дверцы. Судя по нему, конструкция, по-видимому, была сверху перекрыта каменной плитой, мешавшей установить дверь без такого паза (рис. 1, 3).

Вопрос о времени сооружения описанной стенки до конца не ясен, наиболее вероятным представляется, что она была построена не одновременно со строительством храма, а при его ремонте, возможно, в начале XIII в. Об этом свидетельствует то, что эта перегородка не покрыта фресками, тогда как стена рядом имеет их остатки, а также то, что эта перегородка своим основанием совпадает с уровнем пола начала XIII в. Впрочем, не исключено, что перегородка была устроена еще в более раннем храме, а при его ремонте и настиле нового пола была разобрана, а затем установлена заново, уже на уровне нового пола.

Как же можно интерпретировать открытую конструкцию в жертвеннике ц. Бориса и Глеба в Кидекше? По всей видимости, она представляет собой специфический тип жертвенника, но не исключено, что это придельный алтарь. В древнерусских источниках престол в боковых апсидах (иногда и само пространство боковых апсид) называется “малый олтарь” (Афанасьева, 2012. С. 259).

Заметим сразу, что эта конструкция совсем не похожа на те стенки, которые выделяли придел в южной боковой апсиде в ряде домонгольских храмов Новгорода (Седов, 2015б): они отгораживали пространство значительной части апсиды, так что внутри могло уместиться несколько человек. Пространство это сверху, естественно, было открыто, а проем в него имел достаточную ширину для прохода внутрь. А белокаменная стенка в северной апсиде ц. Бориса и Глеба отделяла совсем небольшое окончание северной боковой алтарной части, собственно маленькую полукру-

лую апсиду глубиной всего около 60 см. Проем в стенке этой конструкции шириной 39 см был явно недостаточным для прохода человека внутрь. Кроме того, эта конструкция могла быть прикрыта сверху плитой или плитами (на высоте 56 см).

При поиске аналогов данной стенки мы обратили внимание на описанные С.В. Лалазаровым конструкции, сложенные из плинфы на цемяночном растворе и находящиеся в северной и южной боковых апсидах ц. Георгия в Старой Ладоге, сооруженной во второй половине XII в. (2002. С. 107). Исследователь архитектуры храма пишет о столах в виде сегментов, причем если в южном столе нет ниши, то в северном устроена “прямоугольная ниша-ковчег, выходящая узким устьем на его вертикальную западную стенку”. Отмечается также, что вертикальные поверхности столов не были расписаны, в чем мы видим дополнительное сходство со стенкой в Кидекше, также не расписанной.

Еще подробнее боковые алтари ц. Георгия в Ладогe описаны в отдельной работе С.В. Лалазарова (2007. С. 64–70), в которой сообщается, что северный “ритуальный стол” (рис. 2) устроен без перевязки со стенами храма, но сложен в той же технике кладки и появился до росписи, последовавшей за сооружением стен. Высота конструкции от пола составляет около 70 см, что сравнимо с высотой конструкции в храме Кидекши. Примерно то же сказано и о цельной конструкции в южной апсиде ц. Георгия, в которой, соответственно, не было ни пространства внутри, ни дверцы.

Детальное сравнение конструкции в северной апсиде ц. Бориса и Глеба в Кидекше с конструкцией в северной апсиде ц. Георгия в Ладогe говорит о том, что перед нами практически идентичные сооружения (“малые алтари”) сегментовидной формы (рис. 3). Можно предполагать, что эти схожие конструкции первоначально были накрыты плитами или единой плитой: об этом говорит ровный обрез стенок или массивов кладки (последнее — в случае с конструкцией в северной апсиде ц. Георгия в Ладогe).

Отметим, что в книге Т.А. Чуковой, собравшей сведения об устройстве алтарных частей древнерусских домонгольских храмов, подобные алтарные конструкции не выделены, хотя при описании алтарной части ц. Георгия в Старой Ладогe говорится, со ссылкой на работу Л.А. Лалазарова 2002 г., о расположенных в боковых апсидах этого храма “столообразных конструк-

Рис. 2. Церковь Георгия в Старой Ладогe. Конструкция в северной апсиде, вид с запада.

Fig. 2. The Church of St. George in Staraya Ladoga

циях”, имеющих “сегментообразную форму”, причем отдельно отмечена конструкция в северной апсиде, «которая могла быть как жертвенником, так и придельным престолом “без обхода”»; тут же указано на нишу в этой конструкции (Чукова, 2004. С. 57).

Мы можем указать на еще один памятник новгородской архитектуры середины – второй половины XII в., в котором есть подобная конструкция в северной боковой апсиде, на так называемую ц. на Ладожке, где “в северной апсиде уцелела часть кладки (вероятно, основание жертвенника)” (Бранденбург, 1896. С. 319. Табл. LX).

Т.А. Чукова в работе об устройстве алтарей ладожских храмов XII в. упоминает эту конструкцию: “На чертеже храма обозначена и каменная стенка с проемом в центре, располагавшаяся внутри северной апсиды храма. Как и аналогичная конструкция в южной апсиде Спасской церкви, эта стенка могла служить основанием *преграды* придельного алтаря, хотя следы престола в северной апсиде зафиксированы не были” (2002. С. 66, 67). Нельзя согласиться с этим мнением, поскольку, в отличие от стенки в южной апсиде Спасской церкви в Ладогe и других стенок, выделяющих значительную часть апсиды для устройства в ней придела (Седов, 20156), стенка в северной апсиде храма на Ладожке

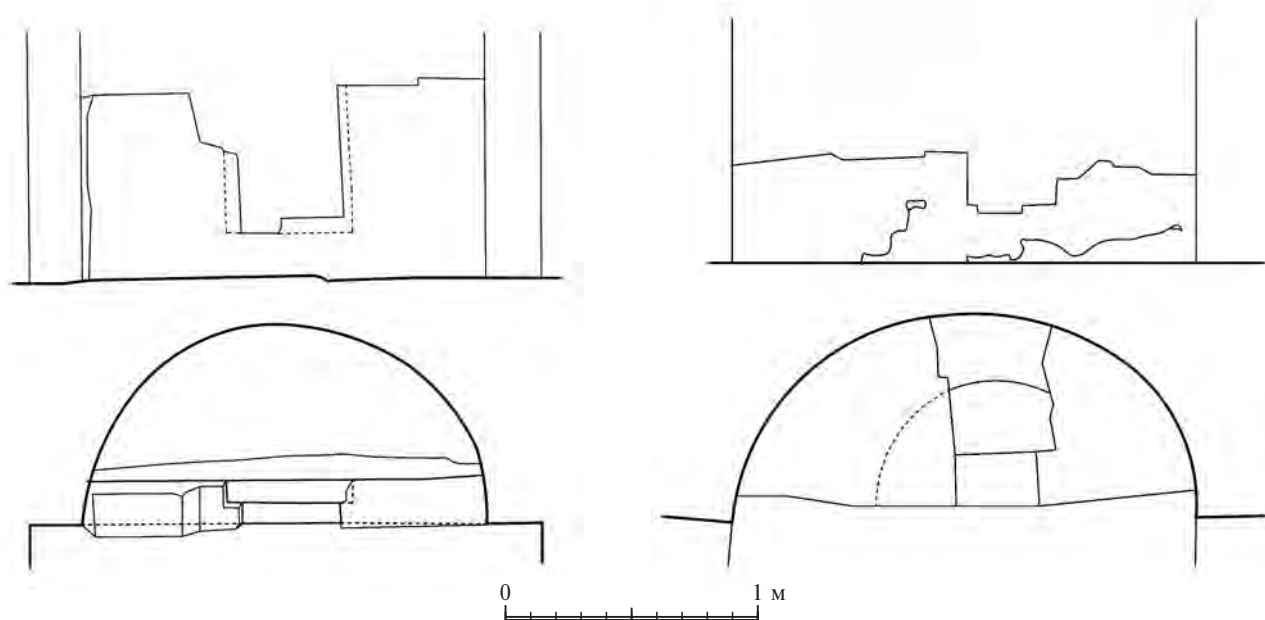

Рис. 3. Сравнение фасадов и планов конструкций в северных апсидах ц. Бориса и Глеба в Кидекше (1) и ц. Георгия в Старой Ладогe (2).

Fig. 3. The comparison of facades and construction plans in northern apses of the churches of Boris and Gleb in Kideksha (1) and St. George in Staraya Ladoga (2)

выделяла лишь самое окончание северного отделения алтаря этого памятника, собственно, апсиду, совершенно так же, как это мы видели в северных апсидах ц. Бориса и Глеба в Кидекше и ц. Георгия в Старой Ладоге.

Стенка в северной апсиде церкви на Ладожке в Ладоге принадлежит к тому же виду конструкций и является, по всей вероятности, сегментовидным престолом придельного (малого) алтаря. Все три стенки названных храмов, ц. Бориса и Глеба в Кидекше, Георгия в Старой Ладоге и церкви на Ладожке в Старой Ладоге составляют особую группу, устроенную в целом сходным образом (рис. 4). Отметим, что для этой группы характерны стенки, выделяющие небольшое пространство малых северных апсид, в них устраивается проем с дверцей. Они и маркируют сегментное поле алтаря, а проемы нужны для закладки мощей: для сравнения укажем на целый ряд древнерусских престолов-ковчегов (Чукова, 2004. С. 65; Седов, Вдовиченко, 2015. С. 108–111) с полым нутром, в которых с задней стороны устроен проем прямоугольных очертаний.

В случае с сегментовидными престолами в малых апсидах обход был невозможен, поэтому

проем для закладки мощей можно было устроить только с запада, тогда как у престолов-ковчегов, по нашим наблюдениям, проемы устроены только с востока, т.е. не были видны из храма.

Южный стол в ц. Георгия в Ладоге является исключением, поскольку в нем нет внутреннего пространства и, соответственно, нет и проема в стенке. Это может означать, что стол служил жертвенником, а не престолом придела. Таким образом, формальных признаков престола в северном приделе можно выделить два: наличие у стола дверок или ниши для мощей; даже при их отсутствии размещение стола по оси апсиды (столы из сплошной кладки без ниш и дверок в северной апсиде известны и в гораздо более позднее время, например в соборе Высоко-Петровского монастыря 1512–1519 гг.: Беляев, 1994/1995. Табл. 125; 127). Важным дополнительным признаком служит наличие стенных ниш для жертвенников как в главном алтаре, так и в придельном храме.

Итак, перед нами примеры редкого вида малого (придельного) алтаря; эта малая архитектурная форма в древнерусской архитектуре пока (на основании выделенных памятников) может быть

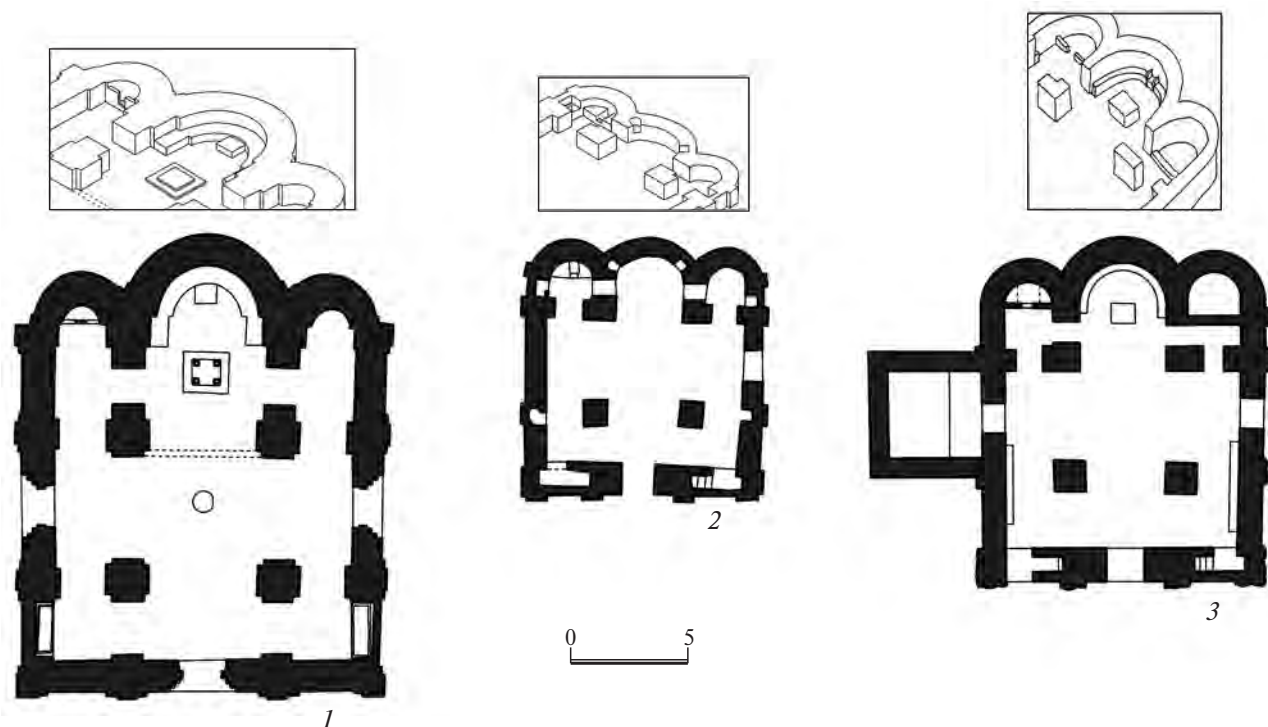

Рис. 4. Планы церквей и аксонометрии алтарных пространств: Бориса и Глеба в Кидекше (1), Георгия в Старой Ладоге (2), церкви на Ладожке в Старой Ладоге (3).

Fig. 4. The churches plans and the axonometries of the altar spaces of Boris and Gleb in Kideksha (1), St. George in Staraya Ladoga (2), church on Ladozhka in Staraya Ladoga (3)

датирована в пределах от середины XII до начала XIII в. Вполне возможно, что будут обнаружены и другие примеры подобных устройств, но пока группа сегментовидных престолов с ограничивающими их стенками насчитывает три примера на территории Древней Руси.

С большой долей вероятности можно говорить о том, что выделенная нами группа малых престолов сегментовидной формы пришла на Русь из Византии. Однако сейчас мы не можем указать на подобные конструкции в самой Византии. Есть почти идентичные по форме конструкции в апсидах боковых восточных капелл монастырской ц. Успения в Грачанице (1315–1321 гг.), составленные из камней (т.е. стенки здесь составные, а не стены из кладки, как на Руси) и помещенные в боковые апсиды церкви. В этих сегментовидных престолах сохранились каменные столешницы и прямоугольные дверцы, ведущие внутрь престолов (рис. 5). Престолы боковых восточных капелл Грачаницы, пусть и более поздние по сравнению с подобными

престолами в северных боковых апсидах Ладуги и Кидекши, говорят о том, что перед нами фрагмент более широкой традиции, включавшей в себя и разработку малых архитектурных форм. И традиция эта, безусловно, византийская.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьева Т.И.* Литургическая терминология в славянских служебниках XIII–XV вв.: Эволюция литературной нормы и церковного узуса // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 250–266.
- Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII–XV вв.) по данным археологии. М.: ИА РАН, 1994. 458 с.
- Бранденбург Н.Е.* Старая Ладога / Рисунки и техническое описание академика В.В. Суслова. СПб.: РАО, 1896. 323 с.
- Лалазаров С.В.* Архитектура церкви св. Георгия // Церковь св. Георгия в Старой Ладого: история, архитектура, фрески: Монографическое исследование памятника XII в. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 69–124.
- Лалазаров С.В.* Реконструкция алтарной части церкви святого Георгия в Старой Ладого // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007 (Тр. ГЭ; Вып. XXXIV). С. 59–73.
- Седов Вл.В.* Омфалий церкви Бориса и Глеба в Кидекше и подобные формы в интерьерах древнерусских храмов // Города и веги Средневековой Руси: археология, история, культура: К 60-летию Н.А. Макарова. Москва; Вологда: Древности Севера, 2015а. С. 349–364.
- Седов Вл.В.* Стенка в южной апсиде собора Пантелеймонова монастыря и алтарные преграды приделов новгородских храмов XII в. // РА. 2015б. № 4. С. 113–122.
- Седов Вл.В., Вдовиченко М.В.* Раскопки Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде в 2014 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29: Материалы XXIX научн. конф., посвящ. 150-летию Новгородского музея-заповедника (Великий Новгород, 27–29 января 2015 г.). Великий Новгород, 2015. С. 98–122.
- Седов Вл.В., Папин И.В., Шполянский С.В., Милованов С.И., Федорина А.Н.* Церковь свв. Бориса и Глеба в Кидекше по результатам работ 2011–2012 гг. // АО 2010–2013 годов. М.: ИА РАН, 2015. С. 269–272.
- Чукова Т.А.* Архитектура алтарей ладожских храмов XII века (по материалам раскопок Н.Е. Бранденбурга) // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: сб. ст. / Ред. Е.Н. Носов. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. С. 63–69.
- Чукова Т.А.* Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 224 с.

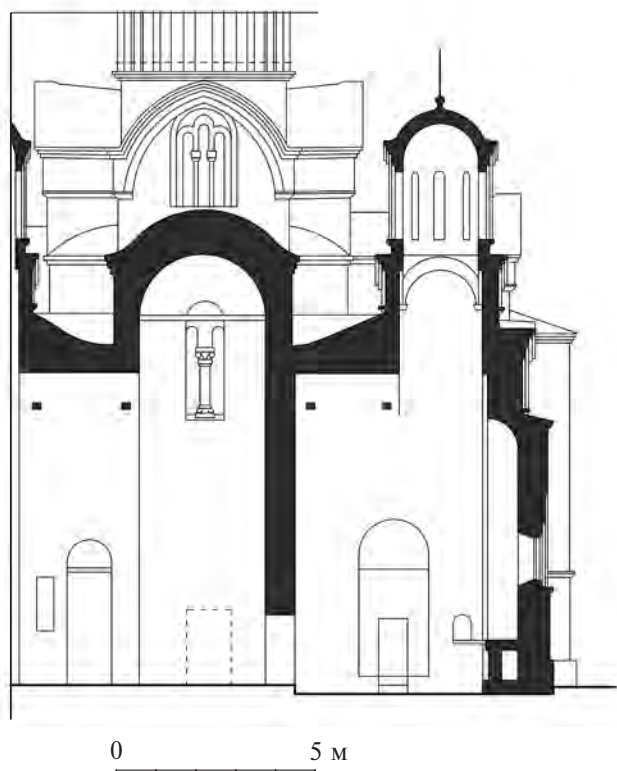

Рис. 5. Разрез южной капеллы ц. Успения в Грачанице с показанием престола.

Fig. 5. The cut of the southern chapel of the Church of the Assumption in Grachanitsa with the indication of the altar

ON THE STRUCTURE IN THE PROTHESIS OF STS BORIS AND GLEB CHURCH IN KIDEKSHA

Vladimir V. Sedov

Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: sedov1960@mail.ru

The article publishes a stone structure found during excavations in the northern lateral apse of Sts Boris and Gleb Church in Kideksha. The wall with a door dates back to the early 13th century and can be interpreted as a part of the side altar. Similar designs of a side altar segmented in plan have also been noted in two churches in Staraya Ladoga dating to the second half of the 12th century. A specific, previously unknown, group of side altars is distinguished. The assumption about the Byzantine origin of this type of altars is made. The author indicates the only analogue so far found in the countries of the Byzantine world: the altars of the lateral chapels of the Assumption Church in Gracanica of the early 14th century.

Keywords: Ancient Rus, Old Russian architecture, side-altars, altars, small architectural forms, small altars, lateral apses.

REFERENCES

- Afanas'yeva T.I., 2012. Liturgical terminology in the Slavic service books of the 13th – 15th centuries: Evolution of the literary norm and church usage. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian language in scientific presentation]*, 1(23), pp. 250–266. (In Russ.)
- Belyayev L.A., 1994. Drevnie monastyri Moskvyy (konets XIII–XV vv.) po dannym arkheologii [Ancient convents of Russia (the late 13th–15th) according to the archaeological data]. Moscow: IA RAN. 458 p.
- Brandenburg N.E., 1896. Staraya Ladoga [Old Ladoga]. V.V. Suslov, ill. St. Petersburg: Russkoye arkheologicheskoye obshchestvo. 323 p.
- Lalazarov S.V., 2002. The architecture of St. George church. *Tserkov' sv. Georgiya v Staroy Ladoge: istoriya, arkhitektura, freski: Monograficheskoye issledovanie pamyatnika XII v. [St. George church in Old Ladoga: history, architecture, wall painting: Monographic study of the monument of the 12 c.]*. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 69–124. (In Russ.)
- Lalazarov S.V., 2007. Reconstruction of the altarpiece of St. George church in Staraya Ladoga. *Izuchenie i restavratsiya pamyatnikov drevnerusskoy arkhitektury i monumental'nogo iskusstva [Study and restoration of the monuments of Old Russian architecture and monumental art]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo GE, pp. 59–73. (Trudy GE, XXXIV). (In Russ.)
- Sedov V.V., 2015a. Omphalia of the Church of Boris and Gleb in Kideksha and similar forms in the interiors of the Old Russian churches. *Goroda i vesi Srednevekovoy Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura: K 60-letiyu N.A. Makarova [The towns and the territories of the Medieval Rus: archaeology, history, culture: To N.A. Makarov 60th jubilee]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 349–364. (In Russ.)
- Sedov V.V., 2015b. The wall of southern apse of the Panteleimon Monastery and the choir screen of the side-altar of the Novgorod temples of the 12th c. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 113–122. (In Russ.)
- Sedov V.V., Vdovichenko M.V., 2015. Excavations of the St. George cathedral of the Jury monastery in Novgorod the Great in 2014. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]*, 29. Velikiy Novgorod, pp. 98–122. (In Russ.)
- Sedov V.V., Papin I.V., Shpolyanskiy S.V., Milovanov S.I., Fedorina A.N., 2015. The church of Sts Boris and Gleb in Kideksha according to the results of excavations of 2011–2012. *Arkheologicheskie otkrytiya 2010–2013 godov [Archaeological discoveries of 2010–2013]*. Moscow: IA RAN, pp. 269–272. (In Russ.)
- Chukova T.A., 2002. Architecture of altars of Ladoga temples of the 12th century (based on excavations by N.E. Brandenburg). *Staraya Ladoga i problemy arkheologii Severnoy Rusi: sbornik statey [Old Ladoga and the problems of archaeology of Northern Rus: collection of articles]*. E.N. Nosov, ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo GE, pp. 63–69. (In Russ.)
- Chukova T.A., 2004. Altar' drevnerusskogo khrama kontsa X – pervoy treti XIII v. Osnovnye arkhitekturnye elementy po arkheologicheskim dannym [Altar of Old Russian church of the late 10th – first third of 13th c. Main architectural elements according to the archaeological data]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedenie. 224 p.

МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО КИТАЙСКОГО ТИПА ИЗ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

© 2018 г. О.М. Олейников^{1,*}, К.А. Руденко^{2,**}

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия

² Казанский государственный институт культуры, Россия

* E-mail: Olejnikov1960@yandex.ru

** E-mail: murziha@mail.ru

Поступила в редакцию 23.10.2017 г.

В Великом Новгороде в слое второй половины XIII в. найдено миниатюрное металлическое зеркало, на котором изображен китайско-тюркский 12-летний календарный цикл. Находка имеет четкий археологический контекст и представляет новый тип восточных древностей, впервые зафиксированный на территории средневековой Руси. По составу зеркало отвечает природному медному штейну, состоящему из сульфидов меди и железа, что указывает на его непосредственное изготовление из продукта плавки медной руды.

Ключевые слова: Великий Новгород, металлическое зеркало, китайские амулеты-календари, китайско-тюркский 12-летний животный цикл, культурные контакты.

DOI: 10.31857/S086960630001655-9

В 2016 г. Новгородской экспедицией Института археологии РАН при проведении спасательных археологических работ в южной части Славенского конца на Торговой стороне Великого Новгорода (раскоп Посольский-2016) был обнаружен уникальный для средневековой Руси артефакт — миниатюрное металлическое зеркало китайского типа (№ п/о 164, кв. Б-4, гл.—287 см).

Находки металлических зеркал на Руси крайне редки. Обнаруженный экземпляр представляет собой оригинальный тип восточных древностей, впервые зафиксированный на территории средневековой Руси (рис. 1, 1, 2). Необычное декоративно-художественное оформление и уникальный химический состав отличают его от других типов металлических зеркал XII–XIV вв.

Зеркало имеет традиционную для этой категории находок форму круглого диска диаметром 5 см, шириной 0.2 см. Около ¼ его части по внешнему поясу утрачено. Вес находки после реставрации 21.78 г.

У зеркала, найденного в Великом Новгороде, нет выраженного бортика, что, за небольшими исключениями, не типично для металлических зеркал Восточной Европы XIII–XIV вв. (Полякова, 1996. С. 223; Руденко, 2004. С. 143–154. Рис. 8–19).

В центре обратной стороны в пределах окружности диаметром 1.5 см расположена ручка в виде полусферы с горизонтальным сквозным отверстием диаметром 0.2 см, высотой 0.3 см (рис. 2). Наличие нечетких линий позволяет предположить, что поле вокруг ручки изначально могло быть орнаментированным. Полусферическая ручка-петелька характерна для зеркал китайского происхождения (Руденко, 2004. С. 150. Рис. 15, 8, 10), хотя в эпоху Золотой Орды появились их аналоги в виде конического колпачка с боковыми отверстиями или полусферической петельки, припаивавшихся в центре оборотной стороны предмета (Руденко, 2004. С. 138. Рис. 3, тип С-I).

Рефлекторная сторона зеркала, происходящего с раскопа Посольский-2016, гладкая (рис. 1, 2, 3), обратная — декорированная (рис. 1, 1). Орнамент расположен в пределах двух поясов, образованных окружностями разного диаметра. Он плохо различим, но по аналогиям можно предположить, что здесь изображены реальные животные, включая фантастического змия-дракона, в существование которого искренне верили в Средневековье. По кругу (по часовой стрелке) расположены заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух, собака и кабан. Фигуры вписаны в трапециевидные сектора, разделен-

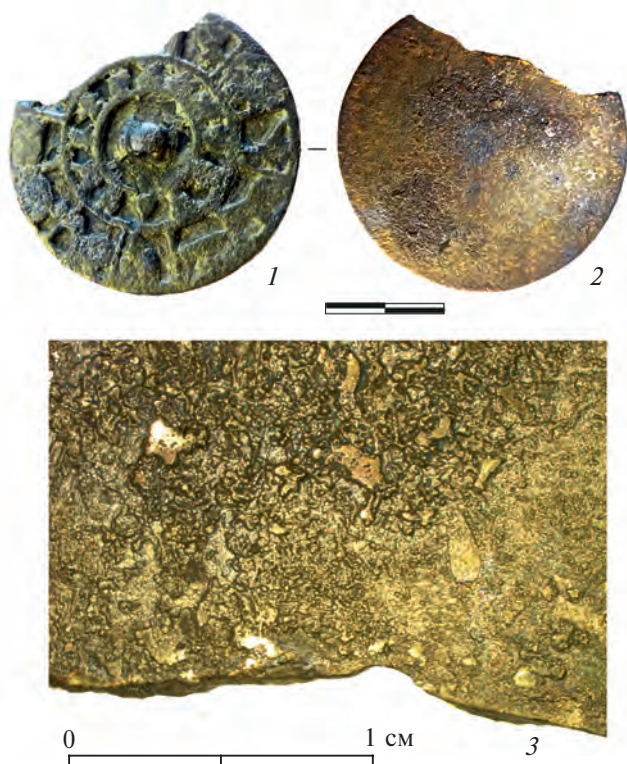

Рис. 1. Металлическое зеркало из раскопок в Великом Новгороде. 1 — обратная сторона; 2 — рефлекторная сторона; 3 — поверхность рефлекторной стороны (изображение получено на стереомикроскопе *Olympus SZ61*). Фото О.М. Олейникова.

Fig. 1. Metal mirror from excavations in Veliky Novgorod

ные между собой короткими лучами-отрезками, условно сходящимися к центру (рис. 3, 1). Ширина внешнего пояса 0.9–1 см.

Под изображением каждого животного, по-видимому, должен находиться китайский числительный иероглиф (сохранились их неясные следы), соответствующий неизменному порядковому номеру животного в их общем ряду. Иероглифы образуют внутренний пояс, ширина которого 0.6–0.7 см.

В древностях Волжской Булгарии и Булгарской области Золотой Орды, а также на территории средневековой Руси аналогий зеркалу, найденному на раскопе Посольский-2016, пока не обнаружено. Но подобные изображения есть на китайских двусторонних круглых амулетах-календарях, происходящих из Сибири и Дальнего Востока¹ (рис. 3, 2–4).

¹ Авторам известен еще один предмет — миниатюрное зеркало очень хорошей сохранности. Но этот замечательный артефакт, находящийся в частной коллекции, является беспаспортной находкой, поэтому не может быть введен в научный оборот.

Рис. 2. Полусферическая ручка-петелька. 1 — вид сверху (стрелкой показано направление отверстия); 2 — вид сбоку. Изображения получены на стереомикроскопе *Olympus SZ61*.

Fig. 2. Hemispherical handle-loop.

Один бронзовый амулет диаметром 6.1 см был найден в 1945 г. на ур. Басандайка (Томская обл., Западная Сибирь) во время раскопок кург. № 42 в погр. № 1 (рис. 3, 2). Его изготовление А.В. Маракуев относил к IX–X вв. — концу Танской — началу Сунской династии в Китае. Такой же амулет (без указания датировки) опубликован в каталоге 1750 г. “Цинь-дин цян-лун” знаменитой пекинской нумизматической коллекции богдыхана Шунь-Хуанди, где он назван “китайским чохом” (Маракуев, 1947. С. 171, 172). Еще два амулета были обнаружены на чжурчженьских памятниках Приморья (рис. 3, 3, 4) — городищах Шайгинское и Ананьевское (жилище 80), датирующихся временем существования государства Восточное Ся (1215–1233 гг.), входившего в состав империи Цзинь (Артемьева Н.Г., Артемьева П.А., 2012. С. 172–175. Рис. 3).

В Китае подобные амулеты назывались “древними деньгами” и “счастливым металлом”. В китайских нумизматических сочинениях для них даже существовал особый термин — “сорт монет, предназначенный для задавливания и преоборе-

Рис. 3. Изображения. 1 – металлическое зеркало (раскоп Посольский-2016, Новгород Великий); 2 – китайский амулет (ур. Басандайка, Томская обл., Западная Сибирь: Маракуев, 1947. С. 172. Рис. 3); 3 – амулет (городище Шайгинское, Приморье; Артемьева Н.Г., Артемьева П.А., 2012. С. 172–175. Рис. 3); 4 – амулет (городище Ананьевское, Приморье; Артемьева Н.Г., Артемьева П.А., 2012. С. 172–175. Рис. 3).

Fig. 3. Images

ния нечистой силы” (Артемьева Н.Г., Артемьева П.А., 2012. С. 174; Алексеев, 1912. С. 1).

Стоит сказать, что сюжеты на зеркалах с фантастическими животными распространились в Китае еще в период Западной Хань (25–220 гг.н.э.), а реплики таких зеркал встречались и позже – в эпоху Ляо и Цзинь (Circles of reflection..., 2000. Р. 54, 55. № 40, 41).

Похожий животный ряд, но без иероглифов, изображен на древнеболгарском календаре (Войников, 2010. С. 13). Высказано мнение, что

и волжские булгары в XI–XIV вв. использовали летоисчисление по животному календарю (Беркутов, 1987. С. 9–11).

Сопоставляя изложенные выше данные, можно констатировать, что на зеркале, обнаруженном в Новгороде, представлен китайско-тюркский 12-летний животный цикл – широко известная концепция летоисчисления².

² Авторы благодарны главному научному сотруднику отдела средневековой археологии ИА РАН д-ру ист. наук А.В. Чернецову за консультации.

Эта система вошла в употребление в начале нашей эры и дожила до XXI в., оставаясь основой народного календаря. Наиболее широкое распространение получила в VIII–XIV вв., что нашло отражение в письменности многих народов. Монгольское завоевание значительно расширило ее употребление, позволив в XIII в. проникнуть далеко на запад. На Руси 12-летний животный цикл получил известность благодаря монгольским и тюркским народам (Захарова, 1960. С. 32, 33; Chavannes, 1906. P. 60).

Суть системы заключается в том, что годы (“лета”) именуются не по числам (номерам), а по именам животных, расположенных в определенном порядке; каждому животному соответствует свой циклический знак-иероглиф: лета: [1) *мышье* — цзы 子, 2) *волосо* — чоу 丑, 3) *пардуше* — инь 寅³, 4) *заячье* — мао 卯, 5) *змиево* (змей, дракон) — чень 辰, 6) *змиино* (змея) — сы 巳, 7) *конево* — у 午, 8) *овечье* — вэй 未, 9) *обезьянино* — шень 申, 10) *курячее* — ю 酉, 11) *песье* — сю 戌, 12) *свиное* — хай 亥.

В течение 12 лет проходит полный круг этих имен, на 13 год начинается новый цикл, идущий строго в том же порядке. Время, таким образом, воспринимается без начала и конца. Соответственно, годовые циклы не имеют начальной даты, поскольку не отсчитываются от какого-либо определенного года. Это обстоятельство затрудняло использование данной системы летоисчисления.

Древнейшим примером употребления дальневосточного календаря в оригинальном русском письменном памятнике является надпись на белокаменном резном кресте с западной стены Мартирьевской паперти новгородского Софийского собора (новгородский Алексеевский крест).

По мнению А.А. Турилова, “темное место” в надписи — небольшой промежуток между словами “в Новгороде” и “повелением” следует читать как “овцаго” (овцаго = овчаго), т.е. “овечьего”. В таком случае реконструируемое “овчаго лета” означает “в год овцы” и служит указанием на порядковый номер года (8 от начала цикла по китайскому календарю) внутри дальневосточного 12-летнего зодиакального круга. В период нахождения архиепископа Алексия на новгородской кафедре (1359–1388 гг.) “овчее лето”

наступало два раза — в 1367 и 1379 гг. (Турилов, 2007. С. 575). Это своего рода относительная хронология. Как отмечалось выше, отсутствие в 12-летней системе начального года исчисления не позволяет остановиться на какой-либо одной дате.

Указания на год по дальневосточному (китайскому) зодиакальному кругу также известны по русским переводам ханских ярлыков XIII–XIV вв., выданных русским митрополитам. В ярлыках ордынского хана Менгу-Тимура, выданных русскому духовенству и монашеству от 10 августа 1267 г., и ордынской ханши Тайдулы, выданному митрополиту Феогносту от 7 марта 1351 г., годы обозначены как “заекого/заечия лета”. Еще один ярлык Тайдулы был выдан митрополиту Иоанну 25 сентября 1347 г. и в нем — упоминание “свиного лета” (Русский феодальный архив..., 1987. С. 587–590; Львовская летопись..., 1910. Л. 254; 255, 256).

Зеркало, обнаруженное на Посольском-2016 раскопе, по своему назначению является сырьевым ресурсом для ремесленного производства, о чем свидетельствуют материалы раскопа. Оно было обнаружено среди медного лома на усадьбе “Б” (в раскоп вошли только внутренние части двух выгороженных частокотлом наделов) в пределах жилой постройки в слое третьей четверти XIII в. (рис. 4).

Датировка ярусов произведена по находкам фрагментов браслетов из стекла. Начало поступления стеклянных браслетов (выпадения их обломков в культурный слой Новгорода) попадает на первое или второе десятилетие XIII в. (Олейников, 2002. С. 52; 2015. С. 205). Максимальное их выпадение в слой приходится на 30–40-е годы XIII в. В слоях второй половины XIII в. их количество резко уменьшается. В нашем случае первые стеклянные браслеты обнаружены в слоях восьмого яруса. Максимальное их обнаружение приходится на седьмой ярус. В слоях шестого яруса количество найденных фрагментов стеклянных браслетов уменьшается в 4 раза. В слоях пятого-второго ярусов обнаружено только по одной находке этой категории импортных украшений (рис. 5). Так как зеркало обнаружено в нижних слоях шестого яруса, можно датировать выпадение в слой этой находки серединой — третьей четвертью XIII в.

В слоях шестого яруса зафиксированы также следы различных ремесел. Особенно хорошо

³ Годы (лета), заключенные в квадратные скобки, на фрагменте зеркала, обнаруженного в Новгороде, утрачены.

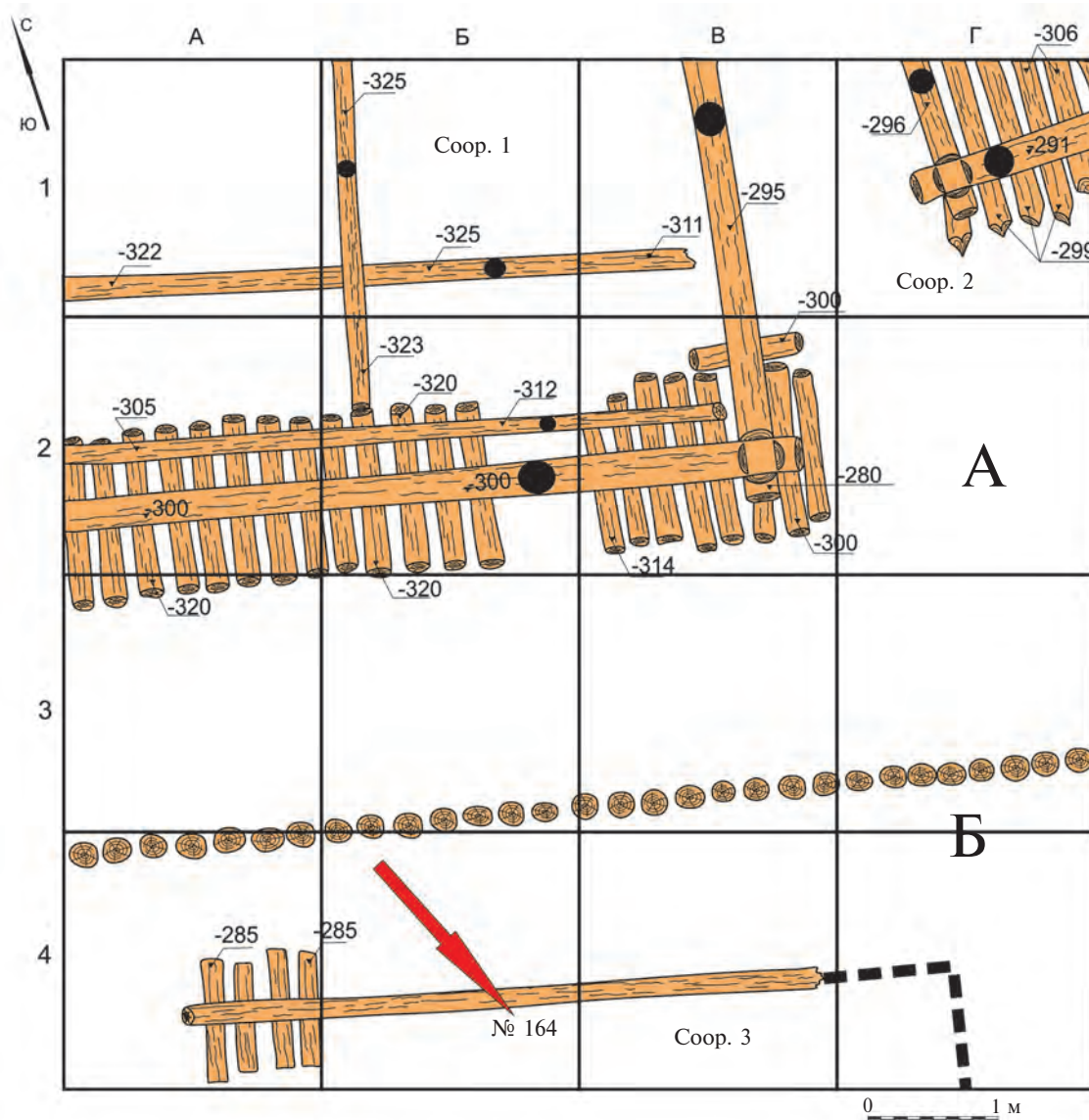

Рис. 4. Великий Новгород. Раскоп Посольский-2016. План яруса 6. Стрелкой показано место обнаружения зеркала.

Fig. 4. Veliky Novgorod. Posolsky-2016 excavation. Plan of horizon 6. An arrow points at the place the mirror was found at

представлен комплекс находок, характеризующий бронзолитейное производство.

Основным ремеслом у жителей этого участка Славенского конца было изготовление заклепок из листовой меди, вырезанной из обломков медных сосудов. На раскопе обнаружены как сами заклепки, так и несколько сот обрезков медных пластин, приготовленных для переработки.

Использование фрагментов расколотых зеркал в производственно-технологических операциях было достаточно распространенным явлением; оно также отмечено на ряде болгарских

поселений золотоордынского времени (Руденко, Беговатов, 2016. С. 196, 198).

Химический состав зеркала был определен с помощью рентгенофлуоресцентного анализа⁴ (неразрушающий количественный элементный анализ всей поверхности зеркала в толщине слоя до 500 мкм). Полученные результаты представлены в табл. 1.

⁴ Состав сплава был определен в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН на рентгенофлуоресцентном спектрометре *Axios* ведущим специалистом метода А.И. Якушевым. Метод обеспечен утвержденными методиками анализа и государственными стандартными образцами.

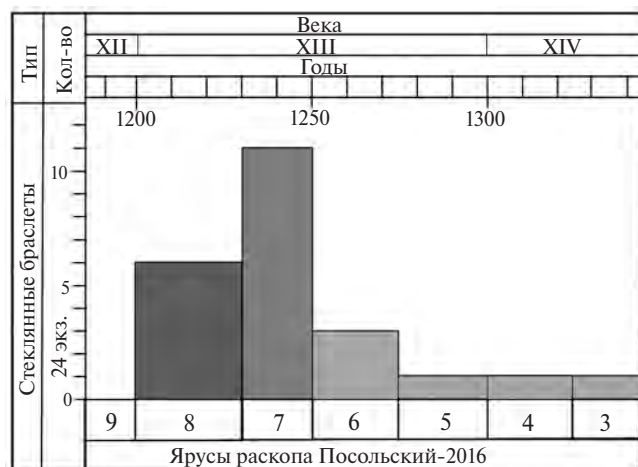

Рис. 5. Полигон распространения стеклянных браслетов в культурном слое раскопа Посольский-2016.

Fig. 5. The distribution of glass bracelets in the cultural layer of the Posolsky-2016 excavation

Таблица 1. Великий Новгород, раскоп Посольский-2016. Химический состав зеркала китайского типа (%). Рентгенофлуоресцентный анализ

Table 1. Veliky Novgorod. Posolsky-2016 excavation. Chemical composition of a mirror of the Chinese type (%). X-ray fluorescence analysis

Элемент	Стороны	
	Рефлекторная (гладкая)	Обратная (с изображениями)
Cu	40.70	40.77
Fe	24.09	23.20
S	23.11	23.45
Sn	6.71	5.88
Pb	3.33	2.92
Zn	1.18	0.05
Si	0.34	2.05
Al	0.08	0.36
Sb	0.14	<0.02
As	<0.02	0.09

Таблица 2. Великий Новгород, раскоп Посольский-2016. Химический состав зеркала китайского типа (%). Метод электронной микроскопии

Table 2. Veliky Novgorod. Posolsky-2016 excavation. Chemical composition of a mirror of the Chinese type. Method of electron microscopy

Аналитический спектр	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
								Сканирование по всему включению (участок В)		
	Халькопирит (Cu–Fe–S)			Оловянно-свинцовое включение (Sn–Pb) (область В)						Включение кварца (область А)
Cu	39.55	40.08	35.92	5.5	6.16	29.19	11.25	9.1	9.24	—
Fe	31.85	29.33	29.13	1.46	1.65	14.41	2.4	2.4	2.44	—
S	28.6	30.59	34.95	4.08	4.72	24.36	9.65	5.08	5.18	—
Sn	—	—	—	14.67	17.26	11.43	5.5	29.97	30.56	—
Pb	—	—	—	49.96	55.27	20.6	44.17	27.63	28.02	—
P	—	—	—	3.67	4.25	—	1.67	2.04	2.08	—
Si	—	—	—	—	—	—	—	—	—	36.3
O	—	—	—	20.66	10.68	—	25.36	23.77	22.48	63.7
	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

Для определения степени однородности сплава был использован метод электронной микроскопии⁵. Получены спектры химического состава в микрообъеме вещества и электронно-микроскопические изображения поверхности зеркала

в обратно-рассеянных электронах (*BSE*), дающие композиционный контраст. Это означает, что образец, имеющий области, различающиеся по химическому составу, имеет контрастные изображения: фаза, содержащая тяжелые элементы (в нашем случае — свинец и олово), будет более светлой по сравнению с фазой, сложенной более легкими железом, медью, серой (табл. 2; рис. 6).

Проведенные исследования показали, что сплав достаточно однороден, его основу состав-

⁵ Микронзондовый анализ проведен в лаборатории кристаллохимии минералов ИГЕМ РАН на аналитическом сканирующем низковакуумном электронном микроскопе *JSM-5610LV*, оснащенный энергодисперсионным рентгеновским спектрометром *INCA Energy-450*, канд. геолого-минералог. наук Н.В. Трубкиным.

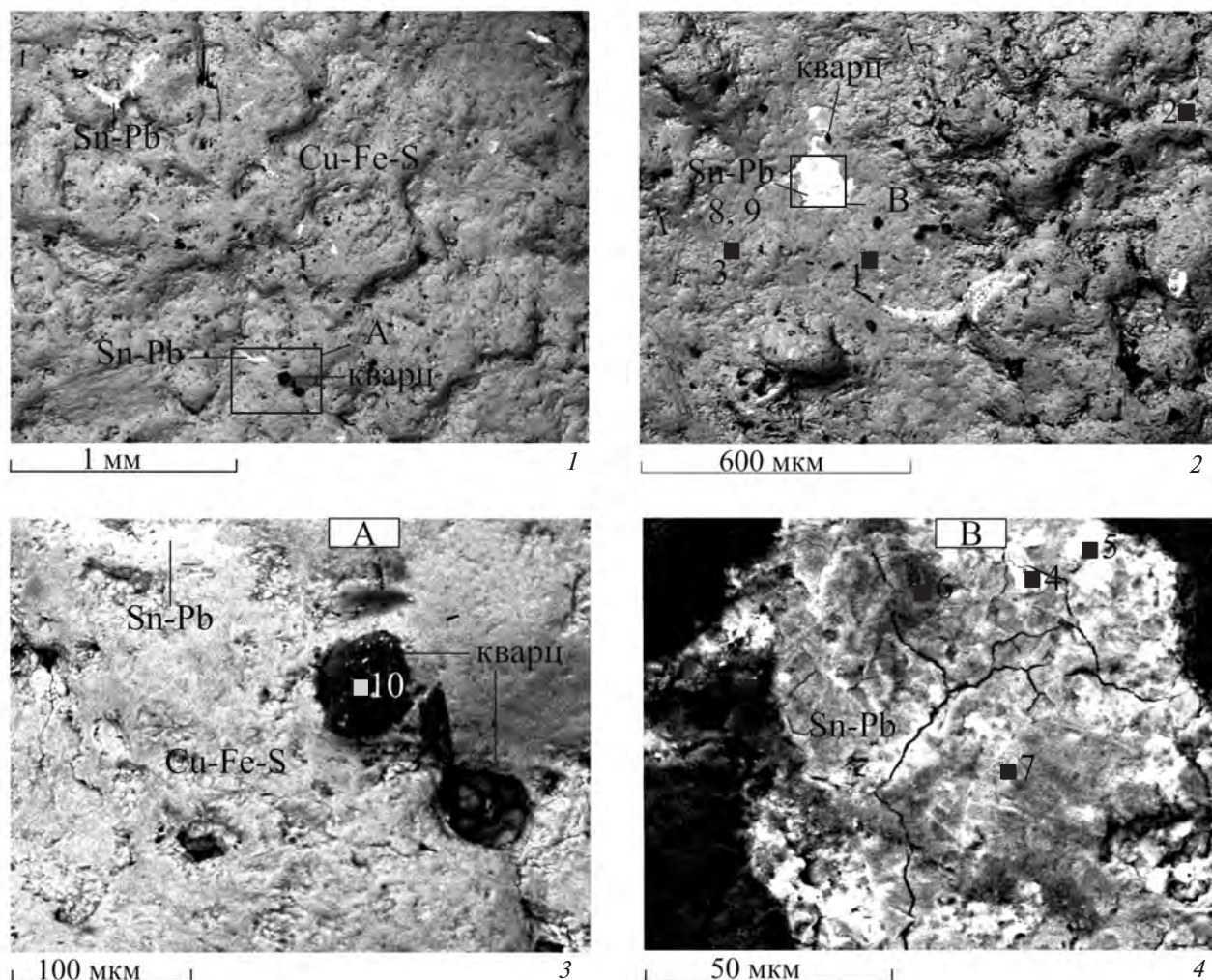

Рис. 6. Электронно-микроскопические изображения поверхности зеркала, обнаруженного на раскопе Посольский-2016, Великий Новгород. Цифрами обозначены номера анализов. 1 – композиционный контраст в режиме обратно-рассеянных электронов (BSE); 2 – оловянно-свинцовое включение в халькопирите. Прямоугольником выделена область В; 3 – включение кварца в халькопирите. Прямоугольником выделена область А; 4 – композиционный контраст, микроанализ включения. Прямоугольником выделена область В. Серые области образованы медью, железом и серой (анализы 1–3), белые – преимущественно оловом, свинцом и медью с примесью серы (анализы 4–9), черные точки – кварц (анализ 10).

Fig. 6. Electron-microscopic images on the surface of a mirror found at the Posolsky-2016 excavation in Veliky Novgorod

ляют медь (40.7%), железо (23.2–24.09%) и сера (23.11–23.45%). Разброс содержаний основных компонентов незначительный. В качестве примесей присутствуют олово (5.8–6.7%), свинец (2.9–3.3%) и кремний (2.05%). На рефлекторной (гладкой) стороне зеркала отмечено повышенное содержание цинка по сравнению с обратной (орнаментированной) стороной (соответственно 1.18 и 0.05%).

Олово (Sn) и свинец (Pb) образуют в сплаве микровключения, на электронных фотографиях они имеют белый цвет (рис. 6). Для одного из

Sn–Pb-включений (рис. 6, 2, 4) было проведено общее сканирование (спектры 8, 9) и локальный анализ (спектры 4–7).

Присутствие кремния (Si) в сплаве связано с микровключениями кварца, который на электронных фотографиях имеет вид черных округлых точек (рис. 6, 1–3; спектр 10).

Повышенное содержание цинка на одной стороне и почти полное его отсутствие на другой, скорее всего, связаны с использованием многоразовой литейной формы, сохранившей следы прежних сплавов, содержащих цинк.

Повышенные содержания свинца, возможно, связаны с присутствием в руде свинцовых минералов (например, буланжерита $Pb_5Sb_4S_{11}$ или галенита PbS). Олово могли присаживать к меди и в виде металла, и в виде его природной двуокиси — касситерита (SnO_2), также широко распространенного в природе; последнее — более вероятно (Олейников, 2014. С. 296).

С технологической точки зрения присадка олова к меди увеличивает текучесть сплава в процессе отливки, определенные концентрации олова в разной степени снижают температуру плавления сплава. Кроме этого, сплав меди и олова (бронза) — более твердый, чем чистая медь (Левченков, 2006. С. 10).

Полученные сведения позволяют утверждать, что зеркало было изготовлено из промежуточной плавки халькопирита ($CuFeS_2$) — медной руды, хорошо известной древним металлургам (при полной плавке сульфидов сера выгорает). По сути, это медный штейн, состоящий из сульфидов меди и железа⁶.

В природе халькопирит распространен очень широко. Обычно он находится в ассоциации с другими минералами, содержащими медь (борнит, халькозин, пирит, пирротин), а также цинк (сфалерит), свинец (галенит) и другие элементы. Из нерудных минералов часто встречаются разные по составу силикаты и кварц (Бетехтин, 2007. С. 220–222).

Опубликованные анализы химического состава металла зеркал, найденных в Булгаре (Хлебникова, 1996. Табл. I, № 3; II, № 18–28; III, № 17–21; IV, № 17–20) показали, что изделий из такого сплава там нет. Дальневосточные зеркала, проанализированные Л.В. Коньковой, также из такого сплава не изготавливались (1989. Табл. 3, № 21 530–21 543, 26 531–26 557, 26 605–26 619). Высокое содержание железа не характерно и для китайских зеркал (Christman, 2000. Р. 105–110). Чаще всего железо в зеркальном сплаве составляет доли процента, а сера не отмечена вовсе (Scott, 2011. Р. 230–233). Следует отметить, что в эпоху поздней Хань некоторое количество зеркал производилось только из железа, но рисунки на них (как правило, фениксы) выполнялись инкрустацией серебром и золотом (Scott, 2011. Р. 204).

⁶ Штейны обычно содержат от 23–28% серы, 16–60% меди и 15–50% железа. Состав шлаков колеблется в широких пределах, но главными его составляющими всегда были кремнезем (45–30%) и закись железа (25–45%).

Химический состав амулетов-календарей, обнаруженных в Приморье, нам не известен. Про амулет, происходящий из ур. Басандайка, отмечено, что он “отлит из бронзы обычного для китайских вещей этого типа состава” (Маракуев, 1947. С. 171).

Без проведения изотопных исследований и прямых археологических подтверждений говорить о месте изготовления зеркала, найденного в Новгороде, можно только гипотетически. Скорее всего, его изготовили на территории, располагающей собственными рудными источниками. Возможно, это реплика китайского оригинала, выполненная в Поволжье в золотоордынское время.

Как отмечалось выше, для средневековых русских древностей в целом такая категория находок не типична. В Новгороде за все время его археологического изучения зафиксированы две подобные находки, происходящие с Неревского раскопа. В слое 60–80-х годов XII в. было найдено целое литое бронзовое зеркало диаметром 7 см (Седова, 1981. С. 171. Рис. 72, 6; 172). Оно имеет крестовидный орнамент, состоящий из двух пересекающихся в центре полос с крупными завитками между их концами и, по классификации Г.Ф. Поляковой, относится к типу В-1–31 (1996. С. 221. Рис. 72, 8). В слое 20–40-х годов XIV в. был обнаружен фрагмент бронзового зеркала плохой сохранности с изображением дракона⁷ (Козлова, 2005. С. 181. Рис. 4, 2).

Три фрагмента зеркал с крестово-арочным орнаментом обнаружены в Ростиславле-Рязанском. Один из них найден в заполнении постройки, датирующейся второй половиной XIII–XIV в. и содержащей комплекс вещей, принадлежавших, вероятно, ордынским чиновникам или тяжеловооруженным воинам (Коваль, 1998. С. 180, 181. Рис. 3, 1; 5; 2010. С. 79. Рис. 3).

Такой же орнамент присутствует на фрагменте зеркала, найденном на территории окольного города Серенска. Культурный слой памятника датируется XII–XIV вв., но наибольший расцвет приходится на вторую половину XII — первую треть XIII в. (Никольская, 1981. С. 140, 141).

В Москве (Зарядье, раскоп № 7, приречная трасса вдоль Москвы-реки, у линии будущей стены Китай-города), в слое второй половины XIV — начала XV в. (?), в комплексе с находка-

⁷ Первоначально этот артефакт был отнесен к накладкам, позже переатрибутирован как зеркало (Козлова, 2005).

ми, характерными для многих поселений Улуса Джучи (декоративные накладки и бляшки в виде цветка лотоса, ордынские монеты, фрагменты бронзовых браслетов, импортной керамики и др.), был обнаружен небольшой фрагмент зеркала с арабской надписью “насах” (Беляев, 2016. С. 32, 33. Рис. 10).

Еще один небольшой фрагмент (4,4×3 см) металлического зеркала из светлого серебристого сплава диаметром около 12 см с маленьким бортиком и одной орнаментальной полосой был найден во Владимире-на-Клязьме в сгоревшей постройке XII — начала XIII в., очевидно, служившей ремесленной мастерской (Родина, 1998. С. 171).

В южнорусских городах — на Райковецком городище (Гончаров, 1950. С. 111. Табл. XX, 16), в Чернигове, Звенигороде — бронзовые зеркала встречаются чаще. Особенно много их (20 экз.) найдено на Княжей горе. Датируются они домонгольским временем (Мезенцева, 1968. С. 69–72, 153. Табл. III).

Судя по опубликованным данным, эти артефакты встречаются в слоях как домонгольского, так и ордынского времени. Появление металлических зеркал на территории средневековой Руси следует рассматривать либо как прямое свидетельство присутствия здесь ордынцев (Ростиславль-Рязанский, Москва: Коваль, 2010. С. 80), либо как доказательство вторичного использования зеркал в качестве сырья для местного бронзолитейного производства. Только в случае с находками, происходящими с Княжей горы, можно говорить о производстве металлических зеркал, но не для местного населения, а для кочевников (Мезенцева, 1968. С. 71).

Введение в научный оборот миниатюрного металлического зеркала, обнаруженного в Новгороде, важно не только с точки зрения выявления и атрибуции редкого предмета восточного происхождения на территории средневековой Руси. Эта находка значима в контексте исследования духовной культуры населения Руси и сопредельных территорий, а также уточнения технологий ремесла и путей распространения ремесленных изделий и сырья для них.

Роль торговли и торговых коммуникаций в обеспечении ценным и редким сырьем русских ремесленников не раз поднималась в литерату-

ре, однако не всегда подтверждалась археологически. Особенно это касается редких по составу металлических вещей.

Импорт металла как хороший индикатор общности мира вещей является устойчивым признаком взаимного обмена, происходившего между разными культурами. Использование зеркал и зеркального лома в качестве сырья в местном ремесленном производстве позволяет рассматривать металлические зеркала, обнаруженные в Новгороде (и других древнерусских городах), как элемент взаимодействия этих культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.М.* Китайские монетовидные амулеты и благожелательные медали из коллекции Императорского Эрмитажа // Зап. Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. XXI. Вып. I–III. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1912. С. 1–52.
- Артемьева Н.Г., Артемьева П.А.* Календари-амулеты из чжурчженских памятников Приморья // Средневековые древности Приморья: сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 172–182.
- Беляев Л.А.* Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 18–43.
- Беркутов В.М.* Народный календарь и метрология булгаро-татар. Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. 95 с.
- Бетехтин А.Г.* Курс минералогии: учеб. пособ. М.: КДУ, 2007. 721 с.
- Войников Ж.* Алано-древнеболгарское письмо (в память проф. Г.Ф. Турчанинову). Велико-Тырново, 2010. 239 с. (На болг. яз.)
- Гончаров В.К.* Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН УССР, 1950. 219 с.
- Захарова И.В.* Двенадцатилетний цикл у народов Центральной Азии // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1960 (Тр. Института истории, археологии и этнографии; Т. 8). С. 32–65.
- Коваль В.Ю.* Предметы восточного импорта из Ростиславля-Рязанского // СА. 1998. № 2. С. 177–187.
- Коваль В.Ю.* Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред.: Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 76–85.
- Козлова А.В.* Восточные предметы быта, ремесла и торговли из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 19 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: НГОМЗ, 2005. С. 172–185.

- Конькова Л.В. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР (рубеж II—I тыс. до н.э. — XIII век н.э.). Л.: Наука, 1989. 126 с.
- Левченко С.И. Краткий очерк истории химии. Ростов н/Д.: РГУ, 2006. 117 с.
- ПСРЛ. Т. 20: Львовская летопись. Ч. 1. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. 419 с.
- Маракуев А.В. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка: сб. материалов и исследований по археологии Томской обл. Томск: Тип. № 1 Полиграфиздата, 1947 (Тр. ТГУ им. В.В. Куйбышева; Т. 98). С. 167–174.
- Мезенцева Г.Г. Древньоруське місто Родень. Княжа гора. Київ: Видавництво Київського університету, 1968. 184 с.
- Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.
- Олейников О.М. Стекланные браслеты Великого Новгорода // РА. 2002. № 1. С. 51–73.
- Олейников О.М. Новая находка амулета-змеевика с Распятием в Великом Новгороде // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2014. С. 290–303.
- Олейников О.М. О времени поступления браслетов из свинцового стекла на рынок средневекового Новгорода // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 202–208.
- Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ, 1996. С. 154–257.
- Родина М.Е. Находки новых предметов восточного импорта во Владимире и Владимирской земле // Общество, экономика, культура и искусство славян: Тр. VI Междунар. Конгресса славянской археологии. Т. 4 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 168–173.
- Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13). С. 111–156.
- Руденко К.А., Беговатов Е.А. Редкие археологические находки с Семеновского острова // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней): сб. науч. ст. / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 186–201.
- Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Т. 3 / Под ред. В.И. Бурганова. М.: АН СССР, 1987. 112 с.
- Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Турилов А.А. О времени создания новгородского Алексеевского креста: возможности непалеографической датировки (1367 или 1379 г.) // От Царьграда до Белого моря: сб. ст. по средневековому искусству в честь Э.С. Смирновой. М.: Северный паломник, 2007. С. 571–580.
- Хлебникова Т.А. Анализы болгарского цветного металла // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ, 1996. С. 269–292.
- Chavannes É. Le Cycle turc des Douze Animaux // T'oung pao. 1906. Sér. II. V. VII. № 1. P. 51–122.
- Christman B. Making the Mirrors // Circles of reflection: the Carter collection of Chinese bronze mirrors: Catalog. First Edition / Ed. Ju-hsi Chou. Cleveland: Cleveland Museum of Art Bookstore, 2000. P. 97–110.
- Scott D.A. The Technical Analysis of Chinese Mirrors // The Lloyd Cotsen Study Collection of Chinese Bronze Mirrors. Vol. II: Studies / Ed. L. von Falkenhausen. Los Angeles: Cotsen Occasional Press and UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, 2011. P. 198–233.
- Circles of reflection: the Carter collection of Chinese bronze mirrors: Catalog. First Edition / Ed. Ju-hsi Chou. Cleveland: Cleveland Museum of Art Bookstore, 2000. 132 p.

METAL MIRROR OF CHINESE TYPE FROM VELIKY NOVGOROD

Oleg M. Oleynikov^{1,*}, Konstantin A. Rudenko^{2,**}

¹ Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia

² Kazan State Institute of Culture, Russia

* E-mail: Olejnikov1960@yandex.ru

** E-mail: murziha@mail.ru

In Veliky Novgorod in the layer of the second half of the 13th century, a small metal mirror was found which depicts the Sino-Turkic 12-year calendar cycle. The find has a clear archaeological context and represents a new type of eastern antiquities recorded in the territory of medieval Rus for the first time. The mirror composition corresponds to natural copper matte consisting of copper and iron sulphides. This indicates that it was manufactured immediately from the product of copper ore melting.

Keywords: Veliky Novgorod, metal mirror, Chinese calendar amulets, the Sino-Turkic 12-year animal cycle, cultural contacts.

REFERENCES

- Alekseyev V.M., 1912. Chinese coin amulets and blessing medals from the collection of the Imperial Hermitage. *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva [Notes of the Eastern Department of the Imperial Russian Archaeological Society]*, vol. XXI, iss. I–III. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, pp. 1–52.
- Artem'yeva N.G., Artem'yeva P.A., 2012. Calendars-amulets from the Jurchen sites of Primorye. *Srednevekovye drevnosti Primor'ya: sbornik statey [Medieval antiquities of Primorye: Collected articles]*, 1. N.G. Artem'yeva, ed. Vladivostok: Dal'nauka, pp. 172–182.
- Belyayev L.A., 2016. Islamic Orient and the development of the material culture of Muscovy: methodological approaches to evaluation. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]*, 2 (16), pp. 18–43.
- Berkutov V.M., 1987. Narodnyy kalendar' i metrologiya bulgaro-tatar [Popular calendar and the metrology of the Bulgaro-Tatars]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo. 95 p.
- Betekhtin A.G., 2007. Kurs mineralogii: uchebnoye posobie [A course of mineralogy: a textbook]. Moscow: KDU. 721 p.
- Chavannes É., 1906. Le Cycle turc des Douze Animaux. *T'oung pao*. Sér. II, vol. VII, no. 1, pp. 51–122.
- Christman B., 2000. Making the Mirrors. *Circles of reflection: the Carter collection of Chinese bronze mirrors: Catalog*. First Edition. Ju-hsi Chou, ed. Cleveland: Cleveland Museum of Art Bookstore, pp. 97–110.
- Circles of reflection: the Carter collection of Chinese bronze mirrors: Catalog. First edition. Ju-hsi Chou, ed. Cleveland: Cleveland Museum of Art Bookstore, 2000. 132 p.
- Goncharov V.K., 1950. Raykovetsoye gorodishche [The Rayki fortified settlement]. Kiev: Izdatel'stvo AN USSR. 219 p.
- Khlebnikova T.A., 1996. Investigations of Bulgarian non-ferrous metal. *Gorod Bolgar: Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteyshchikov [The city of Bolghar: the craft of metallurgists, blacksmiths, and foundry workers]*. G.A. Fedorov-Davydov, ed. Kazan': Institut yazyka, literatury i iskusstva, pp. 269–292.
- Kon'kova L.V., 1989. Bronzolitaynoye proizvodstvo na yuge Dal'nego Vostoka SSSR (rubezh II–I tys. do n.e. – XIII vek n.e.) [Bronze casting in the south of the USSR Far East (boundary of the 2nd – 1st millennium BC and the 13th century AD)]. Leningrad: Nauka. 126 p.
- Koval' V. Yu., 1998. Items of Oriental import from Rostislavl of Ryazan. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 2, pp. 177–187.
- Koval' V. Yu., 2010. People of the Golden Horde in Rus. *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: novye arkheologicheskie issledovaniya [Rus and the Orient in the 9th – 16th centuries: new archaeological research]*. N.A. Makarov, V. Yu. Koval', eds. Moscow: Nauka, pp. 76–85.
- Kozlova A.V., 2005. Oriental objects of everyday life, craft, and trade from excavations in Veliky Novgorod. *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod area. History and archaeology]*, 19. V.L. Yanin, ed. Veliky Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy muzey-zapovednik, pp. 172–185.
- Levchenkov S.I., 2006. Kratkiy ocherk istorii khimii [A brief overview of the history of chemistry]. Rostov-na-Donu: Rostovskiy gosudarstvennyy universitet. 117 p.
- Marakuyev A.V., 1947. Chinese bronze from Basandayka. *Basandayka: sbornik materialov i issledovaniy po arkheologii Tomskoy oblasti [Basandayka: collected materials and research on the archaeology of Tomsk Region]*. Tomsk: Tipografiya № 1 Poligrafizdata, pp. 167–174. (Trudy Tomskogogosudarstvennogouniversitetaimeni V.V. Kuybysheva, 98).
- Mezentseva G.G., 1968. Drevn'orus'ke misto Roden'. *Kn-yazha gora [The Russian settlement of Roden'. Knyazha Gora]*. Kii'v: Vidavnitstvo Kii'v'skogo universitetu. 184 p.
- Nikol'skaya T.N., 1981. Zemlya vyatichey. K istorii naseleniya basseyna verkhney i sredney Oki v IX–XIII vv. [Land of Vyatichs. To the history of the population of the upper and middle Oka region in the 9th – 13th centuries]. Moscow: Nauka. 296 p.
- Oleynikov O.M., 2002. Glass bracelets of Veliky Novgorod. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 1, pp. 51–73.
- Oleynikov O.M., 2014. A new finding of serpent amulet with the Crucifix in Veliky Novgorod. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: Proceedings of the research workshop]*, 10. A.V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 290–303.
- Oleynikov O.M., 2015. The time of arriving of lead glass bracelets to the medieval Novgorod market. *Steklo Vostochnoy Evropy s drevnosti do nachala XX veka [The glass of Eastern Europe from antiquity to the early 20th century]*. P.G. Gaydukov, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 202–208.
- Polnoye sobranie russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 20. L'vovskaya letopis' [The Lviv Chronicle], 1. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910. 419 p.
- Polyakova G.F., 1996. Objects from non-ferrous and precious metals. *Gorod Bolgar: Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteyshchikov [The city of Bolghar: the craft of metallurgists, blacksmiths, and foundry workers]*. G.A. Fedorov-Davydov, ed. Kazan': Institut yazyka, literatury i iskusstva, pp. 154–257.
- Rodina M.E., 1998. Finds of new Oriental import items in Vladimir and the Vladimir area. *Obshchestvo, ekonomika, kul'tura i iskusstvo slavyan: Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoy arkheologii [Society, economy, culture and art of the Slavs: Proceedings of the VI International Congress of slavonic archaeology]*, 4. V.V. Sedov, ed. Moscow: Editorrial URSS, pp. 168–173.
- Rudenko K.A., 2004. Metallic mirrors of the Golden Horde period from the collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan. *Tatarskaya arkheologiya [Tatar Archaeology]*, 1–2 (12–13), pp. 111–156.

- Rudenko K.A., Begovatov E.A., 2016. Rare archaeological finds from Semyonovsky Island. *Kul'turnoye nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney): sbornik nauchnykh statey [Cultural heritage of Eurasia (from antiquity to the present day): Collected research papers]*. B.A. Baytanayev, ed. Almaty: Institut arkheologii imeni A. Kh. Margulana, pp. 186–201.
- Russkiy feodal'nyy arkhiv XIV – pervoy treti XVI veka [Russian feudal archives of the 14th – the first third of the 16th century], 3. V.I. Burganov, ed. Moscow: AN SSSR, 1987. 112 p.
- Scott D.A., 2011. The Technical Analysis of Chinese Mirrors. *The Lloyd Cotsen Study Collection of Chinese Bronze Mirrors, II. Studies*. L. von Falkenhausen, ed. Los Angeles: Cotsen Occasional Press and UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, pp. 198–233.
- Sedova M.V., 1981. Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelery of Ancient Novgorod (10th – 15th cc.)]. Moscow: Nauka. 196 p.
- Turilov A.A., 2007. The time of the creation of the Novgorod Alexy cross: the possibilities of non-paleographic dating (1367 or 1379). *Ot Tsar'grada do Belogo morya: sbornik statey po srednevekovomu iskusstvu v chest' E.S. Smirnovoy [From Constantinople to the White Sea: Collected articles on medieval art to E.S. Smirnova]*. Moscow: Severnyy palomnik, pp. 571–580.
- Voynikov Zh., 2010. Alano-drevnebolgarskoye pis'mo (v pamyat' prof. G.F. Turchaninovu) [Alan-Old Bulgarian writing (in memory of Prof. G.F. Turchaninov)]. Veliko-Tyrnovo. 239 p. (In Bulgarian)
- Zakharova I.V., 1960. Twelve-year cycle of the Central Asian peoples. *Novye materialy po drevney i srednevekovoy istorii Kazakhstana [New materials on the ancient and medieval history of Kazakhstan]*. Alma-Ata: AN Kazakhskoy SSR, pp. 32–65. (Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii, 8).

“АРАБСКИЙ ЦВЕТOK”: К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ДЕКОРАТИВНЫХ МОТИВОВ В МОСКОВСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ XIV–XV вв.

© 2018 г. А.Л. Баталов

Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

E-mail: batal-bei@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.02.2018 г.

История связей древнерусской художественной культуры с Востоком (“проблема восточных влияний”), отраженная в древнерусском декоративно-прикладном искусстве, книжной орнаментике и зодчестве второй половины XIV – первой половины XV в., особенно актуальна. Орнаментация резных поясов, украшавших фасады четырехстолпных храмов, построенных великим князем Василием Дмитриевичем и его братом Юрием Дмитриевичем, основана на раппортах, находящихся прямые аналогии не только в Малой Азии, но и в армянских и татарских постройках Крыма XIV – первой половины XV в. Оживленная торговля, которую вели на Черноморском побережье московские купцы (“гости-сурожане”), позволяет предполагать трансляцию мотивов через строительных мастеров, приглашавшихся купцами на Русь, подобно тому, как армянские купцы привозили мастеров из Крыма во Львов.

Ключевые слова: арабеск, восточные влияния, резьба по камню, торговля, архитектура, Крым, Золотая Орда, Московская Русь.

DOI: 10.31857/S086960630001657-1

Данная статья возникла в ходе нашей совместной с Л.А. Беляевым подготовки разделов по архитектуре ранней Москвы для “Истории русского искусства” (один из них – Баталов, Беляев, в печати. С. 158–205). В заглавии использован термин, пришедший из дореволюционных работ А.А. Спицына, где им охарактеризован вид орнамента-арабески, широко распространенного в искусстве Средиземноморья и проникшего на Русь. Речь пойдет об историографии вопроса, наблюдениях над атрибуцией и хронологией раннемосковской каменной резьбы и, особенно, возможных связях со строительством в Крыму эпохи Золотой Орды.

Генезис орнаментальных белокаменных поясов в архитектуре Московского периода занимает историков зодчества с середины XX в. Обсуждались две основные версии: первая утверждала стилистическую и формальную преемственность декора первой трети XIV в. от владими́ро-суздальской орнаментальной резьбы (Воронин, 1962. С. 131, 132; Выголов, 1975. С. 300, 301; Гращенко, 1994. С. 49); вторая ее отрицала, предполагая связь с балканской (сербской) традицией (Брунов, 1928. С. 103, 104; Ильин, 1975. С. 223–

239; Вагнер, 1980. С. 72–76). Сторонники второй версии опирались на сходство мотивов и факт присутствия в 1404 г. в Москве монаха Лазаря Сербина, установившего часы при ц. Благовещения Богородицы на дворе великого князя (Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 232, 233). М.А. Ильин (1975. С. 230) отказался выводить московское зодчество XIV–XV вв. из домонгольской архитектуры, усомнившись в том, что “искусство следовало преемственности политической власти московских князей от князей Владимира–Суздаля”, и указал на готтицизирующие черты в раннемосковской резьбе, вернувшись к позиции Н.И. Брунова. Наиболее близкие аналогии он видел в резьбе фасадов сербских церквей в Студенице (1190 г.) и Дечанах (1327–1335 гг.), особенно в пальметтах церкви в Любостыни (Ильин, 1975. С. 230, 231).

Почти одновременно Л.А. Лелеков (1975. С. 55–80) предложил радикальный поворот в интерпретации резьбы, апеллируя в том числе к традиции изучения орнаментики, сложившейся в археологии в конце XIX–XX в. (см., кроме А.А. Спицына (1909. С. 75–81), например, Якобсон, 1971. С. 230–252; позже – Крамаровский,

2002 и др.). Он указал на тип раппорта в растительном орнаменте, основанный на соединении пальметт, образующих цепочку переплетающихся полукружий, выдвинув тезис о его стилистическом единообразии начиная с XI и по XIV в. Тезис подтверждала таблица раппортов с почти идентичным рисунком, бытовавших на пространстве Восточного Средиземноморья (Сирия, Грузия, Армения, Московия). Автор выделил два мотива, на которых основан раппорт: высокие, связанные петлей побеги или пучки стеблей с завернутыми внутрь концами, и крины. Широкие хронологические границы “арабески” позволяли рассматривать мотивы владими́ро-суздальской и раннемосковской резьбы в одном ряду и не оставляли сомнений в том, что, по крайней мере, одни из характерных мотивов орнаментальных поясов московских храмов XIV в. имеют прямые аналогии в архитектурной декорации Закавказья, Ближнего Востока и Малой Азии (Лелеков, 1975. С. 71).

Эту четко намеченную линию в 1990-х годов продолжил Л.А. Беляев, внесший значительный вклад в изучение связей культуры Московского государства, ислама и Средиземноморья в целом (Beliaev, Chernetsov, 1999. Р. 97–124; Чернецов, Беляев, 1999. С. 205–226; Беляев, 2010. С. 18–27; 2016. С. 18–33). Он и расширил, и уточнил границы, очерченные предшественниками, указав, что при исключительной широте распространения арабского цветка в мире орнаментов Средиземноморья, в центральной Анатолии выделяется зона сельджукского строительства — своего рода резервуар, где мотив закрепился и откуда распространил влияние на архитектуру вплоть до Египта и далее. В эти границы был включен и Крымский п-ов как регион, через который на Русь могли попадать мотивы, отраженные в раннемосковской резьбе (Беляев, 2014. С. 7, 8).

По мнению Беляева, в Московских землях восточные орнаментальные мотивы не вошли в старый, унаследованный от домонгольской Руси архитектурный контекст, но образовали новый, родственный исламской фасадной декорации. Их соединение в развернутые по горизонтали раппорты, как и само применение орнаментального пояса (многочастного фриза), делящего фасады на две пространственные зоны, стало уникальной особенностью именно московского зодчества времени Василия Дмитриевича. Его трудно объяснить как результат эволюционного развития владими́ро-суздаль-

ских аркатурно-колончатых поясов. Поэтому важно уточнить время появления в московской архитектурной орнаментике элементов арабески, оценить их новизну или, напротив, укорененность в храмостроительстве Древней Руси, конкретизировать механизмы трансляции.

Долгое время полагалось, что многочисленные резные белокаменные блоки, найденные при археологических работах в Московском Кремле, датируются первой третью XIV в. и относятся к строительству Ивана Калиты. Это позволяло выстраивать преемственную связь с постройками времени Василия Дмитриевича и в то же время судить о генезисе московской архитектурной традиции. Но сравнительные исследования орнаментальных поясов построек Василия Дмитриевича и Юрия Звенигородского, древних кладок Кремля и блоков, происходящих из лапидария Государственного историко-культурного музея-заповедника “Московский Кремль”, показали зыбкость таких представлений. Строительный материал разобранных сооружений сравнительно легко перемещали. Так, белокаменные блоки с пальметтами, кринами и пучками стеблей распределились между Благовещенским собором 1416 г. и церковью Рождества Богородицы на Сенях 1394 г. (Евдокимов, 2009. С. 128–145) (рис. 1; 2).

К эпохе Ивана Калиты можно с оговорками отнести единственный фрагмент — архивольт из фундамента ц. Иоанна Лествичника (Гращенков, 2010. С. 52. № 10). Он невелик, характер резьбы плохо читается, а сравнение осколка с частью архивольта и полуколонки из Благовещенского собора (твердая дата — 1416 г.) указывает на разницу в рисунке орнамента и характере резьбы, что может подразумевать и временные отличия: в 1505 г. при закладке “Ивана Великого” были сломаны две постройки Ивана Калиты — ц. Иоанна Лествичника 1328 г. и Архангельский собор 1333 г. Из них и могли взять *spolia* для фундамента будущего Ивана Великого. В то же время фрагмент из фундамента Ивана Великого 1505–1508 гг. близок к резным деталям, которые обнаружила при недавних раскопках Преображенского собора в Твери экспедиция Института Археологии РАН (Беляев и др., 2018).

Эти немногочисленные, но достоверные примеры конца XIII — начала XIV в. говорят о сохранении традиции владими́ро-суздальской резьбы. В итоге автор данной статьи и Л.А. Беляев совместно пришли к заключению, что представления о существовании орнаментальных поясов

1

2

Рис. 1. Блоки фасадного пояса Благовещенского собора 1416 г. 1 — блок со средником “пучка” стеблей (Государственный Исторический музей); 2 — блок с кринами и боковыми ветвями пучков стеблей (Музеи Московского Кремля). Фото Г.С. Евдокимова.

Fig. 1. The Annunciation Cathedral of 1416: blocks of the facade belt

Рис. 2. Блоки конца XIV в. с кринами и пучками стеблей в карнизе барабана Никольского собора в Можайске. Фото А.Л. Баталова.

Fig. 2. St. Nicholas Cathedral in Mozhaik: blocks of the end of the 14th with the cranes and bunches of vine in the cornice of the drum

в эпоху Ивана Калиты не подтверждены фактами, хотя порталы с орнаментальной резьбой архивольтов и вертикальных элементов у них, вероятно, были (В печати. С. 158—205).

Нет свидетельств и об орнаментальной резьбе храмов эпохи Дмитрия Донского. А.В. Гращенков отнес группы резных блоков (предположительно, из фундаментов ц. Спаса на Бору) к собору Чудова монастыря 1365 г. (2010. № 17; 18; 19—23). Гипотеза просто не содержит достоверных фактов: по мнению Гращенкова, именно этот храм разобрали в 1501 г., а материал от разборки хранили для использования до 1527 г. Но дело в том, что в 1501 г. разобрали храм Чудова монастыря не 1365 г., а 1430-х годов.

Отсутствуют орнаментальные пояса или характерные для них мотивы и у группы “бесстолпных храмов с пристенными опорами”, которые Б.Л. Альтшуллер (2013. С. 11—158) датировал второй половиной XIV в. При этом, ц. Николая Чудотворца в с. Каменское сохранилась на всю высоту стен; ц. Усекновения главы Иоанна Предтечи на Городище в Коломне — до уровня пят сводов; храмы в Старо-Голутвинском и Бобренове монастырях исследованы археологически.

Итак, достоверная история орнаментальной раннемосковской резьбы начинается со строительства ц. Рождества Богородицы на Сенях в 1394 г. Конечно, само наличие в резьбе кринь, пальметт и стеблей, соединенных петлей, еще не

означает иконографической, а тем более стилистической близости. Они есть в Георгиевском соборе Юрьева-Польского и в Рождественском соборе Суздаля, но прорисовка деталей принципиально различна в сравнении с раннемосковскими примерами. Так, над поясом из поребрика на фасаде южного притвора Рождественского собора в Суздале помещен резной фриз, составленный из чередующихся пальметт, чьи стебли образуют каплевидный картуш вокруг пальметты, а между этими своеобразными картушами помещены стебли, завершенные листьями и соединенные петлей. Они похожи на сходный мотив в поясах раннемосковских храмов, но и только: рисунок растительных элементов и, главное, композиционная логика раппорта совершенно иные.

Нельзя признать аналогичными раннемосковским и указанные И.М. Ильиным орнаменты в постройках Сербии. В Студенице и Дечанах декорация принципиально иная, общее лишь в том, что это растительный орнамент, основанный на изгибающемся стебле или ветви с пластинчатыми листьями на концах. Геометризованный раппорт Любостыни ближе, но это только схема, а композиция, рисунок и пластика радикально отличаются от московских примеров.

Опыт Л.А. Лелекова, поместившего московские образцы в восточный контекст, убедительнее. Но сам контекст слишком широк, он нуждался в соотнесении с историческими реалиями Московской Руси рубежа XIV–XV вв. и в определении конкретного исходного района. Центром притяжения торговли со всего Востока была Золотая Орда, наследница торговых связей, “которые издавна проходили от берегов Черного моря через черноморские и каспийские степи на север и восток” (Сыроечковский, 1935. С. 12). Местом, где соединялись и торговые пути, и художественные традиции Ближнего Востока, Азии и Закавказья, был Крым. Здесь Золотая Орда сосуществовала с колониями итальянских городов-республик. О русском торговом присутствии в Крыму, прежде всего, в Суроже и Кафе, написано много, как и о роли гостей-сурожан, высшей купеческой корпорации Московской Руси, занимавшейся торговлей с Востоком через Крым.

В полной мере восстановить картину архитектурной жизни на полуострове, к сожалению, невозможно, о ней приходится судить лишь по частично сохранившимся постройкам золото-

ордынского периода, в основном армянским и мусульманским; руинам и архитектурным деталям, изученным при археологических исследованиях. Часть произведений белокаменной резьбы, найденных или находящихся *in situ* на территории средневековой Кафы, проанализировала и систематизировала Е.А. Айбабина (2001). В крымских материалах встречаются многочисленные варианты кринов, одинаково исполненных и в христианских, и в мусульманских сооружениях. Один из типов представляет трилистник, в основании которого показаны стебельки, закрученные внутрь наподобие волют (например, резная капитель второй половины XIV – первой половины XV в.) (рис. 3). Вариантам таких кринов с закрученными в основании стеблями (в экспликации к таблице, собранной Айбабиной, они названы пальметтами), мы видим аналогии на блоках из лапидария Музеев Московского Кремля, в том числе и достоверно отнесенных к Благовещенскому собору 1416 г.

Существуют и более сложные варианты кринов, они известны по верхнему ряду пояса Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря (рис. 4). В верхнем ряду крины имеют в основании закрученные геометризированные стебли, боковые лепестки, но вместо центрального копьеобразного “навершия” – два симметричных округлых лепестка. Аналогична структура распространенного варианта крина, встречающегося в декорации порталов армянских и мусульманских построек. Например, в обрамле-

Рис. 3. Капитель второй половины XIV – первой половины XV в. (ФКМ Л-175; Айбабина, 2001. С. 115).

Fig. 3. The capital of the second half of the 14th – the first half of the 15th c.

Рис. 4. Орнаментальный пояс на центральной апсиде Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря Твери.

Fig. 4. The trinity Cathedral of the Trinity-Sergiy Monastery of Tver: ornamental belt on the central apse

нии портала мечети хана Узбека (1314–1342 гг.) подобный крин (разные авторы называют его пальметтой) имеет более сложную модификацию — между верхними округлыми лепестками вставлен еще один, раздвоенный, проростающий двумя побегами, переплетающимися с другими элементами орнамента (рис. 5, 1). Вариант подобного крина составляет раппорт в обрамлении портала ц. Иоанна Предтечи в Кафе 1348 г. (Якобсон, 1956. С. 181, 183; Казарян, Лошкарева, 2017. С. 31–34) (рис. 5, 2). Такие же крины или пальметты мы видим на резных капителях западного портала церкви армянского монастыря Сурб Хач 1358 г. (Саргсян, Петросян, 2008. С. 12), только здесь вместо двух центральных лепестков вырезан один с намеченными резцом пластинами (рис. 5, 3).

В резных капителях мы встречаем и другой характерный элемент раннемосковской резьбы — стебли, перехваченные петлей, концы которых расходятся в разные стороны и закручиваются внутрь. Эта растительная форма обычно доминирует в раппорте; между ними помещают крины. Они есть на блоках пояса Благовещенского собора 1416 г. и др. (их ранее приписывали собору Спаса на Бору, но сейчас относят с определенной долей сомнений к ц. Рождества Богородицы на Сенях) и на блоках верхнего ряда пояса Троицкого собора, где накрывают крины своими ветвями. Таково же сочетание кринов и более высоких пучков стеблей на хорошо сохранившихся капителях монастыря Сурб Хач 1358 г. (см. выше); фрагментарно стесанных ка-

пителях портала от мечети хана Узбека (1314–1342); на михрабе мечети Шейх-Кой 1358 г. (Кирилко, 2016. С. 138, 148) (рис. 5, 4). Пучки стеблей в капителях колонн михраба полностью идентичны примененным в Троицком соборе, включая уникальную деталь — двойной лепесток между ветвями (аналогичный мотив есть и в резном поясе из собора Богоявленского монастыря за Торгом в Москве: Беляев, 1995. Табл. 43–45; 2016. Рис. 2d). В мечети Шейх-Кой на этом месте — лепесток с намеченными пластинами.

Об устойчивости подобных мотивов свидетельствует опубликованный Айбабиной обломок мраморной детали, происходящий из раскопок в Феодосии 1991 г. и датированный автором XVII в. Мы видим на ней фрагмент раппорта с кринами и пучками стеблей, перехваченные петлей, и с закрученными ветвями (Айбабина, 2001. С. 137. Рис. 56).

Сложившиеся представления о высоком уровне культуры Золотой Орды стимулировали новые исследования художественных связей искусства Москвы XIV–XV вв. с ее сюзереном. Это касалось, прежде всего, декоративно-прикладного искусства и книжной орнаментики. С влиянием золоордынской и малоазийской филиграни середины-второй половины XIV в. связывают появление спиральной филигрны окладов ряда рукописей московского круга, а также книжных заставок (Онежская псалтирь 1395 г.) конца XIV в. (Орлова, 2015. С. 167). Исследование памятников серебряного дела конца XIV — начала XV в. позволило увидеть точное копирование и даже доминирование восточного орнамента (Орлова, 1997. С. 154). Некоторые произведения (оклад иконы “Богородица Млекопитательница” из Оружейной палаты) имеют прямые аналогии в тюркестанской предметности, происходящих из Симферопольского клада. Как предположила М.А. Орлова (1997. С. 163), речь может идти об использовании привозных матриц для басменных окладов. Неоднократно обращалось внимание и на панагию из Кирилло-Белозерского монастыря как на принадлежащую кругу произведений, украшенных растительным орнаментом восточного происхождения (Музеи Московского Кремля, мр-1023/1–2, первая четверть XV в.). На внешнем кольцевом поле тыльной стороны помещен раппорт, подобный примененному в раннемосковских поясах и крымской белокаменной резьбе: чередование высоких пучков стеблей и более низких кринов с закрученными у осно-

1

3

2

4

Рис. 5. Декорации порталов армянских и мусульманских построек. 1 — портал мечети хана Узбека 1314 г. Фрагмент раппорта с кринами; 2 — портал ц. Иоанна Предтечи в Кафе 1348 г. Фото А.Ю. Казаряна; 3 — западный портал церкви армянского монастыря Сурб Хач 1358 г. Капитель. Фото А.Ю. Казаряна; 4 — михраб мечети Шейх Кой 1358 г. Капитель. Фото В.П. Кирилло.

Fig. 5. Portals decorations of Armenian and Muslim buildings

Рис. 6. Панагия из Кирилло-Белозерского монастыря, первая четверть XV в. Обратная сторона (Музеи Московского Кремля).

Fig. 6. Panagia (the first quarter of the 15th c.) from the Kirillo-Belozersky Monastery, the reverse side (Museums of the Moscow Kremlin)

вания усами (рис. 6). Этот мотив повторен и на панагии из Благовещенского собора (Музеи Московского Кремля, 616 соб, мр-1037, первая треть XV в.), где также занимает место в нижней половине обрамления средника.

Таким образом, в Московских землях восточные мотивы стали частью нового архитектурного контекста, нового художественного языка, сформировавшегося в конце XIV в.; частью тех изменений, которые охватили и другие виды искусства. Ранняя белокаменная резьба Московской Руси входит, таким образом, в состав связей с художественным миром Золотой Орды. Ее иконография и пластика предполагают участие резчиков, хорошо знакомых с техникой и стилистикой подобной резьбы.

Усиление восточного влияния в разных областях древнерусского искусства связывали иногда с “Великой замятней” в Золотой Орде и ее разгромом Тамерланом в 1395 г., вызвавших отток

мастеров на Русь (Орлова, 2015. С. 166). Наши наблюдения подкрепляют возможность такого подхода. Реставрационные исследования показали, что первый известный на сегодняшний день памятник с орнаментальными поясами, имеющими четкие аналоги в постройках центральной Анатолии и золотоордынского Крыма, — ц. Рождества Богородицы на Рву, летописная дата которой — 1394 г. (Типографская летопись, 1921. С. 160). К тому времени беклярибек Мамай был уже убит, а хан Тохтамыш, восстанавливавший единство и величие Золотой Оды и упорядочивавший ее внутреннюю жизнь, не был еще разгромлен Тамерланом. Лишь после неудачной для Тохтамыша битвы при Тереке в апреле 1395 г. и последовавшего похода Тамерлана, уничтожившего главные центры Золотой Орды, голод и чума, длившаяся до 1405 г., опустошили страну, заставив многих искать спасение за ее пределами (Миргалеев, 2016. С. 702).

Но дело не только в этой вынужденной миграции. Были и другие возможности получения мастеров великим князем Василием Дмитриевичем и его братом Юрием. Вспомним предположение В.Е. Сыроечковского о происхождении колокольного мастера Бориса, прозванного по Никоновской летописи Римлянином, — в 1346 г. он отлил ансамбль колоколов (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 217). По его мнению, итальянский мастер прибыл в Москву “через, а может быть, и непосредственно из итальянских колоний Крыма” (Сыроечковский, 1935. С. 23). Появление крымских мастеров в Москве не менее вероятно и при Василии Дмитриевиче. Их вовлечение в строительство было возможно при посредничестве или прямом участии гостей-сурожан, игравших значительную роль в Москве XIV в. Напомним, что летопись объясняет взятие Дмитрием Донским десяти гостей сурожан в поход на Мамаю “видения ради ..., яко сходници суть з земли на землю и знаеми всеми и в Орде, и в Фрязах” (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1897. С. 54). Некоторые из сурожан, обосновавшихся в Москве при Василии Дмитриевиче, известны как храмоздатели: Григорий Ховра начал каменное строительство в Симоновом монастыре, продолженное его сыном Владимиром Григорьевичем Ховриным (Акты..., 1964. № 479. С. 465). В 1472 г. В.Г. Ховрин с сыном Иваном Головой выступают “предстателями” при строительстве Успенского собора (Лето-

писный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1901. С. 153.). Допустимо думать, что их предшественники также выступали организаторами строительства на рубеже XIV–XV вв., используя связи “в Орде и в Фрязах”. О том, что строительные мастера из Крыма могли переезжать в отдаленные от полуострова регионы при посредничестве купцов, свидетельствует строительство армянского собора во Львове. Как известно, его выстроили на свои средства армянские купцы из Кафы, привезя с собой мастера для осуществления их заказа (Казарян, 2013. С. 116–126).

Устойчивые связи привилегированной части московского купечества с Крымом гипотетически позволяют видеть в них исполнителей поручений великого князя и его братьев, связанных с получением мастеров. Неожиданное оживление каменного храмостроительства на рубеже XIV–XV в. и появление разных вариантов восточной орнаментальной резьбы, имеющей в том числе параллели в Крыму, делают подобную постановку вопроса вполне обоснованной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Кафы XIV–XVIII вв. Симферополь: СОНАТ, 2001 (Материалы по археологии Крыма). 280 с.
- Альтшуллер Б.Л.* Памятники зодчества Московской Руси второй половины XIV – начала XV века: новые исследования: Дис. ... канд. архитектуры. М., 1978. Изд.: Из творческого наследия архитектора-реставратора Б.Л. Альтшуллера: статьи, воспоминания современников / Сост. О.Н. Постникова. М.: Новый хронограф, 2013. С. 11–158.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III / Отв. ред. Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин и др. М.: Изд-во АН СССР, 1964. 687 с.
- Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Зодчество Твери и Москвы второй половины XIII – первой половины XIV в. (1240–1350-е годы) // История русского искусства. Т. / Отв. ред. Э.С. Смирнова. В печати. С. 158–205.
- Беляев Л.А.* “Восточные влияния” или общеевропейский “ориентализм”? О методических подходах к характеристике исламских элементов в культуре средневековой Москвы // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические открытия / Ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 18–27.
- Беляев Л.А.* Орнаментальные фриз на фасадах раннемосковских храмов конца XIV – первой четверти XV века: генезис мотивов и композиции // Сергей Радонежский и русское искусство второй половины XIV – первой половины XV века в контексте византийской культуры: тез. докл. Междунар. научн. симпозиума. Москва, 10–12 ноября 2014. С. 7, 8.
- Беляев Л.А.* Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 18–33.
- Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н.* Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012–2014 гг. // РА. 2018. № 2. С. 148–161.
- Брунов Н.И.* К вопросу о раннемосковском зодчестве // Тр. Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. Т. 4. М., 1928. С. 93–105.
- Вагнер Г.К.* От символа к реальности: развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. М.: Искусство, 1980. 267 с.
- Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. II: XIII–XV столетия. М.: АН СССР, 1962. 566 с.
- Выголов В.П.* Русская архитектурная керамика конца XV – начала XVI века (о первых русских изразцах) // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. Т. 9 / Ред.-сост. тома Г.В. Попов. М.: Наука, 1975. С. 282–317.
- Граценков А.В.* Резные пояса белокаменных храмов Ивана Калиты в Московском Кремле // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Столица и провинция. Вып. 5 / Отв. ред. В.П. Выголов. М.: Наука, 1994. С. 37–52.
- Граценков А.В.* Архитектурные детали и фрагменты сооружений XIV – начала XX века. М.: Голден Би, 2010. 368 с.
- Евдокимов Г.С.* Еще раз о резных поясах в раннемосковском зодчестве // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники: Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: сб. статей / Отв. ред. С.А. Беляев, И.А. Воротникова. М.: Северный Паломник, 2009. С. 128–145.
- Ильин М.А.* Декоративные резные пояса раннемосковского каменного зодчества // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. Т. 9 / Ред.-сост. тома Г.В. Попов. М.: Наука, 1975. С. 223–239.
- Казарян А.Ю.* Архитектура армянского собора во Львове. Истоки композиции и декора первоначального храма // Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой. Минск, 2013. С. 116–126.
- Казарян А.Ю., Лошкарева Е.А.* Загадки церкви Иоанна Крестителя в Феодосии и задачи ее нового архитектурно-археологического исследования: Междунар. научн. конф. “Архитектура средневекового храма”. 25–29 сентября 2017 г.: Мат. конф. Севастополь, 2017. С. 31–34.
- Кирилло В.П.* Михраб мечети в Шейх-Кой // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 138–150.
- Крамаровский М.Г.* Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды: По материалам чингисидской торевтики XIII–XV вв.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. 61 с.

- Лелеков Л.А. Искусство древней Руси в его связях с Востоком (к постановке вопроса) // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. Т. 9 / Ред.-сост. тома Г.В. Попов. М.: Наука, 1975. С. 55–80.
- Миргалеев И. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV — начале XV века // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 698–704.
- Орлова М.А. О группе произведений древнерусского серебряного дела конца XIV — начала XV века (к проблеме генезиса стиля орнамента) // Древнерусское искусство: исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 148–169.
- Орлова М.А. К изучению фронтисписов “Онежской псалтири” 1395 года (ГИМ, Муз. 4040) // Образ христианского храма: Сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А.Л. Баталова / Сост. Л.А. Беляев, Вл.В. Седов. М.: Арткитчен, 2015. С. 150–170.
- ПСРЛ. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. А.Ф. Бычкова. СПб.: Тип. министерства внутренних дел, 1885. 244 с. (репринт: М.: Языки славянской культуры, 2000. 248 с.).
- ПСРЛ. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.Ф. Платонова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. 254 с. (репринт: М., 2000. 264 с.).
- ПСРЛ. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 266 с. (репринт: М., 2000. 272 с.).
- ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. Пг., 1921 (репринт: М.: Языки русской культуры, 2000). 272 с.
- ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. Изд. 1-е. М.; Л., 1949 (репринт: М., 2004). 464 с.
- Саргсян Т.Э., Петросян М.В. Крым. Монастырь Сурб Хач. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2008. 302 с.
- Спицын А.А. Бухарский клад и Мономахова шапка (с 4 табл.) // ИИАК. 1909. Т. 29. С. 73–81.
- Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М.; Л.: ОГИЗ, 1935 (Изв. ГАИМК; Вып. 127). 123 с.
- Чернецов А.В., Беляев Л.А. Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: материалы конф. Москва, 19–21 ноября 1997 г. / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Изд-во РГГУ, 1999. С. 205–226.
- Яacobson А.Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // Византийский временник. 1956. Т. 8 (33). С. 166–191.
- Яacobson А.Л. Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XVI в. // Древности Московского Кремля / Отв. ред. Н.Н. Воронин, М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1971 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 167; Материалы и исследования по археологии Москвы; Т. IV). С. 230–252.
- Beliaev, Leonid A. and Alexei Chernetsov. The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture // Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. V. XVI / Ed.G. Necipoğlu. Leiden: Brill, 1999. P. 97–124.

“ARAB BLOSSOM”: ON THE GENESIS OF ORNAMENTAL MOTIFS IN MOSCOW ARCHITECTURE OF THE 14th –15th CENTURIES

Andrey L. Batalov

State Institute of Art Studies, Moscow, Russia

E-mail: batal-bei@yandex.ru

The history of the ties between the Old Russian artistic culture and the East (“the issue of eastern influence”) reflected in the Old Russian applied and decorative art, book ornamentation and architecture of architecture of the second half of the 14th — the first half of the 15th century is particularly topical. The ornamentation of the carved belts that decorated the facades of the churches with four internal piers built by the Grand Duke Vasily Dmitrievich and his brother Yuri Dmitrievich was based on rapport orders showing direct analogies not only in Asia Minor but also in the Armenian and Tatar buildings in the Crimea of the 14th and the first half of the 15th century. The active trade conducted by the Moscow merchants (“guests of Surozh”) on the Black Sea coast allows assuming the translation of motifs through construction craftsmen who were invited by the merchants to Russia, just as Armenian merchants brought masters from the Crimea to Lviv.

Keywords: arabesque, eastern influence, stone carving, trade, architecture, Crimea, Golden Horde, Muscovy.

REFERENCES

- Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV — nachala XVI v. [Acts of the social and economic history of North-Eastern Rus of the late 14th — early 15th century], vol. III. B.D. Grekov, L.V. Cherepnin, eds. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1964. 687 p.
- Al'tshuller B.L., 1978. Pamyatniki zodchestva Moskovskoy Rusi vtoroy poloviny XIV — nachala XV veka: novyye issledovaniya: dissertatsiya ... kandidata arkhitektury [Architectural landmarks of Muscovy of the second half of the 14th — early 15th century: recent studies: Doctoral Thesis in Architecture]. Moscow. 173, 43 p.
- Al'tshuller B.L., 2013. Architectural landmarks of Muscovy of the second half of the 14th — early 15th century: recent studies: Doctoral Thesis in Architecture. *Iz tvorcheskogo naslediya arkhitekтора-restavratora B.L. Al'tshullera: stat'i, vospominaniya sovremennikov* [From the creative legacy of the architect-restorer B.L. Altshuller: articles, memoirs of contemporaries]. O.N. Postnikova, comp. Moscow: Novyy khronograf, pp. 11–158.
- Aybabina E.A., 2001. Dekorativnaya kamennaya rez'ba Kaffi XIV–XVIII vv. [Decorative stone carving of Kaffa of the 14th — 18th centuries]. Simferopol': SONAT (Materialy po arkheologii Kryma). 280 p.
- Batalov A.L., Belyayev L.A. Architecture of Tver and Moscow in the second half of the 13th — first half of the 14th centuries (1240–1350s). *Istoriya russkogo iskusstva* [A History of Russian Art], pp. 158–205. (In print.)
- Beliaev L.A., Chernetsov A., 1999. The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture. *Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*, XVI. G. Necipoğlu, ed. Leiden: Brill, pp. 97–124.
- Belyayev L.A., 2010. "Oriental influences" or pan-European "Orientalism"? On methodological approaches to the characterization of Islamic elements in the culture of medieval Moscow. *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: novyye arkheologicheskiye otkrytiya* [Rus and the East in the 9th — 16th centuries: new archaeological discoveries]. N.A. Markarov, V.Yu. Koval', eds. Moscow: Nauka, pp. 18–27.
- Belyayev L.A., 2014. Decorative friezes on the facades of the early Moscow temples of the late 14th — first quarter of the 15th century: the genesis of motifs and compositions. *Sergiy Radonezhskiy i russkoye iskusstvo vtoroy poloviny XIV — pervoy poloviny XV veka v kontekste vizantiyskoy kul'tury: tezisy dokladov nauchnogo simpoziuma* [Sergius of Radonezh and Russian art of the second half of the 14th — first half of the 15th century in the context of the Byzantine culture: proceedings of the scientific symposium]. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvovznaniya, pp. 7, 8.
- Belyayev L.A., 2016. The Islamic Orient and the development of the material culture of Muscovy: methodological approaches to the evaluation. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2 (16), pp. 18–33.
- Belyayev L.A., Safarova I.A., Khokhlov A.N., 2018. The Saviour-Transfiguration Cathedral in the Tver Kremlin: results of excavations in 2012–2014. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2, pp. 148–161.
- Brunov N.I., 1928. On the early Moscow architecture. *Trudy Sektsii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvovznaniya Rossiyskoy assotsiatsii nauchnykh institutov obshchestvennykh nauk* [Proceedings of the Archaeology Section of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Institutes of Social Sciences], 4. Moscow, pp. 93–105.
- Chernetsov A.V., Belyayev L.A., 1999. Medieval Rus and the East: Some issues and perspectives. *Drevnerusskaya kul'tura v mirovom kontekste: arkheologiya i mezhdistsiplinarnyye issledovaniya: materialy konferentsii* [Ancient Russian culture in the global context: archaeology and interdisciplinary studies: Conference proceedings] (1997). A.V. Chernetsov, ed. Moscow: Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta, pp. 205–226.
- Evdokimov G.S., 2009. The issue of the carved stone friezes in the early Moscow architecture revisited. *Moskovskiy Kreml' XIV stoletiya. Drevniye svyatyini i istoricheskiye pamyatniki: Pamyati Svyateyshego Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II: sbornik statey* [The Moscow Kremlin of the 14th century. Ancient shrines and historical monuments: In Memory of His Holiness Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II: Collected papers]. S.A. Belyayev, I.A. Vorotnikova, eds. Moscow: Severnyy Palomnik, pp. 128–145.
- Grashchenkov A.V., 1994. The carved friezes of the white-stone churches of Ivan Kalita in the Moscow Kremlin. *Pamyatniki russkoy arkhitektury i monumental'nogo iskusstva: Stolitsa i provintsia* [Russian architectural and monumental art landmarks: the capital city and province], 5. V.P. Vygodov, ed. Moscow: Nauka, pp. 37–52.
- Grashchenkov A.V., 2010. Arkhitekturnyye detali i fragmenty sooruzheniy XIV — nachala XX veka [Architectural details and fragments of buildings of the 14th — early 20th century]. Moscow: Golden Bi. 368 p.
- Il'in M.A., 1975. Carved decorative friezes of the early Moscow stone architecture. *Drevnerusskoye iskusstvo: Zarubezhnyye svyazi* [Old Russian Art: Foreign ties]. G.V. Popov, ed. Moscow: Nauka, pp. 223–239.
- Kazaryan A.Yu., 2013. Architecture of the Armenian Cathedral in Lviv. The origins of the composition and decor of the original temple. *Khudozhestvennaya kul'tura armyanskikh obshchin na zemlyakh Rechi Pospolitoj* [The artistic culture of Armenian communities in the lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth]. Minsk: Art Dizayn, pp. 116–126.
- Kazaryan A.Yu., Loshkareva E.A., 2017. The Mysteries of John the Baptist Church in Theodosia and the tasks of its new architectural and archaeological studies. *Arkheologiya srednevekovogo khrama: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Archaeology of Medieval Temple: Proceedings of the international scientific conference]. Sevastopol', pp. 31–34.
- Kirilko V.P., 2016. The Mihrab of the Sheikh-Koy Mosque. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2 (16), pp. 138–150.
- Kramarovskiy M.G., 2002. Vostok i Zapad v istorii i kul'ture Zolotoy Ordy: Po materialam chingisidskoy torevniki XIII–XV vv.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk

- [East and West in the history and culture of the Golden Horde: Based on the materials of Genghisid metal plastic art of the 13th – 15th centuries: Doctoral Thesis in History]. St. Petersburg. 61 p.
- Lelekov L.A., 1975. The Art of Ancient Rus in its relations with the Orient (an invitation to discussion). *Drevnerusskoye iskusstvo: Zarubezhnyye svyazi [Old Russian Art: Foreign ties]*. G.V. Popov, ed., comp. Moscow: Nauka, pp. 55–80.
- Mirgaleyev I., 2016. Attempts to revive the Golden Horde in the late 14th – early 15th century. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii [The Golden Horde in the world history]*. Kazan': Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan, pp. 698–704.
- Orlova M.A., 1997. On the group of pieces of the Old Russian silverwork of the late 14th – early 15th century (to the issue of the genesis of its decorative style). *Drevnerusskoye iskusstvo: issledovaniya i atributsii [Old Russian Art: studies and attributions]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 148–169.
- Orlova M.A., 2015. To the study of the Onega Psalter frontispieces of 1395 (State Historical Museum, Mus. 4040). *Obraz khristianskogo khrama: sbornik statey po drevnerusskomu iskusstvu k 60-letiyu A.L. Batalova [Image of the Christian temple: collected papers on Old Russian art to the 60th anniversary of A.L. Batalov]*. L.A. Belyayev, V.I. Sedov, eds. Moscow: Artkitchen, pp. 150–170.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 10. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Collection, named Patriarchal or Nikon chronicle], 2. A.F. Bychkov, ed. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva vnutrennikh del, 1885. 244 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 10. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Collection, named Patriarchal or Nikon chronicle]. Reprint edition. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2000. 248 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 11. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Collection, named Patriarchal or Nikon chronicle], 3. S.F. Platonov, ed. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1897. 254 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 11. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Collection, named Patriarchal or Nikon chronicle]. Reprint edition. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2000. 264 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 12. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Collection, named Patriarchal or Nikon chronicle], 4. S.F. Platonov, S.A. Adrianov, eds. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1901. 266 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 12. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle Collection, named Patriarchal or Nikon chronicle]. Reprint edition. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2000. 272 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 24. Tipografskaya letopis' [Typographical chronicle]. Petrograd: 2-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1921. 272 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 24. Tipografskaya letopis' [Typographical chronicle]. Reprint edition. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 271 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 25. Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka [Moscow chronicle collection of the late 15th century]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 464 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 25. Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka [Moscow chronicle collection of the late 15th century]. Reprint edition. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2004. 463 p.
- Sargsyan T.E., Petrosyan M.V., 2008. Krym. Monastyr' Surb Khach [Crimea. Surb Khach Monastery]. Simferopol': Mediatsentr imeni I. Gasprinskogo. 302 p.
- Spitsyn A.A., 1909. The Bukhara hoard and Monomakh's Cap (with 4 tables). *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [News of the Imperial Archaeological Commission]*, 29, pp. 73–81.
- Syroechkovskiy V.E., 1935. Gosti-surozhane [Surozhan guests]. Moscow; Leningrad: OGIZ. 123 p. (*Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury*, 127.)
- Vagner G.K., 1980. Ot simvola k real'nosti: razvitiye plasticheskogo obraza v russkom iskusstve XIV–XV vekov [From symbol to reality: development of a plastic image in the Russian art of the 14th – 15th centuries]. Moscow: Iskusstvo. 267 p.
- Voronin N.N., 1962. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vekov, II. XIII–XV stoletiya. Architecture of the North-Eastern Rus of the 12th – 15th centuries. Vol. 2: XIII–XV centuries. Moscow: AN SSSR. 566 p.
- Vygolov V.P., 1975. Russian architectural ceramics of the late 15th – early 16th century (the first Russian tiles). *Drevnerusskoye iskusstvo: Zarubezhnyye svyazi [Old Russian Art: foreign ties]*. G.V. Popov, ed., comp. Moscow: Nauka, pp. 282–317.
- Yakobson A.L., 1956. Armenian medieval architecture in the Crimea. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Chronicle]*, 8(33), pp. 166–191.
- Yakobson A.L., 1971. Artistic ties of Muscovy with the South Caucasus and the Middle East in the 16th century. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya [Antiquities of the Moscow Kremlin]*. N.N. Voronin, M.G. Rabinovich, eds. Moscow: Nauka, pp. 230–252. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 167). (Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy, IV.)

ПЕЧАТЬ ИЗРАЗЕЧНИКА XVII в. ИЗ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ

© 2018 г. О.Н. Глазунова

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.02.2018 г.

Статья посвящена находке шейной печати-матрицы, принадлежавшей монаху-изразечнику, работавшему в Ново-Иерусалимском монастыре. Представлены обстоятельства находки и письменные свидетельства о хозяине печати.

Ключевые слова: печать-матрица, старец Анания, Новый Иерусалим, керамический горн, изразцовое производство.

DOI: 10.31857/S086960630001659-3

Ново-Иерусалимский монастырь — центр изразцового производства, откуда новые, связанные с западным миром изобразительные мотивы, сюжеты и технологии распространились по Московскому царству. Об этом факте пишут начиная с XIX в. (Султанов, 1885; Филиппов, 1917; Баранова, 2002. С. 225–234). Однако работы Ново-Иерусалимской экспедиции Институт археологии РАН, проведенные в 2009–2017 гг. на территории монастыря под руководством Л.А. Беляева, заставили взглянуть на процесс по-новому. В ходе раскопок не только были сделаны находки неизвестных ранее типов гончарной продукции (изразцы, посуда, фрагменты колоколов), но и обнаружены целые производственные комплексы, многие из которых связаны с обжигом керамики (Беляев и др., 2016. С. 36–39 и др.).

Позже остальных (лето 2017 г.), при прокладке траншеи, был открыт горн к востоку–северо-востоку от Святых врат монастыря, над склоном Сионского холма. Строительные работы удалось на время остановить, горн обмерить и сфотографировать, собрать материал (полноценные раскопки возможны в будущем: сквозь объект проросли корни огромных лип, которые невозможно срубить).

Горн относится к серии обжигательных печей, врезанных в край террасы, он располагался в одном ряду с большим двухкамерным (с дополнительной печью) горном, обнаруженным и полностью раскопанным в 2014 г. несколько восточнее.

Сделанные вокруг горна в 2017 г. находки чрезвычайно интересны. Собранные изразцы делятся на две большие группы. Первая — обычные заготовки с лепными коробчатыми румпами, характерными для архитектурных изразцов Нового Иерусалима. Вторая — лекальные кирпичи с рельефным рисунком, у которых классическую румпу заменяет брусок обожженной глины. При этом большинство изразцов представлено в двух вариантах — с румпой и без. Такие изразцы-кирпичи производили на Соловках во времена игумена Филиппа (их называют “филлиповские”) и использовали, по-видимому, в декоре зданий (Петровская, 2006. С. 240). Возможно, патриарх Никон знал об этом приеме и опробовал в Новом Иерусалиме старую технологию, но здесь ее использовали сравнительно редко, для единственной архитектурной формы — валика, большинство которых изготовлено именно таким образом. Вероятно, горн появился на начальном этапе работы над декором, и мастера пробовали наладить производство; в этом случае производство здесь относится к первому строительному периоду, примерно десятилетнему — с середины 1650-х годов.

Ключевой находкой, связанной с горном, стала обнаруженная внутри него прикладная печать-матрица с резным негативным изображением. Ею ставили отиск на воск или мастику, удостоверяя таким образом документ, но могли использовать и для других форм опечатывания. Печати с надписями (да и вообще прикладные подвесные) пе-

чати находят крайне редко. Примерно в половине известных случаев (а всего их около трех десятков, из них церковных — только несколько штук) печати несут имя владельца.

В Новом Иерусалиме это уже вторая подобная находка, что косвенно указывает на обширный круг насельников, владевших такими штампами. Обе печати изготовлены из медного сплава, имеют форму круглого диска с ушком для подвешивания, т.е. относятся к типу шейных медальонов. На обеих изображения нанесены в технике гравировки.

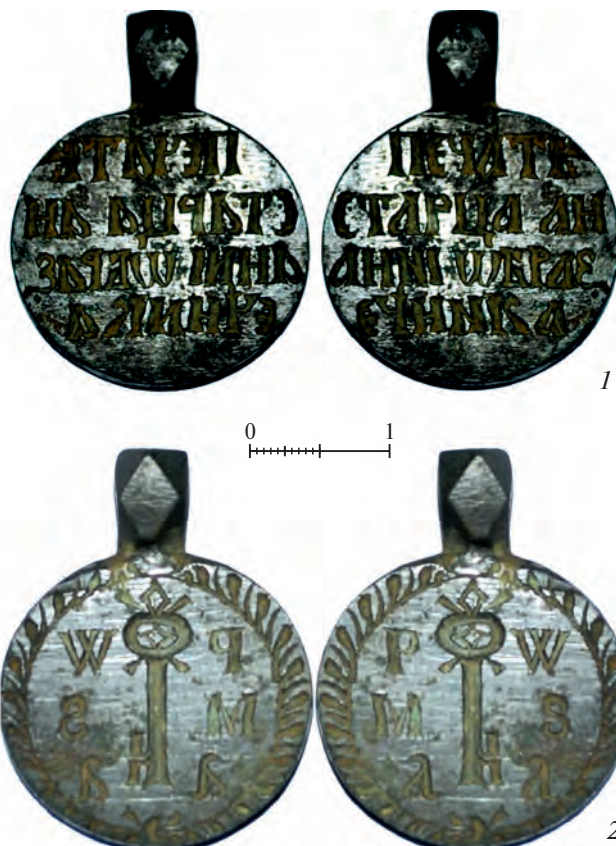
Печать, найденная первой, уже опубликована (Беляев, Глазунова, 2017. С. 17, 18). Она принадлежала некоему старцу Павлу и имела на лицевой стороне лаконичную надпись: “ПЕЧАТЬ СТАРЦА ПАВЛА”. Обратная сторона была гладкой, так же как и у большинства известных печатей.

Печать, происходящая из горна 2017 г. (диаметр — 2.2 см, толщина — до 0.25 см, высота ушка — 0.8 см) гораздо интереснее. На лицевой стороне у нее, как и у первой, вырезанная зеркально справа налево надпись, которая в оттиске дает текст (рисунок):

ПЕЧАТЬ
СТАРЦА АН
АНИИ АБРАЗ
ЕЧНИКА

Это единственный известный автору случай, когда печать указывает не только на статус, но и на профессию, род занятий владельца.

Оборотная сторона несет странную на первый взгляд композицию. Внутри орнаментального ободка, по оси диска, практически на всю его высоту изображен ключ, у которого очень красивое сложное ушко, украшенное двумя ромбами (внутри и сверху) и четырьмя расходящимися лучами. Орнаментальная полоса под ключом и над ним разорвана, причем внизу в разрыв помещена перевязь с двумя лучами. По обеим сторонам от ключа проставлены шесть заглавных латинских букв: слева — *W S A*, справа — *P M A*. Полагаю, это аббревиатура, в которой каждое слово обозначено своей начальной буквой. В таком случае перед нами — та же по смыслу и языку надпись, что и на лицевой стороне, но составленная из большего количества русских слов, обозначенных латинскими буквами: *P* — “печать”, *W* — “Воскресенского”, *M* — “монастыря”, *S* — “старца”, *A* — “Ананий”, *A* — “Абразечника”. Мы привыкли писать

Печать старца Анании. Прямое (1) и зеркально (2) отраженное изображения сторон.

The seal of the staretz Anania. Direct (1) and mirrored (2) images of the sides

слова “изразец” и производные от них через “и”, но в XVII в. по-русски это слово писали часто через “о” и возводилось оно к понятию “образ”. В “акающих” диалектах, белорусском и московском, “о” могло звучать как “а” и, соответственно, отражаться на латинице. Использование аббревиатур — типичная школярско-бурсацкая традиция образованных книжников Восточной Европы, смело пользовавшихся акростихами и любивших разные формы словесно-буквенной игры. Смешение двух алфавитов — явление, также весьма распространенное в конце XVII в. на территориях Восточной Европы, на которых проживало православное население (Украина, Белоруссия, Литва, Польша), использовавшее оба алфавита. Для них же характерен счет лет и от Сотворения мира, и от Рождества Христова, и от Воплощения Иисуса Христа, известный в монастырской культуре Европы и отраженный, как известно, и в Новом Иерусалиме (Баранова, 2011. С. 29–37).

Что касается изображения ключа, то известно несколько таких случаев на печатях, где специаль-

ная надпись подтверждала, что владелец печати — монастырский ключник (например, изображение на печати хранящейся в фондах Звенигородского музея: Станюкович, 2001. С. 101–112).

Старец Анания дважды упомянут в письменных источниках: во-первых, в завещании архимандрита Германа 1682 г., где записано только, что архимандрит завещал ему “часовник” (кстати, в том же завещании присутствует и упоминавшийся выше владелец печати Павел, получивший более солидное “наследство”: Зеленская, 2011. С. 98). В приходно-расходных книгах 1693 г. назван “изразешный монах Анания”, старец Больших служб монастыря и “каноархист Анания” (Леонид (Кавелин), архимандрит, 1876. С. 415). Указан размер жалования Анании как изразешного монаха, об оплате же каноархиста, “запевалы церковного хора”, ничего не сказано. Вероятно, речь идет об одном и том же человеке, которому принадлежала найденная в 2017 г. печать. Во всяком случае, в списке работавших в монастыре изразечников другой Анания не указан (Фролов, 1991. С. 12, 13).

Как печать Анании оказалась в заброшенном горне? Не “похоронил” ли ее мастер в потушенной печи, завершив свою работу и тем самым “опечатав” горн? Этого мы, возможно, не узнаем никогда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранова С.И. “Разсадник изразцового дела в России” (к вопросу о новоиерусалимских аналогиях в изразцовом декоре Москвы 2-ой половины XVII века) // Никоновские чтения в музее “Новый Иерусалим”: сб. ст. М.: Северный паломник, 2002. С. 225–234.
- Баранова С.И. Керамическая надпись ротонды Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 6. М.; СПб.: Коло, 2013. С. 29–37.
- Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Данилов Ю.А., Савельев Н.И. Керамические горны Ново-Иерусалимского монастыря XVII–XVIII вв. // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья: материалы I и II Всерос. науч.-практ. конф. (Новый Иерусалим, 2014–2015): сб. ст. и тез. / Под ред. Л.А. Беляева. М.: Коллектор, 2016. С. 36–39.
- Беляев Л.А., Глазунова О.Н. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь (Московская область, город Истра) // Города. Поселения. Некрополи. Раскопки 2016 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2017 (Материалы спасательных археолог. исслед.; Т. 19). С. 14–20.
- Зеленская Г.М. Наследство и наследники Воскресенского архимандрита Германа I // Никоновские чтения в музее “Новый Иерусалим”: сб. Вып. III / Сост. и науч. ред. Г.М. Зеленская. Уфа: Лето, 2011. С. 85–117.
- Леонид (Кавелин). Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря... М.: ОИДР, 1876. IV, 768, II с.
- Петровская Л.А. Строительная керамика. Описания предметов // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области: каталог / Сост. Т.М. Кольцова. М.: Сканрус, 2006. С. 247–254.
- Станюкович А.К. Две церковные прикладные печати XVI столетия // Звенигородская земля. История, археология, краеведение: матер. науч. конф., посвящ. 80-летию Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея (28–29 марта 2001 г.) / Отв. ред. А.К. Станюкович. Звенигород: Звенигор. ист. — архитектурный и художественный музей, 2001. С. 101–112.
- Султанов Н.В. Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по высочайшему соизволению А. Прохоровым. Вып. 4. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. С. 1–63.
- Филиппов А.В. Изразцовый наличник окна в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре и его отмывка. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. 18 с.
- Фролов М.В. Мастера-изразечники Москвы XVII — начала XVIII в.: справочник. М.: Ин-т “Спецпроектреставрация”, 1991 (Реставрационные нормативы: Методические рекомендации). 72 с.

THE SEAL OF A SEVENTEENTH CENTURY TILE CRAFTSMAN FROM THE NEW JERUSALEM MONASTERY

Olga N. Glazunova

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: olga-glazunova2007@yandex.ru

The article is devoted to the find of the neck seal-mould, which belonged to the tile's craftsman — a monk, who worked in the New Jerusalem Monastery. The circumstances of the find and written testimonies about the seal's owner are presented.

Keywords: seal-mould, staretz Anania, New Jerusalem, ceramic horn, tile production.

REFERENCES

- Baranova S.I., 2002. The hotbed of the tiles business in Russia (to the question about New Jerusalem analogies in the tiled decor of Moscow of the second half of 17th century). *Nikonovskie chteniya v muzeye "Novyy Ierusalim": sbornik statey [The Nikon Reading in the New Jerusalem museum: collection of articles]*. Moscow: Severnyy palomnik, pp. 225–234. (In Russ.)
- Baranova S.I., 2013. Ceramic inscription of the rotunda of the Resurrection Cathedral of the New Jerusalem Monastery. *Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury [Restoration and investigations of the culture monuments]*, 6. Moscow; St. Petersburg: Kolo, pp. 29–37. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Glazunova O.N., Danilov Yu.A., Savel'yev N.I., 2016. Ceramic kilns of the New Jerusalem Monastery of the 17th–18th cc. *Keramicheskie stroitel'nye materialy v Rossii: tekhnologiya i iskusstvo Pozdnego Srednevekov'ya: materialy I i II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (2014–2015): sbornik statey i tezisev [Ceramic building materials in Russia: technology and art of the Late Middle Ages: materials of the 1st and 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference (2014–2015): collection of articles and abstracts]*. L.A. Belyayev, ed. Moscow: Kollektor, pp. 36–39. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Glazunova O.N., 2017. Resurrection New Jerusalem Monastery (Moscow region, Istra city). *Goroda. Poseleniya. Nekropoli. Raskopki 2016 [Towns. Settlements. Necropolis. Excavations 2016]*. A.V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 14–20. (Materialy spasatel'nykh arkhologicheskikh issledovaniy, 19). (In Russ.)
- Zelenskaya G.M., 2011. The heritage and the heritors of the Resurrection Archimandrite Herman I. *Nikonovskie chteniya v muzeye "Novyy Ierusalim": sbornik [The Nikon Reading in the New Jerusalem museum: collection of articles]*, III. G.M. Zelenskaya, comp., ed. Ufa: Leto, pp. 85–117. (In Russ.)
- Leonid (Kavelin), 1876. Istoricheskoye opisanie Stavropigial'nogo Voskresenskogo, Novyy Ierusalim imenuyemogo, monastyrya... [The historical description of Stavropigial Voskresensky, the New Jerusalem named monastery...]. Moscow: Obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh. IV, 768, II p.
- Petrovskaya L.A., 2006. Building pottery. The descriptions of the items... *Nasledie Solovetskogo monastyrya v muzeyakh Arkhangel'skoy oblasti: katalog [The heritage of the Solovetsky Monastery in the museums of Arkhangelsk Region: catalog]*. T.M. Kol'tsova, ed. Moscow: Skanrus, pp. 247–254. (In Russ.)
- Stanyukovich A.K., 2001. Two church application seals of the 16th century. *Zvenigorodskaya zemlya. Istoriya, arkhaeologiya, krayevedenie: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu Zvenigorodskogo istoriko-arkhitekturnogo i khudozhestvennogo muzeya [Zvenigorod. History, archeology, regional studies: materials of a scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the Zvenigorod History, Architecture and Art Museum]*, A.K. Stanyukovich, ed. Zvenigorod: Zvenigorodskiy istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey, pp. 101–112. (In Russ.)
- Sultanov N.V., 1885. The tiles in Old Russian art. *Materialy po istorii russkikh odezhd i obstanovki zhizni narodnoy, izdavayemye po vysochayshemu soizvoleniyu A. Prokhorovym [Materials on the history of Russian clothes and the life of the people, published by the highest permission by A. Prokhorov]*, 4. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, pp. 1–63. (In Russ.)
- Filippov A.V., 1917. Izraztsovyi nalichnik okna v Voskresenskom Novoierusalimskom monastyre i ego otmyvka [Tiled window casing in the Resurrection New Jerusalem Monastery and its washing]. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova. 18 p.
- Frolov M.V., 1991. Mastera-izrazechniki Moskvy XVII – nachala XVIII v.: spravochnik [The tile craftsmans of Moscow of the 17th – the start 18th c.: guide], Moscow: Institut "Spetsproyektrestavratsiya". 72 p. (Restavratsionnye normativy: Metodicheskie rekomendatsii).

ОПИСИ И.Ф. МИЧУРИНА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ XVI–XVII вв.: ДЕРЕВЯННЫЙ ДВОРЕЦ И ЦЕРКВИ СЕЛА КОЛОМЕНСКОЕ

© 2018 г. С.И. Баранова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.02.2018 г.

В статье впервые представлен систематический обзор описей архитектора И.Ф. Мичурина, в которых отражено состояние известного памятника второй половины XVII в. — огромного деревянного дворца в летней резиденции московских великих князей и царей, селе Коломенское (под Москвой). Дворец был разобран примерно через 100 лет после возведения, в царствование Екатерины II, но успел стать одной из легенд русской архитектуры. Описи И.Ф. Мичурина — первого русского архитектора-реставратора — позволяют представить общую картину состояния дворца в 1740-е годы, а также получить подробные сведения о каждом помещении, его окнах, печах, типе изразцов и т.п. Описи Мичурина сохранились для полутора десятков древних памятников Москвы и отражают не только сами памятники, но и отношение к ним общества, прежде всего царского двора и высшего духовенства. Автор предполагает, что эти описи необходимо сопоставить с археологическим материалом, который получен при раскопках (под руководством Л.А. Беляева) зоны дворца и прилегающих каменных строений — кухонь, стен с воротами и др. До сих пор эта работа не проводилась.

Ключевые слова: деревянный дворец, археологические источники, письменные источники, архитектор И.Ф. Мичурин, Коломенское.

DOI: 10.31857/S086960630001660-5

Для изучения материальной культуры Древней Руси письменные источники привлекают не слишком часто. В прошлом, когда полевая археология еще не достигла нынешнего уровня, их использовали намного активнее (Бакланова, 1926; Ржига, 1929; многочисленные анализы предметов, упомянутых в завещаниях московских великих князей, и др.). Но и сегодня сочетание письменной, иконографической и археологической информации позволяет достичь наилучших результатов, особенно если речь идет о памятниках, сохранившихся до Нового времени и описанных профессиональными архитекторами. Среди таковых особой точностью и внимательным отношением к древним памятникам выделяются описи Ивана Федоровича Мичурина (1703/1704 — после 1763) — выдающегося зодчего первой половины—середины XVIII столетия, наследие которого все еще недостаточно изучено. В серьезных работах 2000-х годов (Клименко, 2002; 2008. С. 413–417) исключительно важный сюжет о деятельности архитектора в Коломенском просто отсутствует и впервые пред-

ставлен только в 2017 г. на первой специально посвященной ему выставке в Московском государственном объединенном музее-заповеднике (МГОМЗ) “Архитектор Иван Федорович Мичурин. Портрет на фоне...” и в буклете к ней (Баранова и др., 2017).

Обширная ремонтно-восстановительная деятельность И.Ф. Мичурина по числу охваченных им построек занимает преимущественное положение в сравнении с другими его работами. Это отражает особенности периода, когда тенденция сохранения и изучения памятников прошлого, намеченная указами Петра I в первой четверти XVIII в., набирала силу. Круг построек, охваченных заботой государства, включал прежде всего церковные здания и царские дворцы, которые требовали ремонта и поддержания в должном порядке. В результате составление ремонтных описей и смет стало одной из многочисленных обязанностей архитекторов. И.Ф. Мичурин оценивал (отчасти тем самым проектируя) и составлял рекомендации по восстановлению или сохранению объектов во многих монастырях Москвы:

Высокопетровском (1735, 1747 гг.), Андроникове (1740-е годы), Данилове (1741 г.), а также в Златоустовском, Симонове, Знаменском, Сретенском, Андреевском, Даниловом и в других городах (Рождественский во Владимире, 1735 г.; Спас-Ярославский, 1737 г., и Спасский на Песку, 1730-е годы, в Ростове; Саввино-Сторожевский в Звенигороде, 1744 г.; Богоявленский (1738 г.) и Ипатьевский (1741 г.) в Костроме. Ту же работу он делал и в Коломенском, тогда еще вполне подмосковном.

Одна из вершин творческой деятельности Мичурина как реставратора, его программный проект, где наиболее ярко проявлен подход к постройкам прошлого, — работы в Новом Иерусалиме на р. Истра (1731–1747 гг.). После обрушения (1723 г.) каменного шатра Воскресенского собора зодчий, тщательно изучив огромную и сложную постройку, инициировал восстановления шатра, решив задачу, ставившую коллег в тупик. Не менее интересен его подход к восстановлению керамического декора собора, в котором он отчасти следовал практике XVII в., заменяя утраченные фрагменты на выполненные по формам копии. Сегодня с полным основанием можно считать И.Ф. Мичурина первым крупным архитектором-реставратором, воспринимавшем древние церкви, монастыри и дворцы как объекты аналитического изучения и сохранения.

Ключевые для истории русской культуры, искусства, архитектуры XVI–XVII вв. памятники, в восстановлении которых принимал участие И.Ф. Мичурин, через три столетия стали по странному, но вряд ли случайному стечению обстоятельств предметом исследований Л.А. Беляева (2016. С. 400–417, там же литература), который руководил раскопками в Новом Иерусалиме (2009–2016 гг.; см. Воскресенский собор..., 2016) и в древнейших монастырях Москвы (см., например: Беляев, 1995). Начатые гораздо раньше (с конца 1970-х годов) раскопки в Коломенском стали одним из дел всей его жизни и отражены в массе публикаций. В первый же сезон работы ученый соприкоснулся с материалами дворца, позже вошедшими в экспозицию как первая из натурных реконструкций изразцовой печи XVII в. (Беляев, Фролов, 1988). Он первым увидел в слоях, окружающих церкви Вознесения и св. Георгия, важный архитектурно-археологический источник и открыл древнейшее кладбище Коломенского (Баталов, Беляев, 2013).

По инициативе Л.А. Беляева возобновилось археологическое изучение деревянного дворца — подлинной легенды москвоведения. В статьях об археологии дворца, написанных в соавторстве с другим замечательным знатоком древностей Коломенского, Н.А. Кренке, поставлены серьезные вопросы не только археологического, но и социально-исторического свойства, вопросы восприятия утраченных объектов (“руин”, “дворищ” и т.п.) позднейшей историографией и “малой историей” (Беляев, Кренке, 1993, 2005). Ими был инициирован и возврат к теме описей дворца.

Историки долго воспринимали эту группу источников как исчерпанную благодаря ранней и всем известной публикации И.Е. Забелина (2005. С. 342–359), хотя значение описей для реконструкции дворца ставили высоко. “Старые описи позволяют до некоторой степени восстановить и внутреннее убранство этого замечательного памятника” (Згура, 1926. С. 13). Уже в 1990-е годы стало ясно, что вопрос обмерной документации и описей дворца далеко не прост. Остановимся на нем вкратце. Описание “Росписной список дворца села Коломенского” 1742 г. (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1239. Оп. 1. Д. 486. Л. 8–42об.) частично опубликована, как уже сказано, И.Е. Забелиным. Он считал ее поздней копией несохранившейся “Описи в Коломенском дворце государевым хоромам и прочему строению, на 46 листах, 7185 (1677) года” (Забелин, 2005. С. 342, 343). Описание, выполненная И.Ф. Мичуриным, в поле зрения исследователей тогда не попала. Сегодня его роль в сохранении уникальных памятников села почти забыта, и значение оставленного им источника осознается не до конца.

Между тем Иван Федорович знал Коломенское, как никто другой. Об этом свидетельствует «Доношение архитектора Ивана Мичурина в Главную дворцовую канцелярию об осмотре дворца в Коломенском с описанием “ветхостей”, сметами расходов строительных материалов и ценами на них» 25 мая 1740 г. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31818. Л. 58–69об., копия на Л. 71–89об.). Оно вшито в дело, включающее 454 листа. Помимо описей И.Ф. Мичурина в нем содержатся документы о Коломенском с апреля 1738 по январь 1744 г. включительно: доношение управителя села Коломенского комиссара Ивана Данилова 1738 г., указы из Главной дворцовой канцелярии архитектору Мичурину об осмотре во дворце в Коло-

менском “ветхостей” 1739 г. и др.¹ Опись 1740 г. подписана (рисунок), но не написана Мичуринным и содержит приписи (комментарии и дополнения) его рукой. Опись не публиковали, она впервые показана на выставке 2017 г., но была перепечатана, и исследователи пользовались ее машинописной копией в составе диссертации Д.И. Ачаркана 1918 г., хранящейся в МГОМЗ (Ачаркан, 1918; о нем см. Тельчаров, 2002).

“Опись” ценна, и не только тем, что позволяет судить о планировке дворца в XVIII в. Она дает возможность увидеть работу “архитектора-археолога” изнутри, понять в деталях его подход к реставрации — явлению тогда совершенно новому, едва формирующемуся.

На страницах “Описи” дворец предстает не в лучшую свою пору: обветшавшим, уже мало-пригодным для жизни, по сути дела, давно забытым. Он пришел в запустение после переноса столицы из Москвы в Петербург. Уже в 1722 г. Ф.В. фон Берггольц, отметив, что “огромное деревянное здание весьма замечательно по своей древности и необыкновенной величине”, укажет на необходимость большого ремонта (“дворец построен 60 лет тому назад отцом Его Величества императора, который и сам, не более как за 27 лет, еще жил в нем и потому назначил теперь известную сумму на его возобновление”) и опишет начало работ: “Нам ... показали, как это будет делаться... провели нас к небольшому домику, который был уже высоко поднят от земли. Точно так же должно быть поднято и все громадное здание для подведения под него каменного фундамента. Мы нашли, ... что оно не стоит того, что в нем уже мало хорошего, между тем как такие поправки требуют больших издержек и трудов, не обещая все-таки сделать его обитаемым...” (Берггольц, 1860. С. 236). Как известно (в том числе и по данным археологии), фундаменты все же подвели. Дворец поправляли в царствование императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, но в документах все чаще упоминаются дворцовые “ветхие строения”.

Так что не случайно появление двух указов из Главной дворцовой канцелярии архитектору Ивану Мичурину: 22 мая 1739 г. об осмотре во дворце в Коломенском «“ветхостей”, описания их и составления сметы “на припасы и материалы” для ремонта» (РГАДА. Ф.1239. Оп. 3. Д. 31818.

Л. 46—48об.) и 15 июня того же года об осмотре ветхостей в хоромы “и протчае”, составлении описи и сметы и подаче при доношении “немедленно” (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31818. Л. 51—52об.). 25 мая 1740 г. Мичурин подал подробное донесение: “По присланной из оной канцелярии указа мне, в сем селе Коломенском, во дворце имеющуюся ветхость осмотреть и осмотра учинить смету, и по тому указу, я во оном дворце означенные ветхости осматривал, а какие имеются и какое число по оным по мнению моему потребно материалов и во что на пример, означенное по мнению моему ценою стать может, о том значит ниже сего а именно...” Далее идет опись ветхостей, включая размеры помещений, окон и печей, описываются детали интерьера, остатки росписей и другие элементы. Например: “По правую же сторону передних ворот палаты, из которых в 2-х палатах, в окончинах 2 стекла не имеется, надлежит починить; в оной же палате печь обращатую (изразцовую) от полу надлежит перебрать вновь, она высокая 3 арш. с четвертью, шириною 1 арш. с половиною”; “над царичьими сенями шатер осмигранный пошатался, в котором изнутри написаны по холсту из Библии Книги Есфири притчи царя Артаксерса, и в оном попережные бруссы згнили и погнулись, оные надлежит разобрать, сделать вновь”; “да при царевниных же комнатах, в оной комнате в наугольной, над печью от мокроты потолок повредился, надлежит починить”; “при означенной же столовой светлица, подле поврежденной стены за печью трубу обращатую надлежит разобрать и, по отделке стены, оную трубу вновь сделать”; “при комнатах у переднего крыльца, на первой площадке... 4 льва резные деревянные надлежит вновь сделать, в том числе 2 в половину, а 2 целые” (все цитаты по: Ачаркан, 1918. С. 217, 218, 225, 229; 221, 241).

Описание ветхостей сопровождается “описью нужных материалов и ценой к ним”: “звания материалов”, “цена материалов по мнению моему”, “Р.К.” (рубль, копейка. — С.Б.). Просчитываются расходы “за работу плотникам, каменщикам, оконщикам, кузнецам”. Хотя перед нами скорее смета и расценки на строительные материалы, чем характеристика памятника (“опись материалов и цены им” на общую сумму 1496 руб. 30 с половиной коп.), текст Мичурина возвращает нам и представление о дворце в годы его величия.

¹ Приношу глубокую благодарность главному специалисту РГАДА М.В. Николаевой за консультацию о содержании дела.

Записи в ерсеюмѣ зѣло испорчены и повреждены оубѣдо поспешно за суровыми зѣлами мелки зѣлами коровы	коровы по туркѣмъ коровѣ	3 60
Зарядитъ туркѣмъ зѣла коровы и зѣла	- - - -	1 96
Зарядитъ туркѣмъ зѣла коровы	- - - -	30
зѣла испорчены и повреждены зѣла испорчены и повреждены зѣла испорчены и повреждены зѣла испорчены и повреждены зѣла испорчены и повреждены	зѣла зѣла зѣла зѣла зѣла	200

май 25 дня
 1740 г.

Иванъ Мичуринъ

Б

Report to the Main Palace Chancellery with an attached description of the "dilapidated interiors" in Kolomskoye palace with the signatures of I. F. Michurin. May 25, 1740. Paper, ink

Становится ясно, что к 1740-м годам дворец во многом сохранял первоначальный облик, хотя ремонтные работы в нем начались давно (так, устройство в 1720-е годы каменного фундамента сопровождала кладка новых печей (Баранова, 2007)). В описи во множестве упоминаются слюдяные оконца, которые нуждаются в починке (интересно, что зодчий не предлагает заменить слюду на стекло, но советует закупить новую слюду), ветхие печи и другие и т.д. Особенно важны впервые приведенные в описях указания на размеры.

Из последующих документов становится ясно, что дело с ремонтом дворца затянулось. Выслушав московского главнокомандующего графа С.А. Салтыкова и И.Ф. Мичурина (31 июля 1740 г.), канцелярия издает постановление “о призыве для починки вышеописанной в Коломенском дворце ветхости”. Было объявлено о торгах, но ни к одному из трех объявленных торгов “охочие люди” не явились. В 1741 г. Главная дворцовая канцелярия вновь поручила Мичурину осмотреть “все ветхости” в Коломенском и “учинить без излишеств смету”, которую архитектор представил в декабре. Появляется новое «Доношение Ивана Мичурина в Главную дворцовую канцелярию об осмотре в Коломенском дворца, иконостасов соборной церкви Воскресения, церкви Георгия, церкви Казанской Богородицы, хозяйственных построек 9 погребов, пивоварнях и др.) с описанием “ветхостей” “сверх” описи 1740 г. и сметами расходов на строительные материалы и ценами на них» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31818. Л. 96–110), подписанное Мичуриным 31 декабря 1741 г. В 1742 г., после долгих бюрократических проволочек, заключили договор с олончанином Петром Нестеровым на полный ремонт дворца и церквей. Но на торгах смету сбавил на 20 руб. купец Петр Сагайдашный, что привело к новой волоките и, видимо, к провалу торгов.

Между тем летом 1742 г. императрица Елизавета Петровна, предполагая быть в Коломенском, приказала исправить ветхости “в самых нужных покоях”, вновь поручив наблюдение Мичурину. Управитель дворцового села Коломенского Александр Ермолов подтверждал угрожающее состояние дворца: “Весьма ветхо и гнило, и ходить опасно”. В это время части постепенно разрушавшегося дворца уже использовали для постоянных починков коломенских церквей, и в обновленном варианте описи

ветхостей Мичурина постоянно встречается: “вновь сделать”, “надлежит сделать”, “надлежит починить”.

Видимо в 1742 г. И.Ф. Мичурин бывал в Коломенском часто. Возможно, он встретился здесь с Ф.В. Бергхольцем, опять приехавшим в Россию, и помог ему с обмерами. В составе его коллекции хранятся (Национальный музей Швеции в Стокгольме) выполненные путешественником самые ранние и полные чертежи, планы и рисунки Коломенского, а исключительная точность исполнения планов дворца позволяет думать, что авторами обмеров, служивших источником для графических работ Бергхольца, были профессиональные архитекторы, в том числе Мичурин (Севастьянова, 2008).

После 1742 г. дворец исчезает из документов на 20 лет (возможно, о нем предпочли забыть), и его судьбу приходится решать Екатерине II. В год вступления на престол (1762) она впервые увидела Коломенское, после чего повелела произвести “архитекторский осмотр” старого дворца и приложить все старания к его восстановлению и дальнейшему поддержанию. Наблюдение над работами по исправлению, равно как и составление чертежей, смет и прочего, вновь поручается немолодому уже И.Ф. Мичурину.

Появляется новая роспись ветхостей дворца: летом 1763 г. Мичурин и плотничный мастер Эрих докладывают: “1) В стенах, как от каменного фундамента нижние, так и по поверхности к крышам многие ряды бревен, а паче углы и замки оных сгнили; 2) у сеней и переходов, которые забраны досками, брусья, а у крылец в ступенях и площадках — доски и прочее совсем обветшали, а некоторые от ветхости обвалились; 3) имеющиеся над корпусами крыши пришли в худобу; 4) сверх показанных ветхостей стены того дворца пошатились и каменный фундамент, на котором оные основаны, во многих местах повредился ж”. Рекомендации строителей неутешительны, требуется полная переборка деревянных строений: “И за теми обстоятельствами, по мнению нашему имянованных, починкою исправить того дворца невозможно; а надлежит оной, по мнению нашему, разобрав весь, перестроить вновь и годные от той разборки материалы для употребления в перестройку выбрать и включить к числу новых материалов. Имеющиеся ж при том дворце каменные флигеля для служб починкою и переправкою возобновить можно. А таким образом, расположению комнат и прочего упоминаемо-

го Коломенского дворца впредь быть надлежит, оное предаем нижайше на высокое рассуждение” (все цитаты по: Забелин, 2005. С. 340).

Возможно судьба дворца сложилась бы иначе, если бы предложение Мичурина — “...а надлежит оной, по мнению нашему, разобрать весь, перестроить вновь” — было услышано. Вскоре к работам по Коломенскому дворцу был привлечен архитектор Карл Бланк, подавший в мае 1764 г. (видимо, после смерти Мичурина) смету на перестройку и починку дворца. Огромная сумма, 56 934 руб. 27 коп., заставила императрицу принять решение о сносе. В 1767 г. дворец после детальных обмеров и создания графических изображений фасадов, разобрали, начав затем строительство нового дворца (Баранова, 2015).

“Описи ветхостей” И.Ф. Мичурина содержат материал не только по дворцу, но и по храмам XVI в. в Коломенском, они частично использованы в книге о церквях Вознесения и св. Георгия (Баталов, Беляев, 2013). В 1741 и 1742 гг. Мичурин, осмотрев церковь Вознесения, указал на отсутствие окончин в окнах алтаря и отметил выхоженность полов. Через два года, как отмечено, отремонтировали железные двери, а главу церкви обили жостью. Именно И.Ф. Мичурин дал и описание литургических устройств: трехъярусный иконостас “вышиной 4 сажени, шириною 7 аршин оный ветх... надлежит разбирать и вновь сделать”, написав заново 55 образов “разных мер” и “14 образов крестообразных”, а обветшавший покров престола и шатровую сень над ним нужно сменить. Все это позволило составить общее представление об интерьере храма.

Из предложенного обзора можно сделать следующие выводы. До сих пор описи И.Ф. Мичурина о памятниках Коломенского XVI—XVII вв. не используются в полном объеме и ждут полной комментированной публикации. Их изучение не только позволит уточнить данные о деталях интерьера, но и, возможно, решит вопрос о копийном характере описи дворца 1742 г., которую И.Е. Забелин опубликовал как переоформленный текст конца XVII в. В готовящихся Л.А. Беляевым и его соавторами изданиях материалов раскопок дворца 2000-х годов (они затронули Кормовой двор и вновь, после работ 1977—1980 гг., стены Государева двора, особенно южную, а также площадки самих дворцовых палат) описи И.Ф. Мичурина найдут применение как один из главных письменных источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ачаркан Д.М. Дворцовое село Коломенское: история его памятников зодчества по архивным данным [Рукопись]. М., 1918 // Московский государственный объединенный музей-заповедник (МГОМЗ). Редкие рукописные и старопечатные книги. А-1596, К-13404.
- Бакланова Н.А. Обстановка Московских приказов в XVII веке // Труды ГИМ. Вып. 3: Разряд общий исторический. М., 1926. С. 79—80.
- Баранова С.И. К вопросу о реконструкции печей Коломенского дворца // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 10. М., 2007. С. 118—134.
- Баранова С.И. К истории строительства Екатерининского дворца в Коломенском // Архитектурное наследие. Вып. 63. СПб: Коло, 2015. С. 78—95.
- Баранова С.И., Клименко С.В., Сабенина А.В. Архитектор Иван Федорович Мичурин: портрет на фоне...: буклет выставки. М., 2017. 63 с.
- Баталов А.Л., Беляев Л.А. Церковь Вознесения: архитектура, археология, история. М.: МГОМЗ, 2013. 204 с.
- Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.: ИА РАН, 1995 (Материалы и исследования по археологии Москвы; т. 6). 458 с.
- Беляев Л.А. Археология Нового Иерусалима и францисканская идея в Центральной Европе XVII в. // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII вв.: матер. науч. конф. / Ред.: Л.А. Беляев, А.В. Юрасов. М.; Вологда: Древности Севера, 2016. С. 400—417.
- Беляев Л.А., Кренке Н.А. Археологические исследования дворца Алексея Михайловича в Коломенском // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1993. С. 8—21.
- Беляев Л.А., Кренке Н.А. Деревянный дворец конца XVII в. в Коломенском: опыт археологической локализации // РА. 2005. № 4. С. 176—188.
- Беляев Л.А., Фролов М.В. Изразцовая печь белорусских мастеров из усадьбы Коломенское // Архитектурное наследие и реставрация. Вып. 3. М.: Росреставрация, 1988. С. 208—222.
- Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, вденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год. Ч. II: 1722-й год / Пер. [предисл.] с нем. И. Аммон. 2-е изд. М.: Тип. Лазаревского ин-та вост. языков, 1860. 358 с.
- Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря: путь к возрождению. Реставрация 2009—2015 годов / Ред. Л.А. Беляев, И.Л. Бусева-Давыдова. М.: Коллектор, 2016. 312 с.
- Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: АСТ, 2005. (Классическая мысль). 1136 с.
- Згура В.В. Проблема возникновения барокко в России // Барокко в России / Ред. А.И. Некрасов. М.: Тип. ГАХН, 1926. С. 13—42.

- Клименко С.В. Архитектурная деятельность И.Ф. Мичурина. 1720–1750-е годы: дис. ... канд. архитектуры. М., 2002. 290 с.
- Клименко С.В. Мичурин Иван Федорович // Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века. М.: URSS, 2008. С. 413–417.
- Ржигза В.Ф. Очерки из истории быта до-монгольской Руси. М.: ГИМ. 1929. (Тр. ГИМ. Разряд общий исторический; вып. 5). 100 с.
- Севастьянова Л.П. Некоторые сведения о селе Коломенском по материалам из коллекции Ф.В. фон Бергхольца // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 11. М., 2008. С. 176–196.
- Тельчаров А.Д. Историк Коломенского – Д.М. Ачаркан // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 7. М., 2002. С. 3–10.

INVENTORIES BY I.F. MICHURIN AS A SOURCE FOR STUDYING THE MATERIAL CULTURE OF THE 16th–17th CENTURIES: THE WOODEN PALACE AND CHURCHES OF KOLOMENSKOYE

Svetlana I. Baranova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

The article presents a systematic review of the inventories composed by the architect I.F. Michurin which reflect the condition of a well-known site of the second half of the 17th century – the great wooden palace in the village of Kolomenskoye (near Moscow), the summer residence of the Moscow Grand Dukes and Tsars. The palace was dismantled about 100 years after the erection, during the reign of Catherine II. However, it was able to become one of the legends of Russian architecture. Inventories by I.F. Michurin, the first Russian conservation architect, make it possible to present a general picture of the palace condition in the 1740s, as well as to obtain detailed information about each room, its windows, stoves, type of tiles, etc. Michurin's inventories for fifteen ancient Moscow sites have survived. They reflect not only the sites themselves, but also the attitude of society towards them, primarily the Tsar's court and the higher clergy. The author proposes that these records should be compared with archaeological material obtained during excavations (under L.A. Belyaev) of the palace area and adjoining stone structures – kitchens, walls with gates, etc. This work has not been fulfilled so far.

Keywords: wooden palace, archaeological sources, written sources, the architect I.F. Michurin, Kolomenskoye.

REFERENCES

- Acharkan D.M. Dvortsovoe selo Kolomenskoe: istoriya ego pamyatnikov zodchestva po arkhivnym dannym (Rukopis'). Moscow, 1918 [The Court Village of Kolomenskoye: the history of its sites of architecture based on archival data (Manuscript). Moscow, 1918]. *Moskovskiy gosudarstvennyy ob'edinennyy muzey-zapovednik (MGOMZ). Redkie rukopisnye i staropечатnye knigi [Moscow State United Museum-Reserve (MSUMR). Rare handwritten and early printed books]*, A-1596, K-13404.
- Baklanova N.A., 1926. Furnishings of the Moscow prikazes in the 17th century. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Transactions of the State Historical Museum]*, 3. *Razryad obshchey istoricheskoy [General Historical Section]*. Moscow, pp. 79–80. (In Russ.)
- Baranova S.I., 2007. On the reconstruction of the furnaces in the Kolomenskoye Palace. *Kolomenskoe. Materialy i issledovaniya [Kolomenskoye. Materials and studies]*, 10. Moscow, pp. 118–134. (In Russ.)
- Baranova S.I., 2015. On the history of the Catherine Palace construction in Kolomenskoye. *Arkhiturnoe nasledstvo [Architectural Heritage]*, 63. St. Petersburg: Kolo, pp. 78–95 (In Russ.)
- Baranova S.I., Klimenko S.V., Sabenina A.V., 2017. Arkhitekt Ivan Fedorovich Michurin: portret na fone...: buklet vystavki [Architect Ivan Michurin: a portrait on the background ...: exhibition booklet]. Moscow. 63 p.
- Batalov A.L., Belyaev L.A., 2013. Tserkov' Vozneseniya: arkhitektura, arkhaeologiya, istoriya [Church of the Ascension: Architecture, archaeology, history]. Moscow: MGOMZ. 204 p.
- Belyaev L.A., 1995. Drevnie monastyri Moskvyy po dannym arkhologii [Ancient Moscow monasteries according to archaeological data]. Moscow: IA RAN. 458 p. (Materialy i issledovaniya po arkhologii Moskvyy, 6).
- Belyaev L.A., 2016. Archeology of New Jerusalem and the Franciscan ideas in Central Europe of the 17th century. *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkhologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.: materialy nauchnoy konferentsii [From the Troubles to the Empire. New discoveries in the Archaeology and history of Russia of the 16th–18th centuries: Proceedings of scientific conference]*. L.A. Belyaev,

- A.V. Yurasov, eds. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 400–417. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Frolov M.V., 1988. Tile stove by Belarusian masters from Kolomenskoye estate. *Arkhiturnoe nasledie i restavratsiya [Architectural heritage and restoration]*, 3. Moscow: Rosrestavratsiya, pp. 208–222 (In Russ.)
- Belyaev L.A., Krenke N.A., 1993. Archaeological investigations of the palace of Alexey Mikhailovich in Kolomenskoye. *Kolomenskoe. Materialy i issledovaniya [Kolomenskoye. Materials and studies]*, 4. Moscow, pp. 8–21. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Krenke N.A., 2005. Wooden palace of the late 17th century in Kolomenskoye: an experience in archaeological localization. *Russ. arkheologiya [Russ. Archaeology]*, 4, pp. 176–188. (In Russ.)
- Berkhgo'ls F.V., 1860. Dnevnik kammer-yunkera Berkhgo'lsa, vedennyi im v Rossii v tsarstvovanie Petra Velikogo, s 1721-go po 1725-y god [Diary of the Chamber Junker Bergholtz kept by him in Russia during the reign of Peter the Great from 1721 to 1725], II. 1722-y god [1722]. I. Ammon, trans. 2nd ed. Moscow: Tip. Lazarevskogo inst. vostochnykh yazykov. 358 p.
- Klimenko S.V., 2002. Arkhitekturnaya deyatel'nost' I.F. Michurina. 1720–1750-e gody: diss. ... kandidata arkhitektury [Architectural activity of I.F. Michurin. The 1720–1750s: Doctoral Thesis in History]. Moscow. 290 p.
- Klimenko S.V., 2008. Ivan Fedorovich Michurin. *Slovar' arkhitektorov i masterov stroitel'nogo dela Moskvy XV – serediny XVIII veka [Dictionary of Moscow architects and construction masters of the 15th – the middle of the 18th century]*. Moscow: URSS, pp. 413–417 (In Russ.)
- Rzhiga V.F., 1929. Ocherki iz istorii byta do-mongol'skoy Rusi [Essays on the history of everyday life of pre-Mongol Rus]. Moscow: GIM. 100 p. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Razryad obshchiy istoricheskii, 5).
- Sevast'yanova L.P., 2008. Some information about the village of Kolomenskoye based on the materials from F.W. von Bergholtz's collection. *Kolomenskoe. Materialy i issledovaniya [Kolomenskoye. Materials and studies]*, 11. Moscow, pp. 176–196 (In Russ.)
- Tel'charov A.D., 2002. D.M. Acharkan, an historian of Kolomenskoye. *Kolomenskoe. Materialy i issledovaniya [Kolomenskoye. Materials and Studies]*, 7. Moscow, pp. 3–10. (In Russ.)
- Voskresenskiy sobor Novo-Ierusalimskogo monastyrya: put' k vrozozhdeniyu. Restavratsiya 2009–2015 godov [Resurrection Cathedral of the New Jerusalem Monastery: the way to revival. Restoration of 2009–2015]. L.A. Belyaev, I.L. Buseva-Davydova, eds. Moscow: Kollektor, 2016. 312 p.
- Zabelin I.E., 2005. Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiyakh [Home life of the Russian Tsars in the 16th and 17th centuries]. Moscow: AST. 1136 p. (Klassicheskaya mysl').
- Zgura V.V., 1926. The issue of emergence of the Baroque in Russia. *Barokko v Rossii [Baroque in Russia]*. A.I. Nekrasov, ed. Moscow: Tip. Gos. AKaN, pp. 13–42. (In Russ.)

**ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.
2015 год: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ЕВРАЗИИ
В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ / Отв. ред. тома А.С. Щавелев;
отв. ред. серии Е.А. Мельникова. М.: Русский фонд
содействия образованию и науке, 2017. 496 с., ил.**

Новый том серии “Древнейшие государства Восточной Европы”, выпускаемой Центром “Восточная Европа в античном и средневековом мире” Института всеобщей истории РАН, посвящен исследованиям многочисленных аспектов экономики раннего Средневековья разных регионов Евразии в VI–XI вв. Внутри серии том продолжает тематику издания 1994 г., в котором обсуждались проблемы нумизматики. Он состоит из Предисловия, 11 статей (разбитых на два блока: “Денежно-весовые системы и монетное обращение” — первые 4 статьи и “Формы и практики экономической активности” — последующие 7), а также 2 рецензий. Наша рецензия сфокусирована в первую очередь на нумизматической проблематике тома, а также на вопросах, связанных с типологией экономических ситуаций; во вторую очередь — на сопутствующих темах социальной истории.

В программном Предисловии А.С. Щавелева указывается, что замысел тома был определен желанием уйти от истории “образов и представлений” в сторону освещения конкретных проблем хозяйствования, производства и обменно-торговых практик Древности и Средневековья. Главной задачей составитель сборника видел обсуждение данных об экономических транзакциях и их социальном контексте, а также разработку аналитических моделей функционирования экономических систем, базирующихся на интерпретации нумизматических данных как отдельных монет, так и монетных агрегатов (кладов и др.). Выбор для изучения широкого географического пространства Евразии был обусловлен “мир-системной” перспективой, позволяющей всесторонне изучить выбранный хронологический отрезок, ставший переломным периодом этнополитической и цивилизационной истории региона. Обозначенные географические и хронологические рамки позволили почти всесторонне показать сосуществование разнообразных хозяйственно-культурных укладов раннего Средневековья, нанизанных на развитую глобальную сеть экономических коммуникаций. Ключевым в этом подходе является изучение “варварских” периферий, связанных устойчивыми торговыми путями с цивилизациями высокой монетарной экономики — Византией, Арабским Халифатом и Китаем.

Открывающая первый блок статей работа П.В. Шувалова “Короткая жизнь фоллиса: обращение крупных медных монет в ранней Византии”, посвящена решению сложного вопроса продолжительности циркуляции разных типов медных византийских монет. Анализ материала кладов, дополненный по сравнению с предыдущей статьей этого же автора (Шувалов, 1999) данными из двух недавно изданных каталогов кладов византийских монет, предваряется необходимыми отступлениями, связанными с типологизацией монетных комплексов и уточнением временного разрыва между датой “выпадения” монет из обращения и археологизацией клада. Вынесенная в заглавие работы тема не может быть решена исходя лишь из письменных источников, поскольку до нас не дошло никаких законодательных актов, регулирующих обращение фоллисов в Византии (более того, для многих из обсуждаемых монет не сохранилось даже названий), для чего автором предлагается новаторская методика выделения типичных по структуре кладов. Выстраиваемая автором модель циркуляции медных монет основывается на определении интенсивности присутствия в кладах тех или иных групп монет, что позволяет типологизировать клады с определением “эталонных” и выделением “условно идеальной структуры”, присущей каждому их типу. Методологически исключительно важным является разделение двух групп кладов — отражающих структуру обращения и выход монет из циркуляции. Предложенные автором модели убедительно объясняют сложные случаи одновременного обращения фоллисов разных типов, тем не менее, описав характеристики обращения фоллисов по периодам, автор указывает, что «не представляется возможным говорить о средней продолжительности “жизни” фоллисов» (с. 37). При этом совершенно справедливо отмечается, что продолжительность их обращения задавалась не столько конституциональными свойствами последних, сколько (декретным) соотношением их с остальной массой наличных монет. В свете сказанного выше остается непонятным, в связи с чем заостряется внимание на весах медных монет “при их отборе в клад”, ведь с учетом существенной переоценки фоллисов единственной мерой их оценки был государственный декрет (о чем пишет и сам автор),

поэтому лишь внешние дифференты, такие, как размер, рисунок, надписи и год выпуска, могли служить для отбора монет. С учетом высокой терпимости веса фоллисов, на что автор справедливо и неоднократно обращает внимание, решительно невозможно представить себе рутинное взвешивание в практических целях той огромной массы обращавшихся медных фоллисов, которая известна нам благодаря их археологизации.

Статья А.В. Комара “Денежный счет восточных славян в предгосударственный период” посвящена критике удревления представлений о раннем развитии товарно-денежных отношений в этнокультурном мире славян. Не решаясь, впрочем, дискутировать с фундированным лингвистическим обоснованием этой точки зрения Вяч.С. Кулешовым (2012. С. 166), автор на широком фоне анализируемых серебряных объектов, происходящих из разных кладов VII–VIII вв., вынужден констатировать известное отсутствие каких-либо стандартизированных серебряных предметов, могущих служить для эквивалентного обмена (надо заметить, что когда речь идет о поиске значения гривны как весовой единицы, странным выглядит привлечение данных о пробе серебряных вещей, ведь *мера веса* никак не связана с *качеством* или *пробой* взвешиваемого товара). Что же касается приводимого А.В. Комаром решения этой проблемы через привлечение связок шкурок (“гривен кун” и т.д.), изображения которых приведены на миниатюрах Радзивилловской летописи XV в., то оно верно содержательно, но не в той интерпретации, которую предлагает автор. Дело в том, что слово “гривна” обозначало либо жесткое металлическое украшение, либо определенный вес; ни в каких контекстах не фиксируется смещение семантики гривны в область “упаковки” или “нанизывания на нее” чего бы то ни было. В конструкциях “гривна кун”, “гривна драниц” и т.п. действительно необходимо видеть фиксированное число шкурок (что известно автору), но вовсе не фиксированное число шкурок, нанизанных на некий «обруч-“гривну”» (как это предлагается в статье), поскольку в выражении “гривна (какого-либо меха)” гривна выступает в роли счетной единицы, как использовались счетные единицы в выражениях “марка кун”, “алтын копеек” или “рубль денег”.

В работе Р.К. Ковалева “О роли русов и волжских булгар в импорте североиранских дирхемов в Европу во второй половине X — начале XI вв.” обсуждается поступление в монетные клады указанного времени индикативно значимых дирхемов Южного Прикаспия (Северный Иран). По наблюдениям автора статьи, монетная продукция Северного Ирана производилась (вернее, поступала в восточноевропейские клады) неравномерно: в 800–830-х годах североиранские дирхемы являются стандартным содержимым восточноевропейских монетных кладов, затем их присутствие становится весьма скромным, но позже,

начиная с первой половины X в., они чеканятся более регулярно. С 963/964 г. они начинают производиться на большом числе монетных дворов, в том числе и новооткрытых, и встречаются в кладах уже в существенных количествах: дирхемы североиранской чеканки содержатся по меньшей мере в 70% восточноевропейских кладов с трq 960–1010 гг. Выстроенная автором периодизация поступления североиранских дирхемов в разные регионы Восточной Европы надежно объясняется поворотными событиями в длительном противостоянии русов с хазарами, впрочем она требует двух небольших уточнений.

Касаясь обрисованных автором возможных причин возобновления монетной чеканки в Северном Иране, необходимо отметить, что местные дирхемы X–XI вв. исключительно ограниченно обращались на территории своего производства. Это явно следует из Таблицы 1, приведенной автором (с. 104): всего 3.27% или 42 монеты (!) от общего числа североиранских дирхемов были найдены на всей территории Ближнего Востока, Ирана и Омана (при том, возможно, ни одной, собственно, в Северном Иране, поскольку более точных данных о местах находок не приведено). В свете этого невозможно согласиться с автором в том, что “в южном бассейне Каспийского моря находилось множество североиранских дирхемов, но только немногие из них были экспортированы” (с. 113), судя по топографии монетных находок, ситуация была диаметрально противоположной. Такое уточнение сужает круг возможных целевых назначений производства дирхемов в Северном Иране, как и в соседнем государстве Саманидов, исключительно до целей насыщения торговых потоков посредством экспорта серебряной монеты, к каковому выводу в конце статьи приходит и автор (с. 133).

Крайне дискуссионным выглядит традиционное указание на возможность транзита дирхемов в 900-е годы через Закавказье (с. 96–98). Дело в том, что за пределами торговых путей и мусульманских территорий Закавказья, т.е. в христианских государствах, пограничных с Хазарией, зафиксировано ничтожное количество дирхемов (Акопян, 2015). Гораздо более правдоподобен их альтернативный путь, также указываемый автором, — из разных областей Халифата в Северный Иран, где происходила аккумуляция и смешение с местными дирхемами, а затем через Каспийское море и Хазарию. Такой же маршрут выстраивается благодаря справедливо сделанному наблюдению о примесном характере монет Ширваншахов в средневожских кладах 1010-х годов. Несомненно, путь ширванских монет также лежал через Северный Иран (с. 119), в то время как никаких непосредственных взаимодействий через Кавказский хребет не было, ведь в противном случае мы бы наблюдали клады ширванских серебряных монет к северу от него. Эти же соображения, вкуче с фактом отсутствия на средней Волге ширванских монет (что может свиде-

тельствовать о продолжавшемся и после 980-х годов контроле русов над дельтой Волги), заставляют отказать от предположения о пути дирхемов, идущем с Северного Ирана на среднюю Волгу по Каспию и низовьям Волги (с. 119) в пользу хорошо документированного сухопутного караванного маршрута, проходившего по Закаспию.

Публикация монографической по своему объему статьи М.О. Жуковского “Раннесредневековые наборы весовых гирек Восточной Европы”, несомненно, явилась важной вехой в исследованиях раннесредневековых комплексов так называемого торгового инвентаря (балансовых весов, гирек и иных находимых с ними предметов). Несомненным преимуществом работы является внимательный подход к исследованию не столько весовой и морфологической информации тех или иных гирек в отдельности, сколько данных, проистекающих из анализа состава и топографии комплексов, содержащих гирьки, разновесы, весы и пр.

В работе детально проанализирована метрология гирек разных морфологических групп (бочонковидных, иногда называемых автором бочковидными, и 14-гранных), установлена связь маркировки бочонковидных гирек и части свинцовых гирек с шагом их весовой шкалы (единица веса около 4 г) и убедительно доказана интерпретация 14-гранных гирек и другой части свинцовых гирек как монетных (“сортировочных”) экзигиев, использовавшихся для монет разных восточных династий. Установлены алгоритмы использования тех или иных весовых гирек. К статье приложены три подробных каталога гирек хорошей сохранности, происходящих с древнерусских памятников — бочонковидных (89 шт.), 14-гранных (32 шт.) и свинцовых (22 шт.).

С определенной долей осторожности приходится говорить о поддержанной автором идее описания экономики рассматриваемых обществ как о денежно-весовой (так называемой *Gewischtsgeldwirtschaft* — модели, предложенной ранее для интерпретации скандинавского материала) и о “весовом приеме драгоценного металла” (с. 146, 215). Дело в том, что известное число находок наборов инструментов для взвешивания (10) и отдельных находок гирек (143) ничтожно по сравнению не только с объемом импортированного восточного серебра, но даже с числом сокровищ (выступавших в некотором смысле как “единицы учета” фрагментированного серебра), в которых оно аккумулировалось. В свою очередь, концентрация как наборов, так и отдельных гирек преимущественно в крупных поселениях того времени (Новгород — 2/11, Гнездово — 3/68, Бирка — 1/0, Старая Ладога — 0/19; через дробь указаны количество наборов и количество отдельных находок) указывает на исключительно узкий локус их использования. Несомненно, наборы для взвешивания *не были необходимы* для экономиче-

ских взаимоотношений на пространствах Восточной Европы, но лишь обслуживали некие, по всей видимости, совершенно определенные запросы, возникавшие в торговых центрах. Типологически схожая ситуация сложилась и в Скандинавии (с. 413). В этой связи, возможно, уточнить М.О. Жуковского: оборот фрагментов, действительно, был возможен посредством взвешивания (с. 182), но это *полностью справедливо* лишь для крупных поселений, поскольку совершенно очевидно, что при акте разламывания монеты образовывались обломки весом около 1 г, которые невозможно оценить имевшимися на тот момент гирьками. По своему к этому же, довольно очевидному, на мой взгляд, заключению, приходит и автор, констатирующий, что “большинство измерений были ориентированы на груз весом около 24 г и его половину” (с. 181). Таким образом, разумно предполагать разные паттерны экономического поведения в рассматриваемое время в Восточной Европе — взвешивание весового серебра в городах и селищах при совершении определенного круга действий против обращения ломаных монет при единичных транзакциях.

Второй блок статей начинается работой И.М. Никольского «*‘Dominus noster rex’* — что означала надпись на вандальских монетах?», посвященной появлению этой легенды на вандальских монетах конца V в. Важность исследования именно вандальской нумизматики связана с ее хронологически наиболее ранним положением в ряду монетной чеканки варварскими государствами римской периферии. Принадлежность вандальской чеканки к римскому кругу обусловила ее традиционное рассмотрение в рамках девиаций общеримских тем, однако автор на фоне широкого круга привлекаемых письменных источников приходит к выводу, что появление фразы *Dominus noster rex* (“наш господин король”) на вандальских монетах не связано лишь с римским фоном. Как справедливо резюмирует И.М. Никольский, органически видоизменяя римскую императорскую титулатуру *Dominus noster*, фраза на монетах Вандальского государства Северной Африки отражала процесс формирования его новой идеологии, который складывался на сложной почве сочетания и переосмысления римской, античной и ветхозаветной традиций легитимизации государства.

В статье А.В. Григорьева “Об экономическом развитии славян междуречья Днепра и Дона с VIII — первой половине XI в.” очерчивается круг хозяйственного уклада славян на указанной территории вплоть до включения ее в состав древнерусского государства. Выделяется динамика экономического развития славянского населения, прослеживающаяся по такому индикативному маркеру, как размеры ям, использовавшихся для хранения зерна. Показано синхронное появление крупных “хлебных” ям (более семи четвертей зерна) вместе с детектируемым поступлением в регион монетного серебра в IX в. По мнению

автора, эти события связаны с развитием транзитной торговли зерном в регионе, что в будущем подготовило почву к широкому обороту внутри региона привозной серебряной монеты. Несмотря на то что экономические процессы в регионе продолжали иметь в целом натуральный сырьевой характер, импортируемые дирхемы довольно скоро стали подгоняться под существующие потребности, вначале обрезаясь в кружок, затем дополняясь низкопробными подражаниями обрезанным в круг дирхедам.

Статья А.С. Щавелева и А.А. Фетисова “К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов” является продолжением первой части работы этих же авторов, вышедшей в 2014 г. (Щавелев, Фетисов, 2014). Работа выполнена в рамках важного, как методологически, так и практически, подхода, базирующегося на узком датировании при картографировании, проведенной авторами на примере артефактов скандинавского круга строго IX в.

Методологически важными для теоретической нумизматики являются вводные замечания к работе, постулирующие среди прочего активное использование так называемых случайных находок, сигнализирующих о необходимости поиска их археологического контекста (в русле концепции В.Н. Седых (2008. С. 13–16)); интерпретацию *археологической пустоты* “как показателя полного отсутствия того или иного феномена”, но не как ничего не значащее молчание (с. 288, 289); неприемлемость приема ретроспекции данных из поздних периодов на более ранние (с. 318). Два последних принципа (естественно, при достижении *относительно равной полноты изучения* всей исследуемой территории) являются основополагающими для любого процесса хронологического картографирования.

Базируясь на уже все более общепринятом отказе от хронологии древнерусского летописания (ранних датировок “Повести временных лет”) и убирая из рассмотрения данные X–XI вв., авторы провели скрупулезное картографирование поселений скандинавов и находок скандинавских артефактов, что позволило воссоздать картину наиболее раннего проникновения выходцев с севера в Восточную Европу — периода, по меткому замечанию авторов, «когда “Руси X в.” еще не было и в проекте» (с. 280, 281). Строгое картографирование выделило гораздо более узкие по сравнению с традиционными построениями локусы пребывания скандинавов: стационарными пунктами их обитания оказываются лишь Ладога и Рюриково городище; Изборское, Витебское, Сарское и Супрутское городища, имеющие скандинавские артефакты IX в., характеризуются в это время лишь “следами пребывания” групп скандинавов. Добавим, что, возможно, имеет смысл отделять “верхне-днепровский кластер” скандинавских комплексов и артефактов, располагавший-

ся в *джазират ар-рус* — “междуречье руссов” арабских источников, от трех остальных городищ пограничной зоны с полиэтничным населением. Соглашаясь в целом с авторской концепцией, стоит отметить, что к интерпретации скандинавских находок из Бугско-Днепровского водораздела (северный склон Подольской возвышенности) надо подходить с определенной осторожностью — выстраиваемый по ним сухопутный путь “из хазар в немцы” (с. 309) существенно отличается от транспортной практики “река—море”, используемой скандинавами в IX в. в Восточной Европе.

Переломным этапом в процессе нарастания скандинавского присутствия в Восточной Европе стал период с последней четверти IX в. по первую четверть X в. (с. 311–314). К концу IX в., по мнению авторов, выделяются еще два пункта, в которых “можно предполагать появление скандинавов”, — Подол Киева и Шестовицкое городище. Авторы убедительно доказывают (на примере Верхнего Поднепровья) связь между локальной концентрацией скандинавских находок в IX в. и появлением на этой же территории поселения X в. (Гнёздово).

Использованный ими инструментарий в виде хронологически строгого разделения памятников разных веков вкупе с их картографированием приводят к значимым выводам. Во-первых, не доказуем постулат о проникновении скандинавов в IX в. на юг Восточной Европы. Во-вторых, несостоятельными оказываются идеи о появлении до конца IX в. каких-либо политий под руководством скандинавской элиты (“каганата Рюрика” или “прото-государства Олега”) в Восточной Европе (с. 314–316).

Работа В.Н. Седых и Я.В. Френкеля “Об одной категории находок из раскопок Тимеревского поселения (о времени функционирования археологического комплекса)” посвящена передатировке украшений из материалов раскопок указанного археологического комплекса. В ходе попредметного анализа как с привлечением комплекса данных из синхронных находок, так и опираясь на инструментальные методы исследования, оказалось возможным пересмотреть традиционную датировку наиболее раннего курганного погребения № 95 с IX в. и обосновать его нижнюю дату как вторую четверть X в., а верхнюю датировку всего комплекса продлить вплоть до XIV в. Методологически важным является подход к рассмотрению комплекса № 95 как единого целого, вынуждающий датировать его не по отдельным предметам, а путем интерполяции интервалов бытования хронологически значимых предметов кургана (в данном случае — каменных и стеклянных бус).

Статья Т.М. Калининой «Дани и поборы в Древней Руси по данным “Анонимной записки” арабско-персидских авторов» обращается к давно введенному в научный оборот источнику, однако приводит содержательно новую его интерпретацию. По спра-

ведливому замечанию автора, наблюдается существенное изменение в трактовках изначального текста “Анонимной записки” у разных средневековых авторов, включавших ее в свое повествование. Так, для наиболее раннего времени, отраженного в передаче “Анонимной записки” у Ибн Русте (восходит ко второй половине IX в.), должны быть разделены две описываемые им экономические модели — объезды славянскими владыками (*маликами*) подвластной территории за данью и спорадические нападения русов на славян, сопровождавшиеся захватом добычи, но не получением регулярных поборов. Сведения более позднего круга (Гардизи, Мерверруди, автор “Худуд ал-Алам”), которые нашли отражение в источниках начиная с XI в., фиксируют уже постоянные, регулярные нападения русов и захват ими дани у подвластного населения (система полудья). Анализ данных “Анонимной записки” позднего круга позволяет выделить высокопоставленную страту в среде русов (перс. *моравват* ‘рыцари’), которая, возможно, и занималась захватом славян, работоторговлей и торговлей мехами. Автор отмечает, что изменение характера получения добычи с нерегулярных поборов на постоянные подати отражает процесс «врастания» русов в славянский социум» (с. 386) и самый начальный этап сложения новой государственности.

Следующей работой в сборнике является масштабная по своему охвату статья Е.А. Мельниковой “Экономические системы в эпоху образования государства: Древняя Русь и скандинавские страны”. В ней прослежено изменение экономических систем в ходе переломного периода русской истории — перерастания разнообразных вожеств в раннее государство Русь. На широком фоне привлекаемых данных выстраивается картина перерождения исключительно военно-торговой экономической активности скандинавов (модель, использовавшаяся в Скандинавии и других районах Северной Европы) в деятельность по контролю над торговыми путями и местным населением в Восточной Европе. Специфика пребывания скандинавских отрядов в Восточной Европе, их немногочисленность и этническая обособленность от местного населения, а также дисперсность локусов их обитания уже к началу IX в. обусловили формирование новой экономической системы, основанной на изменении баланса в привычной им деятельности с военно-торговой на дальнюю торговлю с дополнением эксплуатации местного производящего хозяйства, что нашло отражение в оформлении системы податей и развитием фискальным аппаратом.

При анализе экономики периода “нарождающегося государства” на Руси, куда в значительных количествах поступало восточное монетное серебро, исключительно важным является наблюдение автора над постоянными колебаниями в отношении к монетарности экономического уклада у скандинавов, выражавшееся в лабильности переходов *серебряная*

монета → *серебряное изделие* → *части изделия* → *весовое серебро-деньги*. На таком широком фоне бытования форм серебра естественным выглядит и исключительно презентационный, а не строго монетарный характер первых монетных выпусков скандинавов как в Скандинавии, так и на Руси (с. 412. Прим. 75).

Происходившие изменения автором рассматриваются через призму неотделимости экономических отношений от социальных — констатируется расширение социальных страт, которые были вовлечены в военно-торговую деятельность в эпоху викингов: воинами-купцами становятся представители не только знати, а деятельность воинов-купцов обогащает “не только элиту, но и широкие слои свободного крестьянства” (с. 413). Смещение акцента в экономической модели с военно-ближнеторговой на дальнеторговую при снижении значения военной составляющей обусловило появление очагов будущей государственности именно в зоне пересечения трансконтинентальных торговых путей, в первую очередь — в местах “входа” в восточноевропейскую речную систему из Балтики (Поволховье) и в узловом междуречье Днепра, Волги, Двины и Ловати (что опять-таки отсылает нас к *джазирам ар-рус* или междуречью русов). Все это указывает на то, что, несмотря на многоукладность экономики Восточной Европы во второй половине IX–X в., сверхдоходы властной элиты, “необходимые и для осуществления ею властных функций, и для их институализации, т.е. формирования раннегосударственных структур, поступали не из производящего хозяйства, а благодаря торговой и военной деятельности” (с. 416).

Сборник завершает статья Р.П. Храпачевского “Китайские источники о социально-экономических отношениях с кочевниками в IX–XI вв.”, посвященная анализу концепций взаимоотношения Среднего государства с варварской периферией. Отражение этого мировоззренческого аспекта было детально разработано в виде реальных инструкций, сохранившихся в китайских источниках, что, надо отметить, представляет собой ситуацию, кардинально отличающуюся от того отсутствия “регулируемости” (или “закодированности”), которая существовала во взаимодействии расширяющегося в раннее Средневековье мусульманского мира с внешней средой. В работе описываются разные варианты взаимодействия Китая с кочевой периферией — военно-политические, культурно-цивилизационные и торгово-экономические. При этом для взаимоотношений киданьской (монгольской кочевой по происхождению) империи Ляо с кочевниками констатируется сочетание методов управления, характерных для кочевников с технологиями управления китайских государств. Осознанный выбор в пользу *контакта* с кочевниками и технологии этого процесса сложились еще в эпоху Хань (270 г. до н.э. — 220 г. н.э.), что знаменовало собой отказа от одного из

распространенных конфуцианских подходов, заключавшегося в изоляционизме Срединного государства.

Автором выделяются и анализируются следующие техники взаимодействия китайских государств с кочевым миром: политика культурного поглощения (внедрение стандартов китайской жизни, в первую очередь — календаря; институт заложенничества; брак с китайской “принцессой”), военно-дипломатические мероприятия, в том числе использование племен друг против друга, постройка дальних форпостов в эпоху Ляо, создание пограничных войск из кочевников; а также торговая политика. Последняя стоит несколько особняком, поскольку торговый баланс между кочевниками и китайскими государствами был в пользу последних — кочевники были заинтересованы в ремесленных продуктах китайцев, имея возможность предложить в качестве равноценного обмена лишь совсем редкие для китайцев товары, например, “небесных коней” или особых соколов (что опять-таки является собой ситуацию, противоположную сложившейся в отношении товаров скандинавских воинов-купцов, в которых был заинтересован арабский и византийский миры). Возможно, имело смысл заострить внимание на различии паттернов экономического взаимодействия “оседлого” и “мобильного” мир-укладов, ведь, по всей видимости, противоположный характер торгового баланса с номадами сделал ненужным выпуск в Китае каких-либо международных, в первую очередь серебряных денег. Более того, во время Ляо существовал прямой запрет на экспорт кочевникам, знавшим только костяные наконечники, железа в любой форме, в том числе и монетной.

В конце сборника приведены две рецензии — Т.В. Гимона на книгу Р. Найсмита, посвященную монетному делу и монетному обращению в королевствах южной Англии в период с начала правления в Мерсии короля Оффы в 757 г. до воцарения в Уэссексе Этельреда I и начала масштабных завоеваний викингов в 865 г. (Naismith R. *Money and power in Anglo-Saxon England: the Southern English Kingdoms, 757–865*. Cambridge: Cambridge University press, 2012. 351 p.) и Н.Ф. Котляра на посмертное издание сборника статей известного нумизмата И.Г. Спасского (Русское золото. СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. 386 с.).

В завершении хотелось бы отметить, что в рецензируемом сборнике нашло отражение важное для типологии нумизматических ситуаций описание двух диаметрально противоположных ситуаций, приводивших к археологически одинаковым результатам. Речь идет об образовании монетных кладов с широким интервалом годов выпуска монет в своем составе, за которыми закрепилось название “кладов длительного накопления” (формально говоря, это клады,

содержащие монеты нескольких ступеней денежного обращения). Как видится, образование кладов такого рода должно объясняться в зависимости от того, какого вида денежное обращение существовало в регионе их обнаружения. В случае *монетного обращения*, т.е. обращения монет внутри эмитирующей их системы, с сохранением той или иной степени переоценки монеты относительно стоимости заключенного в ней металла, при довлеющей доле монетных взаиморасчетов и высокой степени циркуляции монет, такие клады являются моментальным срезом обращения, а их появление сигнализирует о том, что на руках действительно одновременно находились все монеты, попавшие в клад. На такой вывод указывает исследование П.В. Шувалова, посвященное ситуации, сложившейся в обращении византийских фоллисов V–VII вв., отягощенном к тому же дополнительными условиями в виде полипараметрического отбора монеты (с. 28). В случае же более архаичных экономик, в которых бытовало *собственно денежное обращение* (т.е. обращение разных предметов с функцией денег) или *денежное обращение монет* (т.е. обращение монет как весовой формы драгоценного металла без учета монетной переоценки, поскольку монеты вышли за пределы эмитировавшей их системы), как показано в исследовании Е.А. Мельниковой на материале IX–X вв. из Скандинавии, клады такого рода действительно можно называть кладами длительного накопления, поскольку полученные монеты не находили массового применения и откладывались на длительный срок (с. 413).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акопян А.В. Денежное обращение в армянских государствах эпохи Багратидов (750–1064 гг.) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года: матер. докл. и сообщ. М., 2015. С. 56–60.
- Кулешов В.С. К предистории древнерусской платежной гривны // Материалы и исследования отдела нумизматики. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012 (Тр. ГЭ; [Т.] 61). С. 151–174.
- Седых В.Н. Случайное как проявление закономерного // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: матер. научн. конф. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 13–16.
- Шувалов П.В. Монеты между археологией и нумизматикой // Археологические вести. № 6. 1999. С. 104–110.
- Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX — начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2014. С. 7–53 + карта-вклейка.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань

А.В. Акопян

**Столярова Е.К. СТЕКЛО СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ:
XII–XIV ВЕКА. М.: РГГУ, 2016. 692 с.**

Изучение древностей с точки зрения истории древних материалов — одно из важных направлений в современной российской археологии. В его рамках стоит отметить две недавно вышедшие книги, посвященные истории древнего стекла: “Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века” (Отв. ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. 399 с.) и рецензируемую работу. Основа книги — кандидатская диссертация автора, защищенная на кафедре археологии исторического ф-та МГУ в 1996 г., но значительно дополненная и переработанная.

Книга, несомненно, актуальна: стеклянные изделия этого времени в Москве до сих пор специально не рассматривались, а стекло золотоордынского периода вообще не выделяли. Источниковой базой для исследования послужили 943 стеклянных предмета, найденных при работах в Кремле и за его пределами — на территориях Великого посада и Занеглименья сотрудниками Музеев Московского Кремля и Института археологии РАН (не включены ранее опубликованные предметы, происходящие из раскопок Археологической службы Москвы, но они учитывались). Вещи происходят из раскопок разных лет, хранятся в разных музеях и не всегда имеют полные паспорта, что затрудняет отнесение их к определенным комплексам. Хронологические рамки исследования — от условного рубежа середины XII в. (1147 г. — первое упоминание Москвы в летописи) до конца XIV в. (время, когда из культурного слоя Москвы стеклянные изделия надолго исчезают).

Книга состоит из Введения, четырех глав, Заключения и трех Приложений. Е.К. Столярова исследует разные категории стеклянных изделий (браслеты, перстни, бусы, вставки и сосуды). Две первые главы посвящены их детальному исследованию, в которое входит составление нормированного описания морфологии, технологии и химического состава предмета с помощью словарей-классификаторов.

Первая глава посвящена морфологии, состоящей из конструкции, формы отдельных конструктивных элементов, системы декорирования и размеров. Изучение проводится по категориям. Отдельные разделы посвящены браслетам, перстням, бусам и сосудам. Завершают главу таблицы (№ 1–84), суммирующие изучение морфологии. Вторая глава посвящена технологии изготовления и химическому составу стекла. Изучение технологии также производится по категориям, но в конце дан общий список выявленных технологических приемов. Химический состав изучен в целом, без выделения категорий (проанализировано 86 изделий). Завершают главу также таблицы (№ 85–115). Автор при изучении технологии выявил все разнообразие приемов, использованных для из-

готовления изученных категорий. Интересно, что для изготовления 80 бус применено 17 технологических схем, а для 736 браслетов — 12.

В третьей главе на основе выводов, полученных в первых двух главах, автор рассматривает происхождение московских стеклянных изделий. Глава также сопровождается таблицами (№ 116–121). Для специалиста по истории древнего стекла она, несомненно, наиболее интересна.

Четвертая глава посвящена хронологии изделий и их месту в культурном слое. Приложение 1 содержит словарь терминов, используемых при описании морфологии, в Приложении 2 даны результаты анализов химического состава стекла, Приложение 3, занимающее больше половины книги, представляет собой каталог изученных изделий, т.е. источниковедческую базу всего исследования. Отметим также многочисленные графики в тексте, являющиеся составной частью исследования.

Кроме того, описания введены в базу данных, составленную в программной среде *Microsoft Excel*, что дало автору возможность упорядочивать данные по разным основаниям и создавать многочисленные таблицы (всего 123) и графики. Представление материала в табличном и графическом виде делает проверяемыми выводы (а то, что сейчас не понадобилось, может быть востребовано позднее при решении других проблем). Автор исходит из постулируемого в источниковедении принципа неисчерпаемости источника, который, конечно, верен и для предметного мира.

Е.К. Столярова следует методике системного подхода Ю.Л. Шаповой, предполагающей изучение морфологических признаков изделий в неразрывной связи с анализом химизма стекла, отражающего технологию и производственные процессы, а также с функциональными особенностями изделий. В разделе, посвященном химическому составу стекла, она подробно излагает методику, которой придерживается: выявляются химические типы стекла, рецептурные нормы, использованные красители, источники щелочного и щелочноземельного сырья, после чего сопоставляются результаты, полученные при изучении других подсистем и химического состава.

Такое сопоставление позволило увидеть, что в разных категориях преобладают разные химические классы стекла и что определенные красители связаны с разными категориями и химическими классами. Для каждого выявленного химического класса прослежена его история и связь со стеклоделательной школой. Рассмотрение их на широком историко-про-

изводственном фоне привело Е.К. Столярову к важному выводу: все химические классы, выявленные среди московского стекла, имеют долгую историю. Их связь с конкретной школой в рассматриваемый период не абсолютна.

Стекло как продукт ремесла Екатерина Карленовна помещает в общую систему древнего стеклоделия, рассматривая найденные в Москве изделия как часть “мира древнего стекла”. Это стало возможным благодаря предпринятым ею многочисленным исследованиям как стекла Древней Руси, так и стекла, происходящего из могильника эпохи средней бронзы Островной в Калмыкии, позднескифского могильника Бельбек в Крыму, болгарских селищ низовий Камы.

Морфология, технология, красители, химический класс рассматриваются как признаки определенной школы, что позволило распределить все изученные стеклянные предметы по основным стеклоделательным школам: ближневосточной, византийской, западноевропейской, древнерусской. Особенности морфологии, технологии и химического состава позволяют реконструировать структуру ремесленного производства каждой из них. К сожалению, Е.К. Столярова не приводит таблицу распределения проанализированных предметов по школам, что сделало бы картину более наглядной.

Особое внимание автор уделяет привозным древнерусским вещам, которые рассматривает как части одной системы — древнерусского стеклоделия. Ею продемонстрировано, что отнесенные к древнерусской школе изделия привезены из других городов, а местного, московского стеклоделия в рассматриваемую эпоху не существовало.

Правда, с моей точки зрения, отнесение браслетов к продукции того или иного города не всегда убедительно — для этого недостаточно набора цветов и редких форм. Скорее, это связано со сложением местного костюма. Однако в настоящее время Е.К. Столярова активно работает над поисками признаков местного стеклоделия и, вероятно, в скором времени прояснит это вопрос.

Екатерина Карленовна рассматривает как единую систему древнерусское ремесло и стеклоделие — как его часть, а также (что очень важно) понимает мастерскую как целостную систему, для выявления особенностей которой она обращается к теории техноценоза, предложенной Б.И. Кудриным. С точки зрения теоретической ценологии сочетание доминирующих и редко встречающихся видов позволяет охарактеризовать систему в целом. Для стабильности системы необходимо наличие в одном ценозе самых разных видов с неравным количеством особей. Эти виды можно разделить на две большие группы (касты): саранчевую (небольшое число видов, но с большим

количеством особей каждого вида) и ноева ковчега (большое число видов, но с малым количеством особей каждого вида).

Анализируя продукцию древнерусского стеклоделия, автор приходит к выводу, что из ее продукции к саранчевой касте можно отнести браслеты и сосуды. Их производство было массовым и специализированным, в нем устоялись номенклатура изделий, их формы, цвета и размеры; были отработаны основные технические приемы и полностью освоены возможности стекла как материала.

Редко встречающиеся виды (каста ноева ковчега) указывают на творческий подход к изготовлению изделий, обусловленный, вероятно, индивидуальным характером производства, поскольку он оставляет больше простора для проб и ошибок, чем поточный метод. В большей степени это касается изготовления мелких украшений (бус и перстней), связанного с необходимостью утилизации отходов и удешевления производства основной продукции.

Как полагает Е.К. Столярова, состав стекла, набор технологических приемов и номенклатура изделий позволяют утверждать, что древнерусское стеклоделательное ремесло преодолело начальный этап развития, стадию становления. В дальнейшем освоение новых усложненных технических приемов могло бы привести к расширению производства изделий разного назначения — бытового и производственного. Изучение стеклянных изделий из Москвы, как представляющих продукцию древнерусского ремесла, позволяет говорить о наличии в древнерусском стеклоделии потенциала для такого развития.

Однако, по мнению Е.К. Столяровой, небольшое количество особей ноевой касты древнерусских стеклянных браслетов, превышение количества особей саранчевой касты и ее видов указывают на возможную неустойчивость ценоза. Это может служить показателем кризиса в производстве браслетов независимо от политических событий (разгром Киева, исчезновение стеклоделия на Руси). Помимо постепенного исчезновения моды на стеклянные браслеты, приведшего к исчезновению их производства в Новгороде, который не пострадал от монгольского нашествия, по мнению автора, можно говорить о тупиковом развитии самого браслетного производства (с. 186). Использование теории техноценоза позволило автору заметить это и в какой-то мере обосновать причины исчезновения древнерусского стеклоделия.

Последняя глава посвящена хронологии стеклянных изделий. Здесь автор решает двойную задачу: датировать изделия как продукцию ремесла и датировать на их основе культурный слой. Это один из наиболее дискуссионных вопросов в археологии древнерусских городов в целом и в археологии Москвы в частности. Стеклянные браслеты как один из

видов массовых находок обычно и используют для этой цели, что придает особую важность установлению верхней даты их бытования.

Используя распределение браслетов в культурном слое, автор синхронизировала шурфы вокруг Патриарших палат и церкви Двенадцати апостолов Московского Кремля (к сожалению, рассматривать находки пришлось по пластам, а не по слоям, поскольку именно так производилась их фиксация при раскопках).

Относительно хронологии браслетов Е.К. Столярова пришла к следующим выводам: браслеты в Москве появляются позже, чем во многих древнерусских городах — примерно с 1160-х годов; кривые их распределения в культурном слое показывают, что исчезновение киевских браслетов связано с монгольским нашествием; предполагаемые киевские браслеты в золотоордынских слоях Москвы составляют 5–6% от всех браслетов, найденных на каждом участке, что близко к ситуации Новгорода, где в слоях второй половины XIII–XIV в. сохраняется до 4% вещей киевского производства.

В избранных хронологических пределах Е.К. Столярова делит стекло Москвы на три хронологические группы. К домонгольской отнесены предметы византийского и древнерусского (киевского) производства. К переходной — находки, известные и в домонгольский, и в золотоордынский период (древнерусские, кроме киевских, и ближневосточные). К группе золотоордынского периода — предметы западноевропейского производства, украшения, изготовление

которых могло быть связано с традициями Ближнего Востока или Венеции.

Разные хронологические периоды бытования ближневосточного, в том числе среднеазиатского импорта, дают возможность предположить разные источники их поступления. Выявленное автором сходство в XIV–XV вв. венецианского и ближневосточного стеклоделия заслуживает внимания и дальнейшего исследования.

Е.К. Столярова, несомненно, сумела расширить представления о культуре, производстве и торговых связях древней Москвы в домонгольский и золотоордынский периоды. Помимо истории производства, на которой сосредоточено внимание, любопытны ее наблюдения об изделиях из стекла как части древнерусского костюма — их можно использовать при изучении истоков московского костюма.

Важно отметить роль исходных материалов, анализу которых отведена большая часть книги, прежде всего, каталога подробно описанных стеклянных изделий. Ведь именно синтез данных о морфологии, технологии и химическом составе московского стекла позволил установить происхождение находок. Эти данные не только делают проверяемыми выводы автора, но и дают возможность продолжать исследование, ставя новые вопросы. Послужат они и сравнительным материалом для тех, кто будет заниматься сходными проблемами в дальнейшем.

Рецензируемая книга, несомненно, будет интересна специалистам по истории производства, быта, культурных и торговых связей.

ООО «Археологические изыскания в строительстве»,
Москва

Ю.А. Лихтер

V (XXI) ВСЕРОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД (Барнаул–Белокуриха, 1–8 октября 2017 г.)

V (XXI) Всероссийский археологический съезд продолжил традицию проведения крупных форумов для обсуждения актуальных научных проблем. Он был посвящен 180-летию со дня рождения В.В. Радлова, известного отечественного исследователя. Организаторами масштабного мероприятия выступили Алтайский государственный университет (Барнаул), Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск), Институт археологии РАН (Москва) и Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург).

Подготовка и проведение V (XXI) Всероссийского археологического съезда, состоявшегося в Алтайском крае, в городах Барнауле и Белокурихе, осуществлялись при финансовой поддержке Федерального агентства научных организаций (ФАНО), Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-01-14048), Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН), а также гранта Правительства РФ (договор № 14.Z50.31.0010; проект “Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии”).

Традиция организации археологических съездов, заложенная в дореволюционной России, была возобновлена в 2006 г. Институтом археологии и этнографии СО РАН (Гайдуков, Шуньков, 2007). Это позволило на современном уровне консолидировать археологов и историков, а также специалистов смежных и естественно-научных дисциплин, занимающихся изучением становления и развития человечества. Следующие археологические съезды состоялись в Суздале (2008 г.), Старой Руссе и Великом Новгороде (2011 г.), Казани (2014 г.). Актуальность и важность этих мероприятий, дающих возможность ознакомиться с результатами научных проектов и обсудить значимые вопросы археологической и исторической науки, уже неоднократно подчеркивались в предыдущих публикациях, посвященных изложению результатов прошедших съездов (Гайдуков и др., 2009; Ситдинов, Абдуллин, Дэвлет, 2015; и др.). Каждый из таких форумов имел свои особенности в плане организации и проведения. Очередной съезд не стал исключением, хотя и базировался на предыдущем опыте.

Формирование программы V (XXI) Всероссийского археологического съезда проходило в три этапа. До начала работы съезда на платформе Алтай-

ского государственного университета (АлтГУ) был оформлен сайт мероприятия (<http://konf.asu.ru/archeo/?page=home>), который оказался загружен на всем протяжении подготовки и проведения съезда, а также активен до сих пор. Этот ресурс также доступен с сайта Института археологии РАН (<http://www.archaeolog.ru/index.php?id=441>), Института археологии и этнографии СО РАН (<http://www.archaeology.nsc.ru>) и Института истории материальной культуры (<http://www.archeo.ru/hronika-1/vserossiiskie-arheologicheskoe-sezdy>). Благодаря наличию сайта, а также работе постоянно действовавшей в АлтГУ рабочей группы первоначально были собраны 1115 предварительных заявок от исследователей, откликнувшихся на первое разосланное информационное письмо. Данное число оказалось рекордным за всю историю проведения съездов. Однако не вся заявленная тематика соответствовала уровню всероссийского мероприятия. Этот момент и многие другие проблемы по организации съезда обсуждались на совещаниях, которые регулярно проходили в Новосибирске и Барнауле, а также в ходе постоянных консультаций с членами оргкомитета.

В результате был принят ряд решений, которые реализовывались на следующих этапах подготовки мероприятия. Одним из них стало то, что в запланированном Всероссийском археологическом съезде могли принять участие только те зарубежные коллеги, которые имели с российскими исследователями совместные проекты. Однако данная практика не распространялась на специалистов из стран СНГ: они могли подавать самостоятельные заявки. Кроме указанной особенности, было принято решение осуществить сбор и электронную публикацию материалов докладов для дальнейшего их рассмотрения и учета при формировании проекта программы. Данную большую работу пришлось проводить в ограниченные сроки, что было связано с ранним началом полевого сезона. В результате уже к началу лета электронное издание удалось подготовить и зарегистрировать в следующем виде:

V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов /Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Электрон. текст дан. (36,739 Мб). Барнаул: ФГБОУ ВО “Алтайский государственный университет”, 2017. 1 электрон. опт. диск (DVD). Систем. требования: PC, Intel 1 ГГц; 512 Мб опер. памяти; 30 Мб свобод. диск. пространства;

DVD-привод; ОС Windows 7 и выше, ПО для чтения pdf-файлов. Загл. с экрана.

Оно доступно всем желающим на сайте Электронной библиотечной системы АлтГУ (<http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896>). На платформе Научной электронной библиотеки (e-library) отдельно представлена каждая статья (<https://elibrary.ru/item.asp?id=29998912>), которая имеет возможность учитываться в РИНЦ. Представленное электронное издание также продемонстрировало большую заинтересованность исследователей сообщить свои многолетние и другие наработки. Было опубликовано 639 научных трудов. Их авторами стали 884 специалиста из более 290 учреждений 120 городов и 23 стран. Кроме ученых из России в публикациях участвовали представители следующих стран: Абхазия, Австралия, Азербайджан, Беларусь, Болгария, Великобритания, Германия, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Литва, Монголия, Нидерланды, Польша, США, Украина, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция, Эстония, Япония. Эти данные демонстрируют определенные показатели взаимодействия отечественных специалистов с зарубежными исследователями. Судя по материалам обозначенного сборника научных трудов, наибольшее количество совместных проектов реализуется с коллегами из Германии.

На основе присланных материалов докладов формировалась программа съезда. В данной работе непосредственное участие приняли активные члены оргкомитета и рекомендованные ими руководители секций. После этого осуществлялась рассылка следующего информационного письма и соответствующих приглашений. Доклады исследователей, подтвердивших свое очное участие, учитывались при составлении программы, в ходе подготовки которой обозначились неплановые выступления, а также многочисленные рабочие моменты. Работа по формированию и согласованию при учете всех замечаний и пожеланий велась почти до самого конца подготовительного этапа. При этом учитывалась предыдущая практика организации инициативных секций. В результате к началу съезда была опубликована программа, к которой еще дополнительно напечатано приложение с подробностями проведения запланированных мероприятий.

Начало съезда было ознаменовано открытием 1 октября 2017 г. выставки “Древнее искусство Южной Сибири” (кураторы – А.А. Тишкин, Е.А. Миклашевич), которая была подготовлена АлтГУ при участии Музея-заповедника “Томская писаница” и Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. К началу выставки был выпущен цветной буклет с презентацией основных экспонатов. Тема древнего искусства нашла отражение и в календаре на 2018 г., специально изданном для всех участников съезда. Для выставки были подготовлены микалентные копии, фотографии и оригинальные факсимиль-

ные копии нескольких плоскостей с петроглифами. Часть этого демонстрационного материала позднее передана в Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Открытие значимого мероприятия состоялось в галерее “Универсум” АлтГУ и широко освещалось в СМИ.

После презентации выставки прибывших участников и гостей съезда ждал необычный сюрприз в виде реализованного проекта “Археологический сад камней”. Открытие оформленной площадки с факсимильными копиями значимых петроглифических композиций с Алтая состоялось у галереи «Универсум», рядом с корпусом Администрации Алтайского края (фото 1).

Также к съезду были подготовлены стенды, посвященные 180-летию В.В. Радлова, и демонстрировалась постерная выставка “Исследования наскального искусства”, которую можно и сейчас посмотреть на одной из страниц сайта съезда (http://konf.asu.ru/archeo/?page=poster_exhibition).

В Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ внимание участников форума и многочисленных представителей СМИ привлекла обновленная экспозиция, свидетельствующая о достижениях специалистов университета и новых оригинальных находках, что нашло отражение в двух изданных буклетах.

Перед открытием V (XXI) Всероссийского археологического съезда сотрудники Института археологии РАН развернули привезенные выставочные плакаты с наиболее яркими археологическими предметами, обнаруженными в ходе исследований. Их разместили перед залом ученого совета, где прошла пресс-конференция, в которой участвовали академики РАН А.П. Деревянко и Н.А. Макаров, а также ректор АлтГУ С.В. Землюков.

Открытие съезда состоялось 2 октября 2017 г. в Концертном зале АлтГУ. На нем присутствовало 508 участников и приглашенных представителей от разных учреждений. Кроме этого, на данное мероприятие пришли преподаватели, студенты и выпускники университета, сотрудники музеев г. Барнаула, работники СМИ и др.

С приветственными словами и небольшими докладами перед присутствующими выступили Губернатор Алтайского края А.Б. Карлин, ректор АлтГУ С.В. Землюков, главный федеральный инспектор по Алтайскому краю Ю.С. Земский, руководитель Сибирского территориального управления ФАНО А.А. Колович, директор Института археологии РАН, вице-президент РАН, член Совета по науке и образованию при Президенте РФ Н.А. Макаров и директор Института истории материальной культуры РАН В.А. Лапшин. Были зачитаны приветствия от Президента РАН академика А.М. Сергеева и министра культуры РФ В.Р. Мединского, а также вручены

Фото 1. После открытия “Археологического сада камней”. Слева направо: М.В. Шуньков, В.И. Молодин, А.П. Деревянко, С.В. Землюков, Н.А. Макаров, А.А. Тишкин (фото 1–3 С.В. Семенова).

Photo 1. Following the opening “Archaeological Rock Garden”

награды председателю оргкомитета академику РАН А.П. Деревянко (орден “За заслуги перед Алтайским краем” II степени и знак “Почетный доктор Алтайского государственного университета”) (фото 2).

На пленарном заседании были заслушаны шесть докладов. А.П. Деревянко и М.В. Шуньков представили новый взгляд на заселение человеком Евразии, основываясь на материалах, полученных при раскопках палеолитических памятников Алтая. В докладе Н.А. Макарова, А.В. Энговатовой и В.Ю. Ковалёва нашли отражение результаты новейших исследований на территории Московского Кремля. Хронология и периодизация нижнего палеолита Северного Кавказа стали основной темой выступления Х.А. Амирханова. Особое внимание присутствующих привлекло сообщение Н.В. Полосьмак о деятельности комплексной экспедиции в Кашмире (Индия). Результаты многолетнего изучения археологических памятников в Минусинской котловине и применение естественно-научных методов датирования позволили В.А. Лапшину, А.В. Полякову и И.П. Лазареву подвести итоги работ по хронологии эпохи бронзы указанного региона. Завершилось пленарное заседание докладом А.А. Тишкина, в котором была пред-

ставлена археологическая деятельность В.В. Радлова на Алтае и кратко продемонстрированы основные направления исследований сотрудников АлтГУ на современном этапе.

После этого организованно прошло общее фотографирование в том же зале (фото 3).

Согласно утвержденной программе все участники съезда после обеда отправились на автобусах в известный город-курорт Белокуриху. Перед этой массовой акцией состоялось еще одно важное мероприятие. В зале ученого совета прошла официальная церемония подписания договоров о сотрудничестве между АлтГУ и академическими институтами, которые являлись соорганизаторами съезда.

В Белокурихе в следующие дни прошли заседания 17 секций и одного круглого стола, а также реализовывалась запланированная экскурсионная программа. Непосредственно в данной работе приняли участие более 450 специалистов, представлявших более 160 организаций из 67 городов 15 стран: России, Австралии, Азербайджана, Беларуси, Великобритании, Германии, Казахстана, Китая, Польши, США, Украины, Финляндии, Швеции, Эстонии, Японии. Рос-

Фото 2. Открытие V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Алтайском государственном университете. В президиуме (слева направо): Н.А. Макаров, С.В. Землюков, А.П. Деревянко, А.Б. Карлин.

Photo 2. Opening Session of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Altai State University

сийское представительство охватило многие регионы страны — от Санкт-Петербурга до Анадыря включительно. Всего на съезде было прочитано 443 доклада.

Одними из наиболее многочисленных стали секции “Формирование и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите” и “Культурные процессы в неолите”. В докладах участников нашли отражение уровни изученности эпохи камня на разных территориях страны и зарубежья. Следующая археологическая эпоха была представлена на таких секциях, как “Проблемы археологии энеолита, ранней и развитой бронзы” и “Археология поздней бронзы и переходного периода к раннему железному веку”. Данное разделение было обусловлено инициативой коллег, стремившихся более детально обсудить непростые этнокультурные процессы, проходившие на рубеже двух крупных периодов. Как показали доклады участников указанных секций, в настоящее время идет переосмысление многих ранее устоявшихся положений. Это связано не только с появлением качественно нового массового материала, но и более системным применением естественно-научных методов. Тематика следующей секции “Античная археология Причерноморья и Северного Кавказа” становится

с каждым годом все более и более актуальной. Крупные археологические проекты, реализуемые в зонах строительства обозначенного региона, обеспечивают существенный научный потенциал.

В традиционном режиме прошла работа двух базовых секций съезда, отражавших культурно-исторические процессы в раннем железном веке и средневековье. Как и на других секциях, актуальными стали вопросы, связанные с детальной периодизацией и культурно-хронологической атрибуцией памятников, а также с использованием категориального аппарата археологии.

Стоит отдельно отметить следующие состоявшиеся инициативные секции, которые успешно выполнили свои задачи: “Археология Золотой Орды и средневекового Причерноморья”, “Москва—Сибирь: от царства до империи (XVI—XIX вв.)”, “Археологическое изучение городов средневековой Руси и сопредельных территорий”. Стоит надеяться, что практика выделения секций для обсуждения отдельных тематик найдет отражение при организации следующих съездов. Такой подход позволяет консолидировать исследователей в рамках одного более узкого направления или

Фото 3. Коллективное фото участников съезда в Концертном зале Алтайского государственного университета.

Photo 3. Group photo of the Congress participants in the Concert Hall of Altai State University

обратить внимание на формирование нового направления.

Секция “Кочевые культуры Алтая и Центральной Азии” по замыслу организаторов и в дань уже сложившейся традиции должна была отразить региональную специфику археологических исследований. Действительно, за последние годы в обозначенном регионе получены существенные результаты, с которыми и поделились докладчики.

Регулярно на археологических съездах работает секция “Проблемы изучения первобытного искусства”. Эта тематика стала одной из главных на очередном форуме. В настоящее время в области изучения первобытного искусства сделано немало открытий, внедряются различные методы исследований с использованием цифровых технологий.

Важное значение на съезде имела работа секции “Междисциплинарные подходы и палеоэкологические реконструкции в археологических исследованиях”, куда коллеги стремились попасть, чтобы познакомиться с новыми подходами для использования в собственной практике.

Самыми немногочисленными оказались три секции, несмотря на актуальность обозначенных тем: “Современные направления исследований в антропологии”, “Теория, методика и историография археологических исследований” и “Компьютерные технологии и геоинформационные системы в археологии”. В данной ситуации есть смысл прислушаться к мнению организаторов этих секций (особенно антропологической) об их включении в другие секции.

Наиболее интенсивно готовилась и проходила секция “Сохранение археологического наследия в России”. Формат этого мероприятия сложился на основе современных вызовов, обозначившихся в практической, законодательной и другой деятельности археологов, которые непосредственно контактируют с представителями органов и учреждений Министерства культуры РФ.

Круглый стол “Роль археологии в образовании и музейной деятельности”, к сожалению, собрал небольшое количество докладов. Но это не помешало развернувшейся дискуссии. Особенно это касалось вопросов передачи и хранения археологических находок.

Одной из причин проведения основной части съезда в Белокурихе стала близость этого города к объектам экскурсионной программы. Во время работы секций были отведены конкретные дни для того, чтобы участники съезда могли посетить Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске, а также Денисову пещеру и стоянку раннего палеолита Карама в Солонешенском районе Алтайского края.

На заключительном заседании съезда были заслушаны отчеты руководителей секций и круглого стола. Кроме этого, детально обсуждался проект решений. В него вошли предложения от секций, а также от инициативных групп и отдельных участников. Данный документ был принят за основу с конкретными рекомендациями для доработки, что поручалось сделать утвержденной рабочей группе. Итоги работы съезда были подведены председателем оргкомитета, который пере-

дал эстафету проведения следующего съезда Самаре на базе социально-педагогического университета.

Стоит заметить, что к настоящему времени решения V (XXI) Всероссийского археологического съезда доработаны и размещены на указанном сайте (<http://konf.asu.ru/archeo/?page=home>).

В заключение необходимо отметить, что самым завершающим этапом всех мероприятий съезда стало издание собранного сборника статей. В результате вышли три тома трудов (Труды, 2017; Т. I — 370 с., Т. II — 328 с., Т. III — 220 с.). Проведение Всероссийского археологического съезда на Алтае даст новый импульс для развития научных исследований в области древнейшей, древней и средневековой истории. Форум стал значимым событием для региона и для всей страны.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск

Институт археологии РАН,
Москва

Алтайский государственный университет,
Барнаул

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдуков П. Г., Шуньков М. В. Всероссийский съезд в Новосибирске // РА. 2007. № 3. С. 176–180.

Гайдуков П. Г., Дэвлет Е. Г., Носов Е. Н., Шуньков М. В. II (XVIII) Всероссийский археологический съезд в Суздале // РА. 2009. № 3. С. 171–178.

Ситдииков А. Г., Абдуллин Х. М., Дэвлет Е. Г. IV (XX) Всероссийский археологический съезд (Казань, 21–25 октября 2014 г.) // Вестник РГНФ. 2015. № 1 (78). С. 223–228.

Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе: сб. науч. ст.: в 3 т. / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. 3 т.

А. П. Деревянко,
М. В. Шуньков

Н. А. Макаров,
Е. Г. Дэвлет

А. А. Тишкин

К ЮБИЛЕЮ П. П. ТОЛОЧКО

Петру Петровичу Толочко, известному историку и археологу, почетному директору Института археологии НАН Украины, академику НАН Украины и иностранному члену РАН исполнилось 80 лет.

Петр Петрович родился 21 февраля 1938 г. в с. Пристромы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. в крестьянской семье. Несомненно, “малая родина”, ее древняя историческая земля и связанные

с ней легенды повлияли на его дальнейшую жизнь и выбор профессии. После окончания историко-философского факультета Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко в 1960 г. Петр Петрович приступил к научной деятельности сначала в Государственном музее украинского декоративного искусства, а с 1961 г. — в Институте археологии, который возглавил в 1987 г. и которым продолжал руководить до 2017 г. Это был первый в истории института директор, выросший в его стенах.

Будучи студентом П. П. Толочко участвовал во многих археологических экспедициях, преимущественно на территории Среднего Приднепровья, перенимая опыт выдающихся ученых, прежде всего, В. И. Довженко, Б. А. Рыбакова и С. Н. Бибикова. Биография юбиляра размечена датами присуждения ему научных степеней и званий: кандидата исторических наук — в 1966 г., доктора — в 1981, профессора — в 1988, члена-корреспондента Национальной Академии наук Украины — в 1988, действительного члена академии — в 1990; лауреата Государственной премии в области науки и техники СССР — в 1983 и Украины — в 2002; академических премий им. М. Грушевского и им. Н. Костомарова. П. П. Толочко является членом Академии Европы (Лондон, Великобритания), Всевенгерского общества археологии и искусств (Будапешт, Венгрия), членом-корреспондентом Германского археологического института (Берлин, Германия).

Особое место в исследованиях П.П. Толочко всегда занимал Древний Киев, историческая топография которого легла в основу его кандидатской диссертации. В то время решение заниматься исследованием Киева было достаточно смелым и для многих неожиданным. Ведь только что вышли из печати два тома М.К. Каргера “Древний Киев”, во многом подытожившие почти 150-летнее археологическое изучение города. Однако культурный слой Киева оказался неисчерпаемым источником, а дальнейшее археологическое исследование его территории принесло немало открытий. В 1970 г. была создана постоянно действующая Киевская экспедиция под руководством П.П. Толочко, на базе которой развернулись системные раскопки во всех исторических районах города. Уже исследования на Подоле 1972 г. стали знаменательными. Своеобразие подольской стратиграфии, глубина залегания культурных слоев (до 8–10 м от современной поверхности) дали уникальные закрытые комплексы, принципиально изменившие существующие представления о массовой застройке средневекового Киева и хронологии его древностей.

Разработка разных аспектов истории Древнего Киева стала надежным фундаментом для освещения более широких проблем исторического развития Древней Руси, которым посвящены такие издания за авторством юбиляра, как “Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв.” (Киев: Наукова Думка, 1980. 224 с.), “Древняя Русь. Очерки социально-политической истории” (Киев: Наукова думка, 1987. 250 с.) и “Київська Русь” (Киев: Абрис, 1996. 360 с.). На их страницах развернулась широкая панорама ее общественно-политической и социально-экономической жизни.

Истинная биография ученого — в его книгах, их тематика отражает широкую палитру научных интересов Петра Петровича. Проблема происхождения и развития восточнославянских городов посвящена монография “Древнерусский феодальный город” (Киев: Наукова Думка, 1989. 254 с.); сложные взаимоотношения Руси с кочевыми народами степи освещены в работе “Кочевые народы степей и Киевская Русь” (Киев: Абрис, 1999. 200 с.); вопросы изучения древнерусского летописания подняты в книге “Древнерусские летописи и летописцы X–XIII вв.”

(Киев: Наукова Думка, 2005); некоторые теоретические вопросы археологического знания обсуждены в книге “Археология и древняя история (в защиту исторического марксизма)” (Киев: Академперіодика, 2007. 107 с.); обсуждению этнических процессов средневековья посвящена монография “Древнерусская народность: воображаемая или реальная” (СПб.: Алетей, 2005. 224 с.); происхождению государственности в Восточной Европе — “Откуда пошла Русская земля” (Киев: Руське слово, 2016. 297 с.).

В археологической науке кабинетные исследования должны сочетаться с организационными усилиями и полевой работой. Эта сторона деятельности всегда была важной для юбиляра, в течение многих лет возглавлявшего Институт археологии НАН Украины, а в 1993–1998 гг., по существу, — всю академическую гуманитарную науку страны, пребывая в должности вице-президента Академии наук. Ученый стал инициатором создания ряда обобщающих работ, вовлекших большие авторские коллективы: “Древняя история Украины”, “Этническая история Украины”. С 1989 г., на протяжении почти 30 лет, П.П. Толочко возглавлял Украинское общество охраны памятников истории и культуры, одним из инициаторов создания которого он был. В 1998–2006 гг. П.П. Толочко избирался депутатом Верховного Совета Украины; одним из результатов его деятельности стало создание закона Украины “Об охране археологического наследия” — важного юридического акта в сфере охраны и сохранения культурного достояния.

Еще одна область деятельности П.П. Толочко — популяризация научного знания, а также публицистические выступления по острым вопросам общественной и культурной жизни страны. Он возвышает свой голос перед властями в защиту национального историко-культурного наследия. Вообще, принципиальность и самостоятельное мнение — не всегда лучшие спутники жизни, и не многим на крутых переломах истории удалось сохранить независимость суждений и высказываний. П.П. Толочко принадлежит к числу именно таких людей: он ученый и гражданин, не изменивший правде и принципам. Опорой ему служит наука — главный смысл его жизни, большой круг друзей, учеников и равнодушных людей из числа научной и творческой интеллигенции.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

Институт археологии РАН,
Москва

Г.Ю. Ивакин

*Н.А. Макаров, Р.М. Мунчаев,
П.Г. Гайдуков, Л.А. Беляев*

К 70-ЛЕТИЮ АНДРЕЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ЛЕОНТЬЕВА

В августе 2018 г. отметил 70-летний юбилей ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, доктор исторических наук Андрей Евгеньевич Леонтьев.

Андрей Евгеньевич родился 17 августа 1948 г. в г. Таллин. После окончания школы он поступил на исторический факультет МГУ, который успешно окончил в 1971 г., а тремя годами позже и аспирантуру на кафедре археологии. В том же 1974 г. А.Е. Леонтьев защитил кандидатскую диссертацию по теме “Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII–XI вв.)” под научным руководством профессора Даниила Антоновича Авдусина и был принят на работу в Институт археологии АН СССР в новострочный отдел. Позже судьба связала его с отделом славяно-русской археологии, где он прошел долгий путь научного становления — от младшего до ведущего научного сотрудника.

Тогда же, в 1970-е годы, началась самостоятельная археологическая деятельность Андрея Евгеньевича в Верхнем Поволжье. С 1977 по 1999 г. он возглавлял Волго-Окскую экспедицию, которая активно работает и поныне. Всего на территории четырех верхневолжских областей А.Е. Леонтьевым было обследовано более 300 памятников археологии разных эпох. Самые интересные научные результаты принесли раскопки посада Сарского городища в Ярославской обл. (1980–1982 гг.), городища Попово в Костромской обл. (1980–1984 гг.), Выжегша во Владимирской обл. (1983–1986 гг.), Еськи в Тверской обл. (1997 г.), мерянских и древнерусских поселений на озерах Неро и Плещеевом.

В 1983 г. Волго-Окская экспедиция начинает исследования древнерусского Ростова. К настоящему времени вскрытая раскопками городская площадь составляет около 4000 м².

А.Е. Леонтьев является специалистом по проблемам археологии и истории Северо-Восточной Руси, археологии финно-угорских народов Поволжья. В 1991 г. им была защищена докторская диссертация “Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси”, монографически опубликованная в 1996 г. В ней был подведен итог многолетним исследованиям, позволившим очертить границы расселения летописной мери, проследить этапы древнерусской колонизации и особенно формирования первоначальной территории и городских центров Ростовского княжества в конце IX — первой половине XI в.

К настоящему времени А.Е. Леонтьевым опубликовано около 200 научных работ, в том числе 5 монографий, в основном посвященных проблемам средневековой археологии и истории Верхнего Поволжья.

Полевые исследования помимо научных статей и монографий легли в основу многочисленных докладов, прочитанных А.Е. Леонтьевым на научных конференциях и съездах.

В 1999 г. Андрей Евгеньевич стал директором государственного музея-заповедника “Ростовский кремль”. В этой должности он проработал 10 лет. Это десятилетие оказалось весьма продуктивным в жизни музея и его нового директора. Была обновлена инфраструктура всего комплекса кремля, переоборудована музейная библиотека, фондовые хранилища. Значительно преобразилась экспозиция древнерусского искусства, обновились картинная галерея и музей финифти. Открылись новые экспозиции и музей ростовского купечества. Были изданы каталоги икон, картин, кириллических книг, фресковых росписей церквей кремля и церквей Ростовского района. Выходили ежегодные сборники научных трудов: “Сообщения Ростовского музея”, а по итогам ежегодной научной конференции — “История и культура ростовской земли”.

С 2000 по 2010 г. (с некоторыми перерывами) уже при научно-консультативном руководстве А.Е. Леонтьева Волго-Окская экспедиция провела масштабные спасательные археологические исследования на территории находящегося в ведении музея реконструируемого здания Конюшенного двора.

В 2010 г. А.Е. Леонтьев возвращается в Институт археологии и вновь включается в исследовательский процесс и полевую практику, становится членом ученого совета, руководит аспирантами и соискателями.

Научные достижения Андрея Евгеньевича были отмечены научной общественностью — в 2000 г. он стал лауреатом премии Президиума РАН им. И. Е. Забелина.

Институт археологии РАН,
Москва

Позвольте пожелать дорогому юбиляру от имени коллег и от себя лично долгих лет жизни, новых творческих успехов, статей и книг.

А. В. Кашкин

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ЛЕСКОВА (1933–2017)

12 ноября 2017 г. в Бостоне (США) скончался Александр Михайлович Лесков — известный специалист по эпохе поздней бронзы и раннего железного века Юга Восточной Европы, бывший заведующий Отделом истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока, доктор исторических наук, член-корреспондент Германского археологического института.

Александр Михайлович Лесков родился 19 мая 1933 г. в Харькове. Интерес к археологии проявился у него достаточно рано, еще в школьные годы, во время войны. В эвакуации в Баку Александр “одолел” учебники по истории Древнего Мира и Древнего Востока.

В 1946 г. семья возвращается в Харьков, а в 1950 г. Александр, преодолев множество препон (он не был

комсомольцем), поступает на исторический факультет Харьковского университета. Здесь Лесков занимается в археологическом кружке под руководством С. А. Семенова-Зусера и Б. А. Шрамко. Именно под их влиянием формируются интересы студента Лескова, связанные с археологией Крыма. Он участвовал в первых ВАСКах, проходивших в МГУ, благодаря которым познакомился с московской археологической школой. В 1955 г. Лесков закончил университет с “красным” дипломом и поступил в аспирантуру Института археологии АН УССР с темой “Таврская культура в Горном Крыму”. Научным руководителем диссертации стал директор киевского Института С. Н. Бибикив, которого Лесков до последних дней считал своим главным учителем. А. М. Лесков был принят на работу в Отдел скифо-сарматской археологии на должность м. н. с. В 1961 г. он защитил кандидатскую диссертацию и позднее издал ее в виде монографии “Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры” (1965).

В годы работы в Киеве проявились способности А. М. Лескова как организатора новостроечных экспедиций в зоне строительства Северо-Крымского канала и на Юге Украины. В 1959–1967 гг. он руководил крупными новостроечными экспедициями: Южно-Украинской (1961–1963) и Керченской (1964–1967).

В 1967 г. А. М. Лесков добился в Москве в Министерстве мелиорации СССР выделения средств для проведения крупных новостроечных экспедиций в зоне строительства оросительных систем на Юге Украины. В 1968 г. он возглавлял крупнейшую на Украине Каховскую новостроечную экспедицию. В августе 1971 г. по инициативе А. М. Лескова Херсонская (Каховская), Запорожская и Киевская экспедиции были реорганизованы в постояннодействующие экспедиции на правах отделов института. А. М. Лесковым были исследованы Широцанский могильник белозерской культуры в Херсонской области и Кировское поселение, которое и теперь остается эталонным памятником эпохи поздней бронзы Восточного Крыма.

Масштабные археологические работы требовали новой методики. Именно тогда впервые в УССР в но-

востроечной археологии стала широко применяться тяжелая землеройная техника для исследования курганов.

Археологическая удача сопутствовала Лескову при исследовании скифских погребений в курганах Восточного Крыма и Херсонской области у сел Ильичево, Архангельская Слобода, Любимовка и др. Здесь Лесковым был раскопан ряд “золотых погребений”, существенно обогативших Музей исторических драгоценностей Украины. А.М. Лесков опубликовал новые находки скифского золота в двух альбомах с цветными иллюстрациями, один из которых вышел в Ленинграде на русском и английском языках, а другой — в Киеве на украинском языке (Лесков, 1972; Leskov, 1972; Лесков О., 1974). Этим открытиям А.М. Лескова был посвящен отдельный номер известного немецкого журнала “Antike Welt”.

В 1971 г. за выдающиеся открытия на новостройках Юга Украины он был отмечен премией ЦК КПУ и Совета Министров УССР.

В 1969 г. Лесков был назначен ответственным секретарем Главной редакции трехтомника “Археологія Української РСР” (Т. 1 и 2: Київ, 1972; Т. 3: Київ, 1975) и стал членом редколлегии 1-го тома и автором раздела “Срубная культура”. Однако он остался единственным членом редакции, не получившим Государственную премию Украины за этот трехтомник.

Не все было благополучно в жизни Лескова в украинский период. Весной 1973 г. после трагических событий в экспедиции А.М. Лесков был уволен из Института, и ему удалось устроиться на работу в Институт кибернетики АН УССР, где, вопреки всему, он писал докторскую диссертацию.

В 1974 г. Лесков с семьей переехал в Ленинград, где до 1981 г. работал в Музее Истории религии и атеизма на должности с.н.с. отдела “Происхождение и ранние формы религии”. Он и здесь проявляет свои способности организатора: готовит новую постоянную экспозицию, а с 1977 г. возглавляет созданный им Редакционно-издательский отдел Музея. Лесков был ответственным редактором сборника “Актуальные проблемы истории религии и атеизма”. Не прекращалась в Ленинграде и археологическая научная деятельность. В 1975 г. он защитил докторскую диссертацию по теме “Заключительный период эпохи бронзы на юге Украины”. В питерские годы были изданы три монографии, две из которых вышли в Германии (одна совместно с В.С. Бочкаревым) в известной серии PBF (Prähistorische Bronzefunde) (Bochkarev, Leskov, 1980; Leskov, 1981; Лесков, 1981).

В 1981 г. Министерством культуры СССР было принято решение о создании Отдела истории материальной культуры в Государственном Музее искусства народов Востока и А.М. Лесков был переведен в Москву на должность заведующего этим отделом.

Первоочередной задачей Отдела стала организация и проведение охранно-спасательных экспедиций на Северном Кавказе. Выбор А.М. Лескова пал на Адыгею. Уже в первый полевой сезон 1981 г. был получен интереснейший материал по древним и средневековым культурам Северо-Западного Кавказа.

Наиболее ярким открытием первых лет работы Кавказской экспедиции ГМИНВ был комплекс памятников у аула Уляп, состоящий из меотских могильников VI–IV вв. до н.э. и подкурганных святилищ IV в. до н.э., исследованный в 1981–1983 гг. Открытые экспедицией под руководством А.М. Лескова “сокровища курганов Адыгеи” широко освещались в прессе, и в 1985 г. Государственный Комитет по науке и технике выделил средства для расширения работ. Кавказская археологическая экспедиция музея вплоть до развала СССР являлась одной из самых крупных экспедиций в системе Министерства культуры.

Блестящие адыгейские находки стали основой многочисленных выставок, организованных Лесковым в 1985–1991 гг. в Москве, Краснодаре, Майкопе, а также в Европе и за океаном (в Мексике и Колумбии). Свидетельством об этом “выставочном марафоне” являются великолепно изданные каталоги (Catalog Manheim, 1989; Catalog Locarno, 1990; Catalog Spier, 1991).

Московский период, 80–90-е годы, был для Лескова годами творческого подъема, он непрерывно генерировал новые идеи, строил планы. Некоторые удалось осуществить, некоторые нет. Одновременно с исследованиями на Северном Кавказе Отдел истории материальной культуры приступил к работам в Средней Азии и на Чукотке. В 1983 г. в рамках созданного Лесковым Отдела была организована Среднеазиатская археологическая экспедиция, а в 1987 г. — Чукотская экспедиция. Музей смог получить прекрасные материалы из этих регионов, и сейчас обладает одним из лучших в Москве собраний среднеазиатской археологии и одной из самых представительных в мире коллекций древнеэскимосского искусства (последнее было представлено в успешных выставочных проектах в Европе и США (Catalog Tubingen, 1993)).

Еще одно из детищ организаторского таланта Лескова — Северокавказский филиал Музея Востока в г. Майкопе.

Весной 1997 г. А.М. Лесков переезжает в Америку. Там он читает лекции и ведет семинары в ряде университетов — в Калифорнийском (Беркли), Техасском (Остин) и Пенсильванском (Филадельфия). Тема его докладов и лекций осталась прежней — археология Юга Восточной Европы.

Особенно тесным было его сотрудничество с Музеем Археологии и Антропологии Пенсильванского Университета в Филадельфии, результатом которо-

го стала монография “The Maikop Treasure” (Leskov, 2008). В ней он собрал и проанализировал хранящиеся в четырех музеях мира (двух немецких и двух американских) древности Юга России из коллекции Мерля де Массино, вывезенной за рубеж в первой четверти XX века и получившей в науке название “Майкопский клад”. В сокращенном виде на русском языке содержание этой книги изложено в разделе “Майкопские сокровища в музеях Германии и США” коллективной монографии “Античное наследие Кубани” (2010).

В 2005–2007 гг. по гранту Фонда Фулбрайта А.М. Лесков читал лекции в Киевском, Харьковском и Таврическом Университетах.

Связи Лескова с Отделом материальной культуры и древнего искусства ГМИНВ продолжались и после его отъезда. За эти годы силами сотрудников Отдела удалось издать ряд памятников, исследованных экспедицией под руководством А.М. Лескова в 80-е годы. Это могильник Фарс/Клады предскифского

времени (Лесков, Эрлих, 1999), полная публикация погребальных комплексов и святилищ Уляпского некрополя, вышедшие двумя выпусками (Лесков и др., 2005; 2013). Одним из последних совместных изданий явилась коллективная монография “Ульские курганы” (2015), где собраны материалы, хранящиеся ныне в четырех музеях России.

Можно сказать, что Александр Михайлович ушел от нас, практически не оставив долгов. Опубликованы все основные памятники предскифского и скифского времени, открытые им на Северном Кавказе.

Коллектив Отдела Истории Материальной культуры, созданный Лесковым в начале 80-х, продолжает работать. В том, что этот коллектив оказался жизнеспособен уже без его создателя, великая заслуга Лескова. Мы пришли к нему в Отдел тогда 20–30-летними. Некоторых уже нет с нами, в Отделе появляется молодежь, но все мы, пока живы, будем помнить Александра Михайловича.

Государственный музей искусств народов Востока,
Москва

*В.Р. Эрлих, Л.М. Носкова,
К.А. Днепровский, И.В. Ксенофонтова*